
ЭТИ ПИСАТЕЛИ НА ГОЛОВУ ВЫШЕ СВОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СОПЕРНИКОВ.
Publishers Weekly
ДУГЛАС ПРЕСТОН
ЛИНКОЛЬН ЧАЙЛД
БЕЛЫЙ ОГОНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст приезжает в небольшой горнолыжный курорт в Колорадо, чтобы вытащить свою протеже Кори Свенсон из неприятностей. Его приезд совпадает с началом серии ужасных преступлений: неизвестный поджигатель предает огню богатые виллы вместе с их обитателями. Похоже, над городком нависло проклятие, ведь 150 лет назад здесь уже разыгралась страшная трагедия: несколько рудокопов стали жертвами медведя-людоеда. Историю о рудокопах Кори узнала из дневника Артура Конан Дойла – да-да, того самого автора знаменитого «Шерлока Холмса». Изучая обстоятельства той трагедии, она делает некое поразительное открытие. Подключившись к ее расследованию, Пендергаст обнаруживает загадочную связь между давними событиями, современными убийствами – и легендарным потерянным рассказом о Шерлоке Холмсе. Разгадка этой тайны грозит самому существованию городка, и Кори, которая разорвала тщательно сплетенную паутину лжи, оказывается в смертельной опасности…

Впервые на русском языке!

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд
Белый огонь
Роман

С благодарностью «Конан Дойл эстейт лимитед» за разрешение использовать персонажей из рассказов о Шерлоке Холмсе, принадлежащих перу покойного сэра Артура Конан Дойла.

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу своей дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу Дэвиду Морреллу

Пролог
Истинная история

30 августа 1889 года

Молодой доктор простился с женой на платформе железнодорожного вокзала в Саутси и сел в экспресс, отправляющийся в Лондон в 4.15, а три часа спустя прибыл на вокзал Виктория. Протиснувшись через шумную толпу, он вышел из здания вокзала и остановил двухколесный кеб.

– Отель «Лэнгхам», пожалуйста, – сказал он кебмену и откинулся на спинку потертого кожаного сиденья, преисполненный радостного предвкушения.

Кеб поехал по Гросвенор-плейс. Стоял превосходный вечер позднего лета – такие вечера крайне редко выдаются в Лондоне. Меркнущий свет дня еще проливался на забитые всевозможными повозками улицы и покрытые сажей здания, озаряя все волшебным золотистым сиянием. В половине восьмого фонари только начали зажигать.

Доктор довольно редко приезжал в Лондон, а потому с интересом поглядывал в окно. Кебмен свернул направо на Пикадилли, и теперь перед его пассажиром в предзакатном сиянии предстали дворец Сент-Джеймс и Королевская академия. Эти толпы народа, этот шум и зловоние города, так непохожие на тихую местность, где стоял его дом, наполняли доктора энергией. Бессчетное число копыт выбивало дробь по брусчатке, а тротуары гудели под ногами представителей самых разных классов: клерки, барристеры и джентльмены шли бок о бок с трубочистами, уличными торговцами и продавцами конины для кошек.

На Пикадилли-серкус кеб резко повернул налево на Риджент-стрит, миновал Карнаби и Оксфорд-серкус и остановился перед входом в «Лэнгхам» – первый построенный в Лондоне гранд-отель, который до сих пор так и оставался самым стильным. Расплатившись с кебменом, доктор оглядел витиеватый фасад, отделанный песчаником, большие окна и балконы с коваными перилами, высокие

коньки крыши и балюстрады. Архитектура мало интересовала его, и он предположил, что фасад представляет собой смесь разных стилей – бозара и северогерманского неоренессанса.

Он вошел в большой портал и услышал звуки музыки: струнный квартет, спрятанный за ширмой из парниковых лилий, играл Шуберта. Доктор остановился, обводя взглядом великолепный холл, заполненный людьми, которые сидели на стульях с высокими спинками, читали свежие номера «Таймс» и пили портвейн или шерри. В воздухе висел аромат дорогих сигар, смешивавшийся с запахом цветов и дамских духов.

У входа в ресторан доктора встретил невысокий, довольно упитанный человек в шерстяном рединготе и мышиного цвета брюках, приблизившийся к нему быстрыми шагами.

– Вы, вероятно, Дойл, – сказал он, протягивая руку для пожатия. У него была широкая улыбка и отчетливое американское произношение. – Меня зовут Джо Стоддарт. Очень рад, что вы смогли приехать. Идемте, остальные уже здесь.

Петляя между застланных скатертями столов, Стоддарт направился в дальний угол зала, а доктор последовал за ним. Ресторан с его высокими дубовыми оливково-зелеными панелями, желтоватым фризом и лепным потолком был еще шикарнее холла[1]. Стоддарт остановился у роскошного стола, за которым сидели двое.

– Мистер Уильям Джилл, мистер Оскар Уайльд, – сказал Стоддарт. – Позвольте представить вам доктора Артура Конан Дойла.

Джилл, в котором Дойл узнал широко известного члена парламента от Ирландии, встал и поклонился с добродушной степенностью. Массивная золотая цепочка обхватывала его дородное брюшко. Уайльд, как раз собиравшийся отпить вина из бокала, промокнул свои довольно пухлые губы камчатной салфеткой и показал Конан Дойлу на стул рядом с собой.

– Мистер Уайльд развлекает нас историей о чайной церемонии, на которой он присутствовал сегодня, – сказал Стоддарт, когда они сели.

– У леди Физерстоун, – уточнил Уайльд. – Она недавно овдовела. Бедняжка, у нее от горя волосы позолотели.

– Оскар, – со смешком произнес Джилл, – вы и в самом деле

ради красного словца родную мать не пожалеете. Так говорить о даме!

Уайльд пренебрежительно махнул рукой:

– Миледи была бы мне благодарна. В мире есть только одна вещь хуже, чем быть предметом разговоров. И это – не быть предметом разговоров.

Говорил он быстро, низким манерным голосом.

Дойл скосил глаза на Уайльда. У этого человека была поразительная внешность. Чуть ли не гигантский рост, крупные черты лица, не по моде длинные волосы с пробором посредине, небрежно откинутые назад. Одежда его была эксцентрична до грани безумия. Черный бархатный костюм, плотно обтягивающий крупную фигуру, рукава с буфами, украшенные цветочным узором. На шее – узкое жабо в три складки из того же материала, что и рукава. Ему хватило дерзости надеть бриджи, тоже в обтяжку, чулки черного шелка и туфли-лодочки с бантами в рубчик. В петлице желтовато-коричневого жилета покачивалась огромная белая орхидея, выглядевшая так, словно готова была вот-вот пролить нектар. На пальцах аристократических рук сверкали золотые перстни. Несмотря на странности одежды, выражение его лица было спокойным, в противовес пронзительному взгляду страстных карих глаз. При всем этом Уайльд выказывал удивительную тонкость чувств и тактичность. Говорил он чеканными фразами, иллюстрируя сказанное четкими движениями рук.

– Очень мило с вашей стороны пригласить нас, Стоддарт. И не куда-нибудь – в «Лэнгхам». Если бы не вы, то я был бы брошен на произвол судьбы. Нет, дело, конечно, не в том, что у меня нет денег на ужин. Денег не хватает у тех людей, которые оплачивают счета, а я, видите ли, свои счета никогда не оплачиваю.

– Боюсь, мои мотивы покажутся вам абсолютно корыстными, – ответил Стоддарт. – Вам, вероятно, известно, что я приехал сюда, чтобы открыть британское отделение журнала «Липпинкотс мантли»[2].

– Значит, Филадельфии вам уже мало? – спросил Джилл.

Стоддарт хмыкнул, посмотрел сначала на Уайльда, потом на Дойла:

– Я намерен до завершения этой трапезы получить от каждого из вас по роману.

Дойл ощутил приятное волнение. В полученной им от Стоддарта телеграмме цель его приглашения на обед в Лондоне была обозначена в довольно туманных выражениях, но этот человек был известным американским издателем, и Дойл надеялся услышать именно такое предложение. Его медицинская практика приносила меньше, чем хотелось бы. Чтобы убить время, он в ожидании пациентов принялся пописывать романы. Последние из них имели скромный успех. Для того чтобы совершить прорыв, ему нужен был именно такой человек, как Стоддарт. Дойл нашел его приятным, даже обаятельным… для американца.

Обед был великолепен.

Джилл оказался забавным парнем, но Оскар Уайльд – просто удивительным. Плавные, изящные движения его рук, томное выражение, оживлявшееся, когда он рассказывал свои необыкновенные анекдоты или произносил bons mots[3], – все это зачаровывало Дойла. Это настоящее волшебство, думал он. Благодаря современной технике он всего за несколько коротких часов был перенесен из сонного городка на южном побережье в этот элегантный отель, и вот он сидит с известным издателем, членом парламента и знаменитым поборником эстетизма.

Блюда стремительно сменяли одно другое: креветки в горшочках, заливное из курицы, рубец жареный в кляре, bisque de homard[4]. Красное и белое вино подали в начале вечера, и его щедрый поток не иссякал. Удивительно, сколько денег у американцев. На этот обед Стоддарт ухлопал целое состояние.

И как вовремя состоялась эта встреча! Дойл только что начал роман, который наверняка понравится Стоддарту. Его предпоследний роман «Приключения Михея Кларка» был неплохо принят, хотя самая последняя его вещь – о сыщике, прототипом которого стал его старый университетский профессор Джозеф Белл, – напечатанная в «Битонс кристмас анньюал», была принята более чем прохладно… Он заставил себя вернуться к разговору за столом. Джилл, член парламента от Ирландии, оспаривал истинность максимы, согласно коей богатство твоего друга должно вызывать у тебя недовольство.

Когда Уайльд услышал это, глаза его загорелись.

– Как-то раз дьявол шел по пустыне, – начал он. – И вот увидел он, что несколько демонов досаждают своими предложениями святому затворнику. Тот, даже не задумываясь, отказывался от всех гнусностей, которыми они искушали его. Дьявол, видя их неудачу, решил преподать им урок. «Вы действуете слишком грубо, – заметил он. – Позвольте мне». После этого он прошептал на ухо святому: «Твой брат назначен епископом Александрийским». И тут гримаса неприязненной зависти исказила дотоле безмятежное лицо святого. «Вот что я бы вам рекомендовал», – сказал дьявол своим мелким бесам.

Стоддарт и Джилл от души рассмеялись, а потом принялись спорить о политике. Уайльд обратился к Дойлу:

– Скажите, вы будете писать для Стоддарта?

– Думаю, что да. Дело в том, что я как раз начал работать над новым романом. Хотел назвать его «Запутанный клубок». А может быть, «Знак четырех».

Уайльд восторженно всплеснул руками:

– Мой дорогой друг, какая превосходная новость. Очень надеюсь, что это будет еще одна история про Холмса.

Дойл удивленно посмотрел на него:

– Вы хотите сказать, что читали «Этюд в багровых – тонах»?

– Я его не читал, мой мальчик, я его проглотил! – С этими словами Уайльд вытащил из кармана экземпляр книги, изданный «Уард Лок энд компани» с модным, несколько ориентализированным шрифтом на обложке. – Я даже пробежал его еще раз, узнав, что вы будете обедать с нами сегодня.

– Вы очень добры, – пробормотал Конан Дойл, не сумев найти ответа получше.

Он был удивлен и обрадован тем, что выдающийся деятель английского декаданса с удовольствием прочел скромный детективный роман.

– Я чувствую в Холмсе задатки выдающегося персонажа. Но… – Уайльд замолчал.

– Да? – выжидательно произнес Дойл.

– Наиболее примечательным мне показалась достоверность этой вещи. Подробности полицейской работы, расследование Холмса – это очень поучительно. Здесь мне многое у вас может послужить уроком. Понимаете, между мной и миром всегда существует туман слов. Ради хорошей фразы я выкидываю достоверность в окно, а если появляется возможность ввернуть остроту, то я забываю о правде жизни. Вы лишены этого недостатка. И все же… и все же я думаю, что вы с вашим Холмсом могли бы добиться большего.

– Буду признателен, если вы объясните, – сказал Дойл.

Уайльд отхлебнул вина.

– Если вы хотите, чтобы он стал по-настоящему великим сыщиком, выдающейся личностью, нужно сделать его более эксцентричным. Миру не нужен еще один сержант Кафф или инспектор Дюпен. Нет, пусть его человеческие черты воспарят до высоты его искусства. – Несколько мгновений он что-то обдумывал, неторопливо поглаживая орхидею, вставленную в его петлицу. – В «Багровых тонах» вы называете Ватсона «крайне ленивым». По моему мнению, добродетели мотовства и лени должны быть присущи вашему герою, а не его мальчику на побегушках. И сделайте Холмса более сдержанным. Пусть его лицо не «сияет восторгом», и пусть он не разражается «взрывами смеха».

Дойл покраснел, узнавая свои неудачные обороты.

– Он должен быть наделен каким-нибудь пороком, – продолжал Уайльд. – Добродетельные люди ужасно банальны. Я их просто не выношу. – Он снова помолчал. – Нет, не порок, Дойл, – пусть у него будет какая-нибудь слабость. Дайте-ка я подумаю… Ах да, вспомнил! – Уайльд открыл «Этюд в багровых тонах», нашел нужное место и начал цитировать доктора Ватсона: – «Я мог бы заподозрить его в пристрастии к наркотикам, если бы размеренность и целомудрие его образа жизни не опровергали подобных мыслей». – Он засунул книгу в карман. – Смотрите, у вас в руках была идеальная слабость, но вы ее выбросили. Подберите ее опять! Пусть Холмс будет рабом какой-нибудь пагубной привычки. Скажем, он любитель опия. Впрочем, нет. В наши дни любители опия на каждом шагу. Низшие классы потребляют его фунтами… – Неожиданно Уайльд щелкнул пальцами. – Вот оно! Кокаин. Вот вам новый и изящный порок.

– Кокаин, – неуверенно повторил Дойл.

Как врач, он иногда прописывал семипроцентный раствор пациентам, страдающим от истощения или депрессии, но мысль о том, чтобы сделать Холмса наркоманом, на первый взгляд показалась довольно абсурдной. Хотя Дойл сам просил Уайльда высказать мнение о романе, критика несколько смутила его. По другую сторону стола продолжался добродушный спор Стоддарта и Джилла.

Эстет отхлебнул еще вина и отбросил назад волосы.

– А вы? – спросил Дойл. – Будете писать книгу Стоддарту?

– Напишу. И возьмусь за нее под вашим, вернее, Холмса влиянием. Вы знаете, я всегда считал, что нет таких понятий, как нравственная или безнравственная книга. Бывают плохо или хорошо написанные книги – и больше ничего. Но меня увлекла мысль написать книгу, в которой речь бы шла о нравственности и об искусстве. Я хочу назвать ее «Портрет Дориана Грея». И я думаю, это будет такая история, что кровь заледенеет в жилах. Нет, это будет история не о призраках, но ее главный герой в конечном счете придет к страшному концу. Такие истории лучше читать при свете дня, а не по ночам.

– Такая история, кажется, не совсем в вашем духе.

Уайльд посмотрел на Дойла с изумлением во взгляде:

– Правда? Неужели вы думали, что я – я, который с радостью приносит себя в жертву на костер эстетизма, – не смогу узнать лицо ужаса, когда загляну в него? Я вам вот что скажу: трепет страха не менее чувствен, чем трепет наслаждения, а возможно, и более. – Он подчеркнул свою мысль движением руки. – И потом, как-то раз мне рассказали такую ужасную историю, такую прискорбную в ее подробностях и по глубине зла, что я теперь уверен: после этого меня уже ничто не сможет напугать.

– Как интересно, – слегка рассеянно проговорил Дойл, все еще пережевывая критические замечания собеседника по поводу Холмса.

На крупном бледном лице Уайльда появилась едва заметная улыбка.

– Хотите, расскажу? Только она не для слабонервных. – В интонациях Уайльда слышался вызов.

– Конечно хочу.

– Мне ее рассказали, когда я несколько лет назад ездил с лекциями по Америке. По пути в Сан-Франциско я остановился в Роринг-Форке, небольшом, довольно убогом, но живописном шахтерском городке. Я прочитал лекцию в шахте, и обитатели городка встретили ее очень хорошо. После лекции ко мне подошел один из рудокопов, пожилой человек с огорчительными – а может, напротив, благодатными – следами пьянства на лице. Он отвел меня в сторону и сказал: ему, мол, так понравилась моя история, что он готов поделиться со мной своей.

Уайльд помолчал, смочил свои полные красные губы, элегантно глотнув вина.

– Присаживайтесь поближе, мой добрый друг, и я в точности перескажу вам то, что услышал от него…

Десять минут спустя кое-кто из посетителей ресторана в отеле «Лэнгхам», наверное, был удивлен, увидев, как под мягкий шумок разговоров и позвякивание столового серебра молодой человек в одежде сельского доктора резко поднялся из-за стола с бледным как смерть лицом. В волнении он перевернул свой стул и, прижав руку ко лбу, на негнущихся ногах направился к выходу, чуть не выбив поднос с деликатесами из рук официанта. Когда он исчез в дверях туалета, на его лице было неописуемое выражение отвращения и ужаса.

Глава 1

Наши дни

Кори Свенсон в третий раз зашла в женский туалет, чтобы проверить, как она выглядит. В ней многое изменилось с тех пор, как в начале второго курса она перевелась в колледж уголовного права имени Джона Джея. «Джон Джей» был консервативным колледжем. Какое-то время Кори противилась искушению, но в конечном счете поняла, что ей необходимо расти и играть в игру жизни, а не изображать из себя вечного бунтовщика. Фиолетовые волосы исчезли, а вместе с ними пирсинг, черная кожаная куртка, черные тени на глазах и другие символы принадлежности к племени готов. Кори ничего не могла поделать с татуировкой в виде ленты Мёбиуса на затылке, разве что носить длинные волосы и высокие воротники. Но она понимала, что со временем татуировку придется вывести.

Если уж играть в эту игру, то играть хорошо.

К сожалению, личные изменения Кори произошли слишком поздно, с точки зрения ее научного руководителя, бывшего нью-йоркского полицейского, а ныне профессора. У нее было такое чувство, что он сразу воспринял ее как преступницу, и ничто из того, что она сделала за прошедший год, не стерло этого первого впечатления. Профессор явно питал к ней неприязнь. Он уже отклонил ее первое предложение по теме работы на премию Розвелла, включавшее поездку в Чили для проведения анализа костных останков, обнаруженных в массовом захоронении сочувствовавших коммунистам крестьян, жертв режима Пиночета в 1970-е годы. Слишком далеко, слишком дорого для исследовательского проекта. К тому же это старая история. Когда Кори возразила, что в том-то и резон, – это старые захоронения, требующие особого подхода от криминалиста, – он ответил, что не ввязывается в политические разборки в других странах, тем более связанные с коммунистами.

Теперь ей пришла в голову новая идея касательно ее работы, получше прежней, и Кори готова была почти на все, чтобы ее реализовать.

Разглядывая себя в зеркале, девушка поправила несколько прядей волос, подкрасила губы помадой скромного цвета, разгладила на себе шерстяной жакет с юбкой и на скорую руку припудрила нос. Она едва себя узнавала. Господи боже, да она вполне сойдет за молодую республиканку! Ну и хорошо.

Кори вышла из туалета и быстро пошла по коридору, ее консервативные лодочки профессионально отбивали дробь по жесткому линолеуму. Дверь в кабинет ее научного руководителя была, как обычно, закрыта, и Кори уверенно и настойчиво постучала.

Из-за двери раздался голос:

– Войдите.

Девушка вошла. В кабинете, как всегда, царил безупречный порядок, книги и журналы стояли на полках корешок к корешку, удобная мужская кожаная мебель создавала особую атмосферу уюта. Профессор Грег Карбон сидел за большим столом, чья громадная столешница полированного красного дерева напоминала пустыню – ни книг, ни бумаг, ни семейной фотографии, ни безделушек.

– Доброе утро, Кори, – сказал Карбон, поднимаясь и застегивая пуговицы синего габардинового пиджака. – Прошу, садитесь.

– Спасибо, профессор.

Кори знала: он любит, когда его так называют. Горе студенту, который назвал бы его мистером или – еще того хуже – Грегом.

Она села, профессор тоже опустился в кресло. Карбон был очень привлекательным мужчиной: волосы с проседью, великолепные зубы, подтянутая фигура, – обладал хорошим вкусом в одежде, четкой речью и мягким голосом, был умным и успешным. За что бы он ни брался, все у него получалось, а в результате он был законченным козлом.

– Так-так, Кори, – начал Карбон, – вы сегодня прекрасно выглядите.

– Благодарю, доктор Карбон.

– С нетерпением жду ваших новых предложений.

– Спасибо. – Кори открыла портфель (никаких рюкзаков в «Джоне Джее»!), вытащила оттуда картонную папку и положила ее себе на колени. – Вы наверняка слышали об археологических

раскопках в муниципальном парке. Рядом со старой тюрьмой, известной как Склепы.

– Расскажите.

– Департамент по озеленению раскопал небольшое кладбище, где были захоронены казненные преступники. Там хотят сделать новый вход в метро.

– Ах да, я читал об этом, – сказал Карбон.

– Кладбище использовалось с тысяча восемьсот пятьдесят восьмого по тысяча восемьсот шестьдесят пятый год. После тысяча восемьсот шестьдесят пятого года казненных преступников стали хоронить на Харт-Айленде, и доступ туда закрыт.

Карбон задумчиво кивнул. Он слушал с видимым интересом, и это воодушевляло девушку.

– Я думаю, что данный случай представляет уникальную возможность провести остеологический анализ скелетов, попытаться определить, насколько плохое питание в детстве – а вы знаете, что это оставляет остеологические маркеры, – может соотноситься с преступным поведением.

Карбон кивнул еще раз.

– Я вот здесь кое-что выделила. – Кори положила папку со своими предложениями на стол. – Гипотезы, методология, контрольная группа, наблюдения и анализ.

Карбон подтянул папку к себе, раскрыл и принялся просматривать.

– Существует несколько причин, по которым можно сказать, что эта возможность уникальна, – продолжала девушка. – Во-первых, у города имеются довольно детальные сведения об этих преступниках: имена, данные о судимостях и судебные дела. На тех, кто воспитывался в приюте на Пяти Углах – а их там с полдюжины, – имеются и данные о детском периоде. Все они были казнены одним способом – через повешение. Так что причина смерти у всех одинакова. И кладбище использовалось только в течение семи лет, а значит, все останки принадлежат приблизительно одному времени.

Она помолчала. Карбон медленно листал страницы, по-видимому читая текст. Невозможно было понять, что он думает: его

лицо было непроницаемым.

– Я навела кое-какие справки, и вроде бы комитет по озеленению не возражает против того, чтобы студент из «Джона Джея» исследовал останки.

Медленное переворачивание страниц прекратилось.

– Вы уже связывались с ними?

– Да. Так, прощупала…

– Прощупали… Вы контактировали с посторонним городским агентством, не получив на это разрешения?

Ого-го.

– Я ведь не могла принести вам нереальный проект, хотела сначала выяснить, не закроет ли его другая организация, повлиять на которую не в наших силах. А что тут такого?

Долгое молчание, а затем:

– Разве вы не читали инструкцию для студентов?

Кори охватило дурное предчувствие. Вообще-то, она читала инструкцию, но только когда ее принимали в колледж. Больше года назад.

– В последнее время – нет.

– Там все сказано довольно ясно. Студенты не имеют права входить в сношения с другими властными городскими структурами – лишь через официальные каналы. Это потому, что мы, как вам известно, тоже являемся городским институтом – колледжем полного курса[5] в структуре Университета штата Нью-Йорк. – Он сказал это мягким, почти добрым голосом.

– Я… гм… извините. Я не помню этого.

Кори проглотила слюну, чувствуя, как ее охватывает паника… и злость. Просто-таки невероятная фигня! Но она заставила себя успокоиться.

– Я просто два раза позвонила по телефону – ничего официального.

Кивок.

– Не сомневаюсь, что вы не хотели *преднамеренно* нарушить

университетские правила. – Карбон снова начал одну за другой переворачивать страницы, не глядя на Кори. – Но в любом случае я вижу другие трудности с вашим предложением.

– Какие? – Ее начало мутить.

– Эта мысль, будто плохое питание обусловливает преступные наклонности… Старая идея… и неубедительная.

– Ну, мне казалось, что ее стоит проверить на практике.

– В те времена почти все плохо питались. Но не каждый становился преступником. И от этой идеи попахивает… – как бы выразиться? – попахивает определенным мировоззрением, согласно которому преступление имеет привязку к несчастливому детству преступника.

– Но плохое питание, крайне плохое питание, может вызвать неврологические изменения, практически повреждения. Это не мировоззрение – это наука.

Карбон поднял ее бумаги.

– Я заранее знаю результат: вы обнаружите, что казненные преступники плохо питались в детстве. Но вопрос в другом: почему из всех голодных детей только эти превратились в опасных преступников. Ваш план исследований не предполагает изучение такого вопроса. Мне очень жаль, но это не пройдет. Ни в коем случае.

И, разжав пальцы, он уронил папку на стол.

Глава 2

Знаменитый – кое-кто мог бы сказать «печально знаменитый» – «Красный музей» в колледже уголовного права имени Джона Джея начинался как простое собрание старых уголовных дел, физических улик, собственности заключенных и всяких памятных вещиц, которые почти сто лет назад были помещены в выставочные стенды в старом здании Полицейской академии. С тех пор эта экспозиция превратилась в лучший и самый крупный в стране криминологический музей. Изюминки коллекции были выставлены в великолепном новом зале принадлежащего колледжу здания на Десятой авеню, построенного фирмой «Скидмор, Оуингс энд Меррил». Остальная часть собрания – громадные гниющие архивы, плесневеющие улики канувших в Лету преступлений – оставалась похороненной в жутком подвале старой Полицейской академии на Восточной Двадцатой улице.

Кори обнаружила этот архив вскоре после поступления в «Джон Джей». Когда ей удалось подружиться с хранителем и она стала ориентироваться в лабиринте стоящих без всякой системы шкафов и нагроможденных одна на другую полок, оказалось, что это собрание – бриллиант чистейшей воды. Она много раз посещала архив «Красного музея» в поисках тем для статей и проектов, а в последнее время – отыскивая тему для работы. Девушка провела много времени, читая старые нераскрытые дела – они были такие древние, что все вовлеченные в них (включая и возможных преступников) давно уже наверняка и безусловно отправились в мир иной.

Через день после разговора с научным руководителем Кори Свенсон стояла в кабине поскрипывающего лифта, опускающегося в подвал. Она в отчаянии отправилась на поиски новой темы, надеясь, что успеет до завершения процесса одобрения. Ноябрь подошел к середине, и она собиралась использовать зимние каникулы для исследования и написания работы. Кори получала грант, не покрывавший всех расходов на обучение, но разницу ей доплачивал агент Пендергаст, а она категорически не желала брать у него больше ни цента. Если ее работа удостоится премии Розвелла, а с ней и гранта в двадцать тысяч долларов, то она обойдется без помощи Пендергаста.

Дверь кабинки открылась, и Кори ощутила знакомый запах пыли и окисляющейся бумаги с примесью мышиной мочи. Она прошла по холлу к побитой металлической двери, украшенной табличкой с надписью «АРХИВ КРАСНОГО МУЗЕЯ», и нажала кнопку звонка. Из древнего громкоговорителя раздался неразборчивый шорох. Кори назвалась, и тут же раздался зуммер, извещающий, что она может войти.

– Кори Свенсон? Как я рад снова вас видеть! – услышала она хриплый голос хранителя Уильяма Блума.

Он поднялся из-за стола в круге света – страж проходов в хранилище, раскинувшемся в черноте за его спиной. Тощий как жердь, с длинными седыми волосами, Блум был похож на труп, но в нем чувствовалось какое-то обаяние и отеческая заботливость. Кори не возражала против того, что его глаза нередко обшаривали разные части ее тела, когда ему казалось, что она этого не видит.

Блум обошел стол и протянул ей руку с набухшими венами. Рука у него была неожиданно горячая, и Кори немного удивилась.

– Проходите, садитесь. Чайку?

Перед столом в начале помещения стояло несколько стульев, сбоку примостились кофейный столик и обшарпанный буфет с плиткой, кипятильником, заварным чайником – этакое неофициальное место для отдыха среди пыли и темноты. Кори плюхнулась на стул и с глухим звуком поставила портфель на пол рядом с собой.

– Уф, – сказала она.

Блум вскинул брови в безмолвном вопросе.

– Да все этот Карбон! Опять не принял мои предложения. Придется все начинать сначала.

– Карбон – всем известный осел, – произнес Блум высоким голосом.

Это заинтересовало Кори.

– Вы его знаете?

– Я знаю всех, кто сюда приходит. Карбон! Всегда волнуется, как бы не запылить свой костюмчик от Ральфа Лорена. Он думает, что я тут буду для него мальчиком на побегушках. Ну и в результате

мне никогда ничего не удается для него, бедняги, найти… Вы знаете истинную причину, по которой он отвергает ваши предложения?

– Я думаю, главная причина та, что я еще только на втором курсе.

Блум прикоснулся пальцем к носу и понимающе кивнул:

– Вот именно. А Карбон принадлежит к старой школе – строго придерживается правил.

Этого Кори и боялась. Премия Розвелла за лучшие работы года была в «Джоне Джее» предметом всеобщего вожделения. Лауреатами премии чаще всего становились старшекурсники и отличники, которые потом отправлялись делать очень успешную карьеру в полиции. Насколько ей было известно, еще никогда премия не доставалась младшекурсникам, напротив, прием работ от них тихо саботировали. Но никаких официальных запретов на сей счет не существовало, и Кори не желала, чтобы препятствием для нее становились бюрократические препоны.

Блум, желтозубо улыбаясь, поднял чайник:

– Чаю?

Девушка взглянула на отвратительный чайник, который не мыли, наверное, лет десять.

– Это чайник? Я думала, это орудие убийства. Ну, знаете, полный мышьяка и готовый к употреблению.

– Всегда-то у вас на языке острое словечко. Но разве вам не известно, что отравителями в основном становятся женщины? Будь убийцей я, мне бы хотелось увидеть кровь моей жертвы. – Он налил себе чаю. – Значит, Карбон отверг ваше предложение. Что ж, ничего удивительного. И каков план «Б»?

– Это и был мой план «Б». Я думала, вы подкинете мне какую-нибудь свежую идею.

Блум сел на стул и шумно отхлебнул из чашки.

– Так-так. Если не ошибаюсь, ваша специализация – криминалистическая остеология, верно? И что именно вы ищете?

– Мне нужно обследовать человеческие скелеты, на которых имеются прижизненные или посмертные повреждения. Не помните

никаких дел, где можно было бы найти что-то такое?

– Мм… – Его траченное временем лицо сморщилось от работы мысли.

– Проблема в том, что доступных человеческих останков практически нет. Если только не брать доисторический период. Но тут мы можем открыть такую банку с червями – оскорбим деликатные чувства коренных американцев. А мне нужны останки, к которым прилагается хорошая документальная база. Исторические останки.

Блум с задумчивым выражением на лице отхлебнул большой глоток чая:

– Костные останки. Прижизненные или посмертные повреждения. Исторические. Хорошая документальная база. Доступные.

Он закрыл глаза. Веки у него были такие темные и пронизанные прожилками, что казалось, будто ему дали в глаз. Кори ждала, прислушиваясь к тикающим звукам из архива, слабому жужжанию работающего вентилятора и какому-то топотку – она боялась, что это крысы.

Блум резко открыл глаза:

– Пришло тут кое-что в голову. Слышали когда-нибудь о «Нерегулярных с Бейкер-стрит»?[6]

– Нет.

– Это закрытый клуб поклонников Шерлока Холмса. Раз в год они обедают в Нью-Йорке и публикуют самые разные исследования о Холмсе, исходя из того, что это реальный человек. Так вот, один из них умер несколько лет назад, и его вдова, не зная, что делать, отправила всю его шерлокиану нам. Вероятно, она не знала, что Холмс – вымышленный сыщик, а мы здесь имеем дело только с настоящими. Как бы там ни было, я иногда заглядываю в эти материалы. В основном это чепуха. Но там есть копия дневника Дойла – фотокопия, к сожалению, – которая оказалась увлекательным чтением для старика, исполняющего неблагодарную работу в пыльном архиве.

– И что именно вы нашли?

– Там была история о медведе-людоеде.

Кори нахмурилась:

– О медведе-людоеде? Не уверена, что…

– Идемте со мной.

Блум подошел к щитку с выключателями и щелкнул всеми разом, приложив к ним ладонь. Свет флуоресцентных ламп затопил архив. Кори вообразила, что слышит, как крысы с писком бросились наутек, увидев, как замигали трубки ламп, освещающие проходы один за другим.

Хранитель, а вслед за ним и Кори двинулись по длинному ряду между пыльными полками и деревянными шкафами с пожелтевшими, написанными от руки бирками. Наконец они достигли той части подвала, где стояли библиотечные столы, на которых громоздились картонные коробки. Среди них были три большие коробки с бирками «НБС». Блум подошел к одной из них, пошарил внутри и вытащил дешевую папку. Сдув с нее пыль, он принялся листать страницы.

– Вот она. – Он показал Кори старую фотокопию. – Это дневник Дойла. Если правильно говорить, то Конан Дойла, но это слишком длинно, правда?

В сумеречном свете он перелистал несколько страниц, а потом начал читать вслух:

> «Я был в Лондоне по литературным делам. Стоддарт, этот американец, оказался превосходным парнем, он пригласил на обед еще двоих: Джилла, весьма занятного члена парламента от Ирландии, и Оскара Уайльда…»

Блум помолчал, перешел на неразборчивое бормотание, перелистал еще несколько страниц. Наконец нашел интересующий его пассаж:

> «…Изюминкой вечера, если можно так выразиться, был рассказ Уайльда о поездке по Америке. Наверно, в это трудно поверить, но знаменитый эстет привлек к себе громадный интерес в Америке, в особенности на Западе, где в одном городке группа неотесанных шахтеров устроила

> ему бурную овацию».

Кори начала дергаться. У нее не оставалось времени на всякую ерунду. Она откашлялась и вежливо сказала:

– Не уверена, что Оскар Уайльд и Шерлок Холмс – это то, что мне нужно.

Но Блум продолжил чтение, подняв палец, призывающий ее к молчанию. Его ломкий голос перекрывал ее возражения.

> «К концу вечера Уайльд, отдавший должное превосходному кларету, заказанному Стоддартом, тихонько рассказал мне историю, исполненную такого невыносимого ужаса, такой невыносимой мерзости, что мне пришлось извиниться и выйти из-за стола. Это была история о том, как за несколько лет до этого были убиты и съедены одиннадцать добытчиков серебра. Предположительно это сделал „седой медведь“ в шахтерском поселке, который называется Роринг-Форк. Подробности данного дела настолько отвратительны, что я не могу заставить себя предать их бумаге, хотя они произвели на меня неизгладимое впечатление и я думаю, что буду помнить их до гробовой доски».

Он помолчал, переводя дыхание.

– Вот вам, пожалуйста, одиннадцать человек, съеденных медведем гризли. В Роринг-Форке, ни много ни мало.

– Роринг-Форк? Это такой гламурный горнолыжный курорт в Колорадо?

– Он самый. Начинался он как город экономического бума, и добывали там серебро.

– А когда это случилось?

– Уайльд был там в тысяча восемьсот восемьдесят первом году. Так что трагедия произошла в тысяча восемьсот семидесятые.

Кори покачала головой:

– И как мне на этом материале написать работу?

– Одиннадцать скелетов людей, съеденных медведем? На них

определенно будут следы прижизненных повреждений: следы зубов и когтей на обгрызенных, треснутых, надкусанных костях. – Блум произнес эти слова почти со смаком.

– Я изучаю судебную криминологию, а не медведологию.

– Верно. Но вы же знаете по вашим исследованиям, что многие, если не почти все, костные останки жертв убийства имеют такие повреждения, что их можно принять за причиненные животными. Посмотрели бы вы дела, связанные с такими случаями. Отличить повреждения, оставленные животным и оставленные убийцей, очень трудно. Насколько мне помнится, никто серьезно не исследовал подобные прижизненные костные повреждения. Вы можете внести серьезный вклад в криминологию.

«Вполне возможно, – подумала Кори, удивленная прозорливостью Блума. – И если подумать, то какой сказочный и оригинальный предмет для исследования».

Блум тем временем продолжал:

– Я почти не сомневаюсь, что по меньшей мере некоторые из этих несчастных рудокопов были похоронены на историческом кладбище Роринг-Форка.

– Вот в том-то и проблема. Не могу же я на реальном кладбище эксгумировать останки погибших в медвежьих когтях!

На лице Блума снова заиграла желтая улыбка.

– Моя дорогая Кори, единственное, что побудило меня рассказать вам об этом, – очаровательная статейка в сегодняшнем номере «Таймс»! Вы ее не читали?

– Нет.

– Старинный погост Роринг-Форка сейчас представляет собой груду гробов, сложенную на складе лыжного инвентаря. Понимаете, они переносят кладбище – получено разрешение на застройку этой территории.

Он посмотрел на Кори и подмигнул. Его улыбка стала еще шире.

Глава 3

На Лазурном Берегу Южной Франции, на утесе, что на мысе Кап-Ферра, в окружении цветущих бугенвиллей на каменном балконе отдыхал в лучах предвечернего солнца человек в черном костюме. Погода для этого времени года была теплая, и солнце золотило лимонные деревья, которые теснились вокруг балкона и спускались по крутому склону холма к Средиземному морю, заканчиваясь на полосе пустынного белого берега. Дальше была бухта, заполненная стоящими на якорях яхтами. На скалистой оконечности мыса возвышался древний замок, а за ним виднелся только голубой горизонт.

Человек полулежал в шезлонге, обтянутом узорчатой шелковой тканью. Его серебристые глаза были полузакрыты. Рядом с шезлонгом стоял столик с подносом, на котором находились четыре предмета: экземпляр поэмы Эдмунда Спенсера «Королева фей», небольшой бокал с ликером, стакан с водой и нераспечатанный конверт. Поднос два часа назад принес слуга, который теперь в тени портика ожидал дальнейших указаний. Человек, снимавший виллу, редко получал почту. На нескольких полученных им письмах был обратный адрес некой мисс Констанс Грин из Нью-Йорка; остальные вроде бы приходили из дорогой школы-пансиона в Швейцарии.

Время шло, и слуга уже начинал думать, что у болезненного джентльмена, нанявшего его за очень высокую плату, случился сердечный приступ, настолько неподвижным было его тело в течение последних нескольких часов. Но нет. Вялая рука шевельнулась и взяла стакан с водой. Налила немного в бокал с ликером, отчего желтая жидкость превратилась в мутноватую желтовато-зеленую. После этого человек поднял бокал, неторопливо отпил из него – глоток был долгим, – а затем поставил обратно на поднос.

И снова воцарился покой, а тени близящегося вечера протянулись еще чуть дальше. Прошло какое-то время. Рука снова шевельнулась, словно в замедленном просмотре, опять поднесла хрустальный бокал с ликером к бледным губам, человек снова сделал долгий, неторопливый глоток. Потом он взял книгу с поэмой. Снова тишина: человек погрузился в чтение, изредка переворачивая страницы. Предвечерний свет во всем своем блеске позолотил

напоследок фасад виллы. Снизу сюда проникали звуки продолжающейся жизни: далекое столкновение голосов, сошедшихся в споре, плеск воды о борт яхты, двигающейся по заливу, чириканье птиц на деревьях, слабые звуки фортепьяно – кто-то играл упражнения Анона[7].

Наконец человек в черном костюме закрыл книгу, положил ее на поднос и обратил свое внимание на письмо. Продолжая двигаться так, будто он находился под водой, человек вскрыл конверт длинным полированным ногтем, вытащил письмо, развернул и принялся читать.

27 ноября

Дорогой Алоизий!

Отправляю Вам это письмо через Проктора, надеюсь, он сумеет доставить его Вам. Я знаю, Вы все еще путешествуете и, вероятно, не хотите, чтобы Вас беспокоили, но Вас вот уже год как нет дома, и я подумала, что Вы почти готовы к возвращению. Разве у вас не чешутся руки закончить поскорее отпуск, вернуться в ФБР и снова взяться за расследование убийств? Как бы там ни было, я хочу рассказать вам о моем исследовательском проекте, которым сейчас занимаюсь. Хотите – верьте, хотите – нет, но я уезжаю в Роринг-Форк, штат Колорадо!

Мне подсказали совершенно удивительную идею для работы. Постараюсь описать все покороче, потому что знаю, как вы нетерпеливы, но для объяснения мне придется сделать небольшой исторический экскурс. В 1873 году в горах за Континентальным водоразделом[8] *от Лидвилла, штат Колорадо, было найдено серебро. В долине возник поселок шахтеров, который назвали Роринг-Форк по реке, протекающей рядом, и добытчики застолбили окружающие горы. В мае 1876 года на одной такой отдаленной делянке бродячий медведь гризли убил и съел одного из них. Он терроризировал поселок в течение всего лета. Город посылал охотничьи группы, чтобы выследить и убить его, но все тщетно, поскольку место там удаленное, а горы абсолютно непроходимые. Медведь*

остановился, лишь прикончив одиннадцать рудокопов – все они были искалечены и съедены. В то время об этом много говорили, много писали в местных газетах (оттуда-то я и узнала подробности), шериф составлял доклады и всякое такое. Но Роринг-Форк – место отдаленное, и про эту историю забыли, как только убийства прекратились.

Добытчиков похоронили на кладбище в Роринг-Форке, и вскоре уже никто не вспоминал об этом. Потом руда истощилась, шахты закрылись, население Роринг-Форка сократилось, а со временем он вообще стал городом-призраком. Но в 1946 году эти земли купили инвесторы и превратили его в горнолыжный курорт (в наши дни он, конечно, один из самых модных курортов в мире), где средняя стоимость дома составляет более четырех миллионов!

Такая вот история. Этой осенью старое кладбище Роринг-Форка было раскопано, чтобы освободить место под застройку. Останки сейчас находятся в старом ангаре высоко на склоне, и все спорят, что с ними делать. Сто тридцать гробов, из которых в восьми останки тех, кого убил гризли. (Трое остальных либо утрачены, либо так никогда и не были найдены.)

И вот теперь я могу сказать Вам о теме моей работы:

Всеобъемлющее исследование прижизненных травм костных останков восьми серебродобытчиков, убитых медведем гризли и захороненных на старом колорадском кладбище.

Никто еще не проводил широкомасштабных исследований прижизненных повреждений, нанесенных крупным хищником. Никогда! Понимаете, люди не так уж часто погибают в лапах зверей. Мое исследование будет первым.

Мой научный руководитель, профессор Грег Карбон, отверг две темы, предложенные мною ранее, и я рада, что этот, простите за выражение, ублюдок так поступил. Он бы и эту тему отверг по причинам, которыми я не хочу

Вас нагружать, но я воспользовалась Вашими методами и наложила свои потные ручонки на личное досье Карбона. Я чувствовала: он слишком уж идеален – до недостоверности. Несколько лет назад он трахал студентку из одной своей группы, а когда она порвала с ним, ему хватило глупости провалить ее на экзамене. Она пожаловалась. Но не на совращение, а на экзаменационную отметку. Никаких законов нарушено не было (девице уже перевалило за двадцать), но этот подонок влепил ей «F», тогда как она заслуживала «A». Дело замяли, девица получила свое «A», и ее грант на обучение был продлен до конца года – то есть откупились от нее, чтобы не устраивать скандала. Я в этом не сомневаюсь.

В наши дни можно найти кого угодно, вот я и отследила ее и позвонила. Ее зовут Молли Дентон, она работает полицейским в Вустере, штат Массачусетс. Она лейтенант, имеет награды, служит в отделе по расследованию убийств – ни больше ни меньше. Господи боже, чего она только не рассказала мне про моего научного руководителя! И вот я отправилась к Карбону, вооруженная парой ядерных боеголовок – так, на всякий случай.

Жаль, что Вас там не было. Все прошло как по маслу. Прежде чем рассказать про мою новую идею, я этак вежливенько, спокойненько сказала, что у нас есть общая знакомая – Молли Дентон. И улыбнулась ему во весь рот, чтобы у него не оставалось никаких сомнений. Он побледнел. Ему не терпелось перейти к вопросу о моей работе, он хотел узнать, что я собираюсь предложить. Он внимательно выслушал меня, тут же согласился, сказал, что такой замечательной идеи не слышал многие годы, и пообещал, что проведет мое предложение через факультетский комитет. А потом – и это была лучшая часть – он предложил мне как можно скорее отправиться в Роринг-Форк. Стал как шелковый.

Как раз сейчас начались зимние каникулы, и я через два дня уезжаю в Роринг-Форк. Пожелайте мне удачи. А будет настроение – напишите и перешлите письмо через вашего приятеля Проктора, который получит мой адрес в Роринг-

Форке, как только я его узнаю.

С любовью,

Кори.

P. S. Чуть не забыла сказать вам самое интересное про мою работу. Хотите – верьте, хотите – нет, но про гризли-людоеда я узнала из дневника Артура Конан Дойла! А Дойл узнал эту историю, представьте себе, от самого Оскара Уайльда за обедом в Лондоне в 1889 году. Уайльд, похоже, собирал всякие страшные истории, а эту он узнал во время лекционной поездки по американскому Западу.

Слуга, стоявший в тени, увидел, как его необычный наниматель закончил читать. Его длинные белые пальцы уронили письмо, и оно упало на стол, словно человек выбросил его. Рука потянулась к бокалу с ликером, а вечерний ветерок легко подхватил листы бумаги, перекинул их за перила балкона и понес дальше над кронами лимонных деревьев. Они заскользили в голубое пространство, порхая в воздухе, бессмысленно крутясь, и наконец исчезли из виду. Бледный человек в черном костюме не видел, не заметил этого и вообще потерял всякий интерес к письму – так и остался одиноко сидеть на балконе высоко над морем.

Глава 4

Полицейское управление Роринг-Форка размещалось в невероятно живописном здании красного кирпича, построенном в классическом викторианском стиле на манер Старого Запада. Оно стояло в зеленом парке на фоне величественных горных вершин, покрытых снегом. Перед зданием расположилась двенадцатифутовая статуя Фемиды, припорошенная снежком и – как это ни странно – без традиционной повязки на глазах.

Кори Свенсон перечитала целую гору книг про Роринг-Форк и узнала все об этом здании суда, известном несколькими знаменитыми обвиняемыми, которые прошли через его двери, – от Хантера С. Томпсона до серийного убийцы Теда Банди[9]. Она знала, что Роринг-Форк – своего рода курорт и что здесь продается самая дорогая недвижимость в стране. Это создавало для нее огромные неудобства, поскольку она была вынуждена остановиться в городке Базальт в восемнадцати милях по шоссе № 82, в жутком мотеле «Девятое облако» с картонными стенами и колючим матрасом на кровати. За номер приходилось платить сумасшедшие деньги – сто девять долларов в день. Было первое декабря, лыжный сезон приближался к пику. Она накопила около четырех тысяч долларов – часть заработала на исследовательских проектах в «Джоне Джее», часть осталась от тех денег, что ей всучил агент Пендергаст год назад, когда отправил ее к отцу, подальше от опасностей. Но если платить сто девять долларов в день за мотель, плюс расходы на еду, плюс возмутительные тридцать девять баксов в день за корыто на колесах, которое она взяла в аренду, то она быстро вылетит в трубу.

Иными словами, нужно было спешить.

Проблема состояла в том, что, страстно желая заполучить одобрение на эту работу, Кори пошла на маленькую ложь. Впрочем, может, не такую уж и маленькую. Она сказала Карбону и факультетскому комитету, что получила разрешение на исследование останков – карт-бланш. На самом же деле несколько ее электронных писем главе полицейского управления, в чьей власти было разрешить или запретить допуск к останкам, остались без ответа. Телефонные звонки тоже ничего не дали. Не то чтобы с ней говорили грубо – просто это была такая форма доброжелательного небрежения.

Заявившись днем ранее собственной персоной в полицейское управление, она наконец добилась аудиенции у шефа полиции Стенли Морриса. И вот теперь она снова вошла в здание и направилась к дежурному. К ее удивлению, дежурным оказался не дюжий коп, а девица по виду даже моложе Кори – хорошенькая, с чуть смугловатым лицом, темными глазами и светлыми волосами до плеч.

Кори подошла к ней, и девушка улыбнулась.

– У вас… есть звание? – спросила Кори.

Девушка рассмеялась и отрицательно покачала головой:

– Нет пока.

– Так вы, значит, секретарь?

Девушка снова покачала головой:

– Я прохожу практику на зимних каникулах. Сегодня мое место за столом дежурного. – Она помолчала. – Хочу со временем поступить в полицию.

– Значит, нас уже двое. Я тоже учусь – в «Джоне Джее».

Глаза девицы широко раскрылись.

– Шутишь!

Кори протянула руку:

– Кори Свенсон.

Они обменялись рукопожатием.

– Дженни Бейкер.

– Я записана на прием к шефу полиции Моррису.

– Да-да, – сказала Дженни, заглянув в журнал. – Он тебя ждет. Проходи.

– Спасибо.

Начало было неплохим. Кори старалась сдержать нервную дрожь и не думать о том, что будет, если шеф полиции откажет ей в доступе к останкам. Как минимум от этого зависела ее работа. И она уже потратила целое состояние, чтобы добраться сюда, – купила билеты на самолет, а эти расходы не подлежали возмещению.

Дверь в кабинет шефа полиции была открыта, и, когда Кори вошла, он встал, обогнул стол и пожал ей руку. Внешность его показалась ей неожиданной: невысокого роста, полный, жизнерадостный, на лице широкая улыбка, плешь на макушке, помятая форма. Обстановка кабинета тоже вносила свою лепту в неформальность атмосферы: набор старой удобной кожаной мебели, беспорядок на столе, заваленном бумагами, книгами, заставленном семейными фотографиями.

Шеф полиции пригласил ее в уголок для приема посетителей, куда пожилая секретарша принесла поднос с бумажными стаканчиками с кофе, сахаром и сливками. Кори, которая прилетела позавчера и еще не приспособилась к другому часовому поясу, взяла стаканчик, воздержавшись от своих обычных четырех ложек сахара, и с удивлением увидела, как шеф полиции Моррис положил себе не меньше пяти.

– Итак, – начал Моррис, откинувшись на спинку стула, – похоже, у вас здесь предполагается очень интересный проект.

– Спасибо, – сказала Кори. – И спасибо, что согласились принять меня в срочном порядке.

– Меня всегда очаровывала история Роринг-Форка. Происшествие с медведем гризли – часть местного фольклора. По крайней мере, для тех из нас, кто знаком с историей. К сожалению, таких сейчас осталось мало.

– Это совершенно уникальная возможность, – сказала Кори, переходя к заученным назубок аргументам. – Она позволит значительно продвинуть научную основу судебно-медицинской экспертизы.

Она говорила со все большим энтузиазмом, а шеф полиции Моррис внимательно слушал, устроив подбородок на мягкой руке. Кори коснулась всех важных сторон: ее проект привлечет внимание прессы по всей стране, отчего управление полиции в Роринг-Форке только выиграет, а «Джон Джей» – первейший в стране колледж, готовящий кадры для полиции, – будет признателен за сотрудничество, и она, несомненно, будет тесно сотрудничать с шефом полиции и подчиняться всем правилам. Она выложила приукрашенную версию своей жизни: как с самого детства хотела стать копом, как получила грант для обучения в «Джоне Джее», как

трудилась без продыху – и завершила дифирамбом в адрес шефа полиции, который так успешно работает в столь замечательном и красивом месте. Кори не скупилась на комплименты и удовлетворенно видела, что он отвечает кивками, улыбками и различными одобрительными звуками.

Закончив, она рассмеялась самым естественным смехом, на какой была способна, и сказала, что слишком уж разговорилась и теперь хотела бы выслушать его соображения.

Тут шеф полиции Моррис отхлебнул еще кофе, похвалил ее за трудолюбие и предприимчивость, отметил, что рад ее приезду, и еще раз подчеркнул, насколько интересным представляется ему этот проект. Тут сомнений нет. Ему, конечно, нужно будет подумать и проконсультироваться с коронером, историческим обществом и еще кое с кем, затем придется получить разрешение местного прокурора… Он допил кофе и ухватился за подлокотники, явно собираясь встать и закончить встречу.

«Катастрофа!» Кори набрала в грудь побольше воздуха:

– Позвольте, я буду с вами абсолютно откровенна.

– Да, конечно.

Он отпустил подлокотники.

– Мне сто лет понадобилось, чтобы наскрести деньги на этот проект. Помимо гранта, мне пришлось подрабатывать в двух местах. Роринг-Форк – одно из самых дорогих мест в стране, и уже одно пребывание здесь обходится мне в целое состояние. В ожидании разрешения я просто разорюсь.

Она сделала паузу и перевела дыхание.

– Откровенно говоря, шеф Моррис, на консультации со всеми этими людьми уйдет масса времени. Возможно, несколько недель. У каждого будут свои соображения. А потом, независимо от того, какое решение вы примете, кто-нибудь почувствует себя обойденным. Это может вызвать разногласия.

– Разногласия, – повторил шеф полиции с тревогой и отвращением в голосе.

– Позвольте, я сделаю альтернативное предложение?

Шеф полиции удивился, но не так чтобы очень:

– Пожалуйста.

– Насколько мне известно, дать такое разрешение исключительно в вашей власти. Поэтому… – Кори помолчала, а потом решила, что лучше не ходить вокруг да около, а выложить все как есть. – Я буду вам невероятно благодарна, если вы дадите разрешение прямо сейчас, чтобы я как можно скорее могла приступить к исследованиям. Мне нужно всего два дня на работу с останками и возможность забрать несколько костей для более тщательного анализа. Только и всего. Чем быстрее это произойдет, тем лучше для всех. Ведь кости просто лежат там. Я могу проделать мою работу так, что никто и не заметит. Зачем давать кому-то время, чтобы они выдвигали возражения? Прошу вас, шеф Моррис… для меня это очень важно!

Она закончила свою речь на более отчаянной нотке, чем хотела, но увидела, что снова произвела на него впечатление.

– Так-так, – сказал шеф полиции. Он откашлялся, прочистил горло и погмыкал еще сильнее, чем прежде. – Я вас понимаю. Гм-гм. Нам не нужны никакие разногласия.

Он перевесился через край кресла и вытянул шею к двери:

– Ширли! Еще кофе!

Секретарь вернулась с двумя новыми стаканчиками. Шеф полиции снова положил в стаканчик немыслимое количество сахара, неутомимо работая ложкой, налил сливки и принялся бесконечно размешивать напиток. Брови его все это время оставались нахмуренными. Наконец он положил пластиковую ложку, поднес стаканчик к губам и сделал большой глоток.

– Я очень сочувствую вашему проекту, – произнес он. – Очень. Знаете, что я вам скажу? Сейчас только полдень. Если хотите, я отвезу вас туда сейчас – покажу вам гробы. Конечно, останки вам сейчас не удастся осмотреть, но вы получите представление о том, что там есть. А я завтра утром дам вам ответ. Вас это устраивает?

– Это будет замечательно! Спасибо!

Шеф полиции Моррис засиял:

– И между нами говоря, я думаю, вы можете не сомневаться, что ответ будет положительным.

Они встали, и Кори с трудом удержалась, чтобы не обнять шефа полиции.

Глава 5

Кори уселась на пассажирское сиденье полицейской машины рядом с шефом полиции, который, видимо, отпустил водителя и сам сел за руль. Машина была не обычная «краун-виктория»[10], а джип «чероки», перекрашенный в два привычных полицейских цвета с символом города Роринг-Форк – тополиным листом на дверях в центре шестиконечной шерифской звезды.

Кори поняла, что ей крупно повезло. Шеф полиции казался порядочным, доброжелательным человеком, и хотя ему вроде бы не хватало внутреннего стержня, он был человеком разумным и поддающимся убеждению.

– Вы прежде бывали в Роринг-Форке? – спросил Моррис, повернув ключ зажигания.

– Никогда. Я даже на лыжах не умею кататься.

– Господи боже. Вам нужно научиться. У нас сейчас разгар сезона – Рождество не за горами, и вообще, так что вы увидите все в лучшем свете.

Джип сбросил скорость на Восточной Мейн-стрит, и шеф полиции принялся показывать Кори важнейшие исторические здания: ратушу, знаменитый отель «Себастиан», знаменитые викторианские особняки. Повсюду были развешены праздничные огни и еловые гирлянды. Снег лежал на крышах, покрывал морозными узорами окна, прогибал ветви елей. Это было похоже на эстампы «Курриер энд Айвз»[11]. Они проехали по торговому кварталу, по улицам, усеянным дорогими бутиками гуще, чем даже «золотая миля» Пятой авеню. По тротуарам шли толпы покупателей, облаченных в меха или элегантные лыжные костюмы. Машины двигались осторожно, словно по льду, и джип оказался зажат в веренице «хаммеров», «мерседесов», «гелендевагенов», «рейнджроверов», «порше-кайенов»… и снегоходов.

– Прошу прощения за такую толкучку, – сказал шеф полиции.

– Вы шутите? Это удивительно! – воскликнула Кори, чуть не вываливаясь из окна, чтобы рассмотреть мелькающие витрины с выставленными в них дорогущими товарами от «Ральф Лорен»,

«Тиффани», «Диор», «Луи Виттон», «Прада», «Гуччи», «Ролекс», «Фенди», «Булгари», «Берберри», «Бриони», – казалось, им не будет конца.

– Количество денег в городе просто не поддается счету, – заметил шеф полиции. – И откровенно говоря, с точки зрения полицейского, это может быть проблемой. Многие из этих людей считают, что законы писаны не про них. Но мы в полицейском управлении города ко всем – и я точно имею в виду всех без исключения – относимся одинаково.

– Хорошая политика.

– В таком городе только такая политика и возможна, – произнес он не без помпезности. – Тут куда ни посмотри – всюду знаменитость либо миллиардер или и то и другое.

– Воров сюда, наверно, как магнитом тянет, – сказала Кори, все еще глядя на дорогие магазины.

– Нет-нет, уровень преступности у нас почти нулевой. Понимаете, город такой изолированный. Ведет сюда всего одна дорога – восемьдесят второе шоссе, зимой проезд затруднен, а нередко и вообще закрыт из-за снега. А наш аэропорт используется только частными самолетами. Потом, нужно помнить о стоимости проживания здесь – это не по карману мелкому воришке! – Он весело рассмеялся.

«Ну уж мне об этом можешь не рассказывать», – подумала Кори.

Теперь они проезжали мимо кварталов, в которых, видимо, была воссоздана атмосфера периода бурного освоения Запада: бары с распашными дверями, пробирные палаты, даже несколько явных – по виду – борделей с ярко разукрашенными окнами. Все было безукоризненно аккуратным и чистым, от сверкающих плевательниц на приподнятых деревянных тротуарах до высоких ложных фасадов зданий.

– Что это такое? – спросила Кори, показывая на семейство, фотографирующееся перед салуном «Идеал».

– Старый город, – ответил шеф полиции. – То, что осталось от первоначального Роринг-Форка. Долгие годы эти здания просто стояли и разрушались. Когда стал развиваться курортный бизнес, их собирались снести. Но кому-то пришло в голову реставрировать

старый город-призрак и превратить его в музей, рассказывающий о прошлом Роринг-Форка.

«Диснейленд встречается с лыжным курортом», – подумала Кори, дивясь чужеродности разбросанных здесь и там остатков прошлого посреди очага столь экстравагантного потребления.

В этот момент мимо них пронесся снегоход, оставляя позади себя клубы измельченного в порошок снега.

– Тут еще и снегоходы? – воскликнула Кори.

– Роринг-Форк – город страстных любителей этого вида транспорта, – объяснил шеф полиции. – Город знаменит не только своими лыжными трассами, но и дорогами для снегоходов. Здесь их многие мили, в основном используются старые дороги, проложенные шахтерами, – они еще сохранились в горах над городом.

Наконец они миновали квартал магазинов и после нескольких поворотов проехали мимо небольшого парка с множеством валунов, усыпанных снегом.

– Парк столетней годовщины города, – объяснил шеф полиции. – Эти камни – часть святилища Джона Денвера[12].

– Джона Денвера? – Кори вздрогнула.

– Каждый год его поклонники приезжают сюда в годовщину его смерти. Это очень трогательное зрелище. Гениальный был человек, и какая утрата.

– Да, безусловно, – быстро проговорила Кори. – Я люблю его творчество. «Высокие скалистые горы» – моя любимая песня всех времен.

– У меня до сих пор, когда вспоминаю, слезы на глазах.

– И у меня тоже.

Они покинули тесно застроенный центр города и поехали мимо сквера, засаженного гигантскими елями, ветви которых поникли под тяжестью снега.

– А почему кладбище было раскопано? – спросила Кори.

Она, конечно, знала ответ, но хотела посмотреть на вещи глазами шефа полиции.

– Тут наверху эксклюзивная застройка под названием «Высоты». Дома по десять миллионов долларов, большие площади, частная дорога в горы, эксклюзивный клуб. Это самый элитный проект в городе, и требования к нему повышенные. Старые деньги и все такое. Еще в конце семидесятых годов «Высоты» приобрели землю, на которой расположено первое городское кладбище, и тогда уже возникли разговоры о его переносе. Времена были такие, что с этим особых проблем не возникало. Ну и вот года два назад они оформили все бумаги и теперь собираются построить там спа-салон и новый клуб. Это, конечно, вызвало скандал, и город подал на них в суд. Но у них такие скользкие юристы. К тому же есть и договор тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, подписанный и заверенный, с неоспоримыми статьями о неотторжимом праве распоряжения. Они выиграли суд и раскопали-таки кладбище – вот вам и весь сказ. Пока останки лежат на складе в горах. В гробах ничего не осталось, кроме пуговиц, ботинок и костей.

– Куда их перезахоронят?

– Застройщик собирается весной перезахоронить их здесь неподалеку.

– А скандал все еще продолжается?

Шеф полиции махнул рукой:

– Ну, после того как кладбище раскопали, шум стих. Да и шумели-то не из-за останков – просто хотели сохранить старинное кладбище. А когда его не стало, люди потеряли интерес к этому делу.

Ели кончились, и перед ними открылась широкая красивая долина, сверкающая в лучах полуденного солнца. У въезда стоял простой, написанный от руки указатель довольно скромных размеров:

«Высоты»

Только для партнеров

Пожалуйста, отметьтесь на контрольном пункте

За указателем была внушительная стена из речных камней с коваными чугунными воротами, за которыми примостилась будка охраны – этакий сказочный домик с заостренной крышей и стенами из кедровой дранки. В долине стояли гигантские особняки,

спрятанные среди деревьев, а за ними поднимались стены, огораживающие долину; среди елей виднелись крыши, многие с каминными трубами, из которых поднимался дымок. А дальше начиналась лыжная зона, склоны нескольких гор были исполосованы лыжными трассами. На фоне сияющего голубого неба Скалистых гор, усеянного облачками, на высоком кряже виднелись другие особняки.

– Мы едем внутрь? – спросила Кори.

– Склад в конце участка – стоит на краю склона.

Охранник махнул, пропуская шефа полиции, и они поехали по дорожке, вымощенной брусчаткой. По дорожке, видимо, недавно прошла уборочная машина, не оставив и следа снега. Впрочем, никакой уборочной машины здесь не было. На абсолютно сухой дороге почему-то не было льда, а по обочинам не лежала гряда снега, какую обычно оставляет бульдозерный нож.

– Обогреваемая дорога? – спросила Кори, когда они проехали мимо здания, похожего на клуб.

– Здесь таких немало. Последнее слово в очистке снега. Снежинки испаряются, коснувшись поверхности.

Дорога пошла вверх, они миновали мост над замерзшим ручьем – шеф полиции сказал, что он называется Сильвер-Куин-Крик, – потом проехали через ворота, ведущие в сервисную зону. За высокой сетчатой оградой на горизонтальной площадке вплотную к лыжной трассе стояли несколько ангаров из гофрированного металла. С крыш свисали сверкающие на солнце сосульки длиной по десять футов.

Шеф полиции заехал на очищенную площадку перед самым большим ангаром, припарковался и вышел из машины. Кори последовала за ним. День стоял холодный, но не очень – около минус пяти градусов – и безветренный. В углу больших ворот имелась маленькая дверь, и шеф полиции Моррис отпер ее. Кори последовала за ним в темноту и сразу же почувствовала запах. Но ничего неприятного, никакого гниения или разложения. Просто запах чернозема.

Шеф полиции включил освещение, и под крышей загорелись натриевые лампы, залив внутренности желтым светом. В ангаре оказалось холоднее, чем под открытым небом. Кори пробрала дрожь, и она поплотнее закуталась в пальто. В передней части ангара, практически у самых ворот, стояли шесть почти одинаковых

снегоходов. За ними – ряд старых ратраков, некоторые из них с широченными гусеницами и фонарями-кабинами имели довольно древний вид. Своей массой они закрывали то, что было за ними. Кори и шеф полиции пробрались между этими машинами и очутились на открытом пространстве. Кори увидела перед собой импровизированное кладбище на брезентовых полотнищах: аккуратные ряды голубоватых пластиковых гробов – такие используют судмедэксперты для вывоза останков с места преступления.

Они подошли к ближайшему ряду, и Кори оглядела первый гроб. К крышке скотчем была прилеплена большая карточка с печатным текстом. Кори присела, чтобы прочесть. На карточке было указано, в какой части кладбища обнаружились эти останки, прилагалась фотография могилы; была графа для сведений о наличии или отсутствия надгробья, а при наличии предусматривалась графа для надгробной надписи вместе с еще одной фотографией. Все было пронумеровано, каталогизировано, систематизировано. Кори вздохнула с облегчением: документация тут была оформлена наилучшим образом.

– Надгробья вон там, – сказал шеф полиции Моррис.

Он показал на дальнюю стену, у которой находилась пестрое собрание надгробий – несколько довольно вычурных из сланца или мрамора, но по большей части валуны или плиты с высеченными на них буквами. Надгробья тоже были каталогизированы и имели карточки.

– Здесь приблизительно сто тридцать человеческих останков, – сказал шеф полиции. – И около сотни надгробий. Про остальных мы не знаем, кто они. Возможно, когда-то на их могилах стояли деревянные кресты. А может, их надгробья были утрачены или похищены.

– А жертвы медведя идентифицированы?

– Нет. Все надписи более или менее одинаковые: имена, даты и иногда библейские изречения или стандартная религиозная эпитафия. На могильных камнях обычно не обозначают причину смерти. И тем более вряд ли кому-то захочется увековечить то обстоятельство, что человек погиб в когтях гризли.

Кори кивнула. На самом деле это не имело значения: она уже

составила список жертв, просмотрев старые местные газеты.

– Можно открыть один из них? – спросила она.

– Не вижу препятствий. – Шеф полиции ухватился за ручку ближайшего короба.

– Постойте. У меня есть список. – Кори открыла свой портфель и вытащила оттуда папку. – Давайте найдем одну из жертв.

– Отлично.

Несколько минут они бродили между гробами, и наконец Кори нашла имя из своего списка: Эммет Боудри.

– Вот этот, пожалуйста, – сказала она.

Моррис ухватился за ручку и снял крышку.

Внутри были остатки сгнившего соснового гроба со скелетом. Крышка сгнила почти полностью, лишь куски ее валялись на днище и на самом скелете. Кори с волнением смотрела на кости. Обе руки и нога лежали с одной стороны, череп был проломлен, грудная клетка вскрыта, обе бедренные кости раздроблены, смяты мощными челюстями – явно для того, чтобы добраться до костного мозга. В ходе своих исследований в «Джоне Джее» Кори повидала немало скелетов с прижизненными повреждениями, но ничего подобного она не видела.

– Господи Исусе, ну тут медведь и постарался, – пробормотал Моррис.

– Не шутите.

Рассматривая кости, Кори обратила внимание на какие-то слабые следы на сломанной грудной клетке. Она опустилась на колени, стараясь рассмотреть получше. Черт, почему она не захватила увеличительное стекло? Девушка обшарила скелет глазами и обнаружила такую же отметину на раздробленной бедренной кости. Она протянула руку, собираясь взять кость.

– Нет-нет, трогать нельзя!

– Мне нужно осмотреть ее внимательнее.

– Нет, – сказал шеф полиции. – Послушайте, мы и так зашли слишком далеко.

– Дайте мне еще минутку, – взмолилась Кори.

– Извините. – Он закрыл гроб крышкой. – У вас еще будет масса времени.

Кори поднялась, озадаченная, не вполне уверенная в том, что она видела. Возможно, это просто игра воображения. В любом случае эти отметины наверняка появились еще при жизни человека, тут нет никаких сомнений. Роринг-Форк в те времена был диким местом. Может, этот парень выжил после поножовщины. Она покачала головой.

– Нам, пожалуй, пора, – сказал шеф полиции.

Они вышли на свет божий, и их почти ослепило сверкание снежного покрова. Но Кори, как ни старалась, не могла избавиться от странного чувства беспокойства.

Глава 6

На следующее утро ей позвонили. Кори в это время сидела в библиотеке Роринг-Форка, читала книгу по истории города. Библиотека (великолепная, надо сказать) размещалась в современном здании, построенном в модернизированном викторианском стиле. Интерьер был потрясающий: полированный дуб, арочные окна, толстые ковры и система непрямого освещения, благодаря которой все купалось в теплом сиянии.

Исторический раздел библиотеки был оборудован по последнему слову техники. Библиотекарь раздела, Тед Роман, очень помог Кори. Этот симпатичный, хорошо сложенный парень лет двадцати пяти недавно закончил университет штата Юта и, будучи фанатом-горнолыжником, решил отдохнуть года два-три. Кори рассказала ему о своем исследовательском проекте и встрече с шефом полиции Моррисом. Тед внимательно выслушал ее, задал несколько умных вопросов и показал, как пользоваться историческим архивом. А в довершении всего пригласил на кружку пива на следующий вечер. И девушка приняла приглашение.

Библиотечное собрание старых газет, плакатов и официальных документов времен серебряного бума было прекрасно оцифровано в формате PDF с возможностью поиска. За несколько часов Кори нашла с десяток статей об истории Роринг-Форка и о гризли-людоеде, некрологи и всевозможные другие публикации, связанные с этим делом, – гораздо больше, чем ей удалось найти в Нью-Йорке.

У городка была захватывающая история. Летом 1873 года бесстрашная группа разведчиков из Лидвилла пренебрегла угрозами индейцев юта, пересекла Континентальный водораздел и проникла в неразведанные западные территории. Здесь они и другие первопроходцы, последовавшие за ними, обнаружили крупнейшее в истории Штатов месторождение серебра. За этим последовала серебряная лихорадка, толпы искателей удачи столбили участки в горах вдоль русла реки Роринг-Форк. Появился город, а вместе с ним толчейные фабрики для дробления руды и быстро сооруженная плавильня для выделения серебра и золота из руды. Вскоре склоны гор были усеяны разведчиками, испещрены шахтами, застроены лагерями. А город кишел горными инженерами, специалистами

пробирного дела, угольщиками, лесорубами, ювелирами, держателями салунов, коммерсантами, погонщиками, шлюхами, рабочими, пианистами, поставщиками алкоголя, мошенниками и ворами.

Первое убийство случилось весной 1876 года. На отдаленном участке на горе Контрабандиста был убит и съеден одинокий добытчик. Хватились его только через две недели, а потому тело было обнаружено лишь спустя значительное время, но высокогорный воздух способствовал его сохранению, и оно смогло рассказать свою печальную историю тем, кто нашел останки. Тело явно было разодрано медведем, потом выпотрошено, конечности оторваны. Медведь, судя по всему, в течение недели несколько раз возвращался, чтобы продолжить пиршество, потому что с большей части костей мясо было сгрызено, язык и печень съедены, внутренние органы разбросаны вокруг и частично сожраны.

В течение этого лета похожее повторилось еще десять раз.

С самого начала в Роринг-Форке – и вообще в Колорадо – всегда свирепствовали агрессивные медведи гризли, которых поселенцы, обосновавшиеся в долинах, вытесняли все выше и выше в горы. Медведь гризли – об этом не без удовольствия говорилось почти в каждом газетном сообщении – был одним из немногих животных, которые охотились на людей и убивали их ради пропитания.

На протяжении этого долгого лета медведем-шатуном гризли на нескольких отдаленных участках были убиты и съедены одиннадцать рудокопов и разведчиков. Охотничья территория зверя была очень обширной и, к несчастью, включала верхнюю часть района, в котором находилась серебряная руда. Убийства вызвали всеобщую панику. Но федеральный закон требовал от рудокопов, чтобы они «разрабатывали участок», если хотят сохранить права на него, так что даже в самый разгар паники большинство рудокопов не оставляли свои участки.

Несколько раз организовывались охотничьи отряды, чтобы выследить этого медведя, но без снега в горах выше верхней границы лесов найти зверя было затруднительно. Однако главная проблема, как это представлялось Кори, состояла в том, что охотники не очень-то и стремились найти зверя. Они больше были склонны обсуждать организационные вопросы в салунах и произносить речи, чем заниматься реальными поисками.

Убийства прекратились осенью 1876 года, перед первым снегом. Со временем люди начали думать, что медведь ушел, сдох или залег в спячку. Следующей весны ждали с опаской, но когда убийства не возобновились…

Кори почувствовала, как завибрировал ее телефон, и вытащила его из сумочки. Звонили из полиции. Она оглянулась, увидела, что библиотека пуста – если не считать помешанного на лыжах библиотекаря, который сидел на своем месте и читал Джека Керуака, – и решила, что можно поговорить прямо из читального зала.

Но звонил ей не шеф полиции, а его секретарша. Прежде чем Кори успела произнести обычные любезности, женщина перебила ее и выпалила:

– Шеф очень сожалеет, но, как выясняется, он не может дать вам разрешения исследовать останки.

У Кори пересохло во рту.

– Что? – прохрипела она. – Постойте…

– У него весь день встречи, и он просил меня позвонить вам. Понимаете…

– Но он сказал…

– Выяснилось, что это невозможно. Он просит извинить его, но он не в силах вам помочь.

– Но почему? – сумела вставить Кори.

– Я не знаю деталей, извините…

– Могу я поговорить с ним?

– Он весь день занят и… гм… всю остальную часть недели тоже.

– Остальную часть недели? Но только вчера он мне говорил…

– Извините, но я вам объяснила, что причины мне неизвестны.

– Послушайте, – начала Кори, безуспешно стараясь контролировать голос, – всего день назад он мне сказал, что никаких проблем не будет. Что он мне разрешит. А теперь вдруг все меняется, он не хочет говорить почему и… дает вам неблагодарное поручение отделаться от меня! Это несправедливо!

В ответ Кори услышала произнесенное ледяным тоном: «К сожалению, ничем не могу вам помочь, это решение окончательное». После чего на линии раздался щелчок, и воцарилась тишина.

Кори села, хлопнула ладонью по столу и воскликнула:

– Черт, черт, черт!

Она подняла голову и увидела, что Тед смотрит на нее широко раскрытыми глазами.

– О господи, – сказала Кори, прижав ладонь ко рту. – Я всю библиотеку испугала.

Тед поднял руку и улыбнулся:

– Как видите, сейчас здесь никого нет. – Он помедлил, потом вышел из-за своего стола и направился к девушке. – Кажется, я понимаю, что происходит, – прошептал он.

– Понимаете? Тогда объясните мне, пожалуйста.

Хотя поблизости никого и не было, Тед еще больше понизил голос:

– Миссис Кермоуд.

– Кто?

– Миссис Бетти Браун Кермоуд добралась до шефа полиции.

– Кто такая миссис Бетти Браун Кермоуд?

Тед закатил глаза и опасливо огляделся:

– С чего начать? Прежде всего, она владеет фирмой «Таун энд маунт риал эстейт» – это городское агентство по продаже недвижимости. Она глава ассоциации квартала «Высоты», именно она проталкивала перемещение кладбища. Она – одна из тех самодовольных личностей, которые возглавляют всё и всех и не терпят никаких возражений. В общем, она верховная власть в городе.

– И такая женщина имеет влияние на шефа полиции?

Тед рассмеялся:

– Вы встречались с Моррисом, да? Хороший парень. Вот только на него все имеют влияние. Но в первую очередь она. Вы уж поверьте мне, она просто ужас, даже ужаснее, чем ее зять Монтебелло. Я уверен, что Моррис искренне хотел дать вам разрешение… пока не

позвонил этой Кермоуд.

– Но ей-то что до этого? Какой вред будет ей от моей работы?

– Вот это вам и нужно выяснить, – сказал Тед.

Глава 7

На следующее утро в девять часов Кори села в арендованную машину и поехала к воротам «Высот». Охранник (далеко не такой дружелюбный, как в тот день, когда она приезжала с шефом полиции) долго и надменно разглядывал ее документ, звонил по телефону, проверяя, действительно ли ее ждут, и все это время бросал презрительные взгляды на ее машину.

Кори держала себя в руках и оставалась вежливой. Наконец ее пропустили, и она поехала по дороге к клубу и офисам. Вскоре в ложе долины показалась группа зданий – живописных, присыпанных снежком и обвешанных сосульками. Из каминных труб поднимался дымок. Еще дальше, на противоположной стороне засыпанной снегом долины, виднелся массивный грязный шрам ведущегося строительства – несомненно, новое здание клуба и спа-салон. Девушка смотрела, как работают экскаваторы и погрузчики, как вгрызаются в землю, и не могла не задавать себе вопрос: зачем им новый клуб, если и старый прекрасно выглядит?

Она припарковалась на площадке для гостей и вошла в здание клуба; секретарь указала ей на офис «Таун энд маунт риал эстейт».

Приемная фирмы поражала роскошью: дерево и камень, на стенах ковры навахо, эффектная люстра из оленьих рогов, кожаная мебель ковбойского стиля и каменный камин, в котором горели настоящие дрова. Кори села и стала ждать.

Час спустя ее проводили в кабинет миссис Кермоуд, президента «Таун энд маунт» и главы ассоциации «Высоты». Кори оделась как можно строже: серый костюм с белой блузкой и туфли на низком каблуке. Она была полна решимости сохранять спокойствие и завоевать симпатии миссис Кермоуд с помощью лести, обаяния и убедительности.

Предыдущий день она провела в упорных поисках компромата на миссис Кермоуд, следуя правилу Пендергаста: если тебе что-то нужно от человека, найди на него какую-нибудь грязь, чтобы можно было торговаться. Но Кермоуд казалась безукоризненной: щедрая благотворительница, старейшина пресвитерианской церкви, волонтер местной столовой для бездомных (Кори удивилась, узнав, что в таком

городке, как Роринг-Форк, есть потребность в кухне для бездомных) и предприниматель безупречной честности. Если кое-кто ее и не любил (а многие даже питали к ней антипатию), то уважали и побаивались ее все.

Миссис Кермоуд поразила Кори. Она оказалась вовсе не старомодной или безвкусной, как можно было предположить по ее имени – Бетти Браун Кермоуд, – а, напротив, исключительно привлекательной женщиной немного за шестьдесят, стройной и подтянутой, с прекрасными платиновыми волосами и без косметических излишеств. На ней была одежда высокого ковбойского стиля: индейская жилетка, усыпанная бусинами, белая рубашка, облегающие джинсы и ковбойские сапоги. Дополняло этот облик навахское ожерелье с висюльками в форме цветка тыквы. Стены кабинета были обвешаны фотографиями хозяйки на изумительном белом коне в горах и на ковбойской арене, где она протискивалась через коровье стадо. В углу стоял кулер. В другом углу красовалось великолепное, отделанное серебром седло западного типа со всевозможными прибамбасами.

Миссис Кермоуд с приветливым видом вышла из-за стола, пожала Кори руку и пригласила сесть. Раздражение, накопившееся у девушки за час ожидания, от этого радушного приема начало рассеиваться.

– Ну, Кори, – произнесла миссис Кермоуд с ярко выраженным техасским акцентом, – я хочу вас поблагодарить за то, что пришли. Это дает мне возможность объяснить вам лично, почему шеф полиции Моррис и я, к сожалению, не можем дать вам разрешения.

– Я надеялась объяснить…

Но Кермоуд поспешила пресечь попытку Кори изложить свою позицию:

– Буду с вами откровенна. Научное исследование этих скорбных останков в рамках студенческой работы, с нашей точки зрения, является оскорблением мертвых.

Такого Кори никак не ожидала.

– Каким же образом?

Кермоуд издала короткий ядовитый смешок:

– Моя дорогая мисс Свенсон, как вы можете задавать такой

вопрос? Разве вы не стали бы возражать, если бы какой-то студент захотел исследовать останки вашего дедушки?

– Я бы не стала возражать.

– Да бросьте, конечно стали бы. По крайней мере, в тех краях, откуда я родом, мы относимся к мертвым с уважением. Это священные человеческие останки.

Кори отчаянно попыталась вернуться к заготовленным ею аргументам:

– Понимаете, это уникальная возможность для судебно-медицинской экспертизы. Это поможет правоохранительным органам…

– Студенческая работа? Вклад в науку? Вы не преувеличиваете немного важность вашего проекта, мисс Свенсон?

Кори глубоко вздохнула:

– Ничуть. Это может стать важнейшим исследованием и источником информации по прижизненным травмам, нанесенным крупным хищником. Когда обнаруживается скелет жертвы убийства, судмедэксперт должен уметь проводить различия между следами зубов хищника и другими посмертными отметинами, с одной стороны, и отметинами на костях, оставленными преступниками, с другой…

– Нет-нет, хватит с меня этой китайской грамоты! – Миссис Кермоуд рассмеялась и махнула рукой, словно ничего не поняла.

Кори решила сменить тактику:

– Это важно лично для меня, миссис Кермоуд… но это может быть важно и для Роринг-Форка. То, что связано с этими останками, весьма конструктивно и позитивно. Это окажет положительное влияние на сообщество и на…

– Это не только неуважительно, – твердо сказала Кермоуд. – Это еще и не по-христиански. В городе много людей, которые сочтут такие действия оскорбительными. Мы являемся хранителями данных останков, и мы серьезно относимся к своей ответственности. Я ни при каких обстоятельствах не могу допустить это.

– Но… – Кори почувствовала, что, несмотря на все усилия, в ней закипает злость. – Но… начать с того, что вы их уже выкопали.

После паузы Кермоуд мягким голосом ответила:

– Решение было принято давным-давно, еще в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году, при поддержке города. Мы здесь, в «Высотах», чуть ли не десять лет планировали построить новый клуб и спа-салон.

– Зачем вам новый клуб, когда у вас уже есть прекрасное здание?

– Нам понадобится более вместительное помещение для третьей очереди на Уэст-Маунтин, где будет построено несколько уникальных домов. И опять же, как я вам не раз говорила, это планировалось долгие годы. Мы несем ответственность перед нашими собственниками и инвесторами.

«Нашими собственниками и инвесторами».

– Мне нужно всего лишь осмотреть кости – при полном моем почтении к покойным – для насущной и важной научной работы. Разве в этом может быть какое-то неуважение?

Миссис Кермоуд поднялась, к ее лицу прилипла широкая улыбка.

– Мисс Свенсон, решение принято, и оно окончательное. А я человек очень занятой. Вам пора уходить.

Кори поднялась. Она почувствовала, как в ней привычно закипает кровь.

– Вы перекопали целое кладбище, чтобы заработать деньги на застройке, вы швырнули покойников в пластиковые гробы, которые сложили на лыжном складе. И при этом вы говорите мне, что я проявлю неуважение к мертвым, если исследую кости? Вы просто лицемерка – тут все совершенно ясно.

Кермоуд побледнела. На ее напудренной шее запульсировала жилка. Голос у нее стал низким, почти что мужским.

– Ты, маленькая сучка, – сказала она. – Я даю тебе пять минут, чтобы убраться отсюда. А если попробуешь вернуться, то тебя арестуют за незаконное проникновение в чужую собственность. Убирайся.

Кори внезапно ощутила необыкновенное спокойствие. Это был конец. Все было кончено. Но она никому не позволит называть себя сучкой. Прищурившись, она уставилась на миссис Кермоуд:

– Вы называете себя старейшиной церкви? Никакая вы не христианка. Вы чертова лицемерка. Лживая, жадная, загребущая лицемерка.

Когда она возвращалась в Базальт, пошел снег. Кори тащилась на своей машине со скоростью десять миль в час, дворники мельтешили без устали, но и без особого толку. И тут ей в голову пришла одна мысль. Эти необычные отметины на костях… Во внезапном прозрении она поняла, каким образом может добиться своего.

Глава 8

Лежа на кровати в мотеле городка Базальт, штат Колорадо, Кори приняла решение. Если эти отметины на костях были именно тем, чем она их считала, то ее проблемы будут решены. Тогда выбора нет: останки придется обследовать. Даже Кермоуд не сможет ей воспрепятствовать. Это будет козырная карта Кори.

Но только если она сумеет это доказать.

А чтобы сделать это, ей нужно еще раз получить доступ к костям. Максимум на пять минут, чтобы можно было сфотографировать их с мощным объективом на ее камеру.

Но каким образом?

Еще не успев задать себе этот вопрос, она знала ответ: ей придется проникнуть туда без разрешения.

Кори ясно понимала все аргументы против таких действий: проникновение на чужую территорию является преступлением. Такой поступок неприемлем этически. Если ее поймают, то можно будет забыть о какой бы то ни было карьере. С другой стороны, задача перед ней стояла довольно простая. Когда она приезжала туда с шефом полиции два дня назад, он не отключал сигнализацию или какую-то другую систему безопасности, просто отпер навесной замок и вошел внутрь. Ангар стоял вдали от жилых домов, окруженный высоким деревянным забором, вокруг росли деревья. Правда, вид на ангары открывался с лыжной трассы на горе, но ночью кататься на лыжах никто не будет. Ангар был обозначен на лыжных картах района, на которых были показаны и вспомогательные дороги, ведущие к нему из зоны обслуживания лыжных трасс вообще в обход «Высот».

Взвешивая все «за» и «против», Кори вдруг поймала себя на мысли: а что бы сделал в этой ситуации Пендергаст? Он никогда не позволял всяким юридическим закорючкам становиться на пути истины и правосудия. Разумеется, он проник бы в ангар и получил нужную ему информацию. Пусть для Эммета Боудри правосудие уже запоздало, но для истины никогда не бывает поздно.

Снег прекратился в полночь, и небо засверкало звездами и луной в три четверти. Было очень холодно. Кори посмотрела погоду на своем айпаде – температура была минус пятнадцать градусов. Когда она вышла из дому, ей показалось, что намного холоднее. Служебная дорога, видимо, предназначалась только для снегоходов и была покрыта утрамбованным снегом, но пройти по ней пешком не составляло труда.

Кори оставила арендованный автомобиль в самом начале дороги, возле небольшой рощицы, чтобы он не привлекал к себе внимания, и двинулась вверх по склону, ощущая тяжесть своего рюкзака, в котором было полно всякой аппаратуры: «кэнон» с треногой и объективом, аккумуляторы, лупы, фотовспышка, болторез, пакеты с застежками-молниями и ее айпад, куда она загрузила учебники и монографии по анализу остеологических травм. Разреженный горный воздух давал о себе знать. Девушка тяжело дышала, и пар от ее дыхания клубился в лунном свете. Ботинки поскрипывали на свежем снегу, лежащем поверх утрамбованного. Внизу огни города сплетались в волшебный световой ковер. Наверху, в желтоватом свете фонарей на столбах, проникающем сквозь ветви елей, виднелся ангар. Было два часа ночи, и вокруг стояла тишина. Единственная активность наблюдалась в горах, где работала трамбовочная техника.

Кори снова и снова прокручивала в голове последовательность своих действий шаг за шагом, доводила их до ума, чтобы провести в ангаре как можно меньше времени. Пять минут, максимум десять – и она должна уйти.

Приближаясь к ангару, девушка внимательно оглядела окрестности, убедилась, что здесь никого нет. Подошла к калитке в ограде и посмотрела поверх нее. Боковая дверь слева, которой воспользовались они с шефом полиции, была залита светом, снег перед ней притоптан. На двери висел замок. Кори по привычке всегда носила с собой набор отмычек. Еще в школе она выучила практически наизусть подпольное издание, известное как «Инструкция Массачусетского института технологии по применению отмычек», и очень гордилась своим умением. Замок на дверях висел самый обычный десятидолларовый из магазина скобяных товаров – с ним проблем не будет. Но чтобы добраться до двери, ей придется пройти по освещенной площадке. А потом – стоять на свету, открывая замок. Эти два пункта были наиболее опасными в ее плане.

Кори подождала, прислушалась, но все было тихо. Снеготрамбовочные машины находились высоко в горах и возвращаться, похоже, пока не собирались.

Она глубоко вздохнула, перепрыгнула через забор и опрометью бросилась через освещенный участок. Отмычки она держала наготове. Замок был холоднее льда, и ее пальцы тут же занемели. Но все же ей удалось отпереть его за двадцать секунд. Девушка открыла дверь, нырнула внутрь и осторожно закрыла ее за собой.

В ангаре стоял лютый холод. Кори вытащила из рюкзака маленький диодный фонарик, включила его и быстро двинулась между рядами снегоходов и древних ратраков в заднюю часть ангара. В свете фонарика тускло поблескивали выставленные аккуратными рядами гробы. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы найти гроб Эммета Боудри. Осторожно, стараясь не шуметь, Кори сдвинула крышку, встала на колени и осветила кости фонарем. Сердце бешено колотилось в груди, руки дрожали. Внутренний голос снова предупредил ее, что она в жизни не делала ничего глупее, и снова другой голос ответил, что это единственный оставшийся у нее путь.

– Сосредоточься, – прошептала она себе. – Не расслабляйся.

Следуя намеченной программе, Кори стянула с рук перчатки, положила рюкзак на землю, расстегнула его. Быстро вставила лупу в глаз, надела перчатки, вытащила из гроба сломанную бедренную кость, которую разглядывала в прошлый раз, и осмотрела ее в свете фонарика. На кости было несколько длинных параллельных царапин. Кори тщательно их изучила – нет ли следов заживления, перестройки костной ткани, выхода надкостницы. Но ничего такого не обнаружила. Продольные царапины были чистыми, свежими и не имели никаких признаков костной реакции. Это означало, что повреждения были получены в момент смерти.

Ни один медведь не мог оставить таких отметин. Это было сделано каким-то примитивным инструментом, возможно лезвием тупого ножа. И очевидно, делалось это для отделения полос мяса от кости.

Но могла ли Кори утверждать это с абсолютной уверенностью? Ее практический опыт был довольно ограниченным. Она снова сняла перчатки и взяла в руки айпад, чтобы свериться с учебником «Анализ травм». Просмотренные ею иллюстрации прижизненных и

посмертных повреждений подтверждали ее первоначальное впечатление. Кори попыталась согреть замерзшие пальцы, подышав на них, но это не помогло, поэтому она снова натянула перчатки и постучала рука об руку, делая это как можно тише. Чувствительность в пальцах вернулась.

Теперь нужно было сфотографировать поврежденную кость. И снова пришлось снять перчатки. Кори вытащила из рюкзака портативный осветитель, аккумулятор и треногу. Потом – цифровую камеру с большим объективом для макросъемки, который обошелся ей в целое состояние. Она прикрутила камеру к треноге, установила ее. Положила кость на пол, настроила все в темноте, как смогла, и включила свет.

Это был еще один опасный момент: свет мог быть виден снаружи. Но с этим ничего нельзя было поделать. Кори все продумала так, чтобы завершить работу как можно скорее, не выключая свет и не включая его заново, и сразу по окончании съемки собраться и делать ноги.

Господи, до чего же ярко горел свет – все вокруг купалось в нем. Кори поспешно навела камеру, настроила фокусировку, быстро сделала с дюжину фотографий, каждый раз передвигая кость и регулируя свет, чтобы фотографии были с разных ракурсов. Делая это, в ярком свете она обнаружила на кости еще что-то: явные отметины зубов. Девушка на мгновение прервала съемку, чтобы рассмотреть их в лупу. Это и в самом деле были следы зубов, но не зубов гризли: отметины слишком неглубокие, расположены слишком близко друг к другу, коронки слишком плоские. Она сфотографировала их под разными ракурсами.

Потом быстро убрала кость в гроб и перешла к следующей аномалии, на которую обратила внимание в прошлый раз, – к проломленному черепу. Повреждение было очень сильным: сам череп и лицевая часть были практически смяты. Самый сильный и, видимо, первый удар пришелся по теменной кости, череп при этом треснул – лучи разошлись в разные стороны от центра и разделили череп по швам. Такие травмы несовместимы с жизнью. Фактура костной ткани в местах трещин свидетельствовала о том, что удар нанесли, когда кость была еще живой.

Аномалией здесь была отметина в месте удара. Кори пригляделась к этой точке. Медведь, безусловно, мог ударом лапы

смять череп или разгрызть его зубами. Но эта отметина не походила на след зуба или когтя. Она имела неправильную форму со множественными вмятинами.

Кори присмотрелась под лупой, и ее подозрения подтвердились. Удар был нанесен грубым тяжелым предметом – почти наверняка камнем.

Она стала работать еще быстрее, сделала с помощью объектива несколько фотографий раздробленного черепа. Это было достаточным доказательством. Или нет? Девушка задумалась на мгновение, схватила два пакета на молнии и сунула в них фрагменты бедренной кости и черепа. Вот это точно было доказательством.

Готово. Кори выключила свет. Теперь у нее есть неопровержимые доказательства того, что Эммет Боудри не был убит и съеден медведем. Нет, он был убит и съеден человеком. Да что там, судя по существенным повреждениям, убийц было двое или трое, а то и больше. Они отключили его ударом по голове, раздробили череп, переломали кости и в буквальном смысле разорвали на части голыми руками. Потом принялись сдирать мясо с костей, используя примитивный нож или кусок металла. И наконец съели его в сыром виде, что подтверждали отметины зубов и отсутствие на костях ожогов или других следов готовки.

Ужасно. Невероятно. Она раскрыла убийство, совершенное сто пятьдесят лет назад. А из этого возникал следующий вопрос: неужели и другие десять добытчиков были убиты таким же образом – людьми?

Кори посмотрела на часы: одиннадцать минут. Ее пробрала дрожь: уже давно пора быть далеко отсюда. Она стала собирать вещи, намереваясь покинуть ангар.

Внезапно ей показалось, что до нее донесся какой-то звук. Она выключила фонарик и прислушалась. Ничего. Но вот снова: еле слышный скрип снега под чьими-то ногами у двери.

Господи, кто-то шел сюда. Страх парализовал ее, сердце колотилось как бешеное. Кори продолжала слушать. Определенно: скрип, скрип, скрип. А потом – в высоком окошке с другой стороны ангара – она увидела луч света, быстро скользнувший по стеклу. Снова тишина. Затем приглушенный разговор и хрип рации.

Снаружи были люди. С рацией.

Охранники «Высот»? Копы?

Кори осторожно застегнула молнию на рюкзаке. Крышка гроба все еще была сдвинута. Вернуть ее на место? Девушка начала двигать крышку, но при этом раздался такой скрежет, что она остановилась. Потом решила, что нужно все же сделать это, и быстрым движением довершила начатое.

Теперь до нее снаружи доносилось куда больше звуков: хруст снега, разговор. Там находилось несколько человек, и они не очень успешно старались производить как можно меньше шума.

Кори перекинула рюкзак через плечо и двинулась от гробов. Нет ли выхода из ангара сзади? Она не знала – было слишком темно, но если бы таковой был, она бы увидела его раньше. Нужно найти укромное место, спрятаться и дождаться, когда люди уйдут.

Девушка на цыпочках направилась в заднюю часть ангара, где лежали громадные детали подъемника для лыжников – опоры, кресла, колеса. Она услышала, как открылась дверь, и пробежала последние несколько ярдов. Приглушенные голоса раздавались уже в самом ангаре. Опять затрещала рация.

Добравшись до разобранного подъемника, Кори встала на четвереньки и, как в лабиринте, поползла среди этих гигантских кусков железа.

Вдруг раздался щелчок, и стали загораться флуоресцентные лампы, заливая ангар ярким светом. Кори поползла быстрее, спряталась за громадной бухтой стального троса, свернулась клубочком, прижимая к груди рюкзак и пытаясь стать как можно меньше. Она ждала, едва осмеливаясь дышать. Может быть, они решат, что навесной замок просто забыли запереть. Может быть, они не заметили ее машину. Может быть, они ее не найдут…

Раздался звук шагов по цементному полу, чей-то быстрый шепот. Теперь Кори различала отдельные голоса и улавливала обрывки фраз. Ее охватил непередаваемый ужас, когда она услышала собственное имя – его ворчливо, недовольно произнесла Кермоуд, растягивая слова на техасский манер.

Она закрыла голову руками в перчатках, словно защищаясь от кошмара. От страха и разочарования сердце готово было выпрыгнуть из груди. Зачем она сделала это? Зачем?

Потом раздался голос Кермоуд, громкий и отчетливый:

– Кори Свенсон?

Ее имя гулко разнеслось по громаде ангара.

– Кори Свенсон, мы знаем, что вы здесь. Мы точно знаем. Вас ждут крупные неприятности. Самое благоразумное для вас выйти самой. Если вы заставите полицейских искать вас, то только усугубите ваше положение. Вам понятно?

Кори задыхалась от страха. Еще звуки. Появились новые люди. Она не могла пошевелиться.

– Ну ладно, – услышала она недовольный голос шефа полиции. – Ты, Джо, иди от задней стены. Фред, оставайся у двери. Стерлинг, посмотри среди снегоходов и ратраков.

Кори по-прежнему не могла пошевелиться. Игра была проиграна. Она должна выйти сама. Но какая-то безумная, отчаянная надежда заставляла ее прятаться.

Она ждала, закопавшись головой еще глубже в перчатки, будто ребенок, прячущийся под одеялом. Услышала звук шагов, скрежет и позвякивание перемещаемого оборудования, шипение и треск раций. Прошло несколько минут. Внезапно почти прямо над ее головой раздалось громкое:

– Она здесь! – А потом: – Это полиция. Поднимитесь медленно и держите руки на виду.

Кори просто не могла пошевелиться.

– Поднимитесь медленно, руки на виду. Я жду.

Ей удалось поднять голову, и она увидела копа, стоящего в нескольких футах от нее с револьвером на изготовку. К первому копу присоединились двое других.

Кори поднялась на ноги – они едва слушались ее – и вытянула руки в стороны. Коп подошел, ухватил ее запястья, завел руки назад и защелкнул наручники.

– Вы можете не отвечать на вопросы, – словно издалека, услышала она его голос. – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде…

Кори не могла поверить, что все это происходит с ней.

– …Вы имеете право проконсультироваться с адвокатом, который может присутствовать во время допроса. Если у вас нет средств, адвокат будет предоставлен вам бесплатно. Вам понятно?

Она не могла произнести ни слова.

– Вам понятно? Прошу вас, ответьте или кивните.

Кори сумела кивнуть.

Коп громко сказал:

– Свидетельствую, что задержанная подтвердила понимание ее прав.

Держа Кори за руку, коп повел ее на открытое пространство. От яркого света она заморгала. Другой коп расстегнул ее рюкзак, просмотрел его содержимое. Вытащил два пакета на молнии с костными останками.

Шеф полиции Моррис с несчастным видом наблюдал за его действиями. Рядом с Моррисом в окружении нескольких охранников «Высот» стояла миссис Кермоуд, одетая в облегающий, с полосками как у зебры, зимний комбинезон с меховой оторочкой, и на ее лице сияла злобная торжествующая улыбка.

– Так-так, – произнесла она, выдыхая пар, как дракон пламя. – Девица, собирающаяся работать в полиции, является преступницей. Я тебя раскусила, как только увидела. Знала, что ты предпримешь что-нибудь в этом роде, – и пожалуйста, сработала как часы: вторжение на частную территорию, вандализм, воровство, сопротивление аресту. – Она взяла пакетик на молнии у полицейского и помахала им перед лицом Кори. – К тому же ты еще и кладбищенский вор.

– Достаточно, – сказал ей шеф полиции. – Прошу вас, отдайте улики полицейскому, и мы пойдем. – Он легонько прикоснулся к локтю Кори. – К сожалению, молодая леди, вы арестованы.

Глава 9

Пять долгих дней провела Кори в окружной тюрьме Роринг-Форка. Сумму залога установили в пятьдесят тысяч долларов, но у нее таких денег не было – да у нее и пяти тысяч не было, – а местный залоговый поручитель отказался предоставить ей свои услуги, потому что она была нездешняя, не имела ни собственности для обеспечения залога, ни родственников, которые гарантировали бы его возврат. Звонить отцу она стыдилась. К тому же у него денег точно никогда не водилось. А больше в ее жизни никого не было, кроме Пендергаста. Но даже если бы она и могла с ним связаться, то скорее бы умерла, чем взяла у него еще денег. В особенности на залог.

Тем не менее письмо ему пришлось написать. Кори понятия не имела, где он и чем занимается. Почти год, как она не имела от него известий. Но он (или кто-то действующий от его имени) продолжал оплачивать ее обучение. И на следующий день после ее ареста, когда эту историю расписали на первой странице «Роринг-Форк таймс», она поняла, что должна написать ему. Потому что если она не напишет, а он узнает о ее аресте от кого-то другого или увидит эти заголовки… Нет, она была обязана первой сообщить ему обо всем.

И Кори написала письмо на его дакотский адрес для пересылки через Проктора. В письме она изложила всю историю без прикрас. Единственное, о чем не упомянула, – это о ситуации с залогом. Перечитав написанное, она сама поразилась тому, какой глупый, самоуверенный и саморазрушительный поступок совершила. Письмо заканчивалось заверениями, что всякие его обязательства перед ней аннулируются и ответа от него она не ждет и не желает. Он может более о ней не беспокоиться. С этого момента она сама отвечает за себя. Осталось одно: когда-нибудь, когда она будет в состоянии это сделать, она вернет ему деньги, которые он пустил на ветер, заплатив за ее обучение в «Джоне Джее».

Написание письма отняло у нее много сил – никогда ей не было так трудно. Пендергаст спас ей жизнь, вытащил из Медсин-Крика, штат Канзас, освободил от пьющей, жестокой матери, заплатил за ее обучение в школе-интернате, а после финансировал ее обучение в «Джоне Джее». И… все коту под хвост?

Но теперь с этим было покончено.

Тюрьма была относительно комфортабельная, и от этого Кори только чувствовала себя хуже. В камере были большие солнечные окна, выходящие на горы, удобная мебель, на полах лежали ковры. Ей разрешалось выходить из камеры с восьми часов утра до десяти тридцати вечера. В свободное время заключенным позволялось находиться в зоне отдыха, читать, смотреть телевизор, говорить с другими. Тут даже был тренажерный зал с орбитреком, силовыми тренажерами и беговой дорожкой.

В тот момент Кори сидела в общей комнате, разглядывала черно-белый клетчатый ковер и ничего не делала. Последние пять дней она пребывала в депрессии и вообще ни на что не была способна – ни читать, ни есть, ни даже спать. Она просто тупо сидела весь день, все дни, глядела в никуда, а потом проводила ночь в камере – лежала на спине на своей кушетке, вперившись в темноту.

– Коринна Свенсон?

Кори подняла голову. В дверях стоял надзиратель с блокнотом в руках.

– Я здесь, – сказала она.

– Приехал ваш адвокат, чтобы вы утвердили его назначение.

А Кори совсем забыла об этом. Она встала и последовала за надзирателем в отдельную комнату. Ей казалось, будто воздух вокруг нее стал плотным, зернистым. Глаза у нее постоянно слезились. Но она не плакала, нет, – просто физиологическая реакция.

Она вошла в небольшое переговорное помещение. Бесплатный защитник ждал ее, сидя за столом с открытым портфелем, на столе были аккуратным веером разложены папки. Его звали Джордж Смит, и Кори уже встречалась с ним несколько раз. Это был человек средних лет, невысокий, лысеющий, с соломенными волосами. На лице его навечно застыло извиняющееся выражение. Он был доброжелателен, старателен, но Перри Мейсона из него не получилось.

– Привет, Кори, – сказал он.

Она молча села.

– Я несколько раз встречался с прокурором, – начал Смит, – и должен сообщить, что у нас наметился кое-какой прогресс в сделке со следствием.

Кори безразлично кивнула.

– Вот, значит, что мы имеем. Вы признаете факт проникновения в ангар, нарушения права собственности и осквернения человеческих останков, а они отказываются от обвинения в мелком воровстве. Максимум, что вы получите, – десять лет.

– Десять лет?

– Я знаю. Я не на это рассчитывал. Но на прокуратуру оказывают сильное давление – требуют для вас максимального наказания. Я этого не понимаю, но, возможно, это связано с тем, что дело приобрело широкую огласку и снова вспыхнули споры вокруг кладбища. Они хотят вашим примером запугать других.

– Десять лет?! – повторила Кори.

– При хорошем поведении вас выпустят через восемь.

– А если мы пойдем в суд?

Лицо адвоката помрачнело.

– Это исключено. Против вас сокрушительные улики. Целый букет преступлений, начиная от категории В и кончая Е, а венчает все это осквернение человеческих останков. Одно лишь последнее преступление тянет на тридцать лет.

– Вы шутите? Тридцать лет?

– Здесь, в Колорадо, это считается особо тяжким преступлением – тут у нас долгая история ограбления могил. – Он помолчал. – Слушайте, если вы не пойдете на сделку со следствием, прокурор разозлится и вполне может запросить для вас наказание по максимуму. Он уже угрожал мне этим.

Кори уставилась на иссеченный царапинами стол.

– Вы должны пойти на сделку со следствием, Кори. Это ваш единственный шанс.

– Но… я не могу в это поверить. Десять лет за то, что я сделала? Да столько не всякому убийце дают!

Долгая пауза.

– Я всегда могу вернуться к прокурору. Но проблема в том, что вас взяли на месте преступления. У вас нет никаких смягчающих

обстоятельств.

– Но я не оскверняла человеческих останков.

– Судя по тому, как это прописано в законе, оскверняли. Вы открыли гроб, вы трогали кости, фотографировали их, две из них взяли с собой. Они выставят эти обвинения, и мне нечего будет возразить. Вряд ли стоит идти на такой риск. Присяжные здесь собираются со всего округа, а не только из Роринг-Форка, а в округе много религиозных фермеров и владельцев ранчо, которые придерживаются консервативных убеждений, для них ваш поступок – серьезное преступление.

– Но я просто пыталась доказать, что отметины на костях… – Она не смогла закончить.

Адвокат развел руками, на его узком лице появилось страдальческое выражение.

– Это максимум, что я могу сделать.

– Сколько у меня времени, чтобы обдумать это?

– Не много. Они в любой момент могут отозвать это предложение. Лучше, если вы решите это прямо сейчас.

– Я должна подумать.

– У вас есть мой телефон.

Кори поднялась, пожала его вялую, потную руку и вышла. Надзиратель, который ждал у дверей, отвел ее назад. Она села и уставилась на черно-белый ковер, погрузившись в размышления о том, какой может быть ее жизнь через десять лет, когда она выйдет из тюрьмы. Глаза у нее снова стали слезиться, она яростно вытерла их, но они продолжали наполняться влагой.

Глава 10

Дженни Бейкер приехала в муниципалитет Роринг-Форка, с трудом таща обеими руками второй портфель шефа полиции Стенли Морриса. Похоже, Моррис на каждое заседание брал два битком набитых портфеля, чтобы быть готовым ответить на любой вопрос. Дженни пыталась убедить его купить планшетный компьютер, но он был убежденным луддитом и не желал пользоваться даже настольным компьютером.

Дженни это нравилось, несмотря на неудобства, связанные с двумя портфелями. Пока что ей легко работалось с шефом, он редко выдвигал какие-либо требования, был всегда дружелюбен. За две недели, что она работала в полицейском управлении, она успела увидеть его расстроенным, обеспокоенным, но ни разу – разгневанным. Вот и теперь он шел рядом с ней, болтая о делах. Наконец они оказались в зале заседаний. Большие заседания городского совета иногда проводились в оперном театре, но предполагалось, что посещаемость этого – тринадцатого декабря, менее чем за две недели до Рождества, – будет низкой.

Она села позади шефа в части зала, предназначенной для официальных лиц города. Они пришли рано – шеф всегда приходил рано, – и Дженни увидела, как появился мэр, сопровождаемый группой планирования, городским прокурором и другими чиновниками, чьих имен она не знала. Сразу же за ними пришли представители «Высот» во главе с миссис Кермоуд, чей аккуратно уложенный шлем светлых волос выглядел абсолютно идеально. За ней следовали ее зять Генри Монтебелло и несколько безликих мужчин в костюмах.

Основным пунктом заседания (повестка дня неизменно публиковалась в газетах) было предложение «Высот» относительно места перезахоронения останков с прежнего кладбища. Заседание началось с обычной клятвы верности флагу и зачтения протокола, и пока это длилось, Дженни вдруг вспомнила женщину по имени Кори, которую она встретила в полицейском управлении и с которой случилось нечто невероятное. Дженни это выбило из колеи. Кори показалась ей такой симпатичной, такой профессиональной – и на тебе, проникла в ангар, осквернила останки, похитила кости. Никогда

не знаешь, на что способны люди. А ведь она еще и студентка «Джона Джея». Такого в «Высотах» никогда не случалось, и весь округ продолжал бурлить, возмущенный преступлением. Ее родители за завтраком только об этом и говорили каждое утро. Даже сегодня, десять дней спустя после происшествия.

Пока шла вступительная часть, Дженни с удивлением наблюдала, как быстро заполняются места для публики. Желающих присутствовать оказалось много, в зале уже яблоку негде было упасть, и тем, кто явился последним, пришлось довольствоваться стоячими местами. Наверняка вопрос о кладбище опять вызовет ожесточенные споры. Дженни надеялась, что заседание не слишком затянется: у нее на вечер было назначено свидание с обедом в ресторане.

Заседание перешло к первому пункту повестки. Адвокат от «Высот» встал и гнусавым голосом зачитал заявление. «Высоты», сообщил он, предполагают перезахоронить останки в поле, которое было закуплено специально для этой цели на склоне холма милях в пяти по 82-му шоссе. Это удивило Дженни. Она всегда думала, что останки будут перезахоронены в городской черте. Теперь она поняла, почему на заседание пришло так много людей.

Адвокат изложил свою юридическую абракадабру: все, мол, абсолютно законно, разумно, благородно, предпочтительно и вообще неизбежно по разным причинам, которых Дженни не поняла. Он продолжал свою речь, а в зале, точнее, в секции, предназначенной для публики, нарастал недовольный гул, ропот, кто-то даже свистнул несколько раз. Дженни посмотрела в ту сторону. Предложение «Высот» явно было встречено без энтузиазма.

Дженни уже хотела снова повернуться к трибуне, как вдруг увидела необычную фигуру в темном костюме, появившуюся в самом конце публичной зоны. Что-то в этом человеке привлекло ее. Белое, словно вылепленное из алебастра лицо? Или волосы, такие светлые, почти белые? Или глаза, такие светло-серо-голубые, что даже с большого расстояния он казался инопланетянином? Какая-то знаменитость? Если нет, решила Дженни, то неизбежно ею станет.

Следующим на трибуну поднялся ландшафтный дизайнер и завел свою шарманку, сопровождая рассказ показом слайдов; картинки, выводимые на маленький экран, знакомили с планом предполагаемого кладбища и представляли его трехмерные

изображения с каменной стеной, причудливым арочным входом из кованого чугуна и мощеными тропинками между могилами. Потом последовали снимки территории – привлекательного зеленого луга в горах. Все было мило, но… за пределами Роринг-Форка.

По мере пояснений дизайнера неодобрительный ропот и беспокойство среди собравшейся публики все нарастали. Дженни узнала репортера из «Роринг-Форк таймс» – он сидел в первом ряду и, судя по удовлетворенному выражению лица, ожидал фейерверка.

И вот наконец поднялась миссис Бетти Браун Кермоуд. В зале воцарилась тишина. Миссис Кермоуд была важной персоной в городе – даже отец Дженни робел при виде ее, – и те, кто собрался, чтобы выразить свое мнение, на время замолкли.

Она начала с упоминания о прискорбно-преступном проникновении в ангар десять дней назад, о шокирующем осквернении останков и о том, что все случившееся вопиет о скорейшем перезахоронении. Мимоходом она упомянула о серьезности этого преступления, настолько тяжелого, что преступник пошел на сделку с судом, в результате чего срок наказания будет уменьшен до десяти лет.

«Высоты», продолжала миссис Кермоуд, относились к этим останкам с крайним почтением и всегда понимали, что их священный долг – обеспечить надлежащее захоронение этих грубых добытчиков, этих пионеров Роринг-Форка, которым нужно воздать должное за их самопожертвование, за их несгибаемый дух и за вклад в открытие Американского Запада. Было найдено, продолжала Кермоуд, идеальное место для упокоения этих людей: на склоне Катамаунта, откуда открывается великолепный вид на Континентальный водораздел. «Высоты» приобрели также более сотни ярдов открытой земли вокруг кладбища, и эта земля навсегда останется дикой. Пионеры Колорадо заслуживают этого – они не должны быть втиснуты на какой-нибудь крохотный городской участок, вокруг которого коммерческая суета, движение машин, магазины, спортивные развлечения.

Презентация была довольно эффектной. Даже Дженни почувствовала, что соглашается с миссис Кермоуд. Когда та вернулась на свое место, недовольный шум полностью стих.

Следующим выступал Генри Монтебелло, который сочетался

браком с кем-то из семьи Кермоуд и в мгновение ока стал влиятельной и уважаемой персоной в городе. Это был пожилой, худой, сдержанный человек, много чего повидавший в жизни. Дженни он не нравился, она даже побаивалась его. У него был рубленый среднеатлантический акцент, отчего любое его замечание казалось циничным. Он с давних пор был главным архитектором «Высот», но в отличие от Кермоуд не жил там – у него был собственный большой особняк и офис на другом конце города.

Монтебелло откашлялся и сообщил собравшимся, что на развитие «Высот» не жалели денег. Но дело даже не в этом. «Высоты» всегда стремились не только отвечать духу и эстетике Роринг-Форка, но и заботиться об экологии, о сохранении окружающей среды. Он может уверенно говорить об этом, продолжал Монтебелло, потому что лично руководил подготовкой территории, участвовал в архитектурном решении домов, клубного дома и других сооружений. Он заявил, что будет курировать создание нового кладбища, уделять ему такое же пристальное внимание, какое он уделяет «Высотам». Из сказанного вроде бы вытекало, что давно ушедшие в мир иной обитатели старого кладбища должны быть благодарны Монтебелло за его личную заботу о них. Он говорил со спокойным достоинством и аристократической солидностью. Но при этом в его словах слышался какой-то угрожающий скрытый смысл, едва ощутимый, но безошибочно угадываемый. Он как будто бросал вызов присутствующим: пусть-ка кто попробует оспорить то, что он сказал. Никто и не осмелился, и Монтебелло вернулся на свое место.

Наконец встал мэр, он поблагодарил миссис Кермоуд и мистера Монтебелло и предложил присутствующим высказаться. Вверх взметнулись несколько рук, и мэр указал на кого-то из желающих. Но когда тот поднялся со своего места, человек в черном костюме, каким-то образом проскользнувший вперед, поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Сейчас не ваша очередь, сэр, – строго произнес мэр, ударив своим молотком.

– Это как посмотреть, – прозвучало в ответ.

Голос был тягучий, как мед, необычный акцент откуда-то с Дальнего Юга – Дженни не смогла определить точнее. Но было в этом голосе что-то такое, что заставило мэра замешкаться и позволило человеку продолжить.

– Миссис Кермоуд, – сказал человек, повернувшись к ней, – как вам прекрасно известно, для эксгумации человеческих останков требуется разрешение правомочного потомка. Если мы имеем дело с историческим захоронением, то здесь и федеральный закон, и закон штата Колорадо требуют, чтобы были предприняты «добросовестные усилия» для обнаружения таких потомков перед проведением эксгумации. Я полагаю, «Высоты» приложили такие усилия?

Мэр ударил молотком:

– Я повторяю, сейчас не ваша очередь, сэр!

– Я рада ответить на этот вопрос, – ровным голосом произнесла миссис Кермоуд. – Мы и в самом деле предприняли немалые усилия, чтобы найти таких потомков. Но никого не обнаружили. Эти добытчики были в основном бродягами, не имели семей, и умерли они более полутора столетий назад, не оставив потомства. Все это отражено в официальных документах.

– Отлично, – поспешил вмешаться мэр. – Благодарю за ваше мнение, сэр. У нас есть еще много других, кто желает выступить.

Но человек не обратил на него внимания.

– Это странно, – сказал он. – Потому что за пятнадцать минут неторопливого, гм, интернет-серфинга я смог обнаружить прямого наследника одного из добытчиков.

Наступило молчание, затем заговорил мэр:

– Кто вы такой, сэр?

– Я скажу об этом через минуту. – Человек поднял руку с какой-то бумагой. – У меня здесь письмо от капитана Стейси Боудри из ВВС США, она только что вернулась из Афганистана. Когда капитан Боудри узнала, что вы здесь выкопали останки ее прапрадедушки Эммета Боудри, засунули их в короб и положили в грязный ангар для хранения оборудования на лыжном склоне, она пришла в неистовство. Строго говоря, она собирается подать на вас в суд.

Это сообщение было встречено тишиной.

Человек показал еще одну бумагу:

– Закон Колорадо очень строг по отношению к тем, кто оскверняет кладбища и останки усопших. Позвольте мне прочесть выдержку из Уголовного кодекса и законов штата Колорадо, глава

девяносто семь «Осквернение кладбища».

Он начал громко зачитывать:

> «Статья 2 (а). Любое лицо, которое заведомо и умышленно выкопает тело или останки какого-либо человеческого существа (за исключением предусмотренных законом случаев с разрешения правомочного потомка) или посредством устного либо письменного слова, а также действия побудит других к таковому деянию, по решению суда будет признано виновным в преступлении разряда А и будет подлежать заключению на срок не более чем в тридцать (30) лет или штрафу на сумму не более чем в пятьдесят тысяч долларов ($50 000,00) или тому и другому по усмотрению суда».

Разгневанный мэр вскочил со своего места и ожесточенно шарахнул молотком.

– Здесь вам не судебное присутствие! – (Бах!) – Я не позволю срывать заседание. Если у вас, сэр, есть какие-то юридические претензии, ступайте с ними к городскому прокурору, но не смейте препятствовать общественному мероприятию!

Однако эта речь не смутила человека в черном костюме.

– Господин мэр, позвольте мне обратить ваше внимание на эту деталь: «или посредством устного либо письменного слова, а также действия побудит других к таковому деянию». Мне представляется, что это имеет отношение непосредственно к вам, а также к миссис Кермоуд и шефу полиции. Вы все трое несете ответственность за «устные либо письменные слова, а также действия», которые способствовали противозаконной эксгумации Эммета Боудри. Не так ли?

– Хватит! Охрана, удалите этого человека из зала!

Двое полицейских начали пробираться к человеку в черном, но он заговорил снова, рассекая воздух голосом, словно бритвой:

– И не собираетесь ли вы осудить человека на десять лет за нарушение того самого закона, который вы сами так беззастенчиво нарушили?

В зале поднялся шум: кто-то поддерживал оратора, кто-то

выступал против него. Люди переговаривались, вскакивали на ноги, выкрикивали «Это и в самом деле так?» и «Что тут у нас в городе происходит?», а также «Выкиньте его отсюда!» и «Кто он такой, черт побери?».

Двое полицейских протолкались через толпу в проходе. Один из них взял человека за руку:

– Не устраивайте здесь беспорядков, сэр.

Человек высвободился из полицейской хватки:

– Я бы не советовал вам прикасаться ко мне.

– Арестуйте его за нарушение порядка! – крикнул мэр.

– Пусть говорит! – раздался чей-то выкрик.

– Сэр, – услышала Дженни голос полицейского, – если вы не подчинитесь, нам придется вас арестовать.

Шум в зале заглушил ответ человека в черном. Мэр принялся колотить молотком, призывая всех к порядку.

– Вы арестованы, – сказал полицейский. – Заведите руки за спину.

Но человек, вместо того чтобы подчиниться приказу, вытащил бумажник и одним плавным движением раскрыл его. Блеснул золотой значок.

Гомон в зале стал смолкать.

– Это ответ на ваш предыдущий вопрос, – сообщил человек мэру со своим приятным южным акцентом. – Я специальный агент Пендергаст из Федерального бюро расследований.

Весь зал погрузился в гробовую тишину. Дженни никогда прежде не видела такого выражения, какое появилось теперь на лице миссис Кермоуд: смесь потрясения и ярости. Лицо Генри Монтебелло оставалось бесстрастным. Что касается шефа полиции, то его словно парализовало. «Парализовало» не то слово – в нем что-то сломалось. Он ссутулился, будто хотел вжаться в стул и исчезнуть. Мэр был просто уничтожен.

– Эммет Боудри, – продолжил человек по фамилии Пендергаст, – это всего лишь один из ста тридцати покойников, за осквернение останков которых вы четверо – миссис Кермоуд, мэр, мистер

Монтебелло и шеф полиции – несете ответственность по закону штата Колорадо. Здесь совмещается уголовная и гражданская ответственность.

Первой оправилась миссис Кермоуд:

– Вот, значит, как у нас действует ФБР? Вы вторгаетесь сюда, нарушаете ход публичного заседания и еще угрожаете нам? А настоящий ли вы агент? Подойдите-ка сюда и предъявите ваше удостоверение мэру, как полагается!

– С удовольствием.

Бледнолицый человек прошел сквозь дверку, отделяющую публичную часть зала от официальной, и с невинным видом двинулся по проходу. Он остановился перед мэром и положил на стол значок агента ФБР. Мэр внимательно изучил значок с озабоченным и даже испуганным видом.

Неожиданно агент Пендергаст ловким движением сорвал микрофон мэра с подставки. Только теперь Дженни поняла, что приглашение незнакомого человека в официальную зону было опрометчивым. Она увидела, что репортер «Роринг-Форк таймс» записывает что-то с бешеной скоростью, а на его лице застыло выражение чистого наслаждения.

Мэр наконец заговорил. Ему пришлось напрячь голосовые связки, потому что он лишился микрофона.

– Вы находитесь здесь в вашем официальном статусе, агент Пендергаст?

– Пока нет, – ответил человек в черном.

– Тогда я предлагаю перенести нашу встречу, чтобы наши адвокаты, адвокаты «Высот» и вы могли обсудить эти вопросы частным образом.

Удар молотка поставил точку.

Облаченная в черное рука агента Пендергаста взметнулась, схватила молоток и убрала его за пределы досягаемости мэра.

– Хватит этого дикого стука.

Его действия вызвали смех в публике.

– Я еще не закончил, – раздался голос Пендергаста, усиленный

динамиками. – Капитан Боудри написала мне, что, поскольку останки ее прапрадедушки были варварским способом извлечены из могилы и ничто не может искупить оскорбление его памяти, она полагает, что его останки, по меньшей мере, должны быть обследованы на предмет выявления причин смерти – конечно, в исторических целях. Поэтому она дала разрешение некой мисс Коринне Свенсон исследовать эти останки перед повторным захоронением. И кстати, в первоначальном месте их упокоения.

– Что? – Кермоуд в ярости вскочила с места. – Значит, вас подослала эта девчонка? Она стоит за всем этим?

– Она даже не знает, что я здесь нахожусь, – ровным голосом сказал Пендергаст. – Однако мне представляется, что самое серьезное обвинение против нее более неактуально, зато оно предъявляется вам четверым. Теперь вам грозит тридцатилетний приговор, но это каждому в отдельности, а сумма составит сто двадцать лет. – Он помолчал. – Если сложить все ваши отдельные приговоры.

– Ваши обвинения оскорбительны! – воскликнул мэр. – Я закрываю заседание. Полиция, немедленно очистить помещение!

За этими словами последовал хаос. Но Пендергаст и пальцем не шевельнул, чтобы не допустить его. В конечном счете зал заседаний был очищен, и специальный агент остался наедине с отцами города, адвокатами «Высот», Кермоуд, Монтебелло, шефом полиции Моррисом и еще несколькими чиновниками. Дженни, затаив дыхание, сидела рядом со своим начальником. Что будет дальше? Впервые у Кермоуд был побежденный вид: лицо осунулось, платиновые волосы растрепались. Шеф полиции покрылся потом, мэр побледнел.

– Похоже, завтра в «Роринг-Форк таймс» появится скандальная статья, – заметил Пендергаст.

Это сообщение потрясло всех еще сильнее. Мэр отер платком лоб.

– Но мне хотелось бы, чтобы, кроме этой статьи, появилась еще одна.

Последовало долгое молчание. Первым заговорил Монтебелло:

– И какая же?

– Сообщение о том, что вы, – агент Пендергаст повернулся к

шефу полиции, – сняли все обвинения с Коринны Свенсон и выпустили ее из тюрьмы.

Он сделал паузу, чтобы это дошло до сознания присутствующих.

– Как я уже сказал, самое серьезное обвинение против нее теперь недействительно. Мисс Свенсон имеет разрешение обследовать останки Эммета Боудри. Остальные обвинения – нарушение права владения, и В, и Е – не столь серьезны, и от них можно отказаться без особых проблем. Практически все может быть сведено к взаимному недопониманию, возникшему между шефом полиции и мисс Моррис.

– Это шантаж, – выдавила из себя Кермоуд.

Пендергаст повернулся к ней:

– Я мог бы сказать, что дело тут не в недопонимании. Насколько мне известно, шеф полиции Моррис пообещал, что она получит доступ к останкам. Но потом отказался от своих слов из-за вашего давления. Это было несправедливо. Я просто исправляю зло.

Последовала пауза – все переваривали услышанное.

– А что вы сделаете для нас в обмен? – спросила Кермоуд. – Если шеф выпустит эту вашу подружку?

– Я постараюсь убедить капитана Боудри не подавать *официальную* жалобу в ФБР, – ровным голосом произнес Пендергаст.

– Понятно, – сказала Кермоуд. – Всё, значит, зависит от капитана Боудри. Если, конечно, такая личность существует.

– К несчастью для вас, Боудри довольно редкая фамилия. Это облегчило мою задачу. Телефонный звонок позволил установить, что она хорошо осведомлена о своих колорадских корнях и даже очень ими гордится. Миссис Кермоуд, вы утверждали, что «Высоты» приложили добросовестные усилия для обнаружения потомков. Это явная ложь. Естественно, подобное не может не заинтересовать ФБР.

Дженни заметила, что под косметикой лицо миссис Кермоуд смертельно побледнело.

– Давайте говорить напрямик. Эта девица, Свенсон, – она что, ваша любовница? Родственница?

– Она мне не родственница. – Агент Пендергаст прищурил свои водянистые глаза и посмотрел на Кермоуд взглядом, от которого ей

стало не по себе. – Но я тем не менее останусь в Роринг-Форке на Рождество, чтобы вы не вздумали еще раз предпринять что-нибудь против нее.

Пендергаст повернулся к шефу Дженни:

– Я предлагаю вам немедленно позвонить в газету – насколько я понимаю, они вот-вот должны сдавать номер в печать. Я уже заказал для мисс Свенсон номер в отеле «Себастиан». И я надеюсь, что – ради вашего же блага – ей не придется провести еще одну ночь в тюрьме.

Глава 11

За несколько минут до полуночи серебряный кабриолет «Порше 911 Турбо S» подъехал к роскошной двери дома номер три на Куэйкин-Аспен-драйв, но не остановился, а проехал дальше – в тень четырехместного гаража.

Молодой человек за рулем перевел рукоять в режим парковки.

– Твой дом, – сказал он. – Как ты и просила.

Он перегнулся через переключатель передач и попытался обнять девушку.

– Прекрати, – сказала она, отталкивая его.

Молодой человек притворился обиженным:

– Ведь я твой друг, правда?

– Правда.

– Тогда подайте мне мои привилегии.

Он предпринял еще одну попытку прижаться к ней.

– Ну что ты пристал? – Девушка со смехом вышла из машины. – Спасибо за обед.

– И за кино.

– И за кино.

Дженни Бейкер захлопнула дверь и проводила взглядом машину, которая преодолела длинную петляющую подъездную дорожку и выехала на дорогу, ведущую к воротам «Высот» в полумиле отсюда. Для многих ее школьных подружек в Лос-Анджелесе потеря девственности была своеобразным знаком доблести: чем скорее, тем лучше. Но у Дженни на сей счет было другое мнение. Не при первом свидании и уж конечно не с таким ненормальным, как Кевин Трагерн. Как и многие молодые люди в Роринг-Форке, он думал, что денежки его отца – вполне достаточное оправдание для того, чтобы залезть в трусы к девушке.

Дженни поспешила к ближайшим воротам гаража и, набрав номер на кодовом замке, дождалась, когда они поднимутся. Потом

прошла мимо ряда сверкающих дорогих машин, нажала кнопку, закрывающую ворота, и открыла дверь, ведущую в дом. Сигнализация была, как обычно, выключена – в Роринг-Форке ограблений практически не случалось. А уж в «Высотах» такого не было вообще ни разу, если, конечно, не считать недавнего проникновения Кори Свенсон в ангар. Мысли Дженни вернулись к сегодняшнему заседанию городского совета, к потрясающему агенту ФБР в черном костюме, который сошел в зал, словно ангел мести. Девушка сочувствовала своему шефу: он был неплохой человек, вот только позволял другим людям – вроде этой ведьмы Кермоуд – садиться себе на шею. Она была рада, что этот агент (она вспомнила его фамилию: Пендергаст) вызволил Кори из тюрьмы. Дженни надеялась еще раз увидеть ее и, может, порасспросить о «Джоне Джее», если шеф не будет возражать.

Она прошла через прихожую, кладовую и оказалась в просторной кухне. Через стеклянную дверь ей была видна елочка, наряженная, с мигающими лампочками. Родители и младшая сестра наверняка наверху – спят.

Дженни щелкнула выключателями, и вспыхнули лампы, осветив длинный кухонный стол с гранитной столешницей, духовку «Вольф», холодильник с морозилкой «Саб-Зеро» и три двери, ведущие в помещение, где стояла стиральная машина, во вторую кухню и в столовую.

Внезапно Дженни поняла, что не слышит постукивания когтей по полу и не видит лохматого дружелюбного пса, машущего от радости своим безобразным хвостом.

– Рекс? – позвала она.

Пес не отозвался.

Пожав плечами, она достала из буфета стакан, подошла к холодильнику (на который Сара, как обычно, налепила дурацкие фотографии рэперши Ники Минаж), налила в стакан молока и села за стол в уголке. На диванчике у окна лежала стопка книг и журналов, Дженни отодвинула часть из них в сторону (отметив, что Сара наконец вняла ее совету и стала читать «Обитатели холмов»[13]) и нашла свой экземпляр книги «Криминальная юстиция сегодня» Шмаллегера. И тут она заметила, что один из стульев у кухонного стола перевернут.

Беспорядок.

Дженни нашла страницу, на которой остановилась, и принялась читать, попивая молоко. Ее отец, известный голливудский адвокат, чуть с ума не сошел, когда узнал, что дочь хочет работать в полиции. Он был склонен воспринимать копов и прокуроров как низшие формы жизни. Но вообще-то говоря, он сам был отчасти виноват в том, что у нее возник интерес к службе в полиции. Премьеры детективных фильмов, на которые она ходила (а продюсировали или ставили эти фильмы клиенты ее отца), еще в детстве разбудили в ней интерес к этой работе. И со следующей осени она начнет изучать предмет систематически – поступит на первый курс Северо-Восточного университета.

Допив молоко, Дженни закрыла книгу, поставила стакан в раковину и вышла из кухни, направляясь к лестнице и в свою комнату. У ее отца были связи, и он воспрепятствовал ее летней практике в Калифорнийской полиции, но помешать ее зимней стажировке в полицейском управлении Роринг-Форка он не смог. Сама эта идея сводила его с ума.

И это, конечно, прибавляло удовольствия.

В огромном, беспорядочно спланированном доме стояла тишина. Дженни поднялась по изогнутой лестнице на второй этаж, где царила темнота. Поднимаясь, она снова вспомнила таинственного агента ФБР. «ФБР, – подумала девушка. – Может быть, на следующее лето попробовать пройти практику в Квонтико…»[14]

Она остановилась на верхней ступеньке. Что-то в доме было не так. Несколько мгновений она не могла понять что. Потом поняла: дверь в спальню Сары была распахнута и оттуда в холл проникал тусклый свет.

В шестнадцать лет Сара достигла возраста, когда подростковая личная жизнь приобретает первостепенную важность. Теперь дверь в ее комнату была постоянно закрыта. Дженни принюхалась, но запаха марихуаны не почувствовала. Девушка улыбнулась. Вероятно, ее сестра уснула, читая журнал или книгу. Она воспользуется этой возможностью и просмотрит вещи сестры. Это ее наверняка разозлит.

Неслышно ступая, Дженни осторожно прошла по холлу к комнате сестры. Оперлась рукой о дверной косяк и просунула внутрь голову.

Поначалу она никак не могла понять, что видит. Сара лежала на кровати, крепко связанная упаковочной проволокой, изо рта у нее торчала грязная тряпка, а в ней виднелся бильярдный шар (Дженни заметила номер 7, выгравированный на желто-белой поверхности), привязанный амортизирующей веревкой к изголовью. В слабом голубоватом свете Дженни увидела, что колени сестры обильно кровоточат, пятная покрывало. От ужаса и потрясения Дженни судорожно вздохнула и вдруг заметила, что Сара смотрит куда-то ей за спину широко раскрытыми глазами, испуганными и умоляющими.

И тут она уловила что-то краем глаза. Быстро повернулась и увидела в холле вселяющее страх видение – фигуру в черных джинсах и облегающей кожаной куртке. Фигура была безмолвна и абсолютно неподвижна. Руки в перчатках сжимали бейсбольную биту. Но хуже всего была клоунская маска – белого цвета, с огромными красными губами, искривленными в сумасшедшей ухмылке, и ярко-красными пятнами на щеках. Дженни отшатнулась, почувствовала слабость в ногах. Через прорези по обеим сторонам длинного заостренного носа на нее смотрели темные глаза; страшные в своем равнодушии, они являли собой жуткую противоположность ухмыляющейся маске.

Дженни открыла рот, чтобы закричать, но фигура, неожиданно пришедшая в бешеное движение, прыгнула вперед и заткнула ей рот и нос какой-то вонючей тряпкой. Девушка отключилась и осела на пол, но, пока чернота не обволокла ее целиком, она еще успела услышать тихий тоненький плач, прорывающийся сквозь кляп во рту Сары…

Медленно, очень медленно чувства возвращались к ней. Все вокруг было размытым, как в тумане. Несколько мгновений Дженни не могла понять, где она. Она лежала на чем-то жестком и ровном, словно бы охватывающем ее. Оглядевшись в полутьме, она поняла, что лежит в собственной ванне. Что она здесь делает? Ощущение было такое, будто она проспала несколько часов. Но нет, настенные часы показывали без десяти час. Значит, она была без сознания всего несколько минут. Дженни попыталась встать, но тут поняла, что связана по рукам и ногам.

В этот момент она с ужасом вспомнила, что произошло, и это понимание обрушилось на нее неподъемным грузом.

Сердце учащенно забилось, молотом застучало в груди. Тряпка все еще была у нее во рту. Дженни попыталась ее выплюнуть, но не смогла. Ее щиколотки и запястья были надежно связаны. Перед ее мысленным взором замелькали жуткой чередой фотографии с мест преступления.

«Меня изнасилуют», – подумала она, и ее пробрала дрожь при воспоминании об этой ухмыляющейся клоунской маске. Но… если бы ее собирались изнасиловать, то не стали бы связывать таким образом. Это было незаконное проникновение в жилище, и она попала прямо в лапы к преступнику.

Незаконное проникновение в жилище.

«Может быть, ему нужны только деньги, – подумала она. – Может быть, ему нужны только драгоценности. Он возьмет все, что ему удастся найти, и уйдет, а потом…»

Но все это было сделано с такой ужасающей бесшумностью, с такой дьявольской сноровкой. Сначала Сара, затем она…

«…А что с мамой и папой?»

При этой мысли ею овладела страшная паника.

Дженни попробовала освободиться, бешено заработала челюстями и языком, чтобы вытолкнуть засунутую в рот тряпку. Попыталась подняться, но от мучительной боли, пронзившей ноги, чуть снова не потеряла сознание. Она увидела, что ее коленные чашечки разбиты, как и у сестры: сквозь порванную окровавленную кожу торчали раздробленные кости. Дженни вспомнила бейсбольную биту, которую сжимала рука в черной перчатке, и застонала от отчаяния, забилась на дне ванны, несмотря на дикую боль в ногах.

Неожиданно из холла донесся шум борьбы: кричал ее отец, мать плакала в страхе. Дженни охватил невыразимый ужас. Она слышала, как переворачивается мебель, слышала звон разбиваемого стекла. Вопли матери стали громче. Тяжелый удар – и гневные, тревожные крики отца сменились криками боли. Раздался страшный треск – удар дерева по кости, – и голос отца внезапно пресекся.

С колотящимся сердцем Дженни вслушивалась в кошмарную тишину, жалобно поскуливая. И вот раздался другой звук: рыдания, топот бегущих ног – это ее мать бежала по холлу, пытаясь спастись. Дженни услышала, как мать вбежала в комнату Сары и закричала.

Потом из холла донеслись более тяжелые шаги. И Дженни знала, что это не шаги отца.

Еще один вопль ужаса и топот ног матери по лестнице. «Она сумеет убежать, – подумала Дженни со вспыхнувшей надеждой. – Она включит сигнализацию, позовет соседей, полицию…»

Потом – быстрый топот незнакомых ног по лестнице.

Захлебываясь от ужаса, Дженни слушала, как затихают эти звуки. Она слышала, как ее мать пробежала по кухне к щитку тревожной сигнализации. Затем раздался крик – ее успели перехватить. Стук упавшего стула, звук падающей на пол посуды. Дженни билась в ванной, пытаясь порвать путы, но слышала все это и с ужасающей ясностью представляла себе погоню. Вот мать бежит по кабинету, гостиной, библиотеке. Мгновение тишины – и тихий, осторожный скрип петель: ее мать опасливо открывает дверь в бассейн. «Она выберется из дома через задний выход, – подумала Дженни. – А там рядом дом Макартуров».

И вдруг – несколько жестоких ударов подряд. Пронзительный вопль матери, а после – тишина.

Нет… не совсем тишина. Рыдая с широко раскрытыми от ужаса глазами, Дженни прислушалась; кровь шумела у нее в ушах, но она снова различила те незнакомые шаги, теперь неторопливые, уверенные. Они приближались. Пересекли холл внизу. Стали подниматься по лестнице. Дженни услышала, как скрипнула ступенька – отец столько раз грозился ее починить.

Ближе. Ближе. Шаги в коридоре. В ее спальне. И вот в дверях ванной появляется темная фигура. Тишина, слышен лишь звук затрудненного дыхания. Клоунская маска ухмыляется ей. В руках уже нет биты. Вместо биты аэрозольный баллончик, отливающий светлым золотом в сумеречном свете.

Тот, кто вторгся в ее дом, вошел в ванную.

Пока он приближался, Дженни продолжала крутиться в ванне, несмотря на боль в коленях. Человек в маске навис над ней и вытянул перед собой руку с баллончиком. Потом он начал молча поливать Дженни из баллончика длинными дугообразными струями, и она почувствовала резкий запах бензина.

Дженни неистово старалась освободиться от пут.

Клоунская Маска методично поливал ее бензином, ничего не пропуская: ее волосы, ее одежду, поверхность ванны, в которой она лежала. Когда попытки Дженни освободиться приобрели совершенно исступленный характер, человек поставил баллончик и сделал шаг назад. Засунул руку в карман кожаной куртки, вытащил спичку. Осторожно держа ее за самый конец, чиркнул головкой о шершавую поверхность стены, и головка вспыхнула желтым пламенем. Бесконечную, мучительную секунду пламя витало над ней.

А потом указательный и большой палец разжались, и спичка упала.

…И мир Дженни растворился в реве пламени.

Глава 12

Войдя в ресторан отеля «Себастиан», Кори Свенсон остановилась, пораженная его роскошью. Интерьер был решен в стиле «веселых девяностых»[15]: обои с рисунком из красного бархата, полированная латунь и хрустальные украшения, потолки из прессованной жести, викторианские столы красного дерева и стулья, отделанные шелком и золотом. Большие окна выходили на Мейн-стрит, светящуюся перед Рождеством множеством огней, на еловые заросли в предгорьях, на лыжные склоны и горные пики вдали.

Хотя время приближалось к полуночи, в ресторане было полно народа, и в оживленный гул голосов вкрапливались звон бокалов и шаги официантов. Свет был приглушен, и Кори понадобилось несколько секунд, чтобы найти одинокую фигуру Пендергаста, сидевшего за неприметным столиком у окна.

Она отмела настойчивые предложения метрдотеля помочь ей – на ней все еще была та же одежда, что и в тюрьме, – и направилась к столику Пендергаста. Он поднялся, протянул ей руку. Кори испугал его вид: казалось, он побледнел еще сильнее, похудел, стал еще более аскетическим – она подумала, что для данного случая подходит слово «очистился».

– Кори, я рад вас видеть. – Он взял ее руку в свою, холодную, как мрамор, потом отодвинул для нее стул.

Кори села. Она репетировала то, что собиралась сказать, и теперь заготовленные слова полились из нее бурным потоком:

– Не могу поверить, что я на свободе… Как мне вас благодарить? Меня так надули, то есть просто облапошили, вы знаете, они уже заставили меня пойти на сделку со следствием и согласиться на десять лет заключения… я думала, что моя жизнь кончена… спасибо вам, спасибо вам за все, что спасли мою задницу, что вызволили меня из того дерьма, куда я попала из-за собственной невообразимой, непроходимой глупости. Я так сожалею, так сожалею…

Поднятая рука остановила этот фонтан.

– Вы не выпьете? Может быть, вина?

– Мм… но мне только двадцать.

– Да, конечно. Тогда я закажу бутылку для себя.

Пендергаст взял винную карту в кожаном футляре, такую массивную, что вполне сгодилась бы как орудие убийства.

– Да, тут будет получше, чем в тюрьме, – сказала Кори, оглядывая интерьер и вдыхая ароматы еды.

Трудно было поверить, что всего несколько часов назад она сидела за решеткой и ее жизнь была, считай, уничтожена. Но опять, словно ангел-спаситель с небес, явился агент Пендергаст и все изменил.

– Они возились с бумагами гораздо дольше, чем я рассчитывал, – заметил Пендергаст, просматривая винную карту. – К счастью, ресторан в «Себастиане» работает за полночь. Я думаю, «Шато Пишон-Лонгвиль» двухтысячного года подойдет, вы как считаете?

– Прошу прощения, я совсем не разбираюсь в винах.

– Пора учиться. Это одно из истинных и древних удовольствий, которые делают человеческое существование сносным.

– Мм… я знаю, сейчас неподходящий момент… но я должна вас спросить… – Кори поймала себя на том, что щеки у нее зарделись. – Почему вы вот так взяли и спасли меня? И почему вы делаете все это? Вызволили меня из Медсин-Крика, оплатили учебу в интернате, частично оплачиваете мое обучение в «Джоне Джее»… Почему? Я ведь никто, и звать меня никак.

Пендергаст посмотрел на нее непроницаемым взглядом:

– Я думаю, каре ягненка на двоих по-колорадски подойдет к этому вину. Насколько я понимаю, каре выше всех похвал.

Кори взглянула в меню. Если честно, она чуть не умирала от голода.

– Меня устраивает.

Пендергаст махнул официанту и сделал заказ.

– Так вот, возвращаясь к моему вопросу… я бы хотела знать раз и навсегда, почему вы помогали мне все эти годы. Особенно если учесть, что я то и дело выеживаюсь.

И опять она встретила его непроницаемый взгляд.

– «Выеживаюсь»? Как я вижу, ваша склонность к очаровательным эвфемизмам не уменьшилась.

– Ну, вы же поняли, о чем я говорю.

Взгляд его был устремлен куда-то в вечность. Наконец Пендергаст сказал:

– Я думаю, настанет день, и из вас получится хороший полицейский или криминалист. Вот почему. Никаких других причин нет.

Кори снова почувствовала, как румянец заливает ее щеки. Она не была уверена, что ей понравился такой ответ, и пожалела, что вообще спросила об этом.

Пендергаст снова взял винную карту:

– Примечательно, какое количество бутылок отличного французского вина, и к тому же редкого, оказалось в этом городке среди гор. Надеюсь, они скоро будут выпиты: здешние высоты не лучшим образом сказываются на качестве бордоских вин. – Он отложил карту. – А теперь, Кори, прошу вас, расскажите мне подробнее, что вы заметили на костях мистера Эммета Боудри.

Она сглотнула. Пендергаст был таким… закрытым, черт его побери.

– У меня было всего несколько минут, чтобы их осмотреть. Но я уверена, что он не был убит медведем гризли.

– Какие у вас доказательства?

– Я сделала несколько фотографий, но полиция конфисковала карту памяти. Могу вам сказать, что я видела… или, по крайней мере, думала, что увидела.

– Отлично.

– Прежде всего, на черепе следы удара камнем. А на правой бедренной кости отметины, оставленные каким-то тупым инструментом, и никаких видимых признаков костной или иммунной реакции.

Неторопливый кивок.

Кори продолжила более уверенно:

– Мне показалось, что на губчатом костном веществе кое-где есть отметины, оставленные человеческими зубами. Они совсем неглубокие и плоские, а не заостренные, какие мог бы оставить медведь. Я думаю, что это случай людоедства.

Она настолько увлеклась, что не заметила, как повысила голос, и он разнесся дальше, чем ей хотелось бы. Посетители ресторана, сидевшие поблизости, посмотрели на нее.

– Ой, – сказала она и опустила взгляд на столовые приборы.

– Вы говорили кому-нибудь об этом? – спросил Пендергаст.

– Нет пока.

– Отлично. И не говорите. Иначе будут лишние проблемы.

– Но мне нужно получить доступ к другим останкам.

– Я работаю над этим. Думаю, что в нескольких случаях нам все же удастся найти потомков интересующих нас добытчиков.

– Вот как? Спасибо. Но знаете, я бы и сама могла это сделать. – Кори помолчала. – А как долго вы собираетесь здесь оставаться? Несколько дней?

– Такой милый, сибаритский, богатый городок. Кажется, ничего подобного я в жизни не видел. И такое очаровательное Рождество.

– Так вы собираетесь пробыть здесь… долго?

– А вот и вино.

Вино принесли вместе с двумя большими бокалами. Кори смотрела, как священнодействует с вином Пендергаст: раскручивает его в бокале, нюхает, пробует, пробует еще раз.

– К сожалению, отдает пробкой, – сказал он официанту. – Пожалуйста, принесите другую бутылку. Пусть она будет две тысячи первого года, чтобы уж не ошибиться.

Официант, рассыпавшись в извинениях, поспешил прочь вместе с бутылкой.

– Отдает пробкой? – переспросила Кори. – Это что такое?

– Это значит, что в вине есть примесь, которая придает ему запах, э-э, псины.

Принесли новую бутылку, и Пендергаст, повторив процедуру, на

сей раз одобрительно кивнул. Официант наполнил его бокал, сделал движение бутылкой в сторону Кори – та пожала плечами, и он наполнил и ее бокал.

Кори пригубила. Она ничего не ощутила, кроме вкуса обычного вина – ни больше ни меньше.

– Ничуть не хуже «Матеуша»[16], который мы все пили в Медсин-Крике, – сказала она.

– Я смотрю, вам по-прежнему нравится провоцировать меня.

Девушка отпила еще немного вина. Удивительно, как быстро забывалось воспоминание о тюрьме.

– Возвращаясь к моему освобождению, – сказала она. – Как вам это удалось?

– Вообще-то, я был уже на пути в Нью-Йорк, когда получил ваше второе письмо.

– Вам наконец надоело путешествовать по миру?

– По правде говоря, на мысль о возвращении меня навело ваше первое письмо.

– Да? Это почему?

Вместо ответа Пендергаст устремил пристальный взгляд на рубинового цвета жидкость в его бокале.

– Мне удалось очень быстро найти капитана Боудри. Я ей откровенно объяснил, что ее предок был незаконно эксгумирован из исторического места его упокоения, чтобы освободить площадь для спа-салона. Я поведал ей вашу историю, рассказал, что шеф полиции сначала обещал вам обеспечить доступ к костям, а потом отказался от своих слов. Я рассказал о вашем глупом поступке – незаконном проникновении в ангар, о том, как вас поймали. И о том, что вам грозит десять лет заключения.

Он пригубил вина.

– Капитан тут же поняла ситуацию. Она сказала, что ни в коем случае не желает, чтобы вас, как она выразилась, *оттрахивали* таким образом. Она повторила это слово несколько раз с весьма примечательным акцентированием, и это навело меня на мысль, что она и сама имеет опыт по этой части, возможно приобретенный в

армии. Как бы там ни было, мы вдвоем составили довольно действенное письмо, которое, с одной стороны, угрожало обращением в ФБР, а с другой – давало вам разрешение обследовать останки ее предка.

– Ого, – сказала Кори. – Значит, так вы меня и вытащили?

– Сегодня днем проходило довольно бурное заседание городского совета, на котором я огласил содержание письма капитана Боудри. – Пендергаст позволил себе улыбнуться одними губами. – Мое выступление возымело надлежащий эффект. Вы прочтете об этом в завтрашней газете.

– Непременно.

По залу пробежал какой-то гул, возникло движение. Некоторые клиенты повернулись к окнам, другие вскочили на ноги, показывая в сторону окон. Кори посмотрела туда и увидела на склоне ближайшего горного гребня небольшой мерцающий белый огонек. На ее глазах огонек стал набирать размеры и яркость. Еще большее число посетителей поднялось со своих мест, некоторые бросились к окнам. Гвалт в зале стал громче.

– Боже мой, это же дом горит! – сказала Кори и тоже вскочила, чтобы было лучше видно.

– Похоже.

Огонь расцветал с поразительной скоростью. Дом, вероятно, был большой, и пламя пожирало его со все усиливающейся яростью, его языки взметались все выше, выбрасывая вверх столбы искр и дыма. Откуда-то из города донесся вой сирены пожарной машины, потом к первому присоединился еще один. Теперь уже весь зал стоял, уставившись на склон горы. Людей охватил ужас, в зале воцарилась тишина, и вдруг чей-то голос нарушил ее:

– Это дом Бейкеров в «Высотах»!

Глава 13

Ларри Чиверс за свою карьеру пожарно-технического эксперта повидал немало сцен разрушения, но подобное видел в первый раз. Дом гигантских размеров – более пятнадцати тысяч квадратных футов – был построен из массива древесины, имел бревенчатые рубленые стены и устремленную вверх крышу, отделанную кедровой дранкой. Горел он с такой яростью, что на местах окон остались лужицы стекла, и даже двутавровые продольные металлические балки оказались покореженными. На площади в пятьсот ярдов вокруг дома не осталось снега, и руины все еще излучали жар и выбрасывали облака вонючего дыма.

Чиверсу, возглавлявшему пожарно-техническую консалтинговую фирму в Гранд-Джанкшн, позвонили в семь утра. По большей части он работал по заказам страховых компаний, которые были заинтересованы в выявлении поджога, что позволяло им не производить страховых выплат. Но изредка его вызывала и полиция – чтобы установить, был ли пожар случайным, или имело место преступление. Вот и на сей раз его вызвала именно полиция.

Путь от Гранд-Джанкшн занимал два часа, но Чиверс доехал за девяносто минут – мчался на своем грузовичке «додже» как сумасшедший. Он любил ехать с включенным проблесковым маячком и воющей сиреной, обгоняя несчастных бедолаг на междуштатской дороге, повязанных ограничением скорости. Мало того что дело было интересное, но еще и полицейское управление Роринг-Форка хорошо платило, а не тряслось над каждым центом, в отличие от других полицейских управлений, на которые он работал.

Но как только он увидел эту ужасающую сцену, его хорошее настроение улетучилось. Даже Морриса, шефа местной полиции, потрясло случившееся: он бродил вокруг без толку, не мог связать двух слов и был не в состоянии принять на себя руководство. Чиверс постарался как можно скорее взять себя в руки. Дело было в том, что здесь обитали богатые голливудцы, у которых этот дом был вторым – вторым домом! – и пользовались они им всего несколько недель в году. Трудно было проникнуться сочувствием к подобным людям. Владелец наверняка может позволить себе построить еще пять таких домов без особого ущерба для кошелька. Владелец дома Джордан

Бейкер не давал о себе знать, и никто пока не смог до него дозвониться, чтобы известить о пожаре. Он с семьей, вероятно, находился на каком-нибудь шикарном курорте. А может, у них был третий дом. Чиверс этому не удивился бы.

Он начал готовиться к осмотру, проверил и подготовил свое оборудование, цифровой диктофон, надел резиновые перчатки. В том, что шеф полиции впал в прострацию, была и своя положительная сторона: криминалисты, которые толклись поблизости и ждали приказа, еще не успели затоптать пожарище. В ожидании Чиверса Моррис не допускал никого на пожарище, и Чиверс был ему благодарен за это. Впрочем, пожарные своими действиями, как обычно, сильно исказили картину: пробили полы и стены, разгребли и переворотили обломки, залили все водой. Пожарный департамент провел беглый осмотр оставшихся строительных структур и пришел к выводу об их неустойчивости. Поэтому их огородили полицейской лентой.

Чиверс накинул рюкзак на плечи и кивнул шефу Моррису:

– Готов.

– Хорошо, – с отсутствующим видом сказал шеф полиции. – Отлично. Руди вас проводит.

Пожарный по имени Руди поднял для него ленту, и Чиверс пошел за ним по кирпичной дорожке, ведущей туда, где прежде была входная дверь. От пожарища несло запахом сгоревшего и залитого водой пластика, дерева и полиуретана. Руины еще дышали теплом, несмотря на низкую температуру воздуха, и сам дом еще извергал в холодное голубое небо облака пара. Если ношение каски было для Чиверса обязательным, то респиратором он не пользовался: он видел себя следователем старой школы, крутым, не терпящим всякие новомодные штучки, и больше полагался на интуицию, а науку оставлял лабораторным крысам. Он был привычен к этой вони, и ему был нужен нос, чтобы вынюхивать остаточное присутствие горючих веществ.

В дверях – в том, что прежде было входом, – он помедлил. Второй этаж обвалился на первый, и здесь сам черт мог ногу сломать. Лестница уходила в небо. В провалах застыли лужи стекла и металла и груды фарфора, растрескавшегося от жара.

Фиксируя характер огневых повреждений, Чиверс прошел от

двери туда, где прежде явно была кухня. Первой его задачей было установить, не стал ли причиной пожара поджог, то есть не было ли совершено преступление. А Чиверс уже знал: это было преступление. Только горючие вещества могли вызвать такое горение – слишком высоки были температуры и скорость распространения огня. Осмотр кухни подтвердил его предположение: на оставшихся частях плиточного пола он увидел едва заметные следы полива горючей жидкостью. Он опустился на колени, вытащил из рюкзака портативный газоанализатор и взял несколько проб воздуха, водя прибором то в одну, то в другую сторону. Умеренная концентрация.

Не вставая с колен, Чиверс вонзил в обгоревший участок нож, отскреб несколько шелушек с пола, положил их в прозрачный нейлоновый пакетик.

На кухне царил невообразимый кавардак – все расплавилось и обгорело. Ванная комната со второго этажа обрушилась в самую середину кухни, повсюду валялись остатки металлической ванны с фарфоровым покрытием, обломки раковины, унитаза, плиточного пола и стен – все вперемешку.

Чиверс снова воспользовался газоанализатором, и остатки ванной комнаты со второго этажа дали положительный результат. Он на четвереньках двинулся вперед, держа прибор близко к полу и перемещая его в разные стороны в поисках источника. Содержание углеводорода в воздухе вроде бы увеличивалось с приближением к ванне. Чиверс поднялся и заглянул внутрь. В ванне было много чего, а на самом дне – слой густого черного вещества, в которое вонзились обломки.

Он взял пробу воздуха близ вещества и попробовал его на ощупь рукой в резиновой перчатке. Газоанализатор зашкалило. И тут Чиверс замер. Из черного вещества и обломков торчали фрагменты костей, а в той части, до которой он дотронулся, виднелись зубы. Человеческие зубы. Осторожно исследуя это место пальцем, он обнажил небольшой участок черепа, фрагмент челюсти и глазницу.

Чиверс встал потверже на ноги и снова взял пробу. Стрелку прибора снова зашкалило.

Он вытащил диктофон и начал наговаривать в него первичные данные. Значит, в доме кто-то был. Нет сомнений: тело поместили в ванну, облили бензином и подожгли. Чиверс убрал диктофон и

достал еще один нейлоновый пакетик, взял образцы обломков и вязкого вещества, несколько небольших фрагментов кости. Шевеля черную массу, он увидел, как что-то сверкнуло. Оказалось, это кусочек золота. Определенно расплавившееся колечко или что-то подобное. Золото он не тронул, но взял образцы из обломков и вязкого вещества вокруг, включая и обуглившуюся фалангу.

Чиверс поднялся, тяжело дыша и чувствуя, как подступает тошнота. Такое было слишком даже для него. Но дело обещало быть серьезным. Очень серьезным. «Сосредоточься», – приказал он себе, делая глубокий вдох.

Кивнув Руди, он пошел за пожарным по дому, работая газоанализатором, отбирая пробы и наговаривая свои наблюдения на диктофон. К каменному полу у задней двери дома прилипли останки того, что когда-то было собакой. Рядом лежали бок о бок две беспорядочные удлиненные груды праха – Чиверс узнал в них останки еще двух погибших, судя по размерам, это были взрослые. Новые слитки золота и серебра.

Господи боже. Он посмотрел на показания газоанализатора, но ничего существенного не увидел. Господи Исусе, никто не сказал ему, – а теперь он понял, что никто этого, вероятно, и не знал, – что пожар унес человеческие жизни.

Еще два глубоких вдоха, и Чиверс двинулся дальше. И тут в комнате, которая прежде была гостиной, он увидел еще кое-что. Обломки обвалившегося второго этажа лежали напитанными водой грудами, а в середине – частично расплавившиеся пружины матраса. Чиверс подошел к перекрученным пружинам и увидел обхватывающие их петли упаковочной проволоки. Четыре петли приблизительно в тех местах, где должны были находиться запястья и щиколотки. И в одной из этих петель он увидел тонкую подростковую берцовую кость.

«Пресвятая богородица!» Чиверс поднес газоанализатор к кости, и стрелку опять зашкалило. Картина произошедшего была ему ясна. Подростка привязали к кровати, облили бензином и подожгли.

– Мне нужно на воздух, – резко сказал он, поднимаясь. Его качнуло. – На воздух.

Пожарный подхватил его под руку:

– Я вам помогу, сэр.

Выйдя с пожарища, Чиверс двинулся по тропинке и краем глаза увидел бледного человека в черном, явно местного коронера, – тот стоял отдельно от толпы и смотрел на него. Чиверс сделал попытку взять себя в руки.

– Я в порядке, спасибо, – сказал он пожарному, освобождаясь от подрывающей его репутацию поддержки.

Он оглянулся, увидел шефа полиции возле импровизированного командного пункта в окружении криминалистов – фотографов, специалистов по волосам и тканям, неявным уликам, баллистике, ДНК. Все были в соответствующем облачении и готовы идти на пожарище.

«Успокойся», – сказал себе Чиверс. Но он никак не мог успокоиться. Ноги у него стали как ватные, ему было трудно идти прямо.

Он подошел к Моррису. Тот стоял потный, несмотря на холод.

– Что вы выяснили? – спросил полицейский спокойным голосом.

– Это преступление, – сказал Чиверс, стараясь сдержать дрожь в голосе. У него перед глазами плясали белые пятна. – Четыре жертвы. Как минимум четыре.

– Четыре? Боже мой, значит, они все были там. Вся семья… – Шеф полиции дрожащей рукой отер лоб.

Чиверс сглотнул:

– Один труп принадлежит… подростку, которого… привязали к кровати, облили бензином… и подожгли. Другого сожгли в… в…

Пока Чиверс пытался произнести нужное слово, лицо шефа полиции обмякло. Но Чиверс не заметил этого. Его собственный мир становился все темнее и темнее.

И, так и не закончив предложения, он рухнул на землю, потеряв сознание.

Глава 14

Кори встала до рассвета, собрала свои вещи и направилась в Роринг-Форк. Она удобно устроилась в ангаре «Высот» и с головой ушла в работу. Останки Эммета Боудри были аккуратно разложены на пластмассовом складном столике, который она купила в «Уолмарте», над столиком стояли мощные софиты. Кори наладила микроскоп с электронным усилением и посмотрела на монитор своего ноутбука, на который была выведена картинка с микроскопа. Ее «никон» стоял на треноге. Она чувствовала себя как в раю, имея возможность работать внимательно, тщательно, не умирая от страха и не боясь, что ее в любую минуту могут обнаружить.

Одно было плохо: холодина стояла лютая. Когда Кори пустилась в долгий путь из Базальта (от номера в отеле «Себастиан» за счет Пендергаста она отказалась), было минус восемнадцать. Для экономии Кори не стала завтракать и теперь, ближе к полудню, умирала не только от холода, но и от голода. Она поставила у ног электрический обогреватель, но он дребезжал и гудел, а поток теплого воздуха рассеивался в нескольких дюймах от прибора. Он неплохо обогревал ее голени, но не больше.

И все же ни холод, ни голод не заглушали того растущего возбуждения, которое она испытывала. Ее находки были удивительны. Почти на всех костях обнаружились травмы в виде скобления, тупых вдавливаний и выемок. Ни на одной кости не было видно костной восстановительной реакции, следов воспалений или заживления. На мягких и губчатых костных тканях были видны отчетливые следы зубов – не медвежьих, а, судя по радиусу укуса и форме зубов, человеческих. Да что говорить, там вообще не было следов медвежьих зубов.

Внутри сломанной бедренной кости и внутри черепа Кори обнаружила дополнительные следы скобления, и это указывало на то, что костный и головной мозг извлекались изнутри металлическим инструментом. Под микроскопом было видно, что эти отметины состоят из едва заметных и близко расположенных друг к другу параллельных линий, кроме того, обнаружились следы чего-то похожего на отложения окиси железа, а отсюда вытекало, что инструмент был железным. И велика вероятность, что это был

изношенный напильник.

Первый удар по черепу явно был нанесен камнем. Под микроскопом Кори сумела разглядеть несколько крохотных осколков камня, судя по беглому осмотру – кварца.

Грудная клетка была вскрыта – тоже камнем – и раздвинута, словно для того, чтобы добраться до сердца. На костях почти не было следов повреждений, нанесенных острым предметом, например топором или ножом, как не было и огнестрельных ранений. Этого Кори не могла понять, поскольку большинство добытчиков, несомненно, были вооружены либо ножами, либо пистолетами.

Согласно газетному сообщению того времени, кости Эммета Боудри были разбросаны по земле в сотне ярдов от дверей его хижины; он был «почти полностью съеден» так называемым медведем. Газетная статья (видимо, щадя чувства читателей) не вдавалась в подробности о том, что было съедено и какие повреждения имели кости. В одном только месте отмечалось, что «частички сердца и других внутренностей были обнаружены на расстоянии от тела и частично съедены». В статье не говорилось о костре или тепловой обработке, и предпринятое Кори исследование костных останков не выявило температурного воздействия.

Эммета Боудри съели в сыром виде.

По мере работы Кори мысленно восстанавливала последовательность нанесения повреждений телу Боудри. На него напала группа – никто в одиночку не смог бы расчленить человеческое тело с таким безумным остервенением. Они ударили его сзади камнем по голове, раздробив череп. Возможно, смерть от удара наступила не мгновенно, но сознание он потерял почти наверняка. Затем они принялись жестоко избивать тело, переломали почти все кости, а потом раздробили и размолотили почти все основные сочленения тела – остались следы бессистемных, беспорядочных ударов, нанесенных неровными камнями, – после чего тело разодрали на части, приложив немалые усилия. Раздолбив суставы, они отделили конечности от туловища, разломали ноги в коленях, вскрыли череп и удалили мозг, содрали мясо с костей, переломали крупные кости, чтобы достать костный мозг, удалили большую часть внутренних органов. Похоже, у убийц был всего один инструмент – изношенный напильник, к которому они добавили заостренные куски кварца, свои руки и зубы.

Кори пришла к выводу, что причиной убийства стала вспышка ярости и гнева, которая затем фактически перешла в людоедское пиршество. Девушка на мгновение отступила от останков и задумалась. Какая банда могла заниматься такими делами? И зачем? К тому же ей казалось чрезвычайно странным, что банда убийц бродит по горам в 1870-е годы без ножей и огнестрельного оружия. И почему они не приготовили мясо? Это скорее напоминало убийц из каменного века, безжалостных и диких.

«Безжалостных и диких». Кори пыталась согреться у обогревателя, потирая руки, и тут ее мысли вернулись к случившемуся вчера страшному пожару и к смерти той девушки, Дженни Бейкер. Это был какой-то запредельный ужас: вся семья погибла при пожаре. Час назад в ангар заезжал подсобный рабочий, который и сообщил Кори об этом. Неудивительно, что она в десять утра смогла проехать в «Высоты», едва кивнув охраннику, и никто не препятствовал ее занятиям.

Ощущение этого кошмара и лицо Дженни Бейкер, такое серьезное, такое красивое, не давали ей покоя. «Сосредоточься на работе», – сказала себе Кори, выпрямилась и стала готовить к осмотру следующую кость.

Что ей сейчас было необходимо, так это получить возможность обследовать другие останки для сравнения. Пендергаст сказал, что поможет ей найти потомков. Кори на секунду задумалась: что в его предложении ей не понравилось? Сила его личности была такова, что он в любых обстоятельствах доминировал. Но это был ее проект, и она хотела завершить его своими силами. Она не хотела, чтобы кто-то в «Джоне Джее», в особенности ее научный руководитель, отклонил ее работу на том основании, что ей помогал влиятельный агент ФБР. Даже малейшая помощь с его стороны способна скомпрометировать ее достижения, давая повод снять ее работу с конкурса.

Но Кори тут же отбросила и эту мысль. Пендергаст спас ее карьеру, а может, даже и жизнь. Что за глупость с ее стороны отталкивать его, предъявлять какие-то собственнические претензии? Да к тому же Пендергаст вообще всегда старался избегать публичности.

Девушка сняла перчатки, чтобы правильно расположить берцовую кость под микроскопом, и, перемещая ее, добилась того,

чтобы свет падал под нужным углом. На этой кости были те же повреждения, что и на остальных: переломы с пластической реакцией без каких-либо следов исцеления, следы скобления и самые четкие из всех обнаруженных ею зубных отметин. Люди, которые сделали это, были сумасшедшими. Или просто очень, очень озлобленными?

Руки у нее совсем заледенели, но она сделала несколько снимков, после чего пришлось снова склониться над обогревателем.

Конечно, не исключалось, что это отдельный случай. Остальные жертвы вполне могли быть убиты бродячим медведем гризли. В газетах сообщалось о том, что кто-то видел этого зверя, а в одном случае обнаружили еще недоеденного добытчика, и уж его-то кости точно были обглоданы. Кори испытала мучительное искушение проверить еще один из гробов, но подавила в себе это желание. Отныне она все будет делать исключительно по закону.

Она поднялась, когда снова стала чувствовать свои пальцы. Если изучение других останков подтвердит, что это дело рук банды убийц, то тема ее работы станет иной. Кори опишет историю серийных убийств стопятидесятилетней давности. Вот будет класс, если она сумеет раскрыть их! Не говоря уже о том, что это станет мощным толчком для ее будущей карьеры…

Глава 15

Ларри Чиверс стоял рядом со своим грузовичком, герметизируя пакеты с уликами с помощью ламинатора и заканчивая свои заметки и наблюдения. Он пришел в себя после обморока, но его не оставляло чувство крайнего смущения. Такого с ним еще никогда не случалось. Ему казалось, что все смотрят на него, шепчутся о нем.

С хмурым видом он кончил запаивать последний пакет и убедился, что герметизация обеспечена. Он уже наговорил на диктофон остальные свои наблюдения, пока они были свежи в памяти. Чиверс хотел быть уверен, что все сделал абсолютно правильно. Дело намечалось очень серьезное, возможно, даже национального масштаба.

Услышав у себя за спиной какой-то звук, Чиверс повернулся и увидел, что к нему направляется шеф полиции Моррис. Вид у него был совершенно убитый.

– Извините меня за такую реакцию, – пробормотал Чиверс.

– Я знал эту семью, – сказал ему шеф. – Одна из девочек проходила у меня практику.

Чиверс покачал головой:

– Соболезную.

– Мне бы узнать вашу реконструкцию пожара.

– Могу представить вам только мои первые впечатления. На лабораторные исследования может уйти несколько дней.

– Продолжайте.

Чиверс глубоко вздохнул:

– Пожар, как мне представляется, начался в ванной второго этажа или в спальне над гостиной. Оба эти помещения были обильно политы горючим веществом – настолько обильно, что преступнику нужно было тут же убираться из дома. В обоих этих помещениях обнаружились человеческие останки.

– Вы хотите сказать, что Бейкеры… жертвы… были облиты бензином и сожжены?

– Двое из них – да.

– Живьем?

Ну и вопрос!

– На это должен ответить патологоанатом. Но я сомневаюсь.

– Слава богу.

– Еще две жертвы были обнаружены у задней двери, – вероятно, преступник бежал через нее. Там же было и тело собаки.

– Рекс, – пробормотал шеф полиции, отирая лоб дрожащей рукой.

Чиверс обратил внимание на человека в черном костюме, которого приметил раньше, – тот фланировал на небольшом расстоянии, не сводя с них глаз. Чиверс нахмурился. Почему гробовщика пропустили за кордон?

– Мотив? – спросил шеф.

– Это лишь мои предположения, – сказал Чиверс, – но, исходя из тридцатилетнего опыта, я могу с уверенностью сказать, что это ограбление со взломом в возможном сочетании с сексуальным преступлением. Тот факт, что вся семья была обездвижена и обезврежена, говорит мне, что преступников было несколько.

– Это не было ограблением, – раздался мягкий, тягучий голос.

Чиверс быстро повернул голову и увидел человека в черном, который каким-то образом сумел незаметно подойти и теперь стоял у них за спиной. Он нахмурился еще сильнее:

– Я говорю с шефом полиции, если вы не возражаете.

– Ничуть. Но если вы позволите мне высказать мое мнение, то я могу предложить некоторые соображения. Простой грабитель никогда бы не стал связывать жертвы, а потом сжигать их заживо.

– Заживо? – переспросил шеф. – Откуда вы знаете?

– Садизм и ярость этого преступления очевидны. Садист хочет видеть страдания жертвы. От этого он получает удовольствие. Привязать кого-то к кровати, облить бензином и поджечь – в чем тут удовольствие, если жертва уже мертва?

Лицо шефа приобрело землистый оттенок. Рот его шевельнулся,

но он не произвел ни звука.

– Ерунда, – яростно возразил Чиверс. – Это было ограбление со взломом. Преступники проникают в дом, обнаруживают двух хорошеньких девочек, насилуют их, забирают драгоценности, а после поджигают дом, думая, что тем самым уничтожат все улики, и в первую очередь их ДНК в жертвах насилия.

– Но драгоценностей они не забрали, как вы сами записали на диктофон несколько минут назад, говоря об обнаруженных вами расплавленных слитках золота.

– Постойте-ка. Вы что, подслушивали? Кто вы такой? – Чиверс повернулся к шефу полиции. – Это официальное лицо?

Шеф полиции промокнул лоб влажным платком. Вид у него был нерешительный и испуганный.

– Прошу вас. Хватит.

Человек в черном костюме пристально посмотрел на него своими серебристыми глазами, потом безразлично пожал плечами:

– У меня здесь нет официального статуса. Я просто сторонний человек, предлагающий свои наблюдения. Оставляю вас, джентльмены, вашим важным делам.

С этими словами он повернулся и пошел прочь. Но остановился и бросил через плечо:

– Однако должен сказать, что, вполне возможно, трупов будет… больше.

И на этот раз он действительно ушел, приподнял ленту и скрылся в толпе зевак.

Глава 16

Хорас П. Файн III остановился, развернулся на каблуках и оглядел Кори, словно ему только что пришла в голову какая-то мысль.

– У вас есть опыт хаус-ситтинга?[17] – спросил он.

– Да, конечно, – немедленно ответила Кори.

В некотором роде это было правдой: она не раз по ночам сторожила их дом-трейлер, когда мать уходила в запой и исчезала. А потом Кори полгода прожила в квартире отца – он тогда уезжал работать в Питсбург.

– Правда, никогда в таком большом доме, – добавила она, оглядевшись.

Файн подозрительно посмотрел на нее… а может, просто у него было такое выражение лица. Ей казалось, что он с недоверием встречает каждый произнесенный ею звук.

– У меня нет времени проверять ваши рекомендации, – ответил он. – Человек, с которым я договорился об этой работе, отказался в последнюю минуту, а я опаздываю в Нью-Йорк. – Он чуть прищурил глаза. – Но я буду за вами приглядывать. Идемте, я покажу ваши комнаты.

Кори пошла за ним по длинному гулкому коридору первого этажа, спрашивая себя, как Хорас П. Файн собирается приглядывать за ней из Нью-Йорка, с расстояния в две тысячи миль.

Поначалу это казалось ей чудом. Она узнала об имеющейся вакансии случайно – услышала в кафе разговор о доме, за которым нужно присмотреть. Несколько телефонных звонков вывели ее на владельца особняка. Возможность была великолепная. И это в самом Роринг-Форке. Не нужно будет тащиться восемнадцать миль в ее блохастый мотель. Она могла начать сегодня же. К тому же она будет зарабатывать деньги, а не тратить их.

Но когда Кори приехала в особняк познакомиться с владельцем, ее энтузиазма поубавилось. Хотя дом фактически находился в Роринг-Форке, стоял он высоко в горах, совершенно изолированно от

другого жилья, в конце узкой извилистой частной дороги длиной в милю. Дом был и в самом деле громаден, а глядя на его постмодернистскую архитектуру и материалы (стекло, сталь и камень), можно было подумать, что это не жилище, а роскошная приемная какого-нибудь знаменитого дантиста. В отличие от большинства домов, которые Кори видела здесь, – домов, прилепившихся к склонам гор и предлагающих фантастические виды из окон, – этот был построен в горной выемке, практически в чаше, и с трех сторон его окружали высокие ели, погружавшие это место в вечный сумрак. С четвертой стороны было глубокое обледенелое ущелье, которое переходило в россыпь покрытых снегом валунов. Как ни нелепо, но большинство громадных окон зеркального стекла выходили на эту пейзажную «достопримечательность». Интерьер дома был агрессивно модернистским и своей аскетичностью вызывал ассоциации с тюрьмой: всюду хром, стекло и мрамор, и ни одного острого угла, если не считать дверных косяков. Стены были украшены ухмыляющимися масками, плетеными ворсистыми коврами и другими зловещими поделками африканского народного искусства. Кроме того, в доме было холодно, почти так же холодно, как в ангаре, где работала Кори. Пока хозяин показывал ей дом, она не снимала пальто.

– Это вход во второй подвал, – сказал Файн, останавливаясь и показывая на закрытую дверь. – Там старая топка. Она обогревает восточную часть дома.

«Обогревает. Вот это хорошо».

– Второй подвал? – переспросила Кори.

– Это единственная сохранившаяся часть первоначального коттеджа. Когда его разобрали, строитель оставил подвал, модернизировал его и сделал частью нового дома.

– Здесь был коттедж?

Файн хмыкнул:

– Коттедж под названием «Вороний овраг», но на самом деле это была просто старая бревенчатая сторожка. Здесь останавливался фотограф, когда отправлялся в горы делать снимки. Адамс – так его звали. Говорят, он был знаменитостью.

«Адамс. Ансель Адамс?»[18] Кори вполне могла представить

такое. Вероятно, прежде здесь среди деревьев стоял уютный загородный домик, а потом на его месте выросло это чудище. Ее не удивило, что Файн не знает Адамса. Только человек, начисто лишенный вкуса, или его жена на грани развода могла бы купить такое убожество.

Хорас Файн был холоден, как и его дом. Он возглавлял инвестиционный фонд на Манхеттене. А может, это было американское отделение иностранного инвестиционного банка. Кори толком не слушала, когда он ей говорил. Фонд, банк – для нее все это была китайская грамота. К счастью, он, видимо, не слышал про нее и про ее недавнее пребывание в местной тюрьме. Он не скрывал, что ненавидит Роринг-Форк и презирает женщину, которая вынудила его купить этот дом и которая теперь вовсю старалась, чтобы он не мог избавиться от него. «Мегера» – так на протяжении последних двадцати минут говорил он о ней, вводя Кори в курс дела. Ему хотелось одного: найти кого-нибудь, кто будет присматривать за домом, и уехать, к чертовой матери, в Нью-Йорк. Чем скорее, тем лучше.

Он шел по коридору впереди Кори. Дом был столь же уродлив, сколь и странно спланирован. Казалось, он состоял из одного бесконечного коридора, который время от времени делал повороты, отвечавшие топографии дома. Все важные комнаты располагались слева и выходили на овраг. Все остальные – ванные, кладовые, подсобные помещения – располагались справа, как чирьи на ноге. Насколько себе представляла Кори, второй этаж имел такую же планировку.

– А что здесь? – спросила она, остановившись у приоткрытой двери справа.

Освещение там не было включено, но в комнате за дверью было светло от сияния десятков точек – зеленых, красных, желтоватых.

Файн снова остановился:

– Это техническое помещение. Можете посмотреть.

Он открыл дверь и включил свет. Кори скользнула взглядом по множеству панелей, экранов и инструментов – от их количества голова шла кругом.

– Это, разумеется, «умный» дом, – сказал Файн. – Все автоматизировано, и отсюда можно управлять всеми процессами:

генератором, энергосистемой, системой безопасности, системой наблюдения. И ко всему этому есть доступ через Интернет. Я могу управлять системами с моих компьютеров в Нью-Йорке.

«Вот, значит, что он имел в виду, говоря, что будет приглядывать за мной», – подумала Кори.

– И как работает система наблюдения?

Файн показал на большую плоскую панель с портативным многофункциональным компьютером и каким-то устройством внизу, похожим на дивиди-плеер, накачанный стероидами.

– Всего здесь двадцать четыре камеры.

Он нажал кнопку, и плоская панель ожила – на ней возникла картинка гостиной. В левом верхнем углу появилась цифра, а внизу строка с датой и временем.

– Вот эти двадцать четыре кнопки связаны каждая с соответствующей камерой.

Он нажал кнопку с надписью «Подъезд», и на экране возникла другая картинка подъездной дорожки (чего же еще?), на которой стояла арендованная машина Кори.

– А камерами отсюда можно манипулировать? – спросила девушка.

– Нет. Но любое движение, воспринимаемое сенсорами, включает камеру и записывается на жестком диске. Вот, смотрите.

Файн показал на экран: по дорожке шел олень. Его на ходу обволакивали облачка черных квадратов (почти как рамочные окна цифровой камеры), в то же время на экране появилась большая красная буква «Д» в кружке.

– «Д» означает движение, – сказал Файн.

Олень исчез с экрана, но красная буква осталась.

– А почему «Д» не исчезла? – спросила Кори.

– Потому что, когда одна из камер засекает движение, запись об этом сохраняется на жестком диске. Сохраняется отрезок, включающий минуту до начала движения и минуту после его окончания. После этого, если движение не возобновляется, «Д» исчезает.

«Движение».

– И все это можно видеть по Интернету? – спросила Кори.

Ей не хотелось думать, что за ней издалека будут присматривать.

– Нет, эта часть умной системы не была выведена в Интернет. Мы прекратили работы над системой безопасности, когда решили продать дом. Пусть эти расходы берет на себя новый владелец. Но отсюда система управляется довольно эффективно. – Файн показал еще на одну кнопку. – Экран можно разделять, многократно нажимая на эту кнопку.

Файн впервые казался увлеченным. Он нажал кнопку, и картинка разделилась на две части: в левой части монитора осталась подъездная дорожка, а в правой появился вид на овраг. Еще одно нажатие кнопки – и монитор разделился на четыре части, потом на девять, шестнадцать; размер отдельных картинок, передаваемых с разных камер, соответственно уменьшался.

Любопытство Кори быстро сходило на нет.

– Как мне управлять тревожной сигнализацией? – спросила она.

– Ее тоже не установили. Вот почему мне нужен человек, который присматривал бы за домом.

Файн выключил свет и вышел из комнаты. Кори последовала за ним по коридору, прошла через дверь в конце. Дом внезапно изменился. Дорогая отделка исчезла, а с ней и модерновая мебель, сверкающие высококлассные устройства. Впереди был короткий узкий коридор с дверями по обеим сторонам, заканчивающийся еще одной дверью в небольшую ванную с дешевой сантехникой. Пол здесь был линолеумный, а на стенах не висели картины. Все поверхности имели монотонно-белую окраску.

– Это часть дома для прислуги, – гордо сказал Файн. – Здесь вы и будете жить.

Кори одну за другой открыла двери. За двумя слева были спальни, по размеру и аскетизму почти монашеские кельи. Одна из дверей справа вела на кухню, где стоял дешевый холодильник и такая же плита. Другая комната оказалась кабинетом, совсем крохотным, едва ли больше ее номера в мотеле.

– Как я уже сказал, я уезжаю чуть ли не немедленно, – сказал

Файн. – Приходите в мой кабинет, и я дам вам ключи. Есть вопросы?

– А где регулятор температуры? – спросила Кори, обхватывая себя руками, чтобы скрыть дрожь.

– Он здесь.

Файн вышел из помещения для прислуги и направился назад по коридору в гостиную. На стене висел регулятор температуры в прозрачном пластиковом коробе на замке.

– Десять градусов, – сказал Файн.

Кори посмотрела на него:

– Вы о чем?

– Десять градусов – я поставил такую температуру, и она останется на этом уровне. Я не потрачу на этот чертов дом ни на цент больше, чем необходимо. Пусть мегера оплачивает услуги, если хочет. И вот еще что: как можно меньше пользуйтесь электричеством. Пару лампочек при крайней необходимости. – Ему пришла в голову еще одна мысль. – И кстати, установки термостата и показания электросчетчика выведены в Интернет. Я смогу контролировать их по моему айфону.

Кори с упавшим сердцем посмотрела на регулятор температуры. «Просто класс. Значит, я буду морозить себе задницу не только в ангаре, но и здесь по ночам». Она начинала понимать, почему от этой работы отказался первый кандидат.

Файн посмотрел на нее взглядом, говорившим, что аудиенция закончена. Оставался еще один вопрос.

– Сколько вы мне будете платить?

Глаза Файна расширились от удивления.

– Платить? Я пускаю вас бесплатно жить в великолепном огромном доме прямо здесь, в Роринг-Форке, и вы еще хотите, чтобы я вам платил? Считайте, что вам повезло: я не беру с вас за аренду помещения.

И он направился в кабинет.

Глава 17

Арназ Джонсон, парикмахер звезд, в свое время повидал немало необычных людей, обитавших в знаменитом приюте «Биг-Пайн» на самой вершине горы Роринг-Форк: старлетки, одетые так, словно отправлялись на вручение «Оскара»; миллиардеры со своими элитными девицами в норках и соболях; фальшивые индейцы в дизайнерских лосинах за десять тысяч долларов; псевдоковбои в широких шляпах и в сапогах со шпорами. Арназ называл это парадом нарциссистов. Лишь немногие из них умели стоять на лыжах. Парад был причиной, по которой Арназ купил сезонный билет и раз или два в неделю отправлялся в приют в кабинке подъемника. А кроме того, его влекла туда еще и атмосфера самого знаменитого лыжного приюта на Западе с его бревенчатыми стенами, на которых висели старинные ковры навахо, с массивными люстрами из кованого чугуна и ревущим камином такого размера, что там можно было зажарить на вертеле целого быка. Не говоря уже о стеклянных стенах с круговым обзором на океан гор, сейчас серый и замерший в ожидании под темным небом.

Но Арназ никогда не видел никого подобного джентльмену, который в одиночестве сидел за маленьким столиком у громадного окна, игнорируя стоящий перед ним отделанный серебром графин с неизвестным напитком, и смотрел в направлении занесенной снегом Чаши Контрабандиста с ее комплексом давно заброшенных горняцких сооружений, сгрудившихся, словно толпа сторонников, вокруг громадного ветхого деревянного здания, в котором находился знаменитый Ирландский паровой насос – великолепный пример техники девятнадцатого века, некогда самый большой насос в мире, ныне представляющий собой лишь ржавеющий корпус.

Арназ уже минут тридцать с восхищением наблюдал за этим похожим на привидение человеком, и за это время объект его наблюдения не пошевелил и мизинцем. Арназ был модником, он разбирался в одежде. На человеке было стильное черное пальто из шерсти ламы высочайшего качества, вот только производителя Арназ определить не смог. Пальто не было застегнуто, и под ним виднелся сшитый на заказ черный костюм английского покроя, галстук от Дзеньи и великолепный кремовый шелковый шарф, небрежно

повязанный. Хотя в большом зале приюта было тепло, этот человек казался холодным, как лед.

Он не был киноактером: Арназ, заядлый киноман, никогда не видел его на экране, даже в эпизодической роли. Он точно не был банкиром, управляющим инвестиционным фондом, председателем правления, адвокатом или каким-либо другим предпринимательским или финансовым волшебником. Одежда такого рода была абсолютно неприемлема среди подобных людей. В нем не было ничего позерского – этот человек носил свою одежду небрежно, безразлично, словно в ней и родился. И он был слишком элегантен, чтобы причислить его к интернет-бизнесу. Так кто же он такой, черт побери?

Гангстер.

Да, теперь все становилось на свои места. Он был преступником. Очень, очень успешным преступником. Возможно, русским – он и в самом деле выглядел немного как чужестранец: светлые глаза и высокие скулы. Русский олигарх. Впрочем, нет… где же тогда его женщины? Вокруг русских миллиардеров, приезжавших в Роринг-Форк, – а они приезжали, и довольно часто, – всегда крутилась толпа увешанных побрякушками, сисястых шлюх.

Арназ пребывал в недоумении.

Пендергаст услышал, что его окликают, медленно повернулся и увидел шефа полиции Стенли Морриса, который шел в его направлении по огромному залу.

– Вы позволите?

Пендергаст сделал приглашающий жест.

– Спасибо. Я слышал, что вы здесь.

– И как же вы это услышали?

– Гм… Вас нельзя назвать неприметным.

Молчание. Наконец агент Пендергаст вытащил из кармана пальто маленький серебряный стаканчик и поставил на стол:

– Не хотите шерри? Самый заурядный «Амонтильядо», но при этом довольно вкусный.

– Нет, спасибо. – У шефа полиции был озабоченный вид, и он не сразу устроился на стуле, сначала поерзал немного. – Послушайте, я понимаю, что совершил ошибку с вашей… э-э… подопечной мисс Свенсон. И я сожалею об этом. Скажу, что я заслужил то, что случилось на заседании городского совета. Вы себе не представляете, что означает возглавлять полицию в таком городе, где тебя одновременно тащат в пяти разных направлениях.

– Я вам искренне сочувствую, но боюсь, что ваши микроскопические проблемы меня не волнуют. – Пендергаст налил себе немного шерри и выпил его одним махом.

– Послушайте, – сказал шеф полиции, снова поерзав на стуле. – Я пришел просить вас о помощи. У нас случилось страшное четверное убийство, место преступления площадью в один акр и невероятной сложности. Все мои криминалисты спорят друг с другом и с этим экспертом-пожарным, они парализованы, они никогда в жизни не сталкивались ни с чем подобным… – Его голос зазвучал надтреснуто, потом прервался на какое-то время. – Послушайте, эта девочка – Дженни, старшая дочь, – она у меня стажировалась. Хорошая такая девчонка… – Он попытался взять себя в руки. – Мне нужна помощь. Неофициальная. Совет – это все, о чем я прошу. Ничего официального. Я посмотрел ваш послужной список – очень впечатляющий.

Бледная рука снова подползла змеей к графину, налила еще глоток, который был выпит, как и предыдущий. Наконец Пендергаст заговорил:

– Я приехал сюда, чтобы вызволить мою подопечную – это ваше слово, не мое, – из лап вашей некомпетентности. Моя цель, моя единственная цель – дождаться, когда мисс Свенсон закончит свою работу, и воспрепятствовать вмешательству миссис Кермоуд или кого-то другого, если такое последует. После этого я оставлю ваш порочный город и постараюсь как можно скорее добраться домой, в Нью-Йорк.

– Сегодня утром вы были на месте преступления. Вы предъявили ваш значок, чтобы пройти в огороженную зону.

Пендергаст отмахнулся от этих слов, как отмахиваются от мухи.

– Вы пришли туда. Почему?

– Я видел пожар. Во мне проснулось любопытство, хотя и

вполне ничтожное.

– Вы сказали, что будут и другие. Почему?

Пендергаст еще раз отмахнулся от вопроса.

– Черт побери! Почему вы это сказали?

Никакого ответа.

Шеф полиции поднялся.

– Вы сказали, что будут и другие убийства. Я посмотрел ваш послужной список и понял, что вы, как никто другой, можете это знать. Я говорю вам: если случатся новые убийства, а вы откажетесь помочь, то эти жертвы будут на вашей совести. Господом клянусь!

Пендергаст ответил на это пожатием плеч.

– Не смейте пожимать плечами, сукин вы сын! – взорвался шеф полиции. – Вы видели, что они сделали с этой семьей. Как вы можете спокойно сидеть здесь, попивая шерри? – Он ухватился за край стола и наклонился вперед. – Я могу только одно вам сказать, Пендергаст: идите к черту!

При этих словах тонкие губы Пендергаста дрогнули в едва заметной улыбке.

– Ну вот, это уже больше похоже на дело.

– На какое дело? – прорычал Моррис.

– У моего старого приятеля из нью-йоркской полиции есть выражение, подходящее для данного случая. Как там говорится? Ах да. – Взгляд Пендергаста скользнул по шефу полиции. – Я вам помогу, но лишь при условии, что вы – кажется, он именно так и выражается, – что вы будете мужчиной.

Глава 18

Шеф полиции Стенли Моррис смотрел на руины дома. От остаточного тепла предыдущего дня не осталось и следа, вчерашний снежок припорошил пожарище, укутав сцену ужаса мягким белым одеялом. Главную площадку, где могли обнаружиться улики, укрыли пластиком, и теперь его люди осторожно убирали пластик, стряхивали снег, чтобы можно было обеспечить доступ внутрь. Было восемь часов утра, светило солнце, температура минус десять градусов. Хорошо хоть ветра не было.

Ничего подобного прежде с Моррисом не случалось ни в личном, ни в профессиональном плане, и он старался взять себя в руки в преддверии сурового испытания, которое его ждало. Прошлой ночью он почти не спал, а когда все же забылся ненадолго, ему привиделся кошмарный сон. Чувствовал он себя отвратительно и так до сих пор и не мог осознать весь невообразимый ужас случившегося.

Он глубоко вздохнул и оглянулся. Слева от него стоял Чиверс, пожарный эксперт, справа – Пендергаст в пальто из шерсти ламы, несообразно натянутом на ярко-синий пиджак. Пушистые рукавицы и жуткая шерстяная шапка довершали его образ. Он был настолько бледен, что, казалось, стал жертвой гипотермии. Но глаза оставались вполне живыми и обшаривали место преступления.

Моррис откашлялся и сделал над собой усилие, чтобы выглядеть уверенным в себе шефом полиции.

– Готовы, джентльмены?

– Еще спрашиваете, – ответил Чиверс с полным отсутствием энтузиазма в голосе.

Присутствие агента ФБР явно его не воодушевляло.

«Да и хрен бы с тобой», – подумал Моррис. Ему уже по горло надоели все недовольства, скрытая война и разногласия в управлении, вызванные этим происшествием.

Пендергаст просто кивнул.

Шеф полиции поднырнул под ленту, остальные последовали за ним. Свежий снежок засыпал все, кроме тех мест, что были укрыты

пластиком, и эти участки представляли собой большие темные квадраты на белом ландшафте. Судмедэксперты еще не полностью извлекли останки. Разноцветные флажки криминалистов придавали руинам неуместно праздничный вид. Над пожарищем все еще висел тяжелый запах обгоревших электрических проводов, резины и пластика.

Теперь шествие возглавил Пендергаст, который, несмотря на теплую одежду, двигался легко. Он устремился вперед, опустился на колени, маленькой кисточкой расчистил снег с напольной плитки и принялся разглядывать ее повреждения от пожара. По мере того как они продвигались вглубь пожарища, он проделал это в нескольких разных, случайно выбранных точках. В одной из точек он вытащил из-под пальто стеклянную трубочку и с помощью пинцета положил в нее микроскопический образец чего-то обнаруженного им на полу.

Чиверс оставался сзади и ничего не говорил, на его плотном лице застыла гримаса неудовольствия.

Наконец они добрались до ванны с ее страшным содержимым. Моррис не смог заставить себя заглянуть в нее. Но Пендергаст опустился на колени и склонился над ней, словно в молитве. Сняв перчатку, он длинными пальцами ухватил пинцет и, потыкав им туда-сюда, отобрал новые образцы в другие трубочки. Затем он поднялся, и они пошли дальше по руинам дома.

Следующим пунктом был сгоревший матрас с его проволочными петлями и обгоревшими фрагментами костей. Здесь Пендергаст снова остановился и довольно долго изучал то, что предстало его взору. Морриса начала пробирать дрожь – следствие бездеятельности, холода и вязкой тошноты, подступавшей к горлу. Специальный агент достал из кармана какой-то документ и развернул его; оказалось, что это детальный план дома, – и где он только его раздобыл? – с которым он долго сверялся, прежде чем сложить и спрятать обратно. После этого он опустился на колени и с помощью увеличительного стекла принялся разглядывать обугленные останки, привязанные к матрасу, даже не останки, а фрагменты костей и кое-чего другого. Моррис чувствовал, как холод все глубже пробирается под одежду. Чиверс вел себя беспокойно, расхаживал туда-сюда, иногда похлопывал руками в перчатках, пытаясь согреться, – словом, всем своим видом давал понять, что считает все это пустой тратой времени.

Наконец Пендергаст выпрямился.

– Ну, идем дальше?

– Отличная мысль, – сказал Чиверс.

Они продолжили движение по пожарищу: торчащие вверх бревна, тронутые инеем, обгоревшие стены, груды смерзшейся золы, сверкающие лужицы стекла и металла. Теперь они увидели останки собаки вместе с двумя параллельными грудами праха и костей – все, что осталось от матери и отца Дженни Бейкер.

Моррис не выдержал и отвернулся – слишком тяжело было смотреть на это.

Пендергаст опустился на колени и внимательнейшим образом осмотрел останки; храня молчание, взял еще несколько образцов. Его особенно заинтересовали обугленные останки собаки, он осторожно ощупывал их длинным пинцетом и инструментом, похожим на зубоврачебный крючок. Затем они перешли в руины гаража, где покоились сгоревшие и оплавившиеся останки трех машин. Агент ФБР бегло осмотрел их.

На этом обход пожарища был закончен. Когда они вышли за ленту, Пендергаст повернулся к ним. Его глаза испугали Морриса – так остро сверкали они на ярком зимнем солнце.

– Этого я и боялся, – сказал он.

Моррис ждал продолжения, но ответом ему было только молчание.

– Итак, – громко сказал Чиверс, – все это подтверждает то, о чем я докладывал вам раньше, Стенли. Все указывает на неудачное ограбление, совершенное как минимум двумя налетчиками. Может, их было больше. Не исключена и сексуальная составляющая.

– Агент Пендергаст? – выдавил из себя Моррис.

– К сожалению, точное воссоздание последовательности событий вряд ли возможно. Слишком много информации пожрал огонь. Но я могу восстановить несколько существенных деталей, если вы готовы их выслушать.

– Да. Прошу вас.

– Преступник действовал в одиночку. Он проник в дом через

открытую заднюю дверь. В доме находились три члена семейства. Все они были наверху и, вероятно, спали. Первым делом преступник убил собаку, которая прибежала узнать, кто это заявился в дом. Потом он – или она – поднялся на второй этаж, набросился на девочку в спальне, обездвижил ее и засунул ей кляп в рот, прежде чем она успела крикнуть. Затем прикрутил ее, еще живую, проводом к кровати. Он, вероятно, собирался пройти в спальню родителей, когда появилась вторая девушка.

Он посмотрел на Морриса.

– Это была ваша стажерка, Дженни. Она вошла через гараж и поднялась по лестнице. Там ее поджидал преступник. Он засунул ей кляп в рот и бросил в ванну. Сделано это было быстро и эффективно, но, вероятно, все же разбудило родителей. Последовала короткая схватка – она началась наверху и закончилась внизу. Я полагаю, один родитель там и был убит, а другого стащили вниз позднее. Вероятно, они были избиты.

– Откуда вам все это известно? – спросил Чиверс. – Одни сплошные домыслы!

Пендергаст продолжил, словно не заметив этот выпад:

– Преступник снова поднялся по лестнице, облил обеих девушек бензином и поджег. Потом он был вынужден поспешить прочь, но при этом стащил одного родителя вниз по лестнице, разбрызгивая по дороге бензин. Он ушел пешком, не на машине. Жаль, что все вокруг было затоптано соседями и пожарными.

– Невозможно, – произнес Чиверс, отрицательно покачивая головой. – Невозможно сделать все эти заключения на основании имеющейся информации… к тому же ваши заключения, при всем моем уважении, по большей части ошибочны.

– Должен заметить, что разделяю, гм, скептицизм мистера Чиверса. Непонятно, как на основании того, что мы видели, можно прийти к таким выводам, – сказал Моррис.

Пендергаст ответил тоном, каким разговаривают с неразумными детьми:

– Это единственное логическое следствие, которое удовлетворяет фактам. А факты таковы: когда Дженни Бейкер вернулась домой, преступник был уже там. Она вошла через гараж, и

если бы родители были уже убиты, она бы увидела их тела у задней двери. Тела собаки она не видела, потому что его скрывал кухонный стол, стоявший здесь до пожара. – Он вытащил план.

– Но откуда вы знаете, что он был наверху, когда пришла Дженни?

– Потому что именно наверху Дженни и попала в засаду.

– На нее могли напасть в гараже, а потом затащить наверх.

– Если бы она была первой жертвой и на нее напали в гараже, то собака была бы еще жива и залаяла бы, разбудила родителей. Нет, первой жертвой стала собака, ее убили у задней двери, вероятно, ударом по голове чем-то вроде бейсбольной биты.

– Биты? – недоуменно переспросил Чиверс. – Почему вы думаете, что он не воспользовался ножом? Или пистолетом?

– Соседи услышали бы выстрелы. Что касается ножа… вы когда-нибудь пытались убить немецкую овчарку ножом? И к тому же на обгоревшем черепе собаки видны следы удара. – Он помолчал. – Не нужно быть Шерлоком Холмсом, мистер Чиверс, чтобы проанализировать несколько простых деталей.

Чиверс промолчал.

– Поэтому, когда Дженни пришла домой, преступник уже находился наверху и успел обездвижить ее сестру – ведь сделать такое одновременно с двумя он бы не смог.

– Если только преступников не было двое, – сказал Чиверс.

– Продолжайте, – кивнул Моррис Пендергасту.

– С помощью биты или другого орудия он немедленно оглушил Дженни.

– Вот именно поэтому преступников и должно быть двое! – сказал Чиверс. – Это было неудавшееся ограбление. Они проникли в дом, но, прежде чем они успели выполнить задуманное, дела пошли не так, как было намечено. Такое случается постоянно.

– Нет, последовательность действий была хорошо спланирована, и преступник в любой момент времени контролировал ситуацию. Психологические особенности преступления – его дикая жестокость – говорят, что преступник был один и имел иную цель, чем

ограбление.

Чиверс посмотрел на Морриса и закатил глаза.

– Что касается вашей гипотезы неудавшегося ограбления, то преступник прекрасно знал, что в доме находится три человека. Профессиональный вор никогда не войдет в дом, где есть люди.

– Если только в доме нет двух девушек, которых они хотят… – Чиверс сглотнул и посмотрел на шефа полиции.

– Девушки не подверглись сексуальному насилию. Если бы он имел намерение изнасиловать их, то сначала избавился бы от угрозы в лице родителей – убил их первыми. А изнасилование не вписывается ни во временные рамки, ни в последовательность. Я могу сказать, что время, прошедшее с того момента, как приятель Дженни высадил ее, до начала пожара составляет десять минут, а то и меньше.

– А откуда вы знаете, что один родитель был убит внизу, а другого притащили туда позднее?

– Должен признаться, что это мое допущение. Но именно такое допущение соответствует остальным уликам. Мы имеем дело с убийцей-одиночкой, и мне представляется маловероятным, что он одновременно дрался с обоими родителями внизу. А то, как расположены тела родителей, – это еще один постановочный элемент нападения, мрачная подробность, имеющая целью вселить дополнительный страх и беспокойство в жителей.

Чиверс покачал головой с презрением и недоверием.

– Итак… – Шеф полиции с трудом заставлял себя задать вопрос, который неизбежно должен был задать. – Почему вы думаете, что за этим могут последовать и другие подобные убийства?

– Это преступление ненависти, садизма и жестокости, совершенное человеком, который, будучи, вероятно, ненормальным, тем не менее сохраняет умственные способности. Сумасшедшие нередко выбирают огонь орудием преступления.

– Убийство на почве мести?

– Сомневаюсь. Семейство Бейкеров не было широко известно в Роринг-Форке. Вы сами говорили мне, что у них вроде бы нет врагов и они проводят здесь всего две недели в году. Так что если не месть,

то какой может быть мотив? Трудно сказать наверняка. Но вероятно, преступление было направлено не конкретно против этого семейства, а скорее против того, что это семейство собой символизирует.

Молчание.

– А что символизирует собой это семейство? – спросил Моррис.

– Вероятно, то же, что символизирует собой и весь город.

– И что же это?

Пендергаст ответил не сразу:

– Деньги.

Глава 19

Кори вошла в исторический отдел библиотеки Роринг-Форка. Приветливое, отделанное деревянными панелями помещение было пустым, если не считать Теда Романа, который читал, сидя за своим столом. Он поднял глаза на Кори, и его простое лицо засветилось.

– Так-так! – сказал он, поднимаясь. – Триумфальное возвращение самой печально известной девушки Роринг-Форка.

– Боже, что это за приветствие?

– Искреннее. Серьезно. Ты и агент ФБР просто размазали Кермоуд. Господи, да ничего лучше я в этом городе не видел!

– Ты был на заседании совета?

– Конечно. Давно уже пора было – надеюсь, ты простишь мне такое слово, – прищемить хвост этой суке.

– Тут нечего прощать.

– Тот человек в черном не только загнал в угол Кермоуд, но еще и прижучил этот уютный маленький триумвират – ее, шефа полиции и мэра. Твой друг так их напугал, что они чуть в штаны не наложили. А с ними и Монтебелло!

Тед покатился со смеху, его смех был таким заразительным, что и Кори не удержалась.

– Не могу не признаться, я с удовольствием выслушала эту историю, – сказала Кори. – В особенности после того, как я из-за них десять дней провела в тюрьме.

– Как только я прочел о твоем аресте, сразу понял, что все это чушь свинячья… – Тед попытался убрать хохолок со лба. – Ну так над чем ты сегодня работаешь?

– Хочу найти что удастся о жизни Эммета Боудри… и о его смерти.

– Это тот добытчик, чьи кости ты исследовала? Давай посмотрим, что можно найти.

– В библиотеке всегда так пусто? – спросила Кори, когда они прошли в компьютерный отдел.

– Да. Смешно, правда? Это лучшая библиотека на Западе, а сюда никто не заходит. Все дело в людях этого города. Они очень заняты – дефилируют по Мейн-стрит в своих норках и алмазах. – Он шутовски изобразил проход кинозвезды по подиуму.

Кори рассмеялась. В Теде было что-то забавное.

Он сел за компьютер и включил его, а потом принялся вести поиск разными способами. Кори смотрела ему через плечо, и он объяснял ей, что делает.

– Ну вот, – сказал он. – Нашел несколько ссылок на твоего Боудри – возможно, это то, что тебе нужно.

За спиной у Кори заработал принтер.

– Посмотри на список и скажи мне, что ты хочешь увидеть.

Он передал девушке распечатку, и она быстро просмотрела ее. Число ссылок порадовало, даже почти напугало ее. Сведений об Эммете Боудри оказалось довольно много: упоминания в газетах, сведения о работе, записи пробирной палаты, разрешение на горные работы и заявки и много еще чего.

– Слушай… – начал Тед, но тут же замолчал.

– Что?

– Знаешь, я вспомнил о том, как ты меня кинула с этим приглашением выпить пивка…

– Извини, была занята – меня арестовывали.

Он рассмеялся:

– Ну, тогда это все еще за тобой. Сегодня?

Кори посмотрела на него, внезапно зардевшись и испытывая неловкость вперемешку с надеждой.

– С удовольствием, – услышала она собственный голос.

Глава 20

Шеф полиции и прежде проводил пресс-конференции. Обычно это случалось, когда какая-нибудь из знаменитостей выкидывала очередной фортель. На сей раз случай был другой – куда как хуже. Он смотрел на аудиторию из-за кулис, и на него накатывало дурное предчувствие. Зал кишел народом, который хотел услышать ответы. Поскольку в старом здании полиции зал был слишком маленький, эту пресс-конференцию решено было провести в муниципалитете, в том самом месте, где он недавно испытал унижение, и это воспоминание до сих пор занозой торчало в его сердце.

Зато теперь на его стороне был Пендергаст. Этот человек, явившийся к нему ангелом мщения, стал его опорой – Моррис готов был признать это. Чиверс пребывал в ярости, половина полицейского управления бунтовала, но Моррис стоял на своем. Пендергаст при всех его странностях – блестящий сыщик, и Моррис был чертовски рад, что тот работает на него. Но с этой толпой он должен справиться без помощи Пендергаста. Сам. Он должен предстать перед ними человеком, который контролирует ситуацию.

Моррис посмотрел на часы. Без пяти два. Гул голосов в зале звучал зловеще. «Будь мужчиной». Он постарается, насколько это в его силах.

Он в последний раз просмотрел свои записки, вышел на сцену и зашагал к подиуму. Гул в зале стих, и Моррис еще несколько мгновений изучал аудиторию. Зал быт набит до отказа. На стоячих местах народ был спрессован, а еще больше людей толпилось за дверями. Галерея для прессы тоже была наполнена до отказа. Моррис легко нашел глазами черное пятно – Пендергаста, сидевшего в зоне для публики. На зарезервированных местах сидели официальные лица: мэр, глава пожарного департамента, старшие чиновники в его подчинении, медицинский эксперт, Чиверс и городской прокурор. Как ни странно, отсутствовала миссис Кермоуд. И слава богу.

Моррис склонился к микрофону, пощелкал по нему.

– Леди и джентльмены!

Зал погрузился в тишину.

– Для тех, кто меня, возможно, не знает, – начал он, – я шеф полиции Роринг-Форка Стенли Моррис. Я собираюсь зачитать заявление, а потом отвечу на вопросы прессы и общественности.

Он раскрыл бумаги и начал читать, стараясь, чтобы его голос звучал жестко и нейтрально. Это было короткое заявление, ограничивающееся перечислением неоспоримых фактов: время пожара, число и личность жертв, констатация того, что это было преступление, статус расследования. Никаких догадок и гипотез. В конце он призвал всех, кто владеет какой-либо, пусть даже самой несущественной, информацией, полезной для следствия, обратиться в полицию. Он, конечно, ни слова не сказал о предположении Пендергаста, что за этими жертвами могут последовать новые, – не стоит подливать масла в огонь. И потом, нет никаких доказательств. Как сказал Чиверс, это спекуляция чистой воды.

Моррис посмотрел в зал:

– А теперь я готов ответить на ваши вопросы.

На галерее для прессы немедленно возникла суматоха. Моррис уже решил, кого он выберет и в каком порядке, и теперь показал на журналиста, стоявшего в его списке под первым номером, – своего старого приятеля из «Роринг-Форк таймс».

– Шеф Моррис, спасибо за ваше заявление. У вас есть подозреваемые?

– У нас есть несколько важных зацепок, по которым мы работаем, – ответил Моррис. – Больше я сейчас сказать не могу.

«Потому что у нас ни черта нет», – мрачно подумал он.

– Как вы считаете, преступник из местных?

– Мы не знаем, – сказал Моррис. – Мы взяли список гостей у всех отелей и всех лиц, сдающих помещения в аренду, мы получили списки людей, резервировавших билеты на подъемники, мы запросили помощь у Национального центра анализа насильственных преступлений, и там теперь проверяется база данных приговоров, вынесенных за поджоги ранее.

– Возможный мотив?

– Ничего определенного. Мы рассматриваем разные возможности.

– Например?

– Ограбление, месть, психопатия.

– Правда ли, что одна из жертв работала в вашем офисе?

Боже, он надеялся, что избежит вопросов на эту тему.

– Дженни Бейкер стажировалась в управлении полиции во время зимних каникул. – Он сглотнул и продолжил, несмотря на неожиданную дрожь в голосе: – Она была замечательной девочкой, хотела сделать карьеру в полиции. Это страшная утрата.

– Ходят слухи, что одна из жертв была привязана к кровати и облита бензином, – вклинился еще один журналист.

Проклятье, неужели Чиверс слил информацию?

– Это правда, – после некоторой паузы признал шеф полиции.

Это вызвало сенсацию.

– А другая жертва сгорела в ванне?

– Да, – кратко ответил Моррис.

Снова шум в зале. Это начинало становиться неприемлемым.

– Имело ли место сексуальное насилие в отношении девушек?

Пресса будет спрашивать что угодно – у них стыда нет.

– Патологоанатом еще не завершил обследования. Но возможно, с учетом состояния тел это и не удастся определить.

– Что-нибудь было украдено?

– Мы не знаем.

– Их сожгли заживо?

Нарастающее волнение в зале.

– Потребуется не меньше недели на проведение лабораторных анализов. Все, закончим с вопросами от прессы. Давайте теперь вопросы от общественности.

Шеф полиции наивно надеялся, что тут ему будет проще.

Чуть не вся секция для публики вскочила на ноги с поднятыми руками. Плохой знак. Он показал на какую-то незнакомую ему пожилую женщину кроткого вида, но женщина, находившаяся перед

ней, приняла его жест на свой счет – или сделала вид, что приняла, – и тут же загудела низким голосом. Проклятье, это была Соня Мария Дютуа, полуотставная актриса, печально известная в Роринг-Форке своим вызывающим поведением в магазинах и ресторанах и своим лицом, которое претерпело столько подтяжек и было так напичкано ботоксом, что на нем застыла вечная ухмылка.

– Спасибо, что выбрали меня, – произнесла она голосом заядлой курильщицы. – Уверена, что говорю от лица всех, когда заявляю, что меня потрясло и ужаснуло это преступление.

– Да, я вас понимаю, – сказал Моррис. – Ваш вопрос, пожалуйста.

– Прошло уже тридцать шесть часов с того страшного, кошмарного, жуткого пожара. Мы все его видели. И, судя по тому, что мы от вас услышали, вы ничуть не продвинулись в расследовании.

Шеф полиции Моррис спокойным голосом сказал:

– У вас есть вопрос, миссис Дютуа?

– Конечно есть. Почему вы до сих пор не поймали убийцу? У нас здесь не Нью-Йорк – здесь живет всего две тысячи человек. Здесь только одна дорога для въезда и выезда. В чем проблема?

– Как я уже сказал, мы задействовали огромные ресурсы, вызвали специалистов даже из Гранд-Джанкшн, привлечен Национальный центр анализа насильственных преступлений. А теперь я уверен, что вопросы есть и у других людей…

– Я не закончила, – не отступала Дютуа. – Когда будет подожжен следующий дом?

Шум в зале усилился. Кто-то закатывал глаза, кто-то начинал заметно нервничать.

– Нет никаких свидетельств того, что мы имеем дело с серийным поджигателем, – сказал шеф полиции, спеша пресечь нежелательное направление разговора.

Но Дютуа еще не закончила.

– Кто из нас сегодня ночью проснется в бушующем пламени? И что, черт возьми, вы делаете, чтобы этого не случилось?

Глава 21

Трудно было поверить, что таверна «Шахтный ствол» находится в Роринг-Форке: опилки на полу, каменные стены подвального помещения, увешанные старинными заржавевшими инструментами добытчиков, запах пива и техасское барбекю, неряшливые клиенты из рабочего класса. Но хуже всего был бесталанный, накачанный наркотиками музыкант у микрофона, наяривавший какую-то мелодию собственного сочинения, изо всех сил изображая энтузиазм.

Войдя внутрь, Кори была приятно удивлена. Такое место было ей куда привычнее, чем ресторан в отеле «Себастиан».

Она нашла Теда за «его» столиком в задней части помещения, где он и говорил. Перед ним стояла имперская пинта. Он встал – Кори это понравилось – и, прежде чем сесть, помог устроиться ей.

– Ты что будешь?

– А ты что пьешь?

– Крепкий портер «марун беллз». Его делают здесь неподалеку – фантастический вкус.

Подошел официант, и Кори заказала пинту, надеясь, что ее не попросят предъявить документы. Это была бы неприятная ситуация. Но никто не стал проверять ее возраст.

– Я и не подозревала, что в Роринг-Форке есть такие места.

– В этом городе немало нормальных людей: персонал, обслуживающий подъемники, официанты, посудомойки, разнорабочие… библиотекари. – Он подмигнул девушке. – И нам требуются дешевые вульгарные места для развлечений.

Принесли пиво, они чокнулись. Кори пригубила пиво.

– Ух ты. Классное пиво.

– Лучше «гиннеса». И дешевле.

– А что это за парень на сцене? – спросила Кори нейтральным тоном – кто знает, может, это приятель Теда.

Тед фыркнул:

– Сегодня вечер открытого микрофона. Я его не знаю, бедолагу. Надеюсь, он не бросил ради этого свою основную работу. – Он взял меню. – Ты есть хочешь?

Кори задумалась на секунду: стоит ли швыряться деньгами? Но блюда здесь были дешевыми. Если она не поест, то запьянеет и сделает какую-нибудь глупость. Она с улыбкой кивнула.

– Ну, – сказал Тед, – как там дела в этом морге на горе?

– Неплохо. – Кори взвесила, говорить ли ему о том, что она обнаружила, но решила промолчать. Она недостаточно знала Теда. – Останки Эммета Боудри говорят о многом. Я надеюсь вскоре получить разрешение исследовать еще несколько скелетов.

– Я рад, что у тебя получается. Мне нравится, что Кермоуд задергалась, а ты спокойно делаешь свое дело.

– Не знаю, – сказала Кори. – У нее сейчас есть кое-что поважнее, о чем волноваться. Ну, ты понимаешь, этот пожар.

– Верно. Господи, какой ужас. – Он помолчал. – Знаешь, я ведь вырос там, в «Высотах».

– Правда? – Кори не сумела скрыть удивления. – Никогда бы не подумала.

– Спасибо. Я воспринимаю это как комплимент. Мой отец был телевизионным продюсером – ситкомы и всякое такое. Он вращался в кругу людей из Голливуда. Моя мать спала с большинством из них. – Он негодующе покачал головой, отхлебнул пива. – В общем, детство у меня было не подарочек.

– Сочувствую.

Кори ни в коем случае не собиралась рассказывать Теду о собственном детстве.

– Ерунда. Они развелись, и меня воспитывал отец. Денег у него от ситкомов накопилось достаточно, и он мог больше не работать. Когда я вернулся после колледжа, в «Высотах» для меня места уже не было, и я нашел себе квартиру в городе – в Ист-Каупере. Квартирка маленькая, но я чувствую себя лучше, дыша ее воздухом.

– А он по-прежнему живет в «Высотах»?

– Нет. Он продал дом несколько лет назад, а в прошлом году

умер от рака – ему и было-то всего шестьдесят.

– Прими мои соболезнования.

Он отмахнулся:

– Да-да. Но я был рад порвать связь с «Высотами». Я просто вне себя оттого, что они устроили с этим погостом. Это же надо: раскопать одно из старейших кладбищ в Колорадо, чтобы построить спа-салон для богатых говнюков.

– Да, грязная история.

Тед пожал плечами и беззаботно рассмеялся:

– Всякое случается. Что ты собираешься делать? Если бы я ненавидел это место так сильно, то ни за что бы здесь не остался, да?

Кори кивнула и спросила:

– Ты на чем специализировался в университете?

– Изучал оптимальное использование ресурсов. Я был плохим студентом – слишком много времени проводил, катаясь на лыжах и снегоходах. И еще альпинизмом занимался.

– Альпинизмом?

– Да. Покорил сорок один четырнадцатитысячник.

– Что такое четырнадцатитысячник?

Тед хмыкнул:

– Ну, ты и в самом деле девчонка с Востока. В Колорадо пятьдесят пять горных пиков, имеющих высоту больше четырнадцати тысяч футов. Мы называем их четырнадцатитысячниками. Покорить все пятьдесят пять – это недостижимая мечта всех альпинистов Америки… Ну или хотя бы покорить сорок восемь, исключая самые высокие.

– Впечатляет.

Принесли их заказ: картофельную запеканку с мясом для Кори, бургер для Теда. И еще одну пинту для него. Кори от добавки пива отказалась, помня о трудной горной дороге, по которой ей еще предстоит подниматься в «офис дантиста» на горе.

– А ты? – спросил Тед. – Мне любопытно знать, откуда ты знаешь человека в черном.

– Пендергаста? Он мой… – «Боже, как это сказать?» – Ну, он вроде как мой опекун.

– Да? Это как бы крестный или что-то другое?

– Что-то другое. Я помогла ему в одном деле несколько лет назад, и он с тех пор приглядывает за мной.

– Он такой крутой парень. Нет, без трепа. Он и вправду агент ФБР?

– Один из лучших.

К микрофону подошел новый певец, гораздо лучше предыдущего, и они какое-то время слушали его, иногда перекидываясь словами и доедая запеканку и бургер. Тед попытался оплатить заказ, но Кори была готова к этому и настояла на том, чтобы разделить чек.

Когда они поднялись, собираясь уходить, Тед сказал ей вполголоса:

– Хочешь посмотреть мою квартирку?

Кори замялась. Ей хотелось, очень хотелось. Тед был одни сплошные мускулы, худой и сильный, но одновременно обаятельный и бесхитростный, с прекрасными карими глазами. Но она никогда не чувствовала себя уютно в отношениях с парнем, если ложилась с ним в постель при первом свидании.

– Нет, не сегодня, спасибо. Мне нужно домой – выспаться, – сказала она, но улыбкой сообщила ему, что это не окончательно.

– Нет проблем. Мы встретимся еще раз. Скоро.

– С удовольствием.

Направляясь от ресторана в темный лес и думая о том, что ей предстоит забираться в холодную кровать, Кори уже начинала жалеть, что отвергла предложение Теда «посмотреть» его квартирку.

Глава 22

В своем номере люкс на верхнем этаже отеля «Себастиан» агент Пендергаст отложил книгу, допил кофе эспрессо из маленькой чашечки, которая стояла на приставном столике, а потом подошел к панорамному окну на дальней стороне гостиной. В номере стояла абсолютная тишина: Пендергаст ненавидел шум, издаваемый анонимными соседями, а потому снял и оба номера по сторонам от своего, чтобы его не беспокоили. Он стоял у окна абсолютно неподвижно, глядя на Восточную Мейн-стрит сквозь слабый снежок, падающий на тротуары, здания и прохожих. Снежок смягчал вечернюю темноту, придавая какое-то приглушенное, сказочное сияние миллионам рождественских огней, растянувшихся на несколько кварталов. Пендергаст простоял минут десять, глядя в темноту. Затем отвернулся от окна и подошел к столу, где лежал нераспечатанный конверт «Федерал экспресс». Это письмо было из Нью-Йорка, от его секретаря Проктора, адресованное ему через администрацию отеля «Себастиан».

Пендергаст взял конверт, вскрыл его плавным движением и вытряхнул содержимое на стол. Оттуда выпало несколько меньших конвертов разного размера, большая открытка с тиснением и короткая записка от Проктора. В записке сообщалось, что Констанс Грин, подопечная Пендергаста, уехала в Индию, в Дхарамсалу, где собиралась провести две недели, навещая девятнадцатого ламу. Открытка была приглашением на свадьбу лейтенанта Винсента Д’Агосты и капитана Лоры Хейворд, назначенную на двадцать девятое мая грядущей весны.

Пендергаст перевел взгляд на запечатанные конверты и замер на несколько секунд, не прикасаясь к ним. Наконец он взял конверт авиапочты и задумчиво покрутил его в руках. Оставив другие, он направился назад к креслу, сел и вскрыл конверт. Внутри лежал единственный листок тонкой бумаги, письмо, написанное детской рукой старомодным немецким шрифтом, известным под названием Sètterlin. Пендергаст начал читать.

6 декабря

Школа Мер-Эглис

Сент-Мориц, Швейцария

Дорогой папа,

со дня твоего последнего приезда прошло много времени. Я считал дни. Их набралось сто двенадцать. Я надеюсь, что ты скоро приедешь.

Относятся ко мне хорошо. Кормят здесь тоже очень хорошо. В субботу на ужин нам на десерт дают линцский миндальный пирог. Ты когда-нибудь ел миндальный пирог? Очень вкусно.

Многие учителя здесь говорят по-немецки, но я всегда стараюсь говорить на английском. Они говорят, что мой английский улучшается. Учителя очень хорошие, если не считать мадам Монтен, от которой всегда пахнет розовой водой. Я люблю историю и естественные науки, но не математику. По математике у меня плохо.

Осенью я гулял по холмам после занятий, а сейчас там слишком много снега. Мне сказали, что после Рождества меня будут учить кататься на лыжах. Думаю, мне это понравится.

Спасибо тебе за письмо. Пожалуйста, пришли еще. Надеюсь, мы скоро снова увидимся.

С любовью,

твой сын Тристрам.

Пендергаст перечитал письмо еще раз. Потом очень медленно сложил его и засунул назад в конверт. Выключил лампу, при свете которой читал, и замер в темноте, погруженный в свои мысли. Он забыл о книге, а минуты все текли и текли. Наконец он снова шевельнулся, вытащил из кармана пиджака сотовый телефон и набрал номер с территориальным кодом Вирджинии.

– Центральная, – раздался четкий голос без акцента.

– Говорит специальный агент Пендергаст. Пожалуйста, переведите меня в Южно-Американский отдел, стол четырнадцать «С».

– Соединяю.

Последовала короткая пауза, щелчок, наконец на линии раздался другой голос:

– Агент Уилкинс.

– Говорит Пендергаст.

Голос зазвучал чуть тверже:

– Слушаю, сэр.

– Сообщите статус «Лесного пожара».

– Устойчивый, но отрицательный. Ничего не обнаружено.

– Ваши мероприятия по мониторингу?

– Все посты прослушивания задействованы. Мы осуществляем мониторинг полицейских рапортов в национальном масштабе и на местном уровне, а также новостной ленты СМИ двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, кроме того, проводится ежедневное электронное прочесывание каналов Агентства национальной безопасности. Помимо этого, мы продолжаем координировать взаимодействие с полевыми агентами ЦРУ в Бразилии и прилегающих странах в поисках… какой-либо аномальной активности.

– Вы установили мое место пребывания?

– В Колорадо? Да.

– Отлично, агент Уилкинс. Как всегда, немедленно информируйте меня, если статус «Лесного пожара» изменится.

– Непременно, сэр.

Пендергаст отключился. Взяв трубку местного телефона, он заказал еще чашечку эспрессо. Потом сделал еще один звонок по сотовому. На сей раз на окраину Кливленда под названием Ривер-Пойнт.

На его вызов ответили со второго звонка. Голоса на линии не было – он лишь услышал щелчок соединения.

– Мим? – спросил Пендергаст в тишину.

Несколько секунд ничего не происходило, затем высокий тонкий голос проскрипел:

– Это мой старший? Мой главный секретный агент?

– Мне нужна новейшая информация, Мим.

– На Западном фронте все спокойно.

– Ничего?

– Даже носа никто не кажет.

– Минуту. – Пендергаст прервал разговор: дежурный принес ему эспрессо. Пендергаст дал человеку чаевые и дождался, когда тот уйдет. – И вы уверены, что широко раскинули сеть и она достаточно мелкая, чтобы… выловить цель, если та всплывет на поверхность?

– Секретный агент, у меня онлайн задействованы несколько алгоритмов искусственного интеллекта и эвристические модели поиска, от которых у вас глаза на лоб полезут. Я мониторю весь официальный и большую часть приватного входящего и выходящего веб-трафика зоны наблюдения. Вы и вообразить себе не можете ширину полосы, которую я контролирую. Представьте, мне пришлось врезаться в серверные парки по крайней мере полудюжины…

– Не могу представить. Да и не хочу.

– В любом случае объект не появлялся в Сети, ни одного выхода в «Фейсбук» не отмечено. Но если этот тип сумасшедший, как вы говорите, то стоит ему выглянуть, и тут мы его – цап! – Голос на линии резко оборвался. – Пардон. Я все время забываю, что Альбан – ваш сын.

– Прошу вас, продолжайте наблюдение, Мим. И как только что-нибудь появится, тут же дайте мне знать.

– Не сомневайтесь.

На линии воцарилась тишина. А Пендергаст надолго замер в темной комнате.

Глава 23

Кори припарковала свой арендованный «форд-фокус» на широкой парковочной площадке дома 1 по дороге Вороньего оврага, иначе именуемого особняком Файна. Была почти полночь; громадная бледная луна, низко висевшая в небе, придавала соснам синеватый оттенок на фоне желтоватого снега, расчерченного тенями. Сыпал легкий снежок, и здесь, в чашеобразном плато на краю оврага, Кори чувствовала себя как в перевернутом стеклянном шаре с «падающим снегом». Впереди, словно большие серые зубы, вонзившиеся в бетон площадки, виднелись двери шести гаражей. Кори заглушила двигатель (по каким-то непонятным причинам Файн не хотел, чтобы она пользовалась гаражом), вышла из машины, направилась к двери, снимая на ходу перчатку, и набрала код на замке. Металлические брусья двери поднялись, и она вдруг резко повернулась. У нее перехватило дыхание.

В тени перед гаражом виднелось что-то. Поначалу Кори не могла сообразить, что это такое, но слабый свет от подъемника гаражной двери позволил ей разглядеть собачонку, дрожащую в темноте.

– Ой! – вскрикнула Кори, присев на корточки. – Что ты здесь делаешь?

Собачонка, повизгивая, подбежала к ней и лизнула руку. Это была дворняжка – помесь небольшой гончей и спаниеля с обвислыми ушами, большими печальными карими глазами и с белыми пятнами. Ошейника на псе не было.

– Тебе нельзя здесь оставаться, – сказала Кори. – Давай-ка в дом.

Пес с радостью последовал за ней в гараж. Подойдя к щитку, она нажала одну из кнопок, закрывающую дверь, через которую вошла. Гараж был пуст – бесполезное пространство, залитое цементом. Кори слышала, как снаружи воет ветер, сотрясая деревья. Почему, черт возьми, ей нельзя парковаться здесь?

Девушка посмотрела на пса – тот ловил ее взгляд и вилял хвостом. В его взгляде было отчаяние надежды. «Ну его в задницу, твоего мистера Файна», – словно говорил пес.

Кори дождалась, когда дверь гаража закроется полностью, и

только после этого открыла дверь дома и вошла внутрь. Впрочем, в доме было ничуть не теплее, чем снаружи. Она прошла через прачечную, где стояли стиральные машины такого размера, что вполне могли бы обслужить батальон, мимо кладовки, в которую могла целиком поместиться квартира ее отца, и вышла в коридор, проходящий через весь дом. Собачонка трусила возле ее ног. Коридор сделал один поворот, потом другой, повторяя контуры оврага; Кори проходила одну за другой громадные комнаты, наполненные авангардистской мебелью. Сам коридор был уставлен африканскими скульптурами с отвислыми животами и удлиненными злыми лицами, чьи глаза, казалось, провожали девушку взглядом. Большие панорамные окна в разных комнатах слева от нее не имели портьер, и яркий лунный свет отбрасывал жутковатые тени на бледные стены.

Предыдущим вечером – это была ее первая ночь в доме – Кори проверила второй этаж и подвал, познакомилась с планировкой дома. Наверху имелась громадная хозяйская спальня с двумя ванными комнатами и гардеробными, а еще шесть других спален без мебели и многочисленные гостевые ванные. В основном подвале обнаружились тренажерный зал, двухдорожечный боулинг, подсобное помещение, плавательная дорожка – без воды – и несколько кладовок. Было что-то бесстыдное в том, что дом имеет такие размеры и при этом абсолютно пуст.

Наконец Кори дошла до конца коридора – до двери в помещения для прислуги. Она вошла, закрыла за собой дверь, включила маленький обогреватель в комнате, которую выбрала для себя. Принесла из буфета две чаши, налила воды и соорудила импровизированный обед из крекеров и овсянки для пса. Завтра, если ей не удастся найти хозяина, она купит ему что-нибудь собачье.

Маленькое коричнево-белое существо с жадностью набросилось на еду. Бедняга помирал с голоду. Он хоть и был дворнягой, но очень милой, с копной непослушной шерсти, падающей на глаза. Это напомнило Кори о Джеке Корбетте, парнишке, с которым она училась в седьмом классе в Медсин-Крике. У него волосы вот так же падали на лицо.

– Тебя зовут Джек, – сказала Кори, когда пес посмотрел на нее, помахивая хвостом.

Она хотела было заварить себе чашечку травяного чая, но

почувствовала, что страшно устала и неспособна на такие усилия, а потому быстренько умылась, надела ночнушку и улеглась под холодное одеяло. Пес, поскребывая когтями по полу, подошел к кровати и устроился рядом на полу.

Постепенно тепло ее тела и маленький обогреватель, включенный на максимум, прогнали холод. Кори решила не читать – лучше уж пусть обогреватель, а не лампочка расходует киловатты. Она будет постепенно увеличивать расход электроэнергии и посмотрит, что на это скажет Файн.

Ее мысли вернулись к свиданию с Тедом. Он был серьезный, забавный, милый, а если немного простоватый, то что ж, фанату-лыжнику и полагается быть простоватым. Красивый, простоватый, беззаботный. Но легкомысленным он не был – напротив, принципиальным. И немного идеалистичным. Кори восхищалась его независимостью: вот ведь взял да и ушел из шикарного родительского дома в маленькую квартирку в центре города.

Она повернулась в кровати, чувствуя, как сон понемногу одолевает ее. Тед был привлекательный и к тому же порядочный, но ей хотелось познакомиться с ним поближе, прежде чем…

…Где-то наверху в чреве дома раздался громкий глухой удар.

Кори села в кровати, мгновенно очнувшись. Что это еще за чертовщина?

Она замерла. Единственный свет в комнате исходил от раскаленной спирали обогревателя. Кори сидела, прислушиваясь, но слышала только слабое и скорбное завывание ветра, мечущегося в чаше гор.

Больше ничего. Наверное, ветер сорвал с дерева мертвую ветку и она ударилась о крышу.

Кори медленно заползла обратно под одеяло. Теперь, зная о ветре, она прислушивалась к его приглушенным стонам и бормотанию. Шли минуты, и дремота снова стала обволакивать ее. Мысли вернулись к планам на завтра. Исследование костей Боудри почти закончено, и если она хочет хоть как-то продвинуть свою теорию, ей необходимо получить разрешение исследовать другие останки. Пендергаст, конечно, предложил ей помощь, и она достаточно знала о его методах вмешательства, чтобы верить, что у него все…

Вмешательство. Почему она использовала такое слово?

И если подумать, то почему одна лишь мысль о Пендергасте (впервые с тех пор, как она узнала его) вызвала у нее приступ раздражения? В конечном счете ведь этот человек спас ее от десятилетнего заключения. Он спас ее карьеру. Он заплатил за ее образование, фактически дал ей возможность жить нормальной жизнью.

Если быть честной перед собой, то Кори должна была признать, что Пендергаст тут ни при чем, все дело в ней самой. Этот склад скелетов был большим проектом, невероятной возможностью для нее. И она с опаской относилась к мысли, что сюда вмешается кто-то еще и украдет частичку ее славы. А вмешательство Пендергаста помимо его воли могло привести именно к этому. Если кому-то станет известно, что он помогал ей, все будут говорить, что это его заслуга, а ее собственный вклад никого не будет интересовать.

Ее мать получала немалое удовольствие, постоянно повторяя дочери, что она неудачница. Ее соученики в Медсин-Крике называли ее посмешищем, пустым местом. Кори до сего дня не понимала, как важно для нее добиться чего-то в жизни…

И вдруг – опять новый звук. Но это не удар ветки о крышу. Низкий скребущий звук, мягкий, даже вкрадчивый, доносящийся не откуда-то издалека, – его источник явно находился неподалеку от ее комнаты.

Кори прислушалась. Может быть, это все-таки ветер раскачивает дерево, ветки которого трутся о стену. Но если это ветер, то почему звук раздается так размеренно?

Она сбросила одеяло, выскочила из кровати и, забыв о холоде, застыла посреди темной спальни, прислушиваясь.

Шварк. Шварк. Шварк. Шварк. Шварк.

У ее ног взвыл Джек.

Кори вышла в маленький коридор, включила свет, открыла дверь в хозяйскую часть особняка и снова остановилась, прислушиваясь. Звук вроде бы прекратился. Нет, вот он опять, доносится из той части дома, что обращена к оврагу. Возможно, из гостиной.

Кори быстро прошла по коридору, гулкому и погруженному в

темноту, забежала в пультовую комнату. Многочисленные системы работали, гудя и пощелкивая, но центральный монитор был выключен. Она нажала кнопку. На экране появилось изображение – камера № 1, включающаяся по умолчанию, и Кори увидела подъезд к дому, в настоящее время пустой.

Она нажала кнопку, которая превращала экран в шахматную доску из картинок меньшего размера с разных камер. Два, три, четыре, девять, шестнадцать… и там, в окошке девятой камеры, она увидела красную букву «Д» в кружке.

«Д», означающее «движение».

Кори быстро нажала кнопку девятой камеры, и передаваемое с нее изображение заполнило весь монитор: она увидела заднюю дверь, ведущую из кухни на громадную террасу над оврагом. Буква «М» стала гораздо крупнее, но никакого движения Кори не увидела. Она прищурилась, вглядываясь в зернистое изображение. Ничего.

Что там говорил Файн, черт его дери? Если камера фиксирует движение, то она записывает на жесткий диск все, что было за минуту до начала движения и через минуту после его окончания.

Так какое же движение зафиксировала девятая камера?

Это не мог быть ветер, качающий ветви деревьев. На глазах Кори буква «Д» исчезла с экрана. Теперь девушка видела только заднюю сторону дома с датой и временем в нижней строке.

Она вернулась к шахматному экрану и посмотрела на компьютер, надеясь найти кнопку для воспроизведения записи с девятой камеры. Компьютер был включен, но, когда она щелкнула мышкой, открылась иконка с надписью «Введите пароль».

«Черт!» Кори выругала себя за то, что не задала хозяину несколько очевидных вопросов.

Краем глаза она уловила мелькание чего-то красного и быстро перевела взгляд на экран. Вот оно, на восьмой камере. Что-то большое и темное ползло вдоль стены дома. Вокруг него парили черные треугольники, указывая на продвижение предмета. Буква «Д» снова замелькала на экране.

Может, позвонить в полицию? Но она оставила свой мобильник в машине, а домашний телефон этот поганый скупердяй Файн отключил.

Кори пригляделась, сердце ее начало колотиться быстрее. На эту часть террасы не падал лунный свет – она находилась в тени дома, и Кори не могла толком понять, что видит. Животное? Может быть, койот? Нет, для койота размеры слишком велики. Характер его движения, целенаправленного, крадущегося, вызывал у нее дрожь.

Объект исчез с экрана. Другие камеры не засекли никакого движения. Но Кори это не успокоило. То, что она видела, обходило дом сбоку. С того бока, где находилась ее комната.

Она резко повернулась. Что это был за шум? Попискивание мыши? Или – может быть, всего лишь может быть – тихий протестующий скрип осторожно открываемого снаружи окна?

Умирая от страха, Кори выбежала из пультовой и помчалась по коридору в кабинет. Высокие окна темными пастями открывались перед ней.

– Убирайтесь отсюда к дьяволу! – закричала она им. – У меня есть пистолет, и я не побоюсь выстрелить! Подойдете еще ближе – и я вызываю полицию!

Ничего. Полная тишина.

Кори постояла в темноте, тяжело дыша. По-прежнему ничего.

Она вернулась в пультовую. Видеорегистраторы бездействовали – никакого движения в радиусе действия камер не наблюдалось.

Кори простояла перед монитором пятнадцать минут, вглядываясь в разные квадратики. Потом обошла весь дом – собака семенила рядом. Кори проверила все двери и окна, убедилась, что они заперты. Наконец она вернулась в спальню, легла в темноте, закуталась в одеяло. Но так и не уснула.

Глава 24

Следующее утро было еще холоднее, чем вчера, если такое вообще возможно. Но до поры до времени, пока Кори суетилась в ангаре, она не замечала этого. После завтрака, во время которого она убеждала себя, что предыдущей ночью у нее просто разыгралось воображение, девушка оделась потеплее и вышла на улицу, но там обнаружила на снегу вокруг дома самые что ни на есть настоящие человеческие следы. Кто-то бродил вокруг дома, и бродил довольно долго, возможно несколько часов.

Она испугалась до смерти, но не смогла разобраться в запутанных следах или сообразить, куда они ведут.

Сев в машину, она проверила телефон – на нем было послание от Пендергаста, который сообщал, что получил для нее необходимые разрешения на обследование еще трех останков из тех, что находятся в ангаре. Кори поехала в отель «Себастиан», чтобы забрать бумаги и поблагодарить Пендергаста, но оказалось, что его нет. Однако он оставил документы для нее у портье.

Она почти забыла о холоде, когда нашла первый из трех скелетов – Эйзы Кобба, осторожно извлекла останки из гроба и разложила на столике для осмотра. Потом приготовила инструменты, глубоко вздохнула и приступила к методичному исследованию костей.

Все оказалось так, как она и подозревала. Многие кости имели повреждения, нанесенные каким-то инструментом: царапины, выщерблины, порезы. Кори и здесь увидела отметины от зубов, явно человеческих, а не медвежьих. И опять она не увидела никаких следов кулинарной обработки, жарки, варки – этого человека тоже съели в сыром виде. Не нашла она и следов пулевых или ножевых ранений. Причиной смерти был сильный удар по голове камнем, за которым последовало жестокое избиение и расчленение, как и в случае с Боудри. Старые побуревшие кости наглядно рассказывали историю насилия над человеком, которого убили, разорвали на части и съели.

Кори выпрямилась. Сомнений не оставалось: эти добытчики стали жертвой банды серийных убийц.

– Вы этого и ожидали? – раздался у нее за спиной тягучий голос.

Кори вздрогнула и резко повернулась. Она увидела Пендергаста, облаченного в черное пальто, с шелковым шарфом на шее. Его лицо и волосы были белее снега, прилипшего к ботинкам. У него была отвратительная привычка появляться неожиданно.

– Значит, вы получили мое послание, – сказал Пендергаст. – Я пытался позвонить вам вчера вечером, но вы не отвечали.

– Извините. – Сердце ее успокоилось, и щеки зарделись. – Я была на свидании.

Он поднял брови:

– Правда? Можно поинтересоваться с кем?

– Его зовут Тед Роман. Он работает в библиотеке Роринг-Форка. Вырос в этом городе. Хороший парень. Был помешан на лыжах. Любит гонять на снегоходах. Да и с головой у него все в порядке. Помогал мне в моих поисках.

Пендергаст кивнул, потом многозначительно повернулся к столику с костями.

– Я пока успела осмотреть только один скелет, – сказала Кори, – но, похоже, на нем такие же следы, как и на останках Боудри.

– Значит, по вашему мнению, мы имеем дело с… как бы это сказать?… группой, занимавшейся серийными убийствами.

– Именно. Я бы сказала, что их было трое или четверо. А может, и больше.

– Любопытно. – Пендергаст взял одну из костей, повертел ее в руке, бегло осматривая. – Двое убийц, работающие на пару, – такие случаи довольно редки, но известны. Но трое или более, работающие согласованно, – это воистину rara avis[19]. – Он положил кость на стол. – Технически для установления серийности требуется три отдельных случая.

– Всего погибло одиннадцать добытчиков. Разве этого не достаточно?

– Почти наверняка. С нетерпением жду вашего детального отчета и по другим добытчикам.

Кори кивнула.

Пендергаст засунул руки в карманы и посмотрел на инструменты, которые она принесла в ангар, после чего снова устремил взгляд на нее:

– Когда вы в последний раз перечитывали «Собаку Баскервилей»?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Кори показалось, будто она ослышалась.

– Что?

– «Собаку Баскервилей». Когда вы читали ее в последний раз?

– Вы говорите про повесть о Шерлоке Холмсе? В девятом классе. Может, в восьмом. А что?

– Вы помните свое первое письмо об этой вашей работе? Вы упомянули в нем о встрече между Артуром Конан Дойлом и Оскаром Уайльдом. Во время этой встречи Уайльд рассказал Конан Дойлу жуткую историю, которую слышал во время поездки по Америке.

– Да, – сказала Кори, кинув взгляд на стол: ей не терпелось вернуться к работе.

– Вам интересно будет узнать, что одну из остановок во время своего турне Оскар Уайльд сделал именно здесь, в Роринг-Форке?

– Я знаю. Дойл написал об этом в своем дневнике. Один из здешних добытчиков поведал Уайльду историю о гризли-людоеде, и Уайльд передал ее Дойлу. Именно это и натолкнуло меня на мысль об этой работе.

– Превосходно. Мой вопрос такой: вы не думаете, что история, рассказанная Уайльдом, вдохновила Дойла написать «Собаку Баскервилей»?

Кори переступила с одной замерзшей ноги на другую.

– Возможно. Даже вероятно. Но я что-то не вижу связи.

– Связь вот в чем: если вы внимательно прочтете «Собаку», то, быть может, найдете подсказки к тому, что здесь случилось на самом деле.

– Что случилось на самом деле? Но… я уверена, что Уайльд услышал и пересказал Дойлу выдуманную историю. Никто не мог знать правду о том, что эти добытчики не были убиты медведем.

– Вы уверены?

– Дойл в своем дневнике писал о «седом медведе». Он не упоминал о шайке каннибалов.

– Задумайтесь вот о чем: что, если Уайльд выслушал настоящую историю и пересказал ее Дойлу? Что, если Дойл счел эту историю чрезмерно жуткой и не стал записывать в свой дневник? Что, если Дойл скрыл часть информации в «Собаке»?

Кори подавила в себе желание усмехнуться. Неужели Пендергаст говорит серьезно?

– Извините, но все это домыслы. Неужели вы в самом деле предполагаете, что история о Шерлоке Холмсе может пролить свет на мой проект?

Пендергаст не ответил. Просто стоял в своем черном пальто и смотрел на нее.

Девушка вздрогнула от холода.

– Послушайте, я надеюсь, вы не обидитесь, но я бы хотела вернуться к работе. Если вы не возражаете.

Пендергаст и на это ничего не сказал, просто смотрел на нее своими светлыми глазами. По какой-то причине у Кори возникло четкое ощущение, что она сейчас не прошла какое-то испытание. Но с этим она ничего не могла поделать; ответ был не в детективных рассказах, а здесь, в самих костях.

Долгое мгновение Пендергаст смотрел на нее, потом едва заметно поклонился.

– Конечно, мисс Свенсон, – холодно сказал он, повернулся и вышел из ангара так же неслышно, как и появился.

Кори смотрела ему вслед, пока не услышала слабый щелчок закрывающейся двери. И тогда – со смесью нетерпения и облегчения – она вернулась к земным останкам Эйзы Кобба.

Глава 25

Шеф полиции Стенли Моррис закрыл дверь своего кабинета и приказал секретарю не беспокоить его ни по какому поводу, пока он будет обновлять данные на пробковой доске. Именно так шеф полиции пытался справляться со сложными делами – сводил все к разноцветным карточкам размером три на пять дюймов, каждая из которых символизировала собой какой-нибудь факт, улику, фотографию или свидетеля. Он пришпиливал их в хронологическом порядке к пробковой доске, а потом с помощью бечевки соединял карточки, пытался отыскать в них систему, подсказку или взаимосвязь.

Этот стандартный метод верой и правдой служил ему прежде. Но теперь, вглядываясь в хаос, царящий на пробковой доске, в этот избыток цветов, в переплетение бечевок, устремляющихся в разных направлениях, он начал подумывать о том, что ему, возможно, требуется другая система.

Зазвонил телефон, и он снял трубку:

– Ширли, бога ради, я же просил меня не беспокоить!

– Извините, шеф, – сказала Ширли, – но тут кое-кто хочет вас срочно увидеть.

– Да будь это сам папа римский, мне все равно. Я занят!

– Это капитан Стейси Боудри.

Ему потребовалась целая минута, чтобы смысл услышанного дошел до него в полной мере. Он похолодел: «Только этого мне не хватало».

– Господи Исусе… Ну хорошо, пусть войдет.

Прежде чем он успел подготовиться, дверь открылась, и вошла поразительно красивая женщина лет тридцати пяти и ростом не менее шести футов. Капитан Боудри коротко стригла свои каштановые волосы, у нее было красивое лицо и проницательные темно-карие глаза.

Он встал, протянул руку:

– Шеф полиции Стенли Моррис. Никак не ждал вас увидеть.

– Стейси Боудри, – представилась женщина, пожимая протянутую руку.

Одета она была небрежно: джинсы, белая рубашка и кожаная жилетка, – но ее отличала военная осанка. Моррис предложил ей сесть, и она села.

– Прежде всего, – сказал шеф полиции, – я бы хотел попросить у вас извинения за историю с эксгумацией вашего, э-э, предка. Я понимаю, насколько это может огорчить. Мы в Роринг-Форке поверили застройщикам, которые должны были произвести тщательные разыскания, и я был поражен, искренне поражен, когда мне показали ваше письмо…

Боудри одарила его теплой улыбкой и махнула рукой:

– Не беспокойтесь об этом. Я не очень расстроена. Правда.

– Что ж, спасибо за понимание. Я… Мы сделаем все как надо, я вам обещаю. – Шеф полиции понял, что он чуть ли не мямлит.

– Это не проблема, – сказала Боудри. – Дело вот в чем. Я решила забрать останки, как только обследование будет закончено, и перезахоронить их на нашем старом семейном участке в Кентукки. Поэтому я и приехала. Так что, как видите, больше нет оснований перезахоранивать Эммета в первоначальном месте погребения, как я просила прежде.

– Я бы солгал, сказав, что не чувствую облегчения. Тогда ситуация становится проще.

– Послушайте… это у вас не кофе пахнет?

– Хотите чашечку?

– Спасибо. Черный. Без сахара.

Шеф позвонил Ширли и попросил принести кофе – вторую чашку для него. Наступило неловкое молчание.

– Итак, – заговорил Моррис, – вы давно к нам пожаловали?

– Нет, всего несколько дней назад. Прежде чем заявить о себе, я хотела сориентироваться, так сказать. Насколько я понимаю, мое письмо произвело некоторую сенсацию, и у меня не было желания пугать тут всех, врываясь в город на манер Одинокого рейнджера[20].

По правде говоря, вы первый, кого я посетила.

Ее слова словно гору сняли с плеч шефа полиции. И не только слова, но и располагающие, спокойные манеры.

– Тогда позвольте мне от всей души приветствовать вас в Роринг-Форке. Я рад, что вы ко мне зашли. А где вы остановились?

– Я была в Вуди-Крике, но теперь ищу место в городе. Не так-то просто найти что-нибудь, что было бы мне по карману.

– К сожалению, у нас разгар сезона. Не знаю, что вам и посоветовать. Город забит под завязку.

Моррис вспомнил ту буйную, злобную пресс-конференцию и задался вопросом: неужели так оно и останется?

Принесли кофе, и Боудри нетерпеливо ухватила чашку и отхлебнула.

– Должна сказать, что это не обычный для полицейского участка кофе.

– Знаете, я кофеман. У нас в городе есть один специалист по жарке кофе, он превосходно жарит по-французски.

Она сделала еще один большой глоток. И еще один.

– Не хочу вас задерживать – вижу, вы заняты. Просто хотела заглянуть и представиться, рассказать о моих планах относительно останков. – Она поставила чашку. – И еще я подумала, не скажете ли вы мне, где сейчас находятся останки и как туда добраться. Я хотела их увидеть и познакомиться с женщиной, которая проводит исследование.

Шеф полиции объяснил, как добраться до места, нарисовал маленькую карту «Высот».

– Я позвоню в охрану «Высот», – сказал он. – Сообщу о вашем приезде.

– Спасибо. – Капитан Боудри поднялась, снова поразив шефа полиции своей осанкой. Она была чертовски красивой женщиной, гибкой и сильной. – Вы мне очень помогли.

Моррис снова поспешно поднялся и протянул ей руку.

– Если я чем-то смогу помочь, чем угодно, милости просим.

Он проводил ее взглядом, чувствуя, что эта адова неделя, возможно, подходит к концу на положительной ноте. Но тут его взгляд остановился на пробковой доске, на хаосе карточек, на путанице бечевок, и прежнее ощущение страха вернулось. Нет, адова неделя далеко еще не кончилась, понял он.

Глава 26

Кори услышала звук открываемой двери ангара и подумала, что вернулся Пендергаст. Но вместо фигуры в темном одеянии она увидела высокую женщину в спортивном костюме из овечьей шерсти и в большой вязаной шерстяной шапочке с помпончиком.

– Кори Свенсон? – спросила женщина, подойдя.

– Да.

– Я Стейси Боудри. Хотела бы пожать вам руку, но у меня эти стаканчики с кофе. – Она протянула Кори высокий бумажный стаканчик из «Старбакса». – Большой слабый с молоком и много сахара. Мне пришлось брать наобум.

– Боже, вы попали прямо в точку. – Кори с благодарностью взяла кофе. – Я и понятия не имела, что вы собираетесь в Роринг-Форк. Это сюрприз.

– Тем не менее я приехала.

– Боже, Стейси – вы позволите так вас называть? – я перед вами в долгу. Вы спасли меня этим своим письмом. Меня ждали десять лет тюрьмы. Не знаю, как вас и благодарить.

– Ну-ну, не смущайте меня! – Боудри рассмеялась, сняла крышечку со стакана и сделала большой глоток. – Если кого и благодарить, то вашего друга Пендергаста. Он объяснил мне ситуацию, рассказал, что они с вами сделали. Я была рада помочь. – Она оглянулась. – Вы только посмотрите на эти гробы. И где же тут прапрадедушка Эммет?

– Вот здесь.

Кори подвела ее к останкам Боудри, кое-как разложенным на столике. Знай она о приезде Стейси, она бы привела их в порядок. Кори надеялась, что праправнучка поймет.

Слегка нервничая, она отхлебнула кофе, глядя, как Боудри подходит к столу и берет в руки осколок черепа.

– Боже, этот медведь и впрямь его искалечил.

Кори начала было говорить, но остановила себя. Пендергаст,

имея на это все основания, советовал ей не говорить никому – никому – об истинной причине смерти, пока она не закончит исследования.

– Я думаю, вы делаете важное дело, – сказала Боудри, осторожно кладя на место осколок черепа. – Так вы, значит, и в самом деле хотите работать в полиции?

Кори рассмеялась. Боудри сразу ей понравилась.

– Вообще-то, я бы хотела стать агентом ФБР и специализироваться на криминалистической антропологии. Но быть не лабораторной крысой, а полевым агентом, обладающим особыми знаниями.

– Здорово. Я тоже думала поступить в правоохранительные органы… ну, это логичный выбор после военной карьеры.

– Так вы уволились? Вы больше не капитан?

Боудри улыбнулась:

– Я навсегда останусь капитаном, но вы правы, я уволилась. Если я задержусь тут еще ненадолго, то мне нужно найти что-нибудь подешевле. Отель, в котором я остановилась, скоро сделает меня банкротом.

Кори улыбнулась:

– Как мне это знакомо!

– Я просто хотела представиться вам и сказать, что, на мой взгляд, вы здесь делаете что-то очень важное.

Боудри двинулась к выходу.

– Минуточку, Стейси.

Боудри обернулась.

– Не выпьете со мной кофе попозже? – Кори сделала движение своим стаканчиком. – Хочу вернуть вам должок… если вы не рано ложитесь. Я собираюсь поработать подольше, пока не замерзну окончательно.

Лицо Боудри посветлело.

– Это будет здорово. Как насчет девяти часов?

– Договорились.

Глава 27

Миссис Бетти Б. Кермоуд сделала глоток чая «эрл грей» и посмотрела из панорамного окна своей гостиной на долину Сильвер-Куин. Из ее дома на вершине горного гребня (лучший участок во всех «Высотах») открывался великолепный вид: окружающие горы поднимались все выше и выше, к Континентальному водоразделу и устремленным в небо вершинам горы Элберт и горы Массив, двух самых высоких пиков Колорадо, от которых в это вечернее время оставались одни только тени. Сам дом был довольно скромен: что бы там ни думали про нее люди, миссис Кермоуд не любила жить напоказ. На самом деле ее дом был одним из самых маленьких в «Высотах». К тому же он был более традиционный, чем другие, построенный из камня и кедра без особых изысков – она не любила ультрасовременный постмодернистский стиль.

Из окна открывался еще и превосходный вид на ангар. Именно из этого окна миссис Кермоуд увидела около двух недель назад красноречивый свет, зажегшейся в ангаре поздно вечером. Она тут же поняла, кто находится внутри, и предприняла соответствующие действия.

Чашка задребезжала на блюдце, когда миссис Кермоуд поставила ее на стол, чтобы налить себе еще чая. На высоте восемь с половиной тысяч футов трудно было заварить хороший чай – вода здесь закипала при девяноста градусах, и миссис Кермоуд никак не могла привыкнуть к пресному вкусу, какую бы минеральную воду она ни использовала, как бы долго ни заваривала чай, сколько бы пакетиков ни клала. Она плотно сжала губы, добавляя молоко и немного меда, размешала и попробовала. Миссис Кермоуд всю жизнь была трезвенником. Не по религиозным причинам, а потому, что отец у нее был алкоголиком и для нее алкоголь олицетворял уродство и – хуже того – неумение управлять собой. Умение управлять собой миссис Кермоуд поставила целью своей жизни.

А теперь она бесилась, тихо и яростно бесилась из-за того, что эта девчонка и агент ФБР так унизили ее, разрушили ее владычество. Ничего подобного в ее жизни еще не происходило, и она никогда этого не забудет (уже не говоря о том, что не простит).

Она глотнула еще чая. «Высоты» были самым модным местом в

Роринг-Форке. В городе, который захлебывался от денег нуворишей, «Высоты» были одним из старейших строительных проектов. Он являл собой торжество вкуса, незыблемую стабильность и имел налет аристократического превосходства. Кермоуд и ее партнеры не допускали, чтобы «Высоты» одряхлели, как это произошло с другими горнолыжными проектами 1970-х годов. Новый спа-комплекс и клубный дом должны поддержать проект на плаву, а открытие третьей очереди – тридцать пять участков по два акра ценой по 7,3 миллиона и выше каждый – обещало принести громадные денежные потоки первоначальным инвесторам. Но сначала нужно было решить проблему с кладбищем. Статья в «Роринг-Форк таймс» была хуже геморроя, но и она не шла ни в какое сравнение с тем, что наворотила Кори Свенсон.

Эта сучка. Это она во всем виновата. И она заплатит за то, что сделала.

Кермоуд допила чай, глубоко вздохнула и взялась за телефон. В Нью-Йорке уже наступила ночь, но Даниэль Стаффорд был совой, и если уж ты хотел дозвониться до него, то лучше это было делать в такое время.

Он ответил после второго звонка, его мягкий аристократический голос произнес:

– Привет, Бетти, как там у вас лыжи?

Волна раздражения. Он прекрасно знал, что она не катается на лыжах.

– Говорят, что великолепно, Даниэль. Но я звоню не для обмена любезностями.

– Жаль.

– У нас проблема.

– Пожар? Ну, это проблема, только если не находят поджигателя. А его обычно находят. Поверь мне, когда третья очередь станет реализовываться, он отправится на электрический стул.

– Я тебе звоню не из-за пожара, а из-за этой девчонки. И из-за агента ФБР, который везде сует свой нос. Я слышала, он накопал еще трех родственников, которые дали разрешение исследовать кости их предков.

– И в чем же проблема?

– Что значит «в чем проблема»? Да плохо уже то, что эта капитан Боудри появилась здесь собственной персоной… но она хотя бы хочет захоронить своего предка в другом месте. Даниэль, что, если остальные потомки потребуют захоронения предков на историческом кладбище? Мы ведь вбухали в строительство пять миллионов долларов.

– Ну-ну, Бетти, успокойся, прошу тебя. Этого никогда не случится. Если кто-либо из так называемых потомков подаст иск – а этого пока не случилось, – наши адвокаты похоронят их под грудой бумаг. Им сто лет будет не откопаться. У нас есть деньги и юридические возможности, чтобы такие иски тянулись десятилетиями.

– Дело не в этом. Меня беспокоит, куда все это может привести… если ты понимаешь, о чем я.

– Девчонка просто изучает кости, а когда она закончит, то и говорить будет не о чем. Это не приведет к тому, что тебя беспокоит. Да и как может привести? Ну а если и приведет, то, поверь мне, мы примем меры. Твоя проблема, Бетти, в том, что ты похожа на свою мать: ты слишком много волнуешься и лелеешь свою злость. Смешай себе немного мартини и забудь.

– Ты отвратителен.

– Спасибо. – Смешок. – Знаешь, что я тебе скажу? Выкинь это из головы. Я попрошу моих людей, чтобы покопались в их прошлом, нашли какую-нибудь грязь. Значит, эта девчонка, агент ФБР… кто-нибудь еще?

– Капитан Боудри. Это тебе на всякий случай.

– Отлично. Запомни: я делаю это только для того, чтобы порох у нас был сухим. Воспользоваться им, скорее всего, не придется.

– Спасибо, Даниэль.

– Мне для тебя ничего не жалко, дорогая кузина Бетти.

Глава 28

Они сидели на удобных стульях в почти пустом «Старбаксе». Кори держала стаканчик обеими руками, наслаждаясь исходящим от него теплом. По другую сторону маленького столика Стейси Боудри смотрела в свой стаканчик кофе. Она выглядела более спокойной, менее взбудораженной, чем была утром.

– Почему вы ушли из ВВС? – спросила Кори.

– Поначалу я хотела делать там карьеру. После событий одиннадцатого сентября. Я училась в колледже, мать и отец умерли, и я искала, где себя применить, поэтому перевелась в академию. Я была такой простодушной, абсолютной оптимисткой. Но два срока в Ираке и еще два в Афганистане излечили меня от всех иллюзий. Я поняла, что не рождена для службы в армии. Это мужские игры, что бы они там ни говорили. В особенности если речь идет о ВВС.

– Четыре срока? Ничего себе!

Боудри пожала плечами:

– Ничего необычного. Им там нужна масса людей на земле.

– И чем вы занимались?

– В последний срок я командовала Триста восемьдесят вторым экспедиционным подразделением по обезвреживанию неразорвавшихся боеприпасов. Мы размещались на базе передового развертывания в Гардезе, провинция Пактия.

– Вы обезвреживали бомбы?

– Иногда. По большей части мы очищали базу или увозили боеприпасы на полигон и там их взрывали. Практически каждый раз, когда требовалось провести какие-то земляные работы, нам прежде приходилось расчищать участок. Время от времени мы выезжали за пределы базы и обезвреживали самодельные взрывные устройства.

– Вы надевали такие специальные противобомбовые костюмы?

– Да, вроде как в фильме «Повелитель бури»[21]. Хотя чаще мы пользовались роботами. Ну да все это теперь в прошлом. Несколько месяцев назад я уволилась. И пока еще не определилась, что мне

делать дальше с моей жизнью… а тут пришло сообщение от Пендергаста.

– И так вы оказались в Роринг-Форке.

– Да. И вы, вероятно, недоумеваете почему.

– Отчасти, – рассмеялась Кори, немножко нервничая.

Она боялась задавать вопрос, который ее мучил.

– Когда вы с ним закончите, я отвезу моего прапрадедушку в Кентукки и похороню на семейном кладбище.

Кори кивнула:

– Это вы хорошо придумали.

– Мои родители умерли, ни братьев, ни сестер у меня нет. Вот я и заинтересовалась прошлым моей семьи. У семьи Боудри большая история. У нас есть колорадские первопроходцы вроде Эммета, военные офицеры времен Революции, а есть еще и мой любимец – капитан Томас Боудри Хикс, который сражался на стороне южан в армии Северной Вирджинии. Настоящий герой и капитан, как я. – Ее лицо засветилось от гордости.

– Вот здорово.

– Я рада, что вы так думаете. Потому что я приехала сюда вовсе не для того, чтобы торопить вас. У меня нет никаких срочных дел – просто хочу воссоединиться с моим прошлым, с моими корнями, совершить, так сказать, персональное путешествие, а в конце вывезти останки предка назад в Кентукки. Может, тогда мне станет яснее, что делать с собой дальше.

Кори просто кивнула.

Боудри допила свой кофе.

– Странная какая смерть – погибнуть в лапах медведя.

Кори немного поколебалась. Она весь день думала об этом и решила, что не имеет права скрывать истинное положение дел.

– Полагаю, вы должны кое-что узнать про вашего предка.

Боудри подняла на нее глаза.

– Только это должно оставаться между нами. Во всяком случае до тех пор, пока я не закончу работу.

– Между нами и останется.

– Эммет Боудри не был убит и съеден медведем.

– Не был?

– Как и остальные жертвы… по крайней мере те, которых я обследовала. – Кори глубоко вздохнула. – Они были убиты. Похоже, действовала банда серийных убийц. Они были убиты и… – Она не могла заставить себя произнести это.

– Убиты и?…

– Съедены.

– Вы шутите!

Кори покачала головой.

– И этого никто не знает?

– Только Пендергаст.

– Что вы собираетесь с этим делать?

Кори помолчала.

– Я хочу остаться здесь и раскрыть это преступление.

Боудри присвистнула:

– Боже милостивый. И никакого представления, кто это мог сделать? Или почему?

– Пока нет.

Наступило молчание.

– Вам нужна какая-либо помощь?

– Нет. Впрочем, может быть. Мне нужно просмотреть целую кучу старых газет, и я была бы рада, если бы мне в этом помогли. Но судебно-медицинскую часть я должна выполнить сама. Это моя первая настоящая работа, и… я хочу, чтобы она была *моей* работой. Пендергаст думает, что я спятила, и хочет, чтобы я поскорее уехала в Нью-Йорк с тем, что у меня уже есть, но я пока еще не готова уезжать.

Боудри широко улыбнулась:

– Как я вас понимаю! Вы такая же, как я. Все люблю делать сама.

Кори отхлебнула кофе.

– Нашли где остановиться?

– Увы, нет. Никогда не видела города с такими ценами.

– А почему бы вам не поселиться со мной? Я подрядилась присматривать за особняком на дороге Вороньего оврага. Там лишь я и приблудная собачонка. И по правде говоря, я там одна побаиваюсь. Было бы хорошо иметь компанию.

«В особенности бывшего военного». Кори весь день вспоминала о следах на снегу и думала, что чувствовала бы себя гораздо лучше, будь в доме еще кто-нибудь.

– Вам только придется избегать объективов нескольких камер слежения: отсутствующий хозяин – страшный зануда. Но я была бы рада, если бы вы со мной поселились.

– Вы серьезно? Правда? – Улыбка Боудри стала еще шире. – Это было бы просто шикарно. Огромное вам спасибо.

Кори допила кофе и встала:

– Если вы готовы, то можете ехать за мной прямо сейчас.

– Я с рождения готова.

С этими словами Боудри взяла свои вещи и пошла следом за Кори в холодный вечер.

Глава 29

Без пяти четыре по лондонскому времени Роджер Клифиш вошел в большую гостиную своего дома на Мэрилбоун-Хай-стрит и с удовлетворением оглядел погруженную в сумерки комнату. Все здесь стояло на своем месте: обитые бархатом кресла по обеим сторонам камина, медвежья шкура на полу, длинный ряд справочников на полированной каминной полке, письмо, приколотое к дереву прямо под ними с помощью карманного ножа, научные графики на стене, скамейка с химикалиями, сильно обожженная кислотой, буквы V. R., выбитые на дальней стене пулевыми отверстиями (то есть, конечно, имитацией под пулевые отверстия). В углу даже стояла скрипка – Клифиш пытался научиться играть, но, разумеется, было бы достаточно и фальшивого царапанья по струнам. Он оглянулся, и на его лице появилась улыбка. Идеально: максимально возможное приближение к описаниям в рассказах. Единственное, от чего он отказался, – это от шприца с кокаином.

Клифиш нажал кнопку у дверей, и вспыхнул свет (светильник был, конечно, газовый, установленный специально за немалые деньги). Он задумчиво подошел к большому книжному шкафу красного дерева и посмотрел через стеклянные дверцы. Все книги в шкафу были посвящены одному предмету, единственному предмету. Три верхние полки были заняты различными изданиями Полного собрания сочинений о Шерлоке Холмсе. Первого издания ему, конечно, купить не удалось даже на его жалованье адвоката, но все же имелось несколько очень редких копий, в особенности издание 1917 года Джорджа Белла «Его последний поклон» в суперобложке, а также издание 1894 года Джорджа Ньюнеса «Воспоминаний Шерлока Холмса»: корешок оставался все еще достаточно ярким, книжка почти без пятен и лишь немного обтрепанная. На нижних полках шкафа стояли различные старые номера «Бейкер-стрит джорнал». Последний представлял собой издание, выпускавшееся «Нерегулярными с Бейкер-стрит» – группой фанатов, изучающих и увековечивающих биографию Шерлока Холмса. Клифиш и сам опубликовал несколько статей в этом журнале, одна из них (весьма тщательная работа, посвященная изучению Холмсом ядов) дала повод «Нерегулярным» предложить ему членство в организации и презентовала ему «Нерегулярный шиллинг». В «Нерегулярные»

нельзя было подать заявление на прием. И это приглашение, несомненно, стало одним из важнейших достижений его жизни.

Открыв шкаф, он обвел взглядом нижние полки – искал периодику, которую хотел перечитать, нашел и снова закрыл шкаф, потом подошел к ближайшему креслу, удовлетворенно вздохнул и сел. Газовый светильник заливал все теплым, мягким светом. Даже этот дом на Лиссон-Гроув был выбран из-за его близости к Бейкер-стрит. Если бы не редкие звуки уличного движения, доносящиеся через эркерное окно, Клифиш вполне мог бы представить себя в Лондоне 1880-х.

Зазвонил телефон – это был древний аппарат «коффин» 1879 года выпуска, сделанный из дерева и жесткой резины с микрофоном, похожим на огромную ручку буфета. Улыбка сошла с лица Клифиша, он посмотрел на часы и взял трубку:

– Слушаю.

– Роджер Клифиш?

Акцент был американский – с американского Юга, как отметил Клифиш, – и голос доносился как будто издалека. Клифиш вроде бы узнал его.

– Он самый.

– Говорит Пендергаст. Алоизий Пендергаст.

– Пендергаст. – Клифиш повторил фамилию, словно пробуя ее на язык.

– Вы меня помните?

– Да-да, конечно.

Он познакомился с этим человеком в Оксфорде, когда изучал юриспруденцию, Пендергаст читал там курс лекций по философии в аспирантуре Баллиол-колледжа. Это был довольно странный тип, сдержанный и крайне скрытный, и все же Клифиш до сих пор с благодарностью вспоминал ту интеллектуальную связь, которая возникла между ними. Он вспомнил, что Пендергаст испытывал какие-то душевные страдания, но тактичные попытки Клифиша разговорить его не увенчались успехом.

– Извините, что звоню так поздно. Но я вспомнил, что вы, скажем так, ведете ночной образ жизни, и понадеялся, что вы не

изменили этой своей привычке.

Клифиш рассмеялся:

– Верно, я редко ложусь в кровать раньше пяти утра. Если у меня нет дел в суде, то я предпочитаю спать, пока чернь суетится. Чему обязан?

– Насколько я помню, вы член «Нерегулярных с Бейкер-стрит».

– Да, имею честь состоять.

– В таком случае вы, вероятно, сумеете мне помочь.

Клифиш откинулся на спинку кресла.

– А вы что, работаете над каким-то научным проектом, связанным с Шерлоком Холмсом?

– Нет, я специальный агент ФБР, и меня интересуют серийные убийства.

Последовало короткое молчание – Клифиш переваривал услышанное.

– Не представляю, чем именно могу быть вам полезен.

– Позвольте изложить вам дело в сжатом виде. Поджигатель сжег дом и его обитателей в горнолыжном курорте Роринг-Форк, штат Колорадо. Вы знаете про Роринг-Форк?

Естественно, Клифиш слышал про Роринг-Форк.

– В конце девятнадцатого века Роринг-Форк был сообществом добытчиков серебра. Любопытно, что здесь останавливался Оскар Уайльд, когда читал лекции в Америке. Пока он был там, один из добытчиков поведал ему довольно красочную историю. Это была история о гризли-людоеде.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Клифиш, который все никак не мог понять, куда его выведет эта странная история.

– Уайльд в свою очередь пересказал эту историю Конан Дойлу. Это случилось летом тысяча восемьсот восемьдесят девятого года за обедом в отеле «Лэнгхам». Похоже, история произвела на Конан Дойла сильное впечатление – сильное, неприятное и длительное.

Клифиш ничего не ответил. Он, конечно, знал о том легендарном обеде. Нужно будет перечитать запись в дневнике Конан Дойла,

чтобы освежить это в памяти.

– По моему мнению, услышанная история настолько поразила Конан Дойла, что он вплел ее – соответствующим образом обработав – в свое произведение. Это была некая попытка катарсиса. Я имею в виду «Собаку Баскервилей».

– Любопытно, – сказал Клифиш. Насколько ему было известно, подобных соображений еще никто не высказывал. Если такой поворот окажется многообещающим, то он сможет даже вылиться в монографию для «Нерегулярных». Автором, конечно же, будет сам Клифиш: он в последнее время искал новую тему для исследования. – Но все же не вижу, чем я могу помочь. И конечно, не понимаю, как это может быть связано с поджогом, который вы расследуете.

– Что касается последнего, то я бы предпочел промолчать. А если говорить о первом деле, у меня есть веские основания считать, что Конан Дойл знал больше, чем рассказал.

– То есть больше, чем об этом сказано в «Собаке Баскервилей»?

– Совершенно верно.

Клифиш выпрямился. Это было не просто интересно – это было исключительно. Мысли его метались.

– Что вы имеете в виду?

– То, что Конан Дойл, вероятно, написал больше об этом медведе-людоеде где-то в другом месте. Возможно, где-то в своих письмах или неопубликованных работах. Вот поэтому-то я вам и звоню.

– Знаете, Пендергаст, в ваших словах, вероятно, что-то есть.

– Объясните, пожалуйста.

– В конце жизни Конан Дойл предположительно написал последнюю историю о Шерлоке Холмсе. О ней ничего не известно – ни сюжета, ни даже названия. Говорят, что Конан Дойл предлагал ее издателям, но рукопись неизменно возвращали, мотивируя отказ тем, что публика не сможет переварить такое. Что случилось с этим рассказом, неизвестно. Большинство считает, что он уничтожил рукопись. С тех пор потерянный рассказ про Холмса вошел в легенды, все члены «Нерегулярных» постоянно дискутируют на эту тему.

На другом конце было молчание.

– Говоря по правде, Пендергаст, я, вообще-то, подозревал, что это одна из обычных выдумок про Холмса. Их великое множество, как вы знаете. Или какой-нибудь скучный анекдот, увековеченный Эллери Куином[22]. Но с учетом того, что вы сказали, я начинаю думать, что такой рассказ и в самом деле существовал. А если существовал, то он мог… – Голос его смолк.

– Мог включать нерассказанную историю, которая всю жизнь преследовала Конан Дойла, – закончил за него Пендергаст.

– Именно.

– У вас есть представление, каким образом можно подступиться к поискам этой истории?

– Так сразу не могу вам сказать. Но как член «Нерегулярных» и знаток Холмса, я имею в своем распоряжении различные ресурсы. Это может быть чрезвычайно любопытной новой областью исследования.

Мозг Клифиша заработал еще быстрее. Обнаружить утраченную работу о Шерлоке Холмсе после стольких лет…

– Какой у вас адрес в Лондоне? – спросил Пендергаст.

– Пятьсот семьдесят два, Мэрилбоун-Хай-стрит.

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я нанесу вам визит в ближайшем будущем?

– Насколько ближайшем?

– Дня через два. Как только смогу оторваться от расследования этого поджога. Я остановлюсь в отеле «Коннот».

– Отлично. Буду рад снова с вами встретиться. А я тем временем проведу кое-какое предварительное расследование, и мы сможем…

– Да, – оборвал его Пендергаст. Его голос резко изменился, в нем послышалось какое-то волнение. – Да, спасибо. Постараюсь приехать. Но сейчас, Клифиш, мне нужно спешить. Вы уж меня извините.

– Что-то случилось?

– Кажется, горит еще один дом.

С этими словами Пендергаст положил трубку, и на линии воцарилась тишина.

Глава 30

Даже прокладывая себе дорогу оглушительным воем сирен и многократными окриками через мегафон полицейской патрульной машины, шеф полиции Моррис не смог подобраться к полицейскому управлению ближе чем на квартал, настолько плотно стояли здесь машины и люди. А ведь еще и восьми утра не было. После второго поджога история вышла на общенациональный уровень (и неудивительно, с учетом личностей погибших), поэтому все криминальные репортеры были здесь и все телевизионные новостные шоу говорили об этом, включая Си-эн-эн и еще бог знает кого.

Шеф полиции пожалел, что сам сел за руль и с ним нет никого, кто помог бы ему выпутаться из этой ситуации. Оставалось только одно: выйти из машины и попробовать пробиться через эту толпу идиотов. Они окружили его полицейскую машину. Камеры наезжали на него, микрофоны покачивались перед его лицом, как дубинки. Он всю ночь провел на пожарище (пожар начался в восемь вечера) и был грязный, от него пахло дымом, он кашлял, едва держался на ногах и вообще плохо соображал. Не лучшее состояние для того, чтобы предстать перед репортерскими камерами.

Неуправляемая толпа репортеров раскачивала и толкала машину шефа. Они выкрикивали вопросы, орали, отталкивали друг друга, чтобы занять место повыгоднее. Моррис понял, что ему нужно придумать какое-то заявление.

Он сделал глубокий вдох, собрался и заставил себя открыть дверцу. Реакция последовала мгновенно. Толпа напирала, камеры и микрофоны грозили ударить его по лицу, что-то даже сбило с него фуражку. Он поднялся, отряхнул фуражку, надел ее и поднял руки:

– Спокойнее! Спокойнее! Прошу вас. Я не смогу сделать заявление в такой обстановке. Освободите мне немного пространства. Прошу вас!

Толпа чуть подалась назад. Шеф полиции огляделся, ясно осознавая, что его изображение будет передано по всем новостным вечерним каналам страны.

– Я сделаю короткое заявление. После него не будет никаких ответов на вопросы. – Он набрал в грудь побольше воздуха. – Я

только что приехал с места преступления. Могу заверить вас, мы делаем все, что в человеческих силах, чтобы раскрыть эти жестокие преступления и отдать негодяев в руки правосудия. К расследованию привлечены лучшие криминалисты и следователи, имеющие опыт расследования подобных дел. Все наши ресурсы и ресурсы близлежащих городов заняты этим делом. Помимо всего прочего в расследовании на постоянной основе в качестве консультанта участвует один из лучших агентов ФБР, специализирующийся на серийных убийствах и душевнобольных преступниках. Судя по всему, мы имеем дело с серийным поджигателем.

Он откашлялся.

– Что касается самого преступления. Место преступления, конечно, все еще исследуется. Обнаружено два тела. Предварительно они опознаны как актриса Соня Дютуа и ее ребенок. Наши молитвы и мысли с жертвами и их семьями и всеми вами, кого поразило это страшное преступление. Это громадная трагедия для нашего городка, и, откровенно говоря, я не могу найти слова, чтобы выразить глубину моего потрясения и скорби… – Он обнаружил, что на какое-то время лишился дара речи, но вскоре соорудил предложение у себя в горле и закруглил выступление: – У нас появится больше информации для вас на пресс-конференции, которая будет проведена сегодня позднее. Сейчас я больше ничего не могу вам сообщить. Спасибо.

Он двинулся вперед, игнорируя выкрикиваемые вопросы и лес микрофонов, и за пять минут сумел добраться до своего кабинета. В его приемной сидел Пендергаст, одетый, как всегда, безупречно. Он попивал чай. Был включен телевизор.

Пендергаст поднялся:

– Позвольте поздравить вас с великолепным выступлением.

– Что? – Моррис повернулся к Ширли. – Уже передали?

– Это была прямая трансляция, шеф, – сказала она. – Вы держались просто замечательно. Вы были похожи на героя, и голос у вас звучал так решительно… и эта сажа у вас на лице…

– Сажа? На лице? – Черт! Как же это он не помылся?!

– Даже голливудские гримеры не могли бы сделать лучше, – сказал Пендергаст. – А если прибавить помятую форму, растрепанные волосы и открытое проявление эмоций, вы произвели

исключительное впечатление.

Шеф полиции тяжело опустился на стул.

– Меня совершенно не волновало, что они обо мне думают. Господи боже, ничего подобного я в жизни не видел. Агент Пендергаст, если вы слышали, что я говорил на камеру, то вы знаете, что я повысил вас до статуса официального консультанта.

Пендергаст наклонил голову.

– А потому я молю Господа, чтобы вы согласились. Мне, как никогда, нужна ваша помощь. Что вы скажете?

Пендергаст вытащил из кармана тонкий конверт и, держа его кончиками пальцев, помахал им перед Моррисом:

– Боюсь, что я превзошел ваши ожидания. Я теперь уже не консультант – я в официальном статусе.

Глава 31

Когда Кори вошла в пустую библиотеку, та показалась ей менее жизнерадостной, чем прежде, и полной мрачных предчувствий. Может быть, это произошло потому, что на городок словно легла атмосфера Судного дня… а может, все дело было в черных тучах, собиравшихся над горами и обещавших снегопад.

Стейси Боудри, проследовавшая за ней в исторический отдел, присвистнула:

– Так у этого города есть деньги или нет?

– Деньги-то есть, только никто сюда не заходит.

– Все заняты шопингом.

Тед сидел за своим столом в конце комнаты. Он оторвался от книги и поздоровался. На нем была футболка в обтяжку, и выглядел он прекрасно. Кори почувствовала, как ее сердце вдруг забилось быстрее. Она сделала глубокий вдох и представила ему Стейси.

– Что у нас сегодня в программе? – спросил Тед, оценивающе глядя на женщину.

Кори не могла не признать, что Стейси красива и мужчинам нравится смотреть на нее, но его внимательный взгляд тем не менее задел ее.

– Убийство и кровопролитие, – сказала Кори. – Нам нужны все статьи, что у тебя есть, об убийствах, повешениях, ограблениях, действиях отрядов самозащиты, перестрелках, вражде – короче, обо всем плохом в период медвежьих убийств.

Услышав это, Тед рассмеялся:

– Почти в каждом выпуске старой «Роринг-Форк таймс» освещается какая-нибудь криминальная история. В те дни обстановка тут была боевая – жизнь бурлила. Не то что теперь. С каких выпусков вы хотите начать?

– Первое медвежье убийство случилось в мае тысяча восемьсот семьдесят шестого, так что начнем, скажем, с апреля этого года и просмотрим все номера на полгода вперед.

– Отлично, – ответил Тед.

Кори заметила, что его взгляд постоянно возвращается к Стейси. И не только к ее лицу. Но капитан, казалось, не замечала этого. А может быть, привыкла к таким вещам за годы службы.

– Старые газеты все оцифрованы. Я устрою вас за одним из компьютеров и покажу, что нужно делать. – Он помолчал. – Город сегодня словно с ума сошел.

– Да, – сказала Кори.

На самом же деле по дороге сюда она не обращала внимания ни на что, кроме дорожного движения.

– Это как в «Челюстях».

– Ты о чем?

– Как назывался тот городок – Эмити?[23] Там туристы – толпами покидали город. Именно это сейчас и происходит. Вы что, не заметили? В одночасье горнолыжные склоны опустели, в отелях полно свободных номеров. Даже те, у кого здесь второй дом, тоже собираются уезжать. Через день-другой здесь никого не останется, кроме прессы. Безумие какое-то.

Он набрал что-то на клавиатурах стоящих рядом компьютеров, потом выпрямился.

– Ну вот, все готово. – Он показал им, как работать с документами, и, помедлив, спросил: – А вы, Стейси, когда сюда приехали?

– Четыре дня назад. Но я не высовывалась – не хотела лишнего шума.

– Четыре дня назад. За день до первого пожара?

– Видимо, да. Я услышала о нем на следующее утро.

– Надеюсь, вам понравится в нашем городе. Место замечательное, если у вас тугой кошелек.

Он рассмеялся, подмигнул и, к облегчению Кори, вернулся на свое место. Неужели она его приревновала? Никаких прав у нее на Теда не было – сама же отвергла предложение посмотреть его квартиру.

Они разделили поиск по месяцам: Кори взяла три первых, а Стейси – три следующих. В библиотеке воцарилась тишина, нарушаемая только стуком клавиатуры.

Наконец Стейси тихо присвистнула:

– Нет, ты послушай-ка.

ОНИ НЕ ПОДЕЛИЛИ ДЕВУШКУ

и устроили дуэль при свете фонарей

ОБА БЫЛИ БУКВАЛЬНО ИЗРЕЗАНЫ В КЛОЧЬЯ

> Двое кавалеров из Огайо сошлись в полночь и при свете фонаря принялись кромсать друг друга саблями и ножами, пока оба не свалились без сознания. Один из соперников, придя в себя, прикончил другого саблей. Дама, мисс Уильямс, после этой страшной драки слегла от горя.

– Довольно странная история, – сказала Кори, надеясь, что Стейси не будет зачитывать все заметки, какие ей попадутся.

Она вообще не без некоего внутреннего сопротивления приняла предложение Стейси о помощи.

– Мне это понравилось. «Слегла от горя». Да у нее от этой драки, наверное, такой кайф был, что в трусах стало мокро.

Грубость этого замечания потрясла Кори. Но может, так женщины и разговаривают в армии.

Просматривая заголовки, Кори поняла, что Тед был прав: в Роринг-Форке, по крайней мере летом 1876 года, кровь лилась рекой. Редкая неделя проходила без убийства, а уж стрельба и поножовщина случались каждый день. На перевале Индепенденс грабили почтовые кареты, добытчики выясняли между собой отношения, часто убивали проституток, крали лошадей, воровали, а отряды самозащиты вешали нарушителей спокойствия. Город был наполнен картежными шулерами, мошенниками, ворами и убийцами. И конечно, имело место громадное имущественное разделение. Некоторые, напав на

богатую жилу, становились нуворишами и строили себе особняки почище дворцов на Мейн-стрит, а большинство жили в переполненных бараках, по четыре-пять человек в комнате, или в палатках, все кишело крысами, повсюду была грязь и комары. Бытовой расизм внедрялся во все поры жизни. Один из районов города назывался «Китайский лагерь», и там обитали так называемые кули – чернорабочие, подвергавшиеся страшной дискриминации. Был и «Негритянский город». А еще газеты писали о грязном городе в каньоне неподалеку, где поселились «запойные пьяницы и самые жалкие образцы красной расы, печальные остатки прежнего народа юта».

В 1876 году закон и не ночевал в Роринг-Форке. «Правосудие» по большей части отправлялось сомнительными отрядами самозащиты. Если в салоне ночью случалась стрельба или поножовщина, то на следующее утро преступника можно было увидеть висящим на большом тополе в конце городка. Тела оставались там несколько дней, встречая новоприбывших. В горячие недели на дереве могло висеть по два, три или даже четыре тела, с которых «падали черви», как не без удовольствия написал об этом один репортер. Газеты были полны красочными и дикими историями: о вражде между двумя семьями, которая закончилась уничтожением всех, кроме одного выжившего; о толстом конокраде, весившем столько, что при повешении голова у него оторвалась; о человеке, который свихнулся, потому что у него «случилось прозрение»: он решил, что он Иисус Христос, забаррикадировался в борделе и принялся убивать дамочек одну за другой, чтобы очистить город от греха.

Работа в шахтах была невероятно тяжелой, добытчики спускались вниз еще до рассвета, а выходили на поверхность, когда уже было темно, и свет божий им удавалось увидеть только по воскресеньям. Несчастные случаи, обрушения, взрывы – все это случалось почти каждый день. Но еще хуже обстояли дела на толчейных фабриках и плавильнях. Там в промышленных масштабах гигантские металлические пестики весом в несколько тонн толкли серебряную руду. Они буквально мозжили руду, работая день и ночь, производя непрерывный шум, не дававший покоя городу. Дробленую руду загружали в громадные металлические емкости с механическими мешалками и жерновами для дальнейшего измельчения до порошкообразного состояния. Потом туда

добавлялись ртуть, соль и сульфат меди. Полученное в результате ведьмино варево готовилось и размешивалось в течение нескольких дней и разогревалось с помощью громадных угольных котлов, извергавших клубы дыма. Поскольку город находился в долине, окруженной горами, угольный дым порождал удушающий смог наподобие лондонского, который дни напролет висел над городом. Тем, кто работал на толчейных фабриках и плавильнях, доставалось больше, чем добытчикам в шахтах. Их часто обваривало до смерти при разрыве паровых трубок и бойлеров, удушали вонючие пары или калечило тяжелое оборудование. Никаких законов по технике безопасности не существовало, продолжительность рабочего дня или жалованье не регулировались, профсоюзов не существовало. Если человек получал травму, то его немедленно увольняли, не заплатив даже на день вперед, просто вышвыривали на улицу, а там выкручивайся, как хочешь. Худшую и самую опасную работу давали китайским кули, о частой гибели которых сообщалось на последней странице таким же обыденным тоном, каким пишут о смерти собаки.

Возмущение Кори росло по мере того, как она читала о несправедливостях, эксплуатации, повседневной жестокости, которую проявляли добывающие компании в погоне за прибылью. Но больше всего ее удивило, что на серебряной лихорадке в Колорадо сделали свое первоначальное состояние Стаффорды (одна из самых уважаемых семей филантропов в Нью-Йорке, основавшая Стаффордский музей изящных искусств и богатый Стаффордский фонд), именно им принадлежали толчейные фабрики и плавильни в Роринг-Форке. Она знала, что Стаффорды за прошедшие годы потратили немало денег на добрые дела, а потому Кори с удивлением читала о нечестивом происхождении их богатства.

– Ну и местечко, – сказала Стейси, прерывая ход мысли Кори. – Я и понятия не имела, что Роринг-Форк был таким гадюшником. А теперь посмотри – самый богатый город в Америке!

Кори покачала головой:

– Какая ирония судьбы, правда?

– Столько насилия и горя.

– Да, – сказала Кори и добавила, понизив голос: – Но я ничего не нахожу о банде серийных людоедов.

– И я тоже.

– Однако разгадка где-то здесь. Иначе и быть не может. Просто ее нужно найти.

Стейси пожала плечами:

– Ты не думаешь, что это могли сделать индейцы юта из каньона? Мотив у них был: серебряные рудники отняли у них землю.

Кори взвесила эту мысль. Она где-то читала, что приблизительно в это время индейцы юта Белой реки и ункомпагре сражались с бледнолицыми, которые выдавливали их на запад от Скалистых гор. Конфликт вылился в Войну Белой реки 1879 года, когда индейцев юта в конечном счете вытеснили из Колорадо. Не исключено, что некоторые из индейцев, участвовавших в конфликте, пробрались на юг и принялись мстить добытчикам Роринг-Форка.

– Я думала об этом, – сказала она наконец. – Но убитые не были скальпированы – после скальпирования остается характерный след. И потом, я слышала, что у индейцев юта каннибализм был строжайше запрещен.

– Ну и у белых тоже был запрет. А не скальпировали их, может быть, для того, чтобы не разоблачить себя.

– Возможно. Но убийства были по высшей категории. То есть все было четко и организованно, – поспешила добавить Кори. – Нелегко застать врасплох видавшего виды колорадского добытчика, который охраняет застолбленный участок. Не думаю, что беспомощная шайка индейцев юта могла бы провернуть все эти убийства.

– А что насчет китайцев? Это ведь ужас, как к ним относились. Их словно считали недочеловеками.

– Я тоже об этом думала. Но если мотив убийства – месть, то зачем съедать жертвы?

– Может быть, они просто имитировали съедение, чтобы было похоже на медведя.

Кори отрицательно покачала головой:

– Мой анализ показывает, что они на самом деле поедали мясо – в сыром виде. И еще один вопрос: почему убийства вдруг прекратились? Какой цели они добились? Если вообще добились.

– Вот это хороший вопрос. Но уже час дня. Я не знаю, как ты, а я

голодна – сама бы съела пару добытчиков.

– Можно перекусить.

Они встали, собираясь уходить, и тут к ним подошел Тед.

– Слушай, Кори, – сказал он. – Хотел спросить у тебя, как насчет обеда сегодня вечером. С местами проблем не будет.

Он провел пятерней по своим кудрявым каштановым волосам и, улыбаясь, посмотрел на нее.

– С удовольствием, – сказала она, довольная тем, что Тед не потерял к ней интереса, хотя и поглядывал на Стейси. – Но у меня сегодня обед с Пендергастом.

– Ну что ж, тогда в другой раз. – Он улыбнулся, но Кори видела, что он уязвлен. Он чем-то напоминал ей обиженного щенка, и она почувствовала себя виноватой. Тем не менее он весело повернулся к Стейси и подмигнул ей. – Рад был с вами познакомиться.

Пока они надевали пальто и выходили на зимний воздух, Кори размышляла о том, чем может закончиться новое свидание с Тедом. Вообще-то, у нее давно не было бойфренда, и ее кровать в особняке над Вороньим оврагом была очень, очень холодна.

Глава 32

Это было похоже на навязчивый кошмар: он приходит к тебе однажды ночью, а потом повторяется в еще более зловещей форме. По крайней мере, так казалось шефу полиции Моррису, который шел по тому, что осталось от дома Дютуа. Дымящиеся руины стояли на уступе холма, откуда открывался великолепный вид на город и на окружающее его кольцо заснеженных гор. Моррису было невыносимо идти по тем же коридорам, огороженным полицейской лентой, вдыхать тот же запах горелого дерева, пластика и резины, видеть обугленные стены и лужицы расплавленного стекла, покореженные кровати, унитазы и раковины, искалеченные пламенем. А тут еще были всякие мелочи, которые сохранились каким-то непонятным образом: стакан, флакон с духами, плюшевый мишка, пропитанный водой, и постер кинофильма «Уличный оркестр», самого знаменитого фильма Сони Дютуа, – он так и остался висеть на покореженной стене.

Почти вся ночь ушла на тушение пожара – превращение дома в эту влажную, испускающую пар груду. Криминалисты и медики приехали утром и, как могли, идентифицировали жертвы, которые здесь не обгорели так сильно, как в случае с семьей Бейкеров, что только увеличило ужас. По крайней мере, думал шеф полиции, на этот раз ему не придется иметь дело с Чиверсом: тот уже побывал на месте преступления и теперь готовил доклад, к которому шеф полиции заранее питал недоверие. Чиверсу это преступление явно было не по зубам.

А вот Пендергасту Моррис был благодарен за присутствие. Несмотря на всю свою эксцентричность и на тот факт, что всех остальных его присутствие выводило из себя, Пендергаст почему-то действовал на шефа полиции успокаивающе. Все в том же совершенно неподходящем одеянии – черном пальто и кремовом шелковом шарфе, в той же шляпе он бродил по руинам впереди Морриса и молчал, как немой. Тяжелые зимние облака закрывали солнце, и температура за пределами руин была ниже минус десяти. Но внутри остаточное тепло и облака пара создавали влажный, пахучий микроклимат.

Наконец они нашли первую жертву, которую медики

предварительно опознали как Соню Дютуа. Останки более или менее напоминали крупный почерневший плод среди груды пружин, металлических пластин, болтов, остатков ковров и обожженных слоев ватина с вкраплениями оплавленного пластика и проводов. Череп остался целым, и челюсти застыли в замершем крике, предплечья обгорели до костей, кости пальцев были сжаты, тело от жара скрючилось.

Пендергаст остановился и долго разглядывал жертву. Он не стал вытаскивать пробирки, пинцеты, не стал отбирать образцы. Он только смотрел. Потом медленно обошел ужасные останки. В его руке появилась ручная лупа, и он принялся рассматривать через нее следы расплавленного пластика и другие интересующие его объекты. Пока он делал это, подул ветерок и донес до шефа полиции запах жареного мяса, отчего у него тут же возник рвотный рефлекс. Боже, как ему хотелось, чтобы Пендергаст поторопился!

Наконец агент ФБР поднялся, и они продолжили обход гигантских руин, неизбежно продвигаясь ко второй жертве. Тут все было еще хуже. Шеф полиции специально не позавтракал, и в животе у него было пусто, но он все равно почувствовал, как эта пустота подступает к горлу.

Жертве, дочери Дютуа по имени Салли, было десять лет. Она училась в одной школе с дочерью шефа полиции. Девочки дружили. Салли была замкнутым ребенком – оно и неудивительно при такой матери. Когда они приблизились к телу, шеф полиции решился посмотреть на него. Тело девочки находилось в сидячем положении и обгорело лишь с одной стороны. Она была пристегнута наручниками к трубе под раковиной.

Моррис снова почувствовал приступ рвоты, но только икнул, потом еще раз и быстро отвернулся.

И опять Пендергаст чуть ли не вечность провел, исследуя останки. Шеф полиции представить себе не мог, как он это делает. Тошнота не отступала, и он попытался думать о чем-нибудь ином, о чем угодно, лишь бы взять себя в руки.

– Я совершенно сбит с толку, – сказал Моррис, скорее чтобы отвлечься, чем по какой-то другой причине. – Меня это ставит в тупик.

– Что именно?

– Как… э-э… как преступник выбирает жертвы. Что общего имеют между собой погибшие? Его выбор кажется случайным.

Пендергаст поднялся на ноги:

– Место преступления и в самом деле оставляет много загадок. Вы правы: жертвы выбираются случайно. Но вот что далеко не случайно, так это объекты нападения.

– Это как?

– Убийца не выбирал жертв. Он – или она, поскольку характер нападений пока не позволяет определить пол преступника, – выбирает дом.

Шеф полиции нахмурился:

– Дом?

– Да. У обоих домов есть одно общее свойство: они хорошо видны из города. Следующий дом, без сомнений, будет таким же заметным.

– Вы хотите сказать, они были выбраны для демонстрации? Но бога ради, зачем?

– Возможно, чтобы отправить послание. – Пендергаст отвернулся. – Давайте вернемся к насущному вопросу. Место преступления в первую очередь интересно тем, что оно проливает свет на личность убийцы. – Пендергаст говорил неторопливо, оглядываясь вокруг. – Похоже, убийца отвечает определению Миллона[24]: садистская личность «взрывного» типа. Он ищет крайние меры подчинения, он получает удовольствие – возможно, сексуальное удовольствие – от мучительных страданий других. Такое личностное нарушение проявляется в крайних формах у людей, которые в остальном кажутся нормальными. Иными словами, человек, которого мы ищем, может оказаться самым обычным, уважаемым членом общества.

– Откуда вы знаете?

– Это основано на моей реконструкции преступления.

– И в чем она заключается?

Пендергаст снова оглядел руины, а затем остановил взгляд на шефе полиции:

– Прежде всего, убийца проник в дом через окно наверху.

Моррис не стал спрашивать, почему Пендергаст пришел к такому выводу, в особенности еще и потому, что от второго этажа ничего не осталось.

– Мы знаем это, потому что двери дома крепкие и все замки были заперты. Этого следовало ожидать, ведь после первого пожара город был охвачен страхом, да и дом стоит относительно изолированно. Кроме того, окна первого этажа массивные, типа «мультилайт», с дорогим высокоотражающим тройным стеклом, дуб рамы укреплен анодированным алюминием. Те окна, что я осмотрел, были заперты, и мы можем предположить, что и остальные тоже – с учетом холодов и, как я сказал, страха после первого поджога. Разбить такое окно чрезвычайно трудно, а любая попытка сделать это привела бы к сильному шуму и заняла много времени. К тому же обитатели дома успели бы принять меры. Кто-нибудь позвонил бы в полицию или нажал тревожную кнопку, которая имелась в этом доме. Но преступник застал двух убитых врасплох, – вероятно, обе жертвы спали наверху, когда он проник в дом. Верхние окна не такие надежные, там двойные стекла, и, кроме того, не все они были заперты, что очевидно вот по этому. – Пендергаст показал на следы пепла и металла у его ног. – Таким образом, я прихожу к выводу, что убийца проник в дом через окно на втором этаже. Он обездвижил жертвы, а потом уволок вниз для… финального действа.

Шеф полиции не мог толком сосредоточиться на объяснениях Пендергаста. Новый порыв ветра заставил его дышать через рот.

– Это говорит нам не только об умственном состоянии убийцы, но и о его физических особенностях. Он или она наверняка неплохой спортсмен и имеет опыт скалолазания или чего-то в этом роде.

– Опыт скалолазания?

– Мой дорогой мистер Моррис, это вытекает из того, что мы не нашли ни веревки, ни приставной лестницы.

Шеф полиции Моррис проглотил слюну.

– Так, гм… а «взрывной» садизм?

– Эта женщина, Дютуа, была привязана скотчем к софе – нелегкая работа, – так что и пошевелиться не могла. Похоже, ее облили бензином и сожгли заживо. Очень примечательно, что жертве

при этом не заткнули рот кляпом.

– И это значит…

– Что убийца хотел поговорить с ней, услышать, как она умоляет сохранить ей жизнь, а когда все заполыхало, услышать ее крики.

– Боже мой…

Моррис вспомнил резкий голос Дютуа на пресс-конференции. Новый приступ тошноты.

– Однако садизм, проявленный в этом случае, – Пендергаст сделал легкое движение рукой в сторону останков девочки, – еще экстремальнее.

Моррис больше ничего не хотел знать об этом, но Пендергаст продолжил:

– Девочку не облили бензином. Такая смерть была бы слишком быстрой с точки зрения нашего преступника. Вместо этого он устраивает очаг пожара справа от нее, вот здесь, и огонь ползет к ней отсюда. Далее, если вы посмотрите на трубы, к которым была пристегнута наручниками жертва, то увидите, что они погнуты. Она изо всех сил пыталась сломать их, тащила на себя, чтобы спастись.

– Вижу. – При этом шеф полиции даже не стал делать вид, что смотрит туда.

– Но обратите внимание на то, в какую сторону они выгнуты.

– Скажите мне, – попросил шеф полиции Моррис, закрывая лицо, потому что это было свыше его сил.

– Они выгнуты в направлении огня.

Молчание.

– Извините, – сказал шеф полиции. – Я не понимаю.

– То, от чего она пыталась спастись, было еще страшнее огня.

Глава 33

Когда Кори в последний раз посещала полицейское управление Роринг-Форка, на ней были наручники. Это воспоминание оставалось достаточно свежим, и, войдя, она испытала неприятные ощущения. Но Айрис, дежурная, была очень мила и с готовностью указала ей путь к временному кабинету Пендергаста в подвале.

Кори спустилась по узкой лестнице, прошла мимо неяркого потрескивающего камина и оказалась в тесном коридоре. На дверях кабинета в конце коридора не было таблички. Кори постучала, и голос Пендергаста пригласил ее войти.

Специальный агент стоял за старым металлическим столом, уставленным штативами с пробирками и различными химическими приспособлениями непонятного назначения, в которых что-то булькало. Окон в кабинете не имелось, и здесь стояла духота.

– Ничего получше для вас не нашли? – спросила Кори. – Это же настоящий склеп!

– Это то, что я просил. Не хочу, чтобы меня беспокоили, а расположение этого кабинета таково, что сюда вряд ли кто сунется. Здесь меня никто не беспокоит – никто.

– Здесь жарко, как в аду.

– Не страшнее, чем в Новом Орлеане весной. Как вы знаете, я не терплю холода.

– Мы идем обедать?

– Чтобы не портить застолье разговорами о трупах и каннибализме, давайте для начала обсудим, как продвигаются ваши исследования. Присядьте, пожалуйста.

– Да, конечно. Только можно покороче? Я не терплю жары.

Она села. То же самое сделал и Пендергаст.

– Итак, как ваши дела?

– Отлично. Я закончила обследование четырех останков, и все они говорят об одном и том же: все убитые стали жертвами серийных убийц-каннибалов.

Пендергаст наклонил голову.

– Это кажется невероятным. Но сомнений никаких нет. Я нашла кое-что любопытное в последнем скелете. У жертвы было странное имя – Айшем Тинг. Его убили одним из первых, и на его костях имеются следы жестоких посмертных повреждений, нанесенных крупным сильным животным, явно медведем гризли. А кроме этого, обнаруживаются следы избиения, расчленения и каннибализма, как и на костях других жертв. Я просмотрела в газетах сообщения об убийствах, и в данном случае медведя отогнали от останков явившиеся туда партнеры Тинга. У меня нет сомнений, что медведь был падальщиком – доедал жертву банды каннибалов. Однако именно эта сцена укрепила в обществе идею о гризли-убийце. Логичное предположение, но также следствие случайного совпадения.

– Отлично. Точка поставлена. Я полагаю, другие останки вам уже не нужны?

– Да. Четырех достаточно. У меня теперь есть все необходимые данные.

– Превосходно, – пробормотал Пендергаст. – Когда вы собираетесь возвращаться в Нью-Йорк?

Кори набрала в легкие побольше воздуха:

– Я пока не возвращаюсь.

– Почему?

– Я решила расширить тему моего исследования.

Она подождала, но Пендергаст никак не отреагировал.

– Потому что, к сожалению, в этой истории точка не поставлена. Теперь, когда мы знаем, что добытчики были убиты… – Она помедлила. – Так вот, я приложу все силы, чтобы раскрыть эти убийства.

Снова молчание. Серебристые глаза Пендергаста чуть прищурились.

– Послушайте, это такое захватывающее дело. Как же можно не довести его до конца? Почему были убиты эти добытчики? Почему убийства прекратились так внезапно? Вопросов много, и я хочу найти ответы. У меня есть возможность сделать из хорошей работы

выдающуюся.

– Если только вы выживете, – сказал Пендергаст.

– Не думаю, что мне грозит какая-то опасность. Напротив, после пожаров на меня никто не обращает внимания. И никто не знает о моем важнейшем открытии, все по-прежнему считают, что это сделал гризли-людоед.

– И тем не менее мне неспокойно.

– Почему? Если вы беспокоитесь из-за дома, за которым я подрядилась присматривать, так он вдали от тех домов, где были пожары. И у меня теперь есть компаньонка. Кстати, это капитан Боудри. Лучшей защиты и не найдешь. Знаете, что я вам скажу? У нее пистолет сорок пятого калибра, и поверьте, она знает, как им пользоваться.

О следах вокруг дома она говорить не стала.

– Не сомневаюсь. Но дело в том, что мне на несколько дней, а то и больше нужно уехать из Роринг-Форка, и в этот период я не смогу вас защитить. Я боюсь, что вы залезли в такую историю, что можете разбудить спящую собаку. А в этом богатом городке спит страшная собака, я уверен.

– Вы же не считаете, что поджоги как-то связаны с убийствами добытчиков? Ведь те убийства случились полтора века назад.

– Я пока ничего не считаю. Но я чувствую тут сильное глубинное течение. Мне не нравится, что вы остаетесь в Роринг-Форке дольше, чем это необходимо. Советую вам улететь отсюда первым же самолетом.

Кори уставилась на него:

– Мне двадцать, и это *моя* жизнь. Не ваша. Я очень благодарна вам за помощь, но… вы мне не отец. Я остаюсь.

– Я буду противодействовать этому, лишив вас финансовой поддержки.

– Отлично! – Сдерживаемый Кори гнев прорвался наружу. – Вы вмешивались в мою работу с самого начала. Не вмешиваться вы не можете – такова ваша суть, – но мне это не нравится. Неужели вы не понимаете, насколько это для меня важно? Я устала оттого, что вы постоянно указываете мне, как я должна действовать.

Что-то промелькнуло на лице Пендергаста, и если бы Кори не была так рассержена, то распознала бы в этом предостережение.

– Единственное, что меня тревожит, – это ваша безопасность. И я должен добавить, что риск, которому вы себя подвергаете, значительно возрастает из-за вашей прискорбной вспыльчивости и безрассудства.

– Это ваши слова. Но я свое сказала. И я останусь в Роринг-Форке, нравится вам это или нет.

Пендергаст начал было что-то говорить, но Кори резко вскочила, опрокинув стул, и вышла из комнаты, не дожидаясь его ответа.

Глава 34

Это был один из самых заметных викторианских особняков на главной улице. Тед, у которого в голове умещалась масса информации по Роринг-Форку, рассказал Кори историю этого дома. Построил его Гарольд Гризуэлл, известный как Серебряный король Роринг-Форка. Гризуэлл заработал состояние, а во время паники 1893 года обанкротился. Он совершил самоубийство, прыгнув в главный ствол шахты Мэтчлесс. Его молодая вдова Рози Энн, бывшая танцовщица из салуна, три следующих десятилетия нанимала и увольняла адвокатов, подавала бессчетные иски, без устали пытаясь вернуть утраченные шахты и собственность. В конечном счете, когда все юридические возможности были исчерпаны, она заперлась в особняке и стала затворницей. Даже в магазины за провизией не выходила и жила за счет доброты соседей, которые взяли на себя труд оставлять еду возле ее дверей. В 1955 году соседи стали жаловаться на дурной запах, исходящий из дома. Когда внутрь вошли полицейские, они обнаружили невероятную картину: весь дом от пола до потолка был заполнен готовыми рухнуть пачками бумаг и прочим старым хламом, большая часть которого накопилась за время бесконечных судебных процессов. Там были груды газет, полотняные мешки с образцами руды, театральные программки, рекламные плакаты, бухгалтерские книги, данные лабораторных анализов по образцам породы, материалы дел, протоколы судебных заседаний, платежные ведомости, выписки с банковского счета, карты, планы шахт и тому подобное. Полиция обнаружила также высохшее тело Рози Энн, придавленное грузом бумаг: целая стена документов, подточенная снизу мышами, рухнула и погребла под собой хозяйку дома. Рози Энн Гризуэлл умерла от голода.

Она умерла, не оставив завещания и не имея наследников, и город вступил во владение зданием. Гора документов оказалась настоящим сокровищем, ценность которых невозможно было измерить. Более чем полвека спустя сортировка и каталогизация этих документов все еще продолжалась время от времени, если неимущему Историческому обществу Роринг-Форка удавалось заполучить грант.

Тед предупредил Кори, что коллекция находится далеко не в

лучшем состоянии – ничего похожего на вычищенный оцифрованный газетный архив, который был в его библиотеке. Но после безрезультатного прочесывания этого архива на предмет каких-либо свидетельств о существовании банды убийц-каннибалов Кори решила обратиться к архиву Гризуэлл.

Архивист, судя по всему, появлялся всего два дня в неделю. Тед предупредил Кори, что этот человек – неквалифицированный идиот. Кори приехала туда серым декабрьским утром, когда со свинцового неба падали снежинки, и нашла архивиста в холле особняка – он сидел за столом, играя со своим айпадом. В холле документов не было, но Кори увидела, что за открытыми дверями стоят металлические стеллажи от пола до потолка и каталожные шкафы, заполненные бумагами.

Архивист поднялся и протянул ей руку.

– Уинн Марпл, – сказал он.

Перед ней стоял преждевременно облысевший человек с остатками волос, схваченными в конский хвостик. Ему было под сорок, живот его приобрел форму тыквы, но он держался самоуверенно и нахально подмигивал – ни дать ни взять настоящий Лотарио[25].

Кори представилась и объяснила, что ей нужно: она ищет информацию об убийствах, совершенных медведем гризли в 1876 году, а также о преступности и возможной активности различных банд в Роринг-Форке.

Марпл дал ей пространный ответ, который быстро свелся к его любимому, судя по всему, предмету – самому Марплу. Кори узнала, что он, Марпл, был когда-то включен в олимпийскую лыжную команду, тренировавшуюся в Роринг-Форке, а потому он и влюбился в этот город. Узнала она о том, что он до сих пор классный лыжник, а кроме того, спец по катанию вне горнолыжных трасс. Еще он добавил, что ни в коем случае не может допустить ее к архиву без соответствующего документа и разрешения, к тому же цель ее поиска должна быть сужена и конкретизирована.

– Понимаете ли, – сказал он, – поиски наобум не разрешаются. Многие из этих документов частные и имеют конфиденциальный и противоречивый или, – (очередное подмигивание), – скандальный характер.

На протяжении своего монолога он несколько раз облизывал губы и обшаривал глазами тело Кори.

Она глубоко вздохнула и напомнила себе, что хотя бы раз стоит не быть своим худшим врагом. Многие мужики ничего не могут с собой поделать – родился кретином и живет себе. А ей нужно попасть в этот архив. Если здесь нет ответа на загадку убийств, то его, вероятно, вообще нигде нет.

– Вы были членом олимпийской сборной? – спросила она голосом, исполненным фальшивого восхищения.

Это вызвало новый взрыв фанфаронства, включавшего информацию о том, что он получил бы бронзу, если бы не условия на трассе, не температура, не судьи… Слушать Кори перестала, но продолжала кивать и улыбаться.

– Это просто высший класс, – произнесла она, когда поняла, что он закончил. – Ни разу в жизни не видела живого олимпийца.

У Марпла было много еще чего сказать на этот счет. Пять или десять минут спустя Кори в отчаянии согласилась на свидание с ним в субботу вечером, а за это получила полный и неограниченный доступ в архив.

Уинн потащился следом, когда она направилась в элегантные, но требующие ремонта комнаты, забитые бумагами. Ко всем прочим ее бедам бумаги были лишь приближенно разобраны хронологически, а уж разобрать их тематически никто и не пытался.

Теперь Уинн горел желанием помочь ей. Он стал снимать с полок папки, а Кори уселась за длинный, обитый сукном стол и принялась перебирать их. Все они располагались не по порядку и были перепутаны, переложены посторонними и случайно сюда попавшими документами, и было понятно, что тот, кто занимался каталогизацией, страдал либо нарушением внимания, либо идиотизмом. Она перелопачивала одну кипу за другой, и комнату наполняли запахи ветхой бумаги и старого сургуча.

Минуты превращались в часы. В комнате стояла жара, свет был тусклый, и у Кори появилась резь в глазах. Даже Уинн в конце концов устал говорить о себе. Бумаги были сухими, и при малейшем движении над ними поднималась пыль. Тут были груды совершенно непонятных юридических документов, папок, судебных материалов, записей, опросных листов, протоколов судебных заседаний,

слушаний, решения жюри присяжных вперемешку с планами земельных участков, кадастровыми документами, результатами лабораторных исследований руды, документами о партнерстве добытчиков, реестрами, заказами на работы, давно потерявшими всякую силу акционерными сертификатами, платежными ведомостями, счет-фактурами и совершенно неуместными постерами и газетными полосами. Время от времени изобилие документов пресекалось красочной театральной афишей, сообщающей о прибытии пышногрудой стриптизерши или балагана.

Изредка Кори попадался документ, имеющий для нее хоть какой-то интерес: заявление о преступлении, протоколы судебных слушаний об убийстве, объявления о розыске преступников, полицейские досье на нежелательных персон или гастролеров, подозреваемых или обвиняемых в преступлениях. Но ничего, что выделялось бы из общей массы, – никаких банд сумасшедших, никаких сообщений на тему убийства и поедания одиннадцати шахтеров.

Регулярно попадалось имя Стаффорда, особенно часто в связи с людьми, работавшими на обогащении и плавлении руды. Это были довольно одиозные материалы: сообщения о погибших рабочих чередовались с записями о поломанном оборудовании, тут же записывались суммы, выплаченные вдовам или сиротам, никогда не превышавшие пяти долларов, при этом большинство сумм обозначались как $0.00 с пометой «выплаты не производились/вина рабочего». Здесь были сведения об искалеченных рабочих, отравленных или травмированных на рабочем месте, – их увольняли вообще без всякой компенсации или какой-либо помощи.

– Настоящая шайка негодяев, – пробормотала себе под нос Кори, передавая Уинну очередную кипу бумаг.

Внезапно ее внимание привлекла афиша:

Эстетическая теория

Лекция

мистера Оскара Уайльда из Лондона, Англия

Практическое применение принципов эстетической теории с наблюдениями применительно к изящным искусствам, личному убранству и украшению дома

Лекция будет прочитана в большой галерее шахты Салли Гудин днем в воскресенье, 2 июня, в половине третьего.

Стоимость билета семьдесят пять центов

Кори чуть не рассмеялась над причудами судьбы. Та самая лекция, после которой Уайльду рассказали про медведя-убийцу! К афише была прикреплена пачка сообщений, писем и отзывов о лекции. Казалось нелепым, что грубые работяги Роринг-Форка могут иметь какой-то интерес к эстетической теории, не говоря уже о личном убранстве и украшении дома. Но, судя по всему, лекция имела немалый успех и закончилась бурной овацией. Возможно, дело было в том, какую фигуру являл собой Уайльд: экстравагантное одеяние, щегольская манерность и исключительное остроумие. Ведь несчастные работяги Роринг-Форка не имели других развлечений, кроме пьянства и распутства.

Кори быстро перелистала прикрепленные к афише документы и натолкнулась на забавную записку от руки – судя по всему, письмо одного из рабочих своей жене на Восток. Ни малейшей пунктуации в записке не наблюдалось.

Мая дарагая жена в васкресенье была лекция мистера Оскора Уайльда из Лондона Посли лекции которую встретели очень харашо мистер Уайльд пагаварил с рабочими и всякими буянами Он был очень при ветлев пока я ждал поговорить с ним а этот старый пьянеца и жулик Суинтон утощил ево в старонку и рассказал чевото отчево мистер Уайльд поблиднел как смерть я дажи думал он патеряит сазнание и упадет…

Уинн, который читал записку, заглядывая Кори через плечо, прыснул со смеху.

– Вот безграмотный кретин! – Он постучал пальцем по афише. – Знаете, я так думаю, это стоит больших денег.

– Несомненно, – сказала Кори, помедлила и скрепила всю

подшивку снова.

Как бы ни было очаровательно это письмо, оно не имело никакого отношения к ее исследованию.

Кори отодвинула бумаги в сторону и перешла к следующей папке. Она заметила, что, когда Уинн нес стопку назад на стеллаж, он вытащил афишу и засунул ее в другое место. Этот тип, вероятно, собирался продать ее на интернет-аукционе или где-то еще.

Она сказала себе, что это не ее дело. Он принес ей следующую кипу, потом еще одну. Большинство бумаг были посвящены дроблению и обогащению породы, и на сей раз почти все документы имели отношение к семье Стаффорд, которая, судя по всему, с увеличением собственной власти и богатства становилась все более жестокой. Стаффорды, похоже, пережили серебряную панику 1893 года и даже воспользовались возможностью скупить за гроши шахты и застолбленные участки. В папках было множество выцветших карт района. Каждый ствол, шахта и туннель были тщательным образом пронумерованы и идентифицированы. Почему-то очень мало документов имелось по плавильным работам.

А потом Кори увидела документ, от которого у нее мурашки побежали. Это была датированная 1933 годом открытка от одного из членов семьи, Хоуланда Стаффорда, женщине по имени Дора Тиффани Кермоуд. Начиналась она словами: «Дорогая кузина».

«Кермоуд. Кузина».

– Господи боже! – вырвалось у Кори. – Эта сучка Кермоуд состоит в родстве с семейством, которое выжимало все соки из города.

– Вы о чем? – спросил Уинн.

Кори шлепнула по документу тыльной стороной ладони:

– Бетти Кермоуд. Эта ужасная тетка, которая возглавляет «Высоты». Она в родстве со Стаффордами – ну, теми, кто владел плавильнями в Роринг-Форке во времена бума. Невероятно!

И только тут она поняла свою ошибку. Уинн Марпл вытянулся во весь рост и заговорил осуждающим тоном школьной учительницы:

– В этом городе мало найдется людей лучше и обходительнее, чем миссис Кермоуд.

Кори поспешно сдала назад:

– Извините. Я просто… я хочу сказать, что по ее милости я очутилась в тюрьме… я не знала, что она ваш друг.

Ее неловкое извинение вроде бы сработало.

– Да, я понимаю, что вы на нее в обиде. Но я могу за нее поручиться, как за себя самого. Нет, правда. Она замечательный человек.

Он снова подмигнул девушке.

«Ну и молодец». Пять часов поисков впустую, а теперь выходит, что она, не получив ничего, должна встретиться с этим козлом? Кори понадеялась, что свидание можно укоротить до самой малости и провести его в таком месте, где Тед никогда, ни за что их не увидит. А еще лучше в последний момент сказаться больной. Именно так она и сделает.

Кори посмотрела на часы. Нет, в этой свалке бумаг она никогда не найдет того, что ей нужно. В первый раз она подумала о том, что взяла на себя непосильную задачу. Возможно, Пендергаст был прав. У нее и так уже достаточно материала для блестящей работы.

Она встала.

– Нет, ничего из этого не получается. Я, пожалуй, пойду.

Уинн проводил ее до выходной двери.

– Жаль, что вам не повезло. Но по крайней мере… – Он снова подмигнул. – Мы хотя бы познакомились.

Нет, ей определенно придется сказаться больной.

Кори сглотнула.

– Спасибо за помощь, Уинн.

Он подался к ней. Слишком близко подался.

– С моим удовольствием.

Кори вдруг замерла. Что это такое она почувствовала на своей заднице? Его руку. Она сделала полшага назад и повернулась, но рука последовала за ней, как щупальце осьминога, и чуть сжала ее ягодицу.

– Если вы не возражаете, – раздраженно сказала девушка и

оттолкнула его руку.

– Ну… нам так или иначе предстоит свидание.

– И вы думаете, что это позволяет вам хватать меня за задницу?

Уинн посмотрел на нее смущенным взглядом:

– Но… я просто по-дружески. Я думал, вам это понравится. Я хочу сказать, что ведь не каждый день встречаешься с членом олимпийской сборной, и я подумал…

Его последнее плотоядное подмигивание переполнило чашу. Кори напустилась на него:

– С членом олимпийской сборной? Вы когда в последний раз смотрели на себя в зеркало? Если посмотрите, то увидите лысеющего глуповатого неудачника с животом-тыковкой. Да если бы вы были последним мужчиной на земле, я бы и то не пошла с вами на свидание!

С этими словами она повернулась, схватила пальто и вышла, ударившись о холодный воздух, как о стену.

Уинн Марпл сел за стол. Руки его дрожали, дышал он часто и неглубоко. У него в голове не укладывалось, как эта сучка с ним поступила, причем после того, как он ей помогал, не жалея сил. Одна из этих чокнутых на феминизме баб: ее невинно, дружески похлопаешь по попке, а она вон чего тебе в ответ.

Уинн был в бешенстве, он настолько вышел из себя, что кровь барабаном стучала у него в ушах. Ему потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться, после чего он взял телефон и набрал номер.

Глава 35

В гостиной своего дома в «Высотах», где в камине горели кедровые поленья, Бетти Браун Кермоуд повесила трубку антикварного телефона. Несколько минут она сидела не двигаясь, глядя через панорамное окно на горы и обдумывая возникшую проблему. Ее зять Генри Монтебелло сидел в старинном кресле по другую сторону камина. На нем был костюм-тройка, белоснежная рубашка оттеняла галстук-бабочку ручной вязки с рисунком в «индийский огурец». С видом скучающего патриция Монтебелло рассматривал свои ногти. Сквозь окно внутрь проникали слабые солнечные лучи.

Кермоуд обдумывала проблему еще около минуты, потом снова взяла трубку и набрала номер Даниэля Стаффорда.

– Привет еще раз, моя дорогая, – раздался суховатый иронический голос.

Кермоуд не очень любила говорить со своим братом Даниэлем, но такие понятия, как «любовь» или «беспокойство», не играли никакой роли в тех узах, что объединяли семейство Стаффорд. Это были денежные узы, и они-то и определяли все семейные отношения. Поскольку Даниэль был не только главой семейного траста Стаффордов с активами в два миллиарда долларов, но и одним из двух управляющих партнеров семейной инвестиционной компании, управлявшей активами в шестнадцать миллиардов долларов, миссис Кермоуд считала его близким человеком. Очень близким. Ей никогда не приходило в голову спросить себя, любит она этого человека или нет.

– Ты говоришь со мной по громкой связи? – спросил Стаффорд.

– Здесь рядом Генри, – ответила Кермоуд и, помолчав, продолжила: – У нас проблема.

– Если ты о новом пожаре, то он, слава богу, случился не в «Высотах». Это на самом деле замечательно – таким образом внимание от «Высот» отвлекается. Нам теперь нужен третий пожар. Где-нибудь еще подальше. – Он сопроводил это ироническим смешком.

– Ничего забавного тут нет. И вообще я звоню не по этому поводу. Я звоню потому, что эта девчонка – Кори Свенсон – обнаружила, что между Стаффордами и Кермоудами есть родственные связи.

– Ну, я бы не сказал, что это государственный секрет.

– Даниэль, она проникла в архив Гризуэлла и накопала старые документы, имеющие отношение к шахтам, дробилкам и плавильням. Старые документы.

Молчание. Потом ее кузен изящно выругался.

– Что-нибудь еще? – Голос его теперь звучал не так беззаботно.

– Нет. По крайней мере, пока.

Снова молчание.

– Она что, умелый следователь?

– Она настоящий терьер: как вонзит во что-нибудь свои зубки, так уж челюсти не разожмет. Правда, похоже, что пока она не установила связь, но если и дальше будет копать – непременно найдет.

Еще одна длительная пауза.

– Я думал, что все документы удалены.

– Усилия были предприняты колоссальные, но этот архив – настоящая свалка. Мы могли и пропустить что-нибудь.

– Понятно. Да, это и в самом деле проблема.

– Ты накопал на нее и на других какую-нибудь грязь?

– Да. У этого Пендергаста пестрая история, но он неприкосновенен. Боудри вроде как герой войны, множество поощрений и наград, поэтому к ней подкопаться трудно. Вот разве что она уволилась из ВВС по медицинским показаниям.

– Была ранена? – спросила Кермоуд. – Мне она показалась вполне здоровой.

– Два месяца она провела в американском госпитале в Ландштуле, в Германии. Ее история болезни засекречена, и ВВС охраняет эти документы как зеницу ока.

– А девчонка Свенсон?

– Ну, это сущая маленькая чертовка. Выросла на стоянке трейлеров в жутком городке в Канзасе. Родители принадлежали к низшему, ниже некуда, слою рабочего класса. После рождения ребенка они разошлись. Мать у нее буйный алкоголик, отец бездельник, один раз ему предъявлялось обвинение в ограблении банка. У нее самой такой шлейф подростковых нарушений – на десятерых хватит. Единственная причина, по которой ей удалось продвинуться, – это Пендергаст. Он взял ее под свое крыло и заплатил за обучение. Тут между ними явно какой-то обмен. Проблема в том, что, пока Пендергаст рядом, подобраться к ней трудновато.

– Шеф полиции сказал, что вчера Пендергаст улетел в Лондон.

– Хорошая новость. Действуй как можно быстрее.

– А что именно я должна делать?

– Ты, моя дорогая, вполне в состоянии решить эту проблему до возвращения агента ФБР. Могу тебе напомнить о том, что поставлено на карту. Так что никаких игр. Не миндальничай. Если решишь привлечь кого-нибудь – не скупись. Нанимай кого получше. Что бы ты там ни сделала, я об этом не хочу знать.

– Какой же ты трус.

– Спасибо. Я готов признать, что в нашем семействе ты, дорогая кузина, держишь первое место по уровню тестостерона.

Кермоуд со злостью нажала кнопку отключения громкой связи, закончив разговор.

На протяжении всего этого времени Монтебелло хранил молчание и, казалось, был полностью поглощен красотой собственных ногтей. Но теперь он поднял глаза.

– Предоставь это мне, – сказал он. – Я знаю человека, который сделает эту работу.

Глава 36

«Эспелет», маленький шикарный ресторан, примыкающий к холлу отеля «Коннот», представлял собой этакое кремово-белое пирожное с высокими окнами и хрустящими скатертями на столах. Перемена климата после Роринг-Форка была весьма приятной. В Лондоне, слава богу, зима пока стояла теплая, и мягкое послеполуденное солнце заливало светом слегка изогнутое помещение. Специальный агент Пендергаст, сидевший за большим столом у окна с видом на Маунт-стрит, поднялся со стула, когда в ресторан вошел Роджер Клифиш. Пендергаст сразу отметил, что тот слегка располнел, а его лицо избороздили морщинки. Еще студентом в Оксфорде Клифиш был практически лыс, так что его блестящая плешь не удивила Пендергаста. Но походка у Клифиша была по-прежнему резвой, даже стремительной, а нос рассекал воздух с беспокойным любопытством гончей, взявшей след. Именно эти его качества, а также сведения о его квалификации как члена «Нерегулярных с Бейкер-стрит» утвердили Пендергаста в мнении, что напарника для этого дела он выбрал правильно.

– Пендергаст! – сказал Клифиш и протянул руку, широко улыбаясь. – Вы ничуть не изменились. Ну, вернее, почти не изменились.

– Мой дорогой Клифиш, – ответил Пендергаст, пожимая ему руку.

Они легко вернулись к старинной оксфордской традиции называть друг друга по фамилиям.

– Нет, вы только подумайте, я в Оксфорде всегда считал, что вы носите траур, но теперь вижу, что ошибался. Черное вам идет. – Клифиш сел. – Вы можете поверить, что у нас тут такая погода? Мэйфер никогда не был краше.

– И верно, – сказал Пендергаст. – А я сегодня утром без всякого удовольствия узнал, что температура в Роринг-Форке упала почти до двадцати градусов мороза.

– Ужас. – Клифиш изобразил дрожь.

К столику подошел официант, положил перед обоими меню и

удалился.

– Хорошо, что вы успели на утренний рейс, – сказал Клифиш, потирая руки и просматривая меню. – Послеполуденный чай «шик и шок» здесь особенно вкусен. И «кир ройаль»[26] здесь лучший в Лондоне.

– Хорошо вернуться к благам цивилизации. Роринг-Форк, несмотря на все свои деньги, грубый, неотесанный город.

– Вы что-то говорили о поджогах. – Улыбка сошла с лица Клифиша. – Поджигатель снова дал о себе знать?

Пендергаст кивнул.

– Боже мой… Но давайте забудем о грустном. Я думаю, вас порадует сделанное мной открытие. Надеюсь, ваше путешествие через Атлантику окажется не совсем бесполезным.

Вернулся официант. Пендергаст заказал бокал шампанского «Лоран-Перье» и имбирную булочку со взбитым кремом, а Клифиш – целый набор сэндвичей-канапе. «Нерегулярный» проводил взглядом официанта, потом взял свой битком набитый адвокатский портфель, извлек из него тонкую книжку и подвинул ее по столу к Пендергасту.

Пендергаст взял ее в руки. Эллери Куин, «Антология Куина: история детективного рассказа по 106 самым важным книгам, опубликованным в этом жанре с 1845 года».

– «Антология Куина», – пробормотал Пендергаст, разглядывая обложку. – Я помню, вы упомянули Эллери Куина в нашем телефонном разговоре.

– Вы, конечно же, знаете про него.

– Да. А точнее, про них.

– Верно. Два двоюродных брата, писавших под одним псевдонимом. Возможно, это самые знаменитые апологеты детективного жанра. Я уже не говорю о том, что они и сами были хорошими писателями. – Клифиш пощелкал пальцем по книге в руках Пендергаста. – И эта книга, вероятно, самая знаменитая работа по детективной художественной литературе – собрание и исследование самых известных работ жанра. Кстати, это первое издание. Но вот что странно. Хотя в названии «Антология Куина» говорится про сто шесть статей, на самом деле статей в ней сто семь.

Посмотрите-ка сюда.

Он взял книгу из рук Пендергаста, раскрыл на странице содержания и указал на соответствующую статью.

74. Энтони Уинн. «Тайный грешник», 1927

75. Сюзан Гласпел. «Присяжные из ее ровни», 1927

76. Дороти Л. Сейерс. «Лорд Питер осматривает тело», 1928

77. Г. Д. Х. и М. Коул. «Каникулы суперинтенданта Уилсона», 1928

78. У. Сомерсет Моэм. «Ашенден», 1928

78А. Артур Конан Дойл. «Приключение (?)», 1928 (?)

79. Персиваль Уайльд. «Мошенники в клевере», 1929

– Вы видите? – произнес Клифиш с нотками торжества в голосе. – «Антология Куина», номер семьдесят восемь А. Точное название неизвестно. Точная дата написания неизвестна. Даже уверенности в существовании нет – отсюда и «А». И в тексте такая статья отсутствует – есть только упоминание в содержании. Но Куин явно – скорее всего, благодаря своей осведомленности в этой области – узнал от кого-то о выдающихся качествах этого рассказа и посчитал, что его стоит включить в книгу. Хотя, возможно, все было не так. Ведь когда в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году вышло переиздание, в списке было уже сто двадцать пять книг, а статья семьдесят восемь А отсутствовала.

– И вы полагаете, что это и есть искомая история о Холмсе?

Клифиш кивнул.

Принесли чай.

– О Конан Дойле в этой книге есть более значительная статья, – сказал Клифиш, откусывая от сэндвича с копченым лососем, сдобренного васаби. – «Приключения Шерлока Холмса». Номер шестнадцатый в «Антологии Куина».

– Тогда, как мне кажется, логично было бы выяснить, что конкретно Эллери Куин знал об этом рассказе Дойла и откуда ему, вернее, им стало о нем известно.

– Увы! Поверьте мне, «Нерегулярные» сто раз пытались это выяснить. Как вы, вероятно, догадываетесь, «Антология Куина» – одна из навязчивых идей нашей организации. Был придуман специальный титул, и он ждет присуждения тому члену клуба, который раскроет тайну этой истории. Два кузена умерли много лет назад и не оставили никаких сведений относительно того, почему в первом издании «Антологии Куина» статья семьдесят восемь А имелась и почему в следующем издании она была удалена.

Пендергаст пригубил шампанского:

– Это воодушевляет.

– Вы правы. – Клифиш отложил книгу в сторону. – Некоторое время назад «Нерегулярные» приобрели большое количество писем Конан Дойла последних лет его жизни. До сего дня мы не допускали посторонних к этим письмам – мы приберегали их для собственных научных исследований в «Журнале» или где-либо еще. Тем не менее самые последние письма оставались невостребованными, поскольку они связаны с тем периодом жизни Конан Дойла, когда он сильно увлекся спиритизмом и создавал такие работы, как «Явление фей» и «На грани непознанного», Холмс же отошел на задний план.

Клифиш взял еще один сэндвич (с курицей в соусе терияки и жареным баклажаном). Он откусил кусочек, откусил другой и стал жевать, закрыв глаза. Потом элегантно вытер пальцы о льняную салфетку и – с озорными искорками в глазах – вытащил из кармана пиджака два зачитанных, выцветших письма.

– Мне придется просить вас о соблюдении тайны, – сказал он Пендергасту. – Я на время… гм… позаимствовал эти письма. Вы же не хотите, чтобы меня изгнали из сообщества.

– Клятвенно обещаю молчать.

– Отлично. В таком случае я готов поведать вам, что оба письма написаны Конан Дойлом в тысяча девятьсот двадцать девятом году, за год до смерти. Оба адресованы некоему мистеру Роберту Крейтону, романисту, увлекавшемуся, как и Дойл, спиритизмом. Конан Дойл подружился с ним в последние годы жизни. – Клифиш раскрыл первое письмо. – Здесь между прочим говорится следующее: «Со дня на день жду новостей об Асперн-холле, в последнее время это дело не дает мне покоя». – Он сложил письмо, убрал его в карман и развернул второе. – Во втором письме тоже мимоходом говорится:

«Пришли плохие новости про Асперн-холл. Я теперь в затруднении – не знаю, как продолжать… и продолжать ли вообще. Но я не успокоюсь, пока это дело не будет доведено до конца».

Клифиш убрал письмо.

– Так вот, все «нерегулярные», читавшие эти письма, – а таких по пальцам можно перечесть, – решили, что речь идет о какой-то сделке с недвижимостью, в которой участвовал Дойл. Но я все вчерашнее утро изучал списки недвижимости в Англии и в Шотландии… и никакого Асперн-холла там нет. Его не существует.

– Поэтому вы пришли к выводу, что Асперн-холл не дом, а название рассказа.

Клифиш улыбнулся:

– Возможно – всего лишь возможно, – что это название отвергнутого рассказа Конан Дойла: «Происшествие в Асперн-холле».

– И где же может быть этот рассказ?

– Мы знаем, где его нет. Его нет в доме Конан Дойла. Прикованный в течение нескольких месяцев к постели из-за грудной жабы, писатель умер в июле тысяча девятьсот тридцатого года в Уиндлшем-мэнор, своем доме в Кроуборо. В последующие годы бессчетное количество «нерегулярных» и других исследователей Холмса приезжали в Восточный Сассекс и исследовали каждый дюйм этого дома. Были обнаружены обрывки рукописей, письма, другие документы – но ни следа пропавшего рассказа о Холмсе. Поэтому я опасаюсь, что… – Клифиш помедлил, – что рассказ был уничтожен.

Пендергаст отрицательно покачал головой:

– Вспомните, что пишет Конан Дойл во втором письме: он в затруднении – не знает, как продолжать, и он не успокоится, пока это дело не будет доведено до конца. Непохоже, чтобы этот человек мог уничтожить рукопись.

Клифиш слушал его, задумчиво кивая.

– Та же самая потребность в очищении, которая заставила Конан Дойла взяться за написание рассказа, побудила бы автора сохранить его. Будь у меня прежде какие-либо сомнения, это упоминание в «Антологии Куина» развеяло бы их. Рассказ где-то существует. И в

нем может содержаться информация, которую я ищу.

– А именно? – с жадным интересом спросил Клифиш.

– Пока я не могу об этом говорить. Но обещаю: если мы найдем рассказ, опубликуете его вы.

Клифиш потер руки:

– Отлично!

– А значит, игра продолжается.

С этими словами Пендергаст допил шампанское и дал знак официанту принести ему еще.

Глава 37

Стейси оказалась ужасной соней, она часто не вставала раньше десяти, а то и одиннадцати. Кори, с трудом поднявшись в темноте с кровати, с завистью поглядывала через открытую дверь на спящую в соседней спальне подругу. Она вспомнила, что и сама была такой же, пока не поставила перед собой цель в жизни.

Кори решила не готовить кофе на крохотной кухоньке, а поехать в город и потратиться на «Старбакс». Она ненавидела этот холодный дом, и хотя теперь у нее была компания в лице Стейси Боудри, девушка старалась проводить здесь как можно меньше времени.

Она посмотрела на наружный термометр: семнадцать градусов ниже нуля. Температура продолжала падать. Кори натянула на голову шапочку, надела перчатки, пуховик и направилась на парковку, где стояла ее машина. Очищая машину от выпавшего ночью снега, она еще раз пожалела о том, что не сдержалась и сказала Уинну Марплу, что о нем думает. Глупо было сжигать этот мост. Но что поделать, в ней все еще жила старая Кори с ее вспыльчивым характером и вечной неспособностью терпеть кретинов. Такое поведение могло сойти с рук в Медсин-Крике, когда она была трудным подростком, заканчивающим школу. Но все равно это непростительно, а особенно здесь и сейчас. Она должна прекратить набрасываться на людей, тем более когда это идет вразрез с ее же собственными интересами.

Кори завела машину и поехала по крутому съезду на дорогу Вороньего оврага. Небо было серое, и снова стал падать снежок. Если верить прогнозу, ожидалось усиление снегопада – в горнолыжном курорте вроде Роринг-Форка это приветствовалось так же, как фермеры приветствуют дождь, празднуют и веселятся с его приходом. Но Кори до смерти устала от снега. Может быть, и в самом деле пришла пора покончить с этим и убраться из города.

Она ехала медленно: на узкой дорожке, по которой она спускалась, образовалась наледь, к тому же покрышки на арендованной машине были изношены, сцепление с дорогой никудышное.

Ну так что? Ей осталось максимум день-два поработать с останками, поставить, так сказать, точки над i в судебно-

медицинском плане. И на этом все. А еще, хотя это кажется маловероятным, она справится у Теда, нет ли у него каких-либо идей. Может, он подскажет, где поискать свидетельства, которые выведут на убийц. Только сделать это нужно умно, поскольку он так и не знает правду о смерти добытчиков. Он опять пригласил ее на обед – завтра, и она сделала себе мысленную заметку поговорить с ним об этом.

До Рождества всего шесть дней. Отец просил ее приехать в Пенсильванию и провести праздники с ним. Он даже пообещал прислать деньги на билет. Возможно, это знак. Возможно…

Громкий звук, сотрясшее машину «бах!» – и Кори инстинктивно нажала на тормоза и непроизвольно вскрикнула. Тормоза заскрежетали, машину занесло, но с дороги она не съехала – остановилась поперек.

– Какого черта? – Кори вцепилась в баранку.

Что случилось? Что-то ударило по лобовому стеклу, отчего то пошло непрозрачной сеточкой трещин.

Потом Кори увидела небольшую, абсолютно круглую дырочку в центре стекла.

Снова вскрикнув, она сползла вниз и спряталась под прикрытием дверцы. Все вокруг замерло, и только мысли ее метались – мчались со скоростью одна миля в минуту. Это было пулевое отверстие. Кто-то пытался пристрелить Кори. Убить ее.

Черт, черт, черт…

Нужно было выбираться отсюда. Кори набрала в грудь побольше воздуха и напряглась, потом распрямилась как пружина и рукой в перчатке принялась вышибать стекло, пока не образовалась достаточно большая дыра, через которую можно было видеть. Она снова ухватилась за баранку и нажала на газ. «Фокус» крутануло, но ей удалось удержать его на дороге. Каждую секунду она ожидала нового выстрела. В панике девушка слишком сильно нажала на педаль газа, и, когда под колесами оказался ледок, машину снова занесло – бросило на ограждение над оврагом. Машина отскочила назад, скрежеща резиной, вернулась на дорогу и развернулась на сто восемьдесят градусов. У Кори от страха сердце ушло в пятки, но она тут же поняла, что жива и невредима.

– Черт! – снова вскрикнула она.

Стрелок по-прежнему был где-то рядом. Может быть, шел к ней по дороге. Машина стояла в снегу, кузов с пассажирской стороны был помят, но, кажется, она все же осталась на ходу. Кори повернула ключ зажигания, и двигатель заработал. Она в три приема развернула машину, заставляя себя не торопиться, и поехала дальше вниз по дороге. Машина двигалась, нещадно скрежеща, – видимо, одно из крыльев скребло по покрышке.

Медленно, осторожно, судорожно сжимая руль дрожащими руками, Кори сумела съехать по склону и довести машину до города, а там сразу же направилась в полицейское управление.

Кори заполнила бланк заявления о происшествии, и дежурный сержант проводил ее в кабинет шефа. Очевидно, теперь она была важной персоной. Шеф полиции Моррис сидел за своим столом, заваленным карточками три на пять дюйма, фотографиями, булавками, кусочками шпагата и клеем. На стене у него за спиной была какая-то непонятная таблица, явно имеющая отношение к поджогам.

Шеф полиции выглядел ужасно – краше в гроб кладут. Щеки у него отвисли, как ломти сала, под глазами появились темные круги, волосы разлохматились. Но при этом в его глазах возник какой-то жесткий блеск, какого прежде не замечалось. Это определенно было изменением к лучшему.

Моррис взял заполненный бланк и жестом попросил Кори сесть. Несколько минут он читал и перечитывал заявление, потом положил его на стол.

– У вас есть какие-либо соображения насчет того, кто может испытывать к вам неприязнь? – спросил он.

Хотя Кори и была потрясена произошедшим, она не смогла сдержать смех:

– Да, есть. Почти все в «Высотах». Мэр. Кермоуд. Монтебелло. Не говоря уже о вас.

Шеф полиции выдавил жалкую улыбку:

– Мы, конечно, откроем дело. Но… Послушайте, я надеюсь, вы

не сочтете, что я пытаюсь отделаться от вас, если я скажу, что мы в тех местах вот уже несколько недель ищем браконьера. Он убивает и освежевывает оленей. Очевидно, для продажи мяса. На прошлой неделе один из его неконтролируемых выстрелов пробил окно в доме. И то, что случилось с вами, возможно – возможно! – следствие случайного выстрела этого браконьера. В вас стреляли рано утром, а в это время олени – и наш браконьер – наиболее активны. И опять же, я не утверждаю, что с вами случилось именно это. Я просто говорю о такой возможности… чтобы вы немного расслабились и успокоились.

– Спасибо, – сказала Кори.

Они поднялись, и шеф полиции протянул ей руку.

– Боюсь, мне придется забрать вашу машину как улику. Мы сделаем баллистическую экспертизу, может быть, удастся установить тип патрона.

– Бога ради.

– Я попрошу кого-нибудь из моих сотрудников отвезти вас куда нужно.

– Спасибо, не надо. Я заверну за угол – выпью кофе в «Старбаксе».

Попивая кофе, Кори думала: может, и в самом деле это был браконьер? Да, она настроила против себя многих в городе, но об этом уже все забыли, в особенности когда начались поджоги. Выстрел в ее машину – ведь это попытка убийства. Неужели она, Кори, представляет для кого-то такую угрозу, чтобы устраивать на нее покушение? Беда была в том, что шеф полиции, как и все остальные полицейские города, по уши завяз в деле о поджогах, и она не питала надежды на то, что следствие по ее заявлению будет эффективным. Если этот выстрел имел целью устрашение, то ничего у них не выйдет. Да, она напугана, но никто не сможет запугать ее до такой степени, чтобы она сбежала из города. Напротив, это заставит ее задержаться подольше.

Но опять же… возможно, это все-таки браконьер. Или какой-нибудь другой ненормальный. Или даже тот самый серийный поджигатель, просто поменявший modus operandi[27]. Кори вспомнила о Стейси, которая, вероятно, все еще спит в доме над оврагом. Но она собиралась в город, и ей тоже может грозить опасность, в нее тоже

могут стрелять.

Кори достала свой сотовый и набрала номер Стейси. Ей ответил сонный голос. Как только Кори рассказала, что случилось, у Стейси сна не осталось ни в одном глазу.

– Кто-то обстрелял твою машину? Я сейчас займусь этим гадом.

– Постой. Не делай этого. Что за безумие! Пусть этим займется полиция.

– Там в снегу будут его следы. Я пойду по ним и найду этого сукина сына в его крысиной норе.

– Нет, прошу тебя.

Кори понадобилось десять минут, чтобы убедить Стейси не делать этого. Она уже собиралась отключиться, когда Стейси сказала:

– Надеюсь, он обстреляет мою машину. У меня есть парочка патронов «черный коготь»[28], и мне не терпится посмотреть, какая у него юшка.

Потом Кори позвонила в компанию, где брала напрокат машину. Агент затараторил о недавнем звонке шефа полиции, о том, как это, наверное, страшно, когда в тебя стреляют, спросил, как она себя чувствует, не нужен ли ей врач… И устроит ли ее более совершенная машина – «форд-эксплорер». Конечно, никакой дополнительной платы взиматься с нее не будет.

Повесив трубку, Кори улыбнулась. Кажется, шеф полиции в конце концов обрел мужество.

Глава 38

Роджер Клифиш удобно устроился в одном из двух обитых бархатом кресел в гостиной своего лондонского дома, положив ноги на медвежью шкуру. Всем своим существом он впитывал благодатное тепло от пламени, потрескивающего в камине. В другом кресле неподвижно сидел агент Пендергаст, уставив взгляд в огонь. Когда Клифиш впустил его, агент ФБР оглядел комнату, поднял брови, но ничего не сказал. Но Клифиш шестым чувством понял, что его гость одобрил увиденное.

Он редко кого впускал в эту гостиную и теперь ничего не мог с собой поделать: чувствовал себя отчасти Шерлоком Холмсом, который расположился в своей гостиной рядом с напарником по расследованию. От этой мысли его настроение слегка улучшилось. Хотя, если говорить честно, для него больше подошла бы роль доктора Ватсона. В конечном счете профессиональным сыщиком здесь был Пендергаст.

Наконец Пендергаст пошевелился и поставил виски с содовой на приставной столик.

– Ну, Клифиш, что вам удалось обнаружить на данный момент?

Этого вопроса Клифиш и боялся. Он сглотнул, сделал глубокий вдох и ответил:

– К сожалению, ничего.

Светлые глаза уставились на него.

– В самом деле?

– Чего я только не перепробовал за эти двадцать четыре часа! – пожаловался Клифиш. – Просмотрел старую переписку, читал и перечитывал дневник Конан Дойла. Пролистал все доступные книги, все работы, посвященные его последним годам. Я даже пытался, приняв все меры предосторожности, выудить что-нибудь из наших самых блестящих посвященных. Но – ничего, ни даже намека на какое-либо свидетельство. И должен сказать, что, несмотря на мой первоначальный энтузиазм, меня это не удивило. Вся эта территория была самым тщательным образом исследована «Нерегулярными» в прошлом. Глупо было с моей стороны думать, что я обнаружу что-то

новое.

Пендергаст молчал. На его худощавом лице играли отблески пламени из камина, голова была чуть наклонена, напряженная мысль сковала его черты. Все это вкупе с окружающей его викторианской обстановкой вдруг сделало специального агента настолько похожим на Холмса, что Клифиш даже вздрогнул.

– Мне правда очень жаль, Пендергаст, – сказал Клифиш, уставив взгляд на медвежью шкуру. – Я очень надеялся. – Он помолчал. – Боюсь, что вы охотитесь за химерами… и я, возможно, подтолкнул вас к этому. Приношу вам свои извинения.

Через несколько секунд Пендергаст пошевелился:

– Напротив. Вы уже немало сделали. Вы подтвердили мои подозрения о пропавшем рассказе про Холмса. Вы показали мне свидетельства этого в «Антологии Куина». Вы обнаружили, что поминаемый в письмах Конан Дойла Асперн-холл имеет отношение не к недвижимости, а к рассказу. Чуть ли не против собственного желания вы убедили меня не только в том, что рассказ «Происшествие в Асперн-холле» существовал, но и в том, что он существует до сего дня. Я должен его найти.

– Для «нерегулярного» вроде меня, изучающего Холмса, это было бы самым большим достижением в жизни. Но опять же я должен спросить: почему это так важно для вас?

Пендергаст помедлил несколько мгновений.

– У меня есть кое-какие идеи, догадки. И этот рассказ может либо подтвердить их, либо опровергнуть.

– Догадки касательно чего?

Едва заметная улыбка искривила губы Пендергаста.

– Вы, знаток Холмса, подталкиваете сыщика к тому, чтобы он пустился в вульгарные спекуляции? Мой дорогой Клифиш!

Клифиш покраснел.

– Обычно я с сомнением отношусь к тем, кто ссылается на шестое чувство, – сказал Пендергаст, – но в данном случае я нутром чувствую, что в этом потерянном рассказе содержится разгадка всех тайн – прошлых и нынешних.

– В таком случае, – заговорил наконец Клифиш, – мне очень жаль, что я пришел к вам с пустыми руками.

– Не расстраивайтесь, – ответил Пендергаст. – У меня-то руки не пустые.

Клифиш вопросительно поднял брови, и агент пояснил:

– Я исхожу из допущения, что чем больше мне известно о последних годах Конан Дойла, тем ближе я к обнаружению потерянного рассказа. Я сосредоточил усилия на группе спиритуалистов, к которой он принадлежал в последние несколько лет. Я узнал, что эта группа часто встречалась в небольшом коттедже под названием Ковингтон-грейндж, что на окраине Хэмпстед-Хита в Лондоне. Этот коттедж принадлежал женщине-спиритуалистке по имени Мэри Уилкс. У Конан Дойла в Ковингтон-грейндже была маленькая комната, где он иногда писал статьи о спиритуализме, которые потом зачитывал группе, собравшейся вечером.

– Очаровательно, – сказал Клифиш.

– Позвольте мне задать вам такой вопрос: возможно ли, что попутно с текстами о спиритуализме он написал и последний рассказ о Шерлоке Холмсе – «Происшествие в Асперн-холле»?

Клифиш слушал со все возрастающим интересом. В словах Пендергаста была логика. И эта идея, насколько ему было известно, еще никому из «нерегулярных» не приходила в голову.

– Ввиду скандальной природы рассказа не возможно ли, что автор спрятал его где-то в этой маленькой комнате? Или где-то еще в Грейндже?

– Вполне возможно! – Клифиш вскочил с кресла. – Боже мой! Неудивительно, что рукопись так и не обнаружили в Уиндлшеме! И каков наш следующий шаг?

– Следующий шаг? Я думаю, это очевидно. Ковингтон-грейндж.

Глава 39

Дороти Пембрук с чашкой в руке вернулась в аккуратный альков в блэкпулской штаб-квартире Национального фонда сохранения мест исторического значения и природных красот. Время перевалило за десять сорок пять, а мисс Пембрук относилась к своему одиннадцатичасовому чаю почти с такой же серьезностью, как и к своему положению, к которому она относилась очень серьезно. Льняная салфетка, изящно разложенная на столе; чашка жасминового чая «Харрисон энд Кросфилд» (одна ложечка на заварку); пшеничное печенье, которое следовало обмакнуть в чашку два раза (не один и не три), прежде чем откусить немножко.

Мисс Пембрук чувствовала, что во многих отношениях она и является Национальным фондом. В этой некоммерческой ассоциации были, конечно, должности и поважнее, но никто не мог похвалиться более аристократической родословной. Ее дед, сэр Эрскин Пембрук, был владельцем Чиддингем-плейс, одного из самых впечатляющих и величественных домов в Корнуолле. Но его компания обанкротилась, и, когда семья поняла, что ни налоги, ни обслуживание особняка им не по карману, они провели переговоры с Национальным фондом. Фундамент и само здание были отреставрированы, сад расширен, и в конечном счете Чиддингем-плейс был открыт для посетителей, а семья осталась в скромных комнатах на верхнем этаже. Несколько лет спустя отец мисс Пембрук занял в Национальном фонде пост менеджера по развитию. Сама мисс Пембрук, едва закончив школу, тоже поступила на работу в Национальный фонд и за прошедшие тридцать два года поднялась до должности помощника администратора.

В общем и целом весьма удовлетворительная карьера.

Мисс Пембрук убрала чашку и начала складывать салфетку, когда поняла, что в дверях стоит человек. Она была слишком хорошо воспитана, а потому ничем не выдала удивления, но задержалась на секунду, прежде чем сложить салфетку по последней складке и убрать ее в стол. Незнакомец выглядел впечатляюще: высокий и бледный, с очень светлыми волосами и глазами цвета ледникового льда, в хорошо скроенном костюме, – но она его не узнала, а о приходе гостей обычно докладывали.

– Простите меня, – сказал он с американским южным акцентом, сопровождая слова обаятельной улыбкой. – Я не хотел вторгаться без приглашения, мисс Пембрук. Но вашего секретаря нет за столом, а мы заранее договорились о визите.

Дороти Пембрук открыла журнал на сегодняшней странице. И в самом деле, на сегодня на одиннадцать пятнадцать у нее была назначена встреча с неким мистером Пендергастом. Она вспомнила, что он просил о встрече именно с ней, а не с администратором – очень необычно. И все же о его приезде не доложили, а она не одобряла нарушение заведенного порядка. Однако в этом человеке было что-то располагающее, и она чувствовала, что готова закрыть глаза на это несоблюдение этикета.

– Могу я сесть? – спросил он, снова улыбнувшись.

Мисс Пембрук кивнула на пустой стул перед ее столом:

– Позвольте узнать, о чем вы хотели поговорить со мной?

– Я хотел бы посетить одну из ваших достопримечательностей.

– Посетить? – переспросила она с едва ощутимой ноткой неодобрения в голосе. – У нас там в зале есть волонтеры, которые могут помочь вам в этом.

Нет, в самом деле, что это такое: тревожить ее по пустякам.

– Прошу прощения, – сказал мужчина. – Не хочу попусту тратить ваше драгоценное время. Я говорил об этом в отделе обслуживания посетителей, и они отослали меня к вам.

– Понимаю. – Тогда дело принимало иной оборот. К тому же у человека были такие изысканные манеры. Даже его произношение свидетельствовало о благородных предках, не то что эта невыносимая американская тянучка. – Прежде чем начать, нужно завершить некоторые формальности. Наши посетители должны предъявлять документы, если вы не возражаете.

Человек снова улыбнулся. У него были великолепные белые зубы. Из кармана своего черного пиджака он извлек кожаный бумажник и положил его раскрытым на стол. Увидев сверкающее золото сверху и фотографию внизу, мисс Пембрук вздрогнула:

– Ого. Боже мой. Федеральное бюро расследований. Это что, какое-то уголовное дело?

Человек улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок:

– Нет-нет, пусть вас это не беспокоит. Это личный вопрос. Ничего официального. Я бы показал вам мой паспорт, но он в сейфе отеля.

Мисс Пембрук позволила своему вспорхнувшему было сердцу успокоиться. Она никогда не имела отношения ни к какому криминалу, и одна возможность ее причастности к чему-либо подобному вызывала у нее ужас.

– Что ж, мистер Пендергаст, это вполне удовлетворительно, и я к вашим услугам. Пожалуйста, скажите, какую достопримечательность вы хотите посетить?

– Коттедж, который называется Ковингтон-грейндж.

– Ковингтон-грейндж, Ковингтон-грейндж… – Мисс Пембрук не знала этого названия. Правда, Фонд попечительствовал над сотнями достопримечательных мест, включая множество величайших английских имений, и она, конечно, не могла помнить все. – Минуточку.

Она повернулась к компьютеру и ввела название в строку запроса. На экране появилось несколько фотографий и пространный текст, мисс Пембрук принялась читать его, и тут в ее голове зашевелились туманные воспоминания. Неудивительно, что люди из отдела работы с посетителями рекомендовали этому человеку обратиться к администратору.

Мисс Пембрук повернулась к гостю.

– Ковингтон-грейндж, – повторила она еще раз. – Прежде им владела Летиция Уилкс, которая умерла в тысяча девятьсот восьмидесятом году, оставив свою собственность правительству.

Человек по имени Пендергаст кивнул.

– К сожалению, мистер Пендергаст, о визите в Ковингтон-грейндж не может быть и речи.

Услышав это известие, человек помрачнел лицом. Он постарался взять себя в руки.

– Это будет короткое посещение, мисс Пембрук.

– К сожалению, это невозможно. Судя по нашим сведениям,

коттедж уже несколько десятилетий закрыт для публики, пока фонд решает, как с ним быть.

Бедняга стал таким несчастным, что даже жесткое, но всегда справедливое сердце Дороти Пембрук дрогнуло.

– Стихии нанесли ему серьезный ущерб, – объяснила она. – Находиться там небезопасно, и, прежде чем мы впустим кого-либо внутрь, дому необходима консервация. А в настоящее время наши ресурсы, как вы можете догадаться, довольно ограниченны. Есть множество других мест, более важных, которые тоже требуют внимания. И откровенно говоря, этот дом не представляет собой существенного исторического интереса.

Мистер Пендергаст опустил глаза, сцепил и расцепил пальцы. Наконец он заговорил:

– Я благодарю вас за то, что вы уделили мне время и объяснили ситуацию. Вы абсолютно правы. Просто… – И тут Пендергаст снова поднял глаза и встретился с ее взглядом. – Просто я единственный оставшийся в живых потомок Летиции Уилкс.

Мисс Пембрук удивленно посмотрела на него.

– Она была моей бабушкой. Из всей семьи остался только я. Моя мать умерла от рака в прошлом году, а отец погиб в железнодорожной катастрофе за год до этого. Моя… сестра была убита три недели назад, в ее дом ворвались грабители, но дела пошли не по тихому сценарию. Так что, как видите… – Пендергаст помолчал несколько секунд, справляясь с чувствами. – Как видите, Ковингтон-грейндж – это все, что у меня осталось. Я приезжал туда на летние каникулы ребенком, а потом мать увезла нас в Америку. В этом доме все счастливые воспоминания о моей семье, которой больше нет.

– О, я понимаю.

Ах, какая душераздирающая история!

– Я просто хотел увидеть это место в последний раз, всего один раз, прежде чем там все превратится в руины. И… в частности, там есть старый семейный альбом, я, помнится, листал его мальчишкой, а позже засунул куда-то в шкаф. Я бы хотел его забрать, если вы не возражаете. У меня ничего, ничего не осталось в память о моей семье. Мы все оставили здесь, когда уехали в Америку.

Мисс Пембрук слушала эту трагическую историю, и ее сердце наполнялось состраданием. Выждав несколько секунд, она откашлялась. Одно дело – сочувствие, и совсем другое – долг.

– Как я уже сказала, мне очень жаль, – проговорила она. – Но по всем тем причинам, которые я вам назвала, это исключается. И в любом случае все содержимое принадлежит Фонду, даже фотографии, которые могут представлять исторический интерес.

– Но они же там просто гниют! Тридцать лет прошло, а там никто и пальцем не пошевелил! – В голосе Пендергаста послышалась вкрадчивая нотка. – Всего десять минут в доме, а? Или даже пять? Никто об этом и знать не будет, кроме меня и вас.

Этот намек, будто мисс Пембрук может способствовать каким-то закулисным сделкам втайне от Фонда, полностью разрушил чары.

– Совершенно исключено. Я удивлена, что вы предприняли такую попытку.

– И это ваше последнее слово?

Мисс Пембрук коротко кивнула.

– Понятно.

Вид человека совершенно изменился. Несчастное выражение лица, слабая дрожь в голосе исчезли. Он откинулся на спинку стула и посмотрел на мисс Пембрук совсем иначе, чем прежде. В этом новом взгляде вдруг появилось что-то слегка встревожившее ее, что-то такое, что мисс Пембрук не сумела даже определить.

– Для меня это настолько важно, – сказал человек, – что я пойду на все, лишь бы добиться своего.

– Я не очень понимаю, что это значит, но решение мною принято, – сказала она с несокрушимой твердостью.

– Сожалею, но ваше упрямство не оставляет мне иного выбора.

Агент ФБР вытащил из кармана пачку бумаг и показал ее мисс Пембрук.

– Что это? – спросила она.

– У меня здесь информация, которая может заинтересовать вас. – Голос человека тоже изменился. – Насколько я знаю, ваша семья прежде жила в Чиддингем-плейс.

– Вряд ли это может представлять для вас интерес, но моя семья до сих пор живет там.

– Да, на четвертом этаже. Этот материал, который, как мне кажется, вы сочтете крайне интересным, касается вашего дедушки. – Пендергаст изящным движением положил бумаги на стол. – Здесь у меня информация, неопровержимая информация, согласно которой в последние месяцы перед банкротством бизнеса вашего деда он в отчаянной попытке сохранить компанию взял заем, заложив акции его акционеров. Это было не только серьезное финансовое мошенничество, но еще и обман банка – он ведь заявил, что залог принадлежит ему. – Пендергаст помолчал. – В результате его преступных действий многие из акционеров пошли по миру, а среди них были вдовы и пенсионеры, впоследствии умершие в унизительной бедности. Боюсь, что знакомство с этой историей не доставит вам удовольствия.

Он сделал паузу.

– Я уверен, мисс Пембрук, вы не пожелаете, чтобы доброе имя вашего дедушки – а значит, и всего семейства Пембрук – было замарано. – Он улыбнулся, демонстрируя свои прекрасные зубы. – Так не в ваших ли интересах дать мне временный доступ в Ковингтон-грейндж? Это ведь такая мелочь. Я думаю, мы сможем решить этот вопрос к взаимному удовольствию.

Именно его последняя, холодная улыбка, эти мелкие, ровные, идеальные зубы решили дело. Мисс Дороти Пембрук окаменела. Потом медленно поднялась со своего стула. Так же медленно подняла бумаги, которые этот человек положил на стол. И с отвращением бросила пачку бумаг к его ногам.

– Вы имеете наглость приходить ко мне в кабинет и пытаться шантажировать меня? – Ее голос, как ни удивительно, оставался совершенно спокойным. – Никогда в жизни я не сталкивалась с таким гнусным поведением. Вы, сэр, не более чем мошенник. Не удивлюсь, если история, которую вы мне рассказали, окажется такой же поддельной, как и ваш значок.

– Поддельная или нет, информация, которая у меня есть на вашего деда, неопровержима. Дайте мне то, что я прошу, или я передам эти сведения в полицию. Подумайте о вашей семье.

– У меня обязанности перед моим работодателем и истиной. Не

больше и не меньше. Если вы хотите уничтожить доброе имя моей семьи, если хотите вывалять нас в грязи, если вы хотите лишить нас той малой финансовой безопасности, что мы имеем, – пусть так и будет. Я это переживу. А потому я говорю вам, мистер Пендергаст… – Она вытянула руку, указуя недрогнувшим перстом на дверь, и произнесла твердым голосом: – Немедленно покиньте этот дом, или я прикажу вышвырнуть вас силой. Всего доброго.

Стоя на крыльце здания Национального фонда сохранения мест исторического значения и природных красот, агент Пендергаст оглянулся на мгновение, и раздражение на его лице уступило место другому чувству – восхищению. Истинное мужество иногда обнаруживается в самых неподходящих для этого местах. Не многие могли бы противостоять такому давлению, и мисс Пембрук, которая в конечном счете просто исполняла свою работу, была одной из тысячи. По тонким губам Пендергаста скользнула улыбка. Потом он сунул бумаги в ближайшую урну. И, спускаясь по ступенькам, чтобы поехать на вокзал и сесть на Лондонский поезд, процитировал вполголоса:

– «Для Шерлока Холмса она всегда оставалась „Этой женщиной“. Я редко слышал, чтобы он называл ее каким-либо другим именем. В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола»[29].

Глава 40

Моки Джонс снова был пьян и радовался этому. Джонс часто думал о себе в третьем лице, и тоненький голосок в его голове сообщал ему, что вот Моки Джонс идет нетвердо по Восточной Мейн-стрит, не чувствуя боли (или холода), в желудке у него пять дорогих мартини и стейк за восемьдесят долларов, его сексуальные потребности недавно были удовлетворены, его бумажник полон наличности и кредиток и ни работа, ни какое-либо дело, ни заботы не отягощают его.

Моки Джонс был одним из держателей акций (точнее говоря, одним от одной десятой от одной десятой держателей акций), и хотя сам он не заработал ни цента, это не имело значения, потому что деньги есть деньги и лучше их иметь, чем не иметь, и лучше иметь много денег, чем мало. А у Моки Джонса было много денег.

Моки Джонс, которому стукнуло сорок девять, был три раза женат и имел столько же детей от этих браков (на ходу он слегка поклонился в знак уважения к ним), но теперь он был свободен и не имел абсолютно никаких обязанностей, кроме как кататься на лыжах, есть, спать, трахаться и кричать на своих консультантов по инвестициям. Моки Джонс был счастлив жить в Роринг-Форке. Этот город отвечал его душевному складу. Люди не интересовались, кто ты и чем занимаешься, – важно, чтобы ты был богат. И не был каким-то вшивым миллионером. В стране было целое стадо дешевых миллионеров. Таких людей в Роринг-Форке презирали. Нет, ты должен быть миллиардером. Или хотя бы иметь несколько сотен миллионов. Иначе тебе не попасть в правильный круг людей. Сам Джонс принадлежал к категории сотенных миллионеров, и хотя это смущало его, он привык к такому положению. Тех двух сотен миллионов, что он получил от своего бездельника-папаши (еще один уважительный поклон), хватало для его нужд.

Он остановился, оглянулся. Эх, нужно было помочиться в ресторане. В этом чертовом городе не было общественных туалетов. А где, черт возьми, он оставил свою машину? Впрочем, это не имело значения – не настолько уж он глуп, чтобы садиться за руль в подобном состоянии. Он никогда не попадет на первую страницу «Роринг-Форк таймс»: «МОКИ ДЖОНС АРЕСТОВАН ЗА ЕЗДУ В

ПЬЯНОМ ВИДЕ». Он позвонит в одну из служб, которые предоставляют лимузины вечерним выпивохам; таких служб в городе было несколько, и без работы они не сидели – доставляли домой «хорошо пообедавших» людей. Моки вытащил свой сотовый, но он выскочил из его руки и приземлился в сугробе. Витиевато выругавшись, Моки нагнулся, поднял телефон, отряхнул от снега и нажал нужную кнопку быстрого набора. Несколько секунд – и он договорился о машине. Мартини в «Брайерли стейк-хаусе» был очень неплох, и он непременно выпьет еще. Вот только бы добраться до дома.

Слегка покачиваясь, Моки стоял на тротуаре в ожидании лимузина, и вдруг в поле его зрения справа резко вторглось что-то быстро движущееся. Что-то желтоватое и неестественно мерцающее. Он повернулся и увидел, как в районе Маунтин-Лорел на восточном склоне в самом конце города, всего в четверти мили отсюда, взорвался языками пламени большой дом. На его глазах пламя взметнулось еще выше, он даже почувствовал жар на щеках. Искры, словно звезды, устремлялись в небо. И – о боже! – неужели это чья-то фигура в верхнем окне на фоне пламени? На глазах у Моки окно взорвалось, и человек вывалился из дома, как пылающая комета. Тело корчилось и издавало жуткие крики, которые словно ножом рассекали вечерний воздух и многократно отдавались эхом в горах, даже когда горящее тело исчезло за елями, отчего казалось, что это будет длиться бесконечно. Почти сразу же – Моки показалось, что прошли считаные секунды, – раздался вой сирен. По улице помчались полицейские и пожарные машины, появились зеваки. А несколько секунд спустя завизжали покрышками машины телевизионщиков со спутниковыми тарелками на крышах. Последними появились вертолеты, разукрашенные опознавательными знаками, они низко пронеслись над деревьями.

И тут Моки Джонс, в смятенном мозгу которого все еще звучал этот жуткий крик, почувствовал между ног сначала что-то теплое, а потом холодное. Мгновение спустя он понял, что намочил штаны.

Глава 41

Кори Свенсон вывела взятый напрокат «эксплорер» на подъездную дорожку и посмотрела на холодный темный дом. Там не было ни огонька, хотя машина Стейси стояла на парковке. Где же она? По какой-то причине Кори испытывала к Стейси странное покровительственное чувство, когда на самом деле она рассчитывала на противоположное – что присутствие Стейси придаст ей уверенность.

Вероятно, Стейси уже легла, хотя она была совой – ложилась и вставала поздно. А может, кто-то увез ее на своей тачке и они еще не вернулись.

Кори вышла из машины, заперла ее и двинулась к дому. Свет в кухне не горел. Значит, дело ясное: Стейси спит.

Над головой у девушки пролетел вертолет, за ним другой. Пока она поднималась по дороге вдоль каньона, над нею пролетело несколько вертолетов, и еще она слышала звуки сирен, доносящиеся из города. Она надеялась, что причина этого не еще один пожар.

Ее свидание с Тедом завершилось не совсем так, как она надеялась. Она не знала почему, но в последнюю минуту отвергла его предложение поехать с ней и согреть ее холодную постель. Искушение у нее было, сильное искушение, и она до сих пор чувствовала, как ее губы щиплет от его долгих поцелуев. Господи Исусе, почему она ему отказала?

Вечер прошел замечательно. Они посетили прекрасный ресторан в великолепно обновленном старом каменном здании, уютный и романтический, со свечами и приглушенным светом. Еда была превосходная. Кори пришла голодная и проглотила гигантский фирменный стейк с кровью, к которому подавались пинта эля, запеченная резная картошка (ее любимая), салат по-римски, а в конце подали огромную порцию сливочного мороженого с орехами и сиропом. Они говорили и говорили, в особенности об этом засранце Марпле и о Кермоуд. Тед был удивлен и даже поражен, когда Кори сообщила, что Кермоуд в родстве с печально известным семейством Стаффорд. Он вырос в «Высотах», был знаком с Кермоуд с самого детства и потому не выносил ее, но, узнав, что она принадлежит к

бессердечному семейству Стаффорд, которое эксплуатировало город и выжимало из него все соки во время серебряного бума, он просто вышел из себя. В свою очередь он сообщил Кори интересный факт: изначально семейству Стаффорд принадлежала земля, на которой сейчас стоят «Высоты», и их холдинг все еще обладает правами на застройку третьей очереди, намеченную к введению в действие сразу же после открытия спа-салона и клубного дома.

Кори выкинула из головы эти мысли и вышла из кухни в центральный коридор. Ей почему-то было неспокойно – ее обуяло какое-то новое чувство, вот только она никак не могла понять, что это за чувство. Странный запах. Она прошла по дому и направилась в их комнаты, чтобы проверить, где Стейси.

Кровать капитана Боудри была пуста.

– Стейси?

Никто не ответил.

Вдруг Кори вспомнила про собаку.

– Джек?

Ни лая, ни прыжков, ни виляния хвостом в ответ. Ей стало страшно. Она вышла в маленький коридор и кликнула собаку.

По-прежнему ничего.

Кори вернулась в главную часть дома. Наверное, пес спрятался где-то или потерялся.

– Джек?

Она замерла, прислушалась, и до нее донесся приглушенный скулеж и царапанье. Источником этих звуков была большая гостиная – комната, которая была заперта и входить в которую категорически запрещалось. Кори подошла к раздвижным дверям.

– Джек?

Снова скулеж, сопровождаемый царапаньем.

У Кори сильно забилось сердце. Что-то случилось. Что-то очень нехорошее.

Она положила руку на дверь – та оказалась открытой – и медленно раздвинула створки. Из темноты к ней бросился Джек с

поджатым хвостом, он приседал, скулил, лизал ей руки.

– Кто тебя здесь запер, Джек?

Кори оглядела темную комнату. Все здесь казалось тихим, пустым… и вдруг она увидела темные очертания чьей-то фигуры на диване.

– Эй! – удивленно воскликнула она.

Джек поджал хвост, прячась за ней и повизгивая.

Фигура чуть шевельнулась, очень-очень медленно.

– Кто вы и что здесь делаете? – спросила Кори.

Какая же она дура! Задает вопросы, вместо того чтобы немедленно дать деру.

– А-а, – раздался из темноты хрипловатый голос. – Это ты.

– Стейси?

Нет ответа.

– Боже мой, что ты тут делаешь?

– Все в порядке, никаких проблем, – снова прозвучал невнятный голос.

Кори включила свет и увидела Стейси. Та лежала на диване. Перед ней стояла полупустая бутылка «Джима Бима». На ней все еще была уличная одежда – шарф, шапка и все остальное. У своих ног Кори увидела лужицу воды и мокрые следы, ведущие к дивану.

– Бога ради, Стейси, нет!

Стейси махнула рукой и уронила ее на диван:

– Извини.

– Что ты делала? Выходила из дома?

– Прогуляться. Искала того сукина сына, который в тебя стрелял.

– Но я же просила тебя не делать этого. Ты могла там замерзнуть до смерти!

Кори заметила, что Стейси вооружена. К ее бедру был пристегнут пистолет сорок пятого калибра. Нужно было как-то забрать у нее оружие.

– Не беспокойся обо мне.

– А я беспокоюсь. Очень беспокоюсь.

– Брось ты. Расслабься. Присядь и выпей.

Кори села, но предложение выпить проигнорировала.

– Стейси, что происходит?

Стейси опустила на грудь голову:

– Не знаю. Ничего. Моя жизнь дерьмо.

Кори взяла ее за руку. Неудивительно, что пес испугался.

– Мне очень жаль. Я сама иногда так себя чувствую. Хочешь поговорить об этом?

– Моя военная карьера кончилась. Семьи нет. Друзей нет. Ничего нет. В моей жизни нет ничего, кроме короба со старыми костями, который я собираюсь увезти в Кентукки. А зачем? Что это была за идиотская идея?

– Но твоя военная карьера… Ты же капитан. Все эти медали и награды… да ты многое еще можешь сделать…

– Моя жизнь в говне. Меня уволили.

– Ты хочешь сказать… ты не сама ушла в отставку?

Стейси отрицательно покачала головой:

– Меня уволили по медицинским показаниям.

– Ты была ранена?

– Посттравматическое стрессовое расстройство.

Пауза.

– Господи. Я тебе сочувствую. Очень.

Обе надолго замолчали. Наконец Стейси снова заговорила:

– Ты и представить себе не можешь. Эти приступы бывают у меня без всяких причин. Я ору, как какой-нибудь долбаный маньяк. Или гипервентиляция: я впадаю в неконтролируемую панику. Господи, это ужасно. И наступает совершенно неожиданно. Я иногда так себя чувствую, что не могу встать с кровати, сплю по четырнадцать часов в день. И потом начинаю заниматься этим вот

дерьмом – пью. На работу не устроиться. Уволена по медицинским показаниям – это приходится писать, когда подаешь заявление на работу, наниматель читает это и думает: на фиг нам нужна эта чокнутая. У них у всех на машинах желтые ленточки[30], но когда речь идет о приеме на работу ветерана с посттравматическим стрессовым расстройством, тут тебе дают понять: пошла отсюда, сучка.

Она потянулась к бутылке. Кори перехватила ее руку и осторожно удержала.

– Тебе не кажется, что уже достаточно?

Стейси выхватила бутылку из ее руки, сделала большой глоток, а потом внезапно швырнула бутылку через всю комнату, и та разбилась о стену.

– В жопу. Хватит.

– Дай я тебе помогу подняться.

Кори взяла Стейси под руку, и та, опираясь на Кори, поднялась на нетвердых ногах. Господи, как же от нее несло бурбоном! Кори сочувствовала ей. Она подумала, не удастся ли ей вытащить пистолет из кобуры, но решила, что не стоит этого делать – мало ли как Стейси отреагирует. Нужно уложить ее в постель, а уж потом потихоньку разобраться с пистолетом.

– Поймали того сукина сына, что стрелял в твою машину?

– Нет. Они думают, что это был браконьер.

– Ни хрена там не браконьер. – Стейси споткнулась, но Кори поддержала ее. – Я не смогла найти следы этого поганца. Слишком много снега выпало.

– Давай пока забудем об этом.

– А я не могу забыть. – Она выхватила пистолет и принялась размахивать им. – Я этому хмырю мозги размажу по стенке.

– Знаешь, тебе не стоит иметь при себе пистолет, когда ты пьяна, – тихо и твердо сказала Кори, стараясь не выдавать беспокойства.

– Да. Ты права. Извини. – Стейси вытолкнула магазин – тот выпал из ее рук и упал. Пули разлетелись по полу. – Лучше тебе его

взять.

Она протянула пистолет рукоятью вперед, и Кори взяла его.

– Осторожнее. Один патрон в патроннике еще остался. Дай я его достану.

– Я сама. – Кори извлекла патрон и бросила его на пол.

– Эй, детка, да я смотрю, ты разбираешься в таких вещах!

– Приходится – я ведь собираюсь работать в полиции.

– Ё-моё, из тебя когда-нибудь выйдет хороший коп. Ты мне нравишься, Кори.

– Спасибо.

И Кори повела Стейси по коридору к их комнатам. Она слышала звук пролетающих над ними вертолетов, а из окна увидела, как прожектор одного из них обшаривает землю. В городе что-то происходило.

Наконец ей удалось уложить Стейси под одеяло. Рядом с кроватью Кори поставила пластиковое ведро – на случай, если Стейси будет рвать. Но та сразу же уснула.

Кори вернулась в гостиную и принялась наводить там порядок, Джек вился у ее ног. Пьяная Стейси до смерти напугала бедного пса. Да и не только пса. Кори выпрямилась и услышала звук еще одного летящего вертолета. Она подошла к окну из толстого стекла и выглянула в темноту. За гребнем горы со стороны города разливалось сильное желтое сияние.

Глава 42

Когда дела, казалось, уже не могли пойти хуже, они все-таки пошли хуже, – об этом думал шеф полиции Моррис, глядя на две столкнувшиеся машины, заблокировавшие 82-й хайвей, и на жуткую пробку, образовавшуюся за ними. Медицинский вертолет как раз взлетал, поднимая снежную бурю, словно без него тут было мало снега. На борту вертолета находились двое пострадавших, их срочно нужно было доставить в травматологическое отделение больницы в Гранд-Джанкшн, где по меньшей мере один из них, которому прострелили голову, вероятно, умрет. Больше всего шефа полиции выводило из себя то, что во время самого происшествия никто не пострадал, но оно спровоцировало ссору, в ходе которой водитель «БМВ X5» достал пистолет и расстрелял двух человек в «гелендвагене», врезавшемся в него сзади. Шеф полиции слышал, как закованный в наручники преступник, сидящий в задней части его машины в ожидании снегохода, орет истошным голосом, что действовал в рамках «самозащиты» и «будет стоять на своем». Таким образом, если раненый умрет, – а редко кто остается в живых, если его череп прошивает патрон тридцать восьмого калибра, – это будет означать, что в городе менее чем за две недели произошло девять убийств. Тогда как до этого Роринг-Форк долгие годы не видел ни одного убийства.

Какой-то кошмар, и ни конца ни края ему не видно.

До Рождества четыре дня, сильный снегопад, а по прогнозу за следующие три дня выпадет от двадцати четырех до тридцати дюймов осадков, завершится же снежная буря сильным ветром. Из-за этого инцидента 82-й хайвей – единственный выезд из города – был заблокирован, снегоуборочные машины не могли работать, метель их быстро опережала, и примерно через час дорогу придется закрыть, и всех этих людей, которые кипят от ярости в своих машинах, орут, сигналят и визжат как сумасшедшие, придется спасать.

Со взлетной полосы Маккастер без перерыва взлетали «гольфстримы» и другие частные самолеты – отдыхающие покидали город, но и полосу вскоре придется закрыть. А когда это произойдет, Роринг-Форк будет закупорен – ни въехать, ни выехать, разве что на снегоходе.

Шеф полиции посмотрел в зеркало заднего вида в сторону города. Хуже всего был третий поджог. Не с точки зрения количества погибших, а по тому психологическому эффекту, который он произвел на Роринг-Форк. Сожженный дом стоял на окраине города, почти на подошве горы, – величественный старый особняк в викторианском стиле, принадлежавший Морису Жиро, знаменитому распорядителю фондов и нью-йоркскому светскому льву, пятому в списке Форбс, поразительному старику с амбициями, огромными, как Эверест. Погибли он и его молодая жена, по ее виду ей было не больше восемнадцати. Охваченная огнем, она выбросилась из окна верхнего этажа.

Это видел весь город, и, конечно, психологическая травма была серьезной. А как следствие, этот затор, стрельба на дороге, классический пример положения, хуже которого и не придумаешь.

Его мысли сами собой вернулись к Пендергасту, чьи слова теперь можно было считать пророческими: «Следующий дом, без сомнений, будет таким же заметным. – И его заключение: – Чтобы отправить послание».

Но какое послание?

Моррис снова посмотрел на дорогу. У его патрульной машины со стрелком, сидящим сзади, были включены проблесковые маячки и сирена, но все это только ради демонстрации. Идиоты, бегущие из города, заблокировали обе стороны хайвея, а также обочины. К тому же высокие сугробы по обеим сторонам не позволяли машинам развернуться, отчего затор стал тотальным. В нем застрял даже шеф полиции, и, несмотря на все его усилия не допустить, чтобы машины подпирали его сзади, они его заперли.

По крайней мере, удалось временно заблокировать выезд из города, а это означало, что пробка хотя бы не будет расти. И слава богу, у полиции Роринг-Форка имелись три снегохода, которые уже были в пути. Шеф полиции сидел в машине, дворники безуспешно совершали свои движения по лобовому стеклу, и тут до него донесся звук приближающегося снегохода. Он схватил рацию и дал команду полицейскому на снегоходе в первую очередь забрать преступника. Рассерженная толпа стала собираться вокруг его патрульной машины, люди кричали на стрелка, проклинали его, угрожали, предлагали повесить на ближайшем дереве, а преступник кричал в ответ, подначивал их. Удивительно похоже на те дни, когда в Роринг-Форке

заправляли отряды самозащиты. Да, слой цивилизации был очень тонок.

И ко всему прочему Пендергаст исчез, сбежал, улетел в Лондон в тот момент, когда он нужен здесь больше всего. Чиверс, пожарный следователь, вступил в открытую войну с управлением полиции, а подчиненные Моррису сыщики были деморализованы, злы и не соглашались друг с другом.

Вот прибыл и второй снегоход, привез криминалистов и двух детективов, чтобы задокументировать происшествие, изучить место преступления и опросить свидетелей. Снег усиливался, крупные снежинки падали все быстрее. Выйдя из патрульной машины, шеф полиции направился к снегоходу и сел в него вместе с другими людьми, которым нужно было вернуться в город и разбираться с очередным поджогом. Несколько отчаявшихся автомобилистов тоже желали попасть в город, и шеф полиции разрешил паре с ребенком сесть на борт, из-за чего те, кто получил отказ, принялись недовольно роптать.

Снегоход направился назад в город по глубокому снегу вдоль хайвея, и шеф полиции снова – в тысячный раз – вернулся к своим мыслям, к главной тайне поджогов: в чем состоит послание? Является ли поджигатель абсолютным безумцем? Но если да, то каким образом ему удается так тщательно планировать и совершать преступления?

Они въехали в город, и после хаоса на дороге шеф полиции был поражен пугающей пустотой на улицах. Практически к Роринг-Форку вернулся статус города-призрака. Улицы в праздничном убранстве, витрины магазинов, сверкающие дорогими товарами, – все это усиливало элемент призрачности. Картинка на следующий день после Страшного суда.

Шеф полиции не был уверен, станет ли Роринг-Форк снова таким, каким был еще недавно.

Глава 43

Вечером того же дня, возвращаясь из ангара, Кори решила остановиться в городе и согреться – выпить чашку горячего шоколада и проверить электронную почту. Было темно, падал снег, и она знала, что ей пора домой, но так не хотелось возвращаться в этот мерзкий холодный особняк, после того как она целый день провела на морозе в ангаре, который про себя называла «сибирской камерой пыток».

Когда она припарковала на улице свой новый «форд», снег уже немного ослабел. После вчерашнего поджога места для парковки стало много, а ведь прежде днем с огнем нельзя было сыскать. Хотя дорогу и аэропорт вчера закрыли, из города удалось вырваться чертовой прорве народа. Кори вошла в «Озимандиас» – одно из немногих простых, без претензий кафе в городе, с бесплатным вай-фаем и неторопливыми официантами, которые не смотрели на нее сверху вниз.

В кафе было почти пусто, но к Кори подошел официант и разбавил ее дурное настроение своим дружелюбием. Она заказала горячий шоколад и вытащила свой айпад. Писем пришло довольно много. В том числе одно от ее научного руководителя, который просил еще раз проинформировать его о состоянии ее дел на сегодня, спрашивал о том, что происходит в Роринг-Форке, и сетовал, что она не держит его в курсе своих дел. Это верно, в своих отчетах Кори была уклончива. Она не хотела, чтобы он вмешивался или пытался закрыть ее проект, а потому считала, что чем меньше информации к нему попадет, тем лучше. А когда ее работа будет закончена и сдана, комитет придет в восторг. У научного руководителя не будет иного выхода, кроме как подключиться к всеобщему одобрению. Она получит премию Розвелла… ну, по крайней мере, Кори на это надеялась. Поэтому, чтобы успокоить Карбона, она составила туманный, двусмысленный ответ на его письмо, придав своему посланию вид отчета, но при этом ничего не сказав по существу: якобы дела продвигались поначалу медленно и у нее пока мало информации. Она нажала кнопку «отправить», надеясь, что на несколько дней отделалась от него.

Принесли горячий шоколад, и она, отпивая по глоточку, просмотрела остальные письма. От Пендергаста ничего… впрочем,

она и не надеялась: он явно не был большим любителем электронной почты. Закончив с почтой, Кори просмотрела «Нью-Йорк таймс», «Хафф пост» и несколько других сайтов. В «Таймс» история о поджогах была вынесена на первую страницу, и девушка с интересом прочитала ее. После второго случая поджоги приобрели национальную известность, ну а третий превратил эти события в наводящую страх сенсационную историю, которая привлекла внимание всей страны. По иронии судьбы теперь, когда это стало первоочередной новостью, снежная буря закрыла город и никаким репортерам сюда было не пробраться.

Допив шоколад, Кори решила, что ей и в самом деле пора, затянула потуже шарф, вышла из кафе и с удивлением увидела, что по другой стороне улицы, прямо под фонарем, идут Стейси и Тед. Она уставилась на них. Они не то чтобы шли под ручку, но были вполне на дружеской ноге, болтали и щебетали. На ее глазах они исчезли в ресторане.

Кори вдруг стало нехорошо. Стейси говорила, что весь день проведет в доме Файна, объясняя это похмельем. Но оказывается, похмелье не помешало ей пойти пообедать с Тедом. Не завели ли эти двое интрижку у нее за спиной? Это казалось немыслимым, но внезапно стало вполне вероятным. Может быть, Тед хотел таким образом отплатить Кори за отказ провести с ним предыдущую ночь? Не вышло с ней, так он решил заняться Стейси?

…А что же Стейси? Неужели она дошла до того, что стала способна на подобные вещи? В конце концов, она оказалась вовсе не тем чрезвычайно уверенным в себе капитаном ВВС, как представлялось вначале, а скорее запутавшейся и одинокой женщиной. Кори не нравилось думать, что все это изменило ее отношение к Стейси, но она ничего не могла с собой поделать. Интересно, что это за штука такая – посттравматическое расстройство и как оно может проявляться. А еще Кори припомнила один странный факт: прежде чем заявить о себе, Стейси несколько дней тайно жила в Роринг-Форке. Что она делала в эти дни? Действительно ли просто хотела сначала «почувствовать» этот город?

Кори села в машину и завела двигатель. Он еще не успел полностью остыть, а потому быстро согрелся, к ее радости. Она выехала из города и направилась к дороге Вороньего оврага, проходя повороты на минимальной скорости. Снег теперь падал так густо, что

на дворниках наросли комья снега. Вот и отлично: кто бы там ни сидел в засаде с оружием, он даже не заметит машину Кори на дороге. А уж сделать прицельный выстрел тем более не сумеет. Значит, такая погода ей на пользу. Девушка подумала о паршивых бобах с рисом – единственное, что она могла себе позволить, – и еще об одном вечере с отмороженной задницей. Ну его к черту. Она вскроет замок регулятора температуры и включит тепло. Пусть себе хозяин вопит. Смешно, что мультимиллионеру жалко потратить несколько долларов.

За снежной пеленой проступили очертания особняка, темного и мрачного. Как она и предполагала, машина Стейси отсутствовала. Кори понадеялась, что Стейси не будет пить в ресторане и не сядет за руль пьяной в такую погоду.

Она припарковалась на площадке перед домом. Машину к завтрашнему утру занесет снегом, как это уже случалось несколько раз, и придется поработать лопатой. А все из-за того, что хозяин не позволил ей пользоваться гаражом. Неудивительно, что он увяз в этом своем жутком разводе.

Кори вышла из машины, сразу же замерзла, и тут ей вдруг пришло в голову, что Пендергаст был прав: пора уезжать из Роринг-Форка. Ее исследования в общем и целом были закончены, а надежда на то, что она раскроет серийные убийства полуторавековой давности, была более чем призрачной. Кори проверила все варианты, но так ничего и не нашла. Как только дорога откроется, она сбежит отсюда.

Решение было принято.

Кори отперла дверь, предполагая, что сейчас ее встретит обычный шквал лая и повизгивания, но внутри царила тишина.

Ее охватили дурные предчувствия. Вчерашний вечер словно бы повторялся.

– Джек? – окликнула она.

Никакого ответа. Неужели Стейси забрала собаку с собой в город, чтобы псу не было одиноко? Но она не проявляла особого интереса к Джеку и вообще сказала Кори, что предпочитает котов.

– Джек? Ко мне, Джек!

Ни звука. Кори снова попыталась смирить рвущееся из груди

сердце. Она включила повсюду свет – наплевать на счета за электричество! – и принялась звать собаку. Пройдя по коридору в свое крыло дома, она обнаружила, что дверь в ее спальню закрыта, и распахнула ее.

– Джек?

В комнате было темно. На полу у кровати лежало что-то непонятное, окруженное еще более густой темнотой. Кори включила свет и увидела, что на коврике лежит обезглавленное тельце Джека, а вокруг расплывается огромное кровавое пятно.

Кори не вскрикнула. Она потеряла голос. И могла только смотреть.

Потом она увидела голову – на туалетном столике. Открытые глаза уставились в никуда, по псевдодеревянному фасаду столика стекала полусвернувшаяся кровь. Между стиснутыми челюстями был всунут клочок бумаги. Действуя почти бессознательно, как будто это происходило с кем-то другим, Кори взяла канцелярский нож, разжала челюсти собаки, вытащила клочок бумаги и прочла послание:

Свенсон, убирайся из города сегодня же, иначе ты труп. Пулька в твою хорошенькую маленькую головку.

Кори уставилась на записку. Это было похоже на дурное подражание «Крестному отцу». И уж совсем смехотворно это выглядело теперь, когда она не смогла бы убраться из города, даже если бы очень хотела.

Записка вернула ее к реальности. Кроме болезненной смеси страха и отвращения, Кори ощутила прилив гнева, настолько сильный, что сама испугалась. Как они посмели запугивать ее, как они посмели сделать такое с невинным, несчастным Джеком!

Убраться из города? Ни за что! Она остается.

Глава 44

Роджер Клифиш отметил про себя, что Хэмпстед-Хит сильно изменился к худшему с тех дней, когда Китс пересекал его на пути из Клеркенуэлла в коттедж Каудена Кларка, где читал свои стихи и разговаривал о литературе. Или с тех пор, когда учитель рисования Уолтер Хартрайт, проходя по этим местам однажды вечером, глубоко погруженный в свои мысли, встретил на далекой обходной дорожке призрачную Женщину в белом[31]. Теперь все это находилось в пределах большого Лондона, с автобусными остановками и станциями метро по границам, где прежде росли леса.

Время шло к полуночи, на улице похолодало, и пустошь[32] была относительно пустынна. Они уже покинули Парламент-Хилл с его великолепной панорамой Сити и Канэри-Уорф и теперь двигались на северо-запад. Под бледной луной холмы, пруды и рощи были не более чем тенями.

– Я взял с собой потайной фонарь, – сказал Клифиш скорее для того, чтобы поддержать бодрость духа, чем для информирования. Он помахал фонарем, который до этого был спрятан под его тяжелым широким пальто. – Мне показалось, что он как нельзя лучше подходит для данного случая.

Пендергаст кинул взгляд на фонарь:

– Анахронизм, конечно, но может пригодиться.

Ранее, в комфорте его жилища, планирование этого маленького приключения вызывало у Клифиша возбуждение. После того как Пендергасту не удалось получить разрешения попасть в Ковингтон-грейндж, он заявил, что так или иначе проникнет туда, пусть и нелегально. Клифиш с энтузиазмом согласился ему помочь. Но теперь, когда они осуществляли задуманное, он испытывал испуг. Одно дело было писать исследование о профессоре Мориарти, этом короле преступного мира, или полковнике Себастиане Моране, «втором опаснейшем человеке в Лондоне». Но совсем другое – самому выходить из дома с целью взлома и проникновения в чужую собственность.

– Тут, кстати, есть местное отделение полиции, – сказал

Клифиш.

– Неужели? – раздался ответ. – И в каком количестве?

– Человек десять-двенадцать. У некоторых есть полицейские собаки.

На это вообще не последовало никакого отклика.

Они обогнули Саут-Мидоу и вошли в густой лесок Дьюэлинг-Граунд. На севере виднелись огни Хайгейта.

– А еще мы не должны забывать о смотрителях Национального фонда, – добавил Клифиш. – Нельзя исключать возможность того, что кто-то из них задержится на месте.

– В таком случае я предлагаю вам спрятать этот фонарь как можно дальше.

Они замедлили шаг, когда цель их поездки появилась из-за вершины небольшого холма. Ковингтон-грейндж находился в дальнем конце Дьюэлинг-граунд и был с трех сторон окружен лесом. Справа располагались Стоунбридж и Вуд-понд. На север в направлении Кенвуд-хауса уходила лужайка. А еще дальше мелькали фары автомобилей на Хэмпстед-лейн.

Пендергаст оглянулся, потом кивнул Клифишу и двинулся вперед, держась края леса.

Сам Грейндж представлял собой археологическую загадку, словно его создатель не мог определиться не только с архитектурным стилем, но и с эпохой, к которой это строение должно было принадлежать. Низкий фасад был наполовину деревянный, как при Тюдорах, но маленькая пристройка с одной стороны представляла собой странное творение в неороманском стиле. Длинная покатая деревянная крыша, ощетинившаяся карнизными свесами, свидетельствовала о том, что этот дом более чем на полвека опередил эру крафтсман[33]. К дальней части дома прилепился парник, стеклянные панели которого потрескались и заросли плющом. Все сооружение было обнесено сеточным ограждением, провисшим и подранным. Похоже, его воздвигли в целях безопасности несколько десятилетий назад и с тех пор так и не поправляли.

Следуя за Пендергастом, Клифиш подошел к ограждению со стороны входа в здание. Здесь имелась небольшая калитка на висячем замке. Подвыцветшее от времени объявление рядом с ней сообщало:

«СОБСТВЕННОСТЬ ПРАВ-ВА ЕЕ ВЕЛИЧ-ВА. ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

– Ну что, Роджер, идем? – спросил Пендергаст спокойным голосом, как будто приглашал спутника отведать огуречный сэндвич в «Рице».

Клифиш нервно оглянулся, покрепче прижал к себе фонарь.

– А замок… – начал было он, но не успел закончить, потому что раздался тихий щелчок и замок открылся в руках Пендергаста.

Они быстро прошли в калитку, и Пендергаст закрыл ее за собой. Луна спряталась за тучами, и мир погрузился в темноту. Пока Пендергаст наскоро производил разведку, Клифиш ждал во дворике. Он слышал самые разные звуки: смех вдалеке, едва слышное постукивание мотоциклетного двигателя – или это ему только чудилось, – нервное биение собственного сердца.

Пендергаст вернулся и жестом показал, что можно идти к входу. Дверь тоже открылась почти сразу же, стоило агенту ФБР к ней прикоснуться. Они вошли внутрь. Пендергаст затворил дверь, и они оказались в полной темноте. К ощущениям Клифиша добавились новые: запах плесени и опилок, стук крошечных ножек, шорох потревоженных червей.

Из темноты донесся голос:

– Чтобы помочь себе в поисках, давайте еще раз вспомним, что нам известно. В течение более чем десяти лет с тысяча девятьсот семнадцатого по тысяча девятьсот двадцать девятый год Конан Дойл часто приезжал сюда в качестве гостя Мэри Уилкс, здесь он углублял свои знания спиритуализма и читал собственные сочинения на эту тему друзьям, тоже неравнодушным к предмету. Он умер в тысяча девятьсот тридцатом году, отправился, по его собственным словам, «в величайшее, самое восхитительное из всех приключений». Сама Мэри Уилкс умерла в тысяча девятьсот тридцать четвертом году. Ее дочь Летиция Уилкс жила здесь – поначалу вместе с племянником и племянницей – до своей смерти в тысяча девятьсот восьмидесятом году, когда она передала эту собственность правительству. С тех пор в доме никто не жил, более того, к нему явно никто и не прикасался.

Клифишу нечего было добавить, и он промолчал.

Появился маленький красный лучик – это Пендергаст включил

фонарик с фильтром на отражателе. Слабый луч пошарил вокруг. То, что они увидели, когда-то было уютным домом с мебелью, покинутым людьми в 1980-х годах. Здесь вдоль стен неровными рядами стояли стопки книг, а на приставных столиках, покрытых толстым слоем пыли, сидели всевозможные крохотные гномы и стеклянные фигурки. Дальний конец коридора выходил на кухню, слева и справа были арки, ведущие соответственно в гостиную и столовую. Первый этаж был устлан потрепанным ковром отвратительного оранжевого цвета.

Пендергаст принюхался:

– Сильный запах гнилого дерева. Мой друг из Национального фонда была права: дом находится в опасном состоянии и близок к разрушению, возможно, его опорные элементы подгнили. Мы должны действовать с осторожностью.

Они прошли в гостиную, и Пендергаст обвел комнату приглушенным лучом фонарика. Здесь царил кавардак. В углу стояло пианино, ноты упали с подставки и перевернутой скамьи и свалились на пол, на нескольких тронутых плесенью карточных столах лежали головоломки, партии в «Монополию» и китайские шашки, оставленные посреди игры. На столах и диванах в беспорядке громоздились журналы.

– Похоже, Летиция Уилкс не следила за своей собственностью, – неодобрительно хмыкнув, сказал Пендергаст.

Остальная часть первого этажа имела такой же вид. Игрушки, всякий хлам, старая одежда, купальные костюмы и тапочки. И повсюду этот отвратительный оранжевый ковер, отливающий в свете фонаря Пендергаста жутким алым оттенком. Неудивительно, что Национальный фонд оставил этот дом на волю стихий, подумал Клифиш. Он представил себе, как некий несчастный чиновник на минуту просунул в дверь голову, окинул все оценивающим взглядом, а потом снова закрыл дверь, поставив крест на восстановлении дома. Клифиш посмотрел на обои с огуречным рисунком, на побитую и заляпанную мебель, пытаясь найти хоть какой-нибудь знак, говоривший о том, что когда-то этот зачарованный дом посещал Конан Дойл, что он работал и отдыхал здесь. Но никаких знаков не обнаруживалось.

В подвале не нашлось ничего, кроме пустых кладовок, холодной

топки и мертвых жуков. Пендергаст поднялся по опасно поскрипывающим ступеням на второй этаж. В центральный коридор здесь выходили шесть дверей. Первая вела в кладовку для белья, содержимое которой было трачено временем и молью. За второй дверью обнаружилась обычная ванная. За тремя следующими дверями были спальни. В одной из них хаос не так бросался в глаза, – судя по всему, когда-то это была спальня Летиции. Другими, видимо, пользовались ее племянник и племянница, о чем говорили постеры Диона[34] и Фрэнки Валли[35] в первой спальне и многочисленные выпуски «Сан» (все открытые на третьей странице) во второй.

Оставалась еще одна закрытая дверь в конце коридора. У Клифиша упало сердце. Лишь сейчас он понял, сколько надежд возлагал на эту авантюру, полагая, что наконец отыщется пропавший рассказ о Холмсе. Но глупо было рассчитывать, что его ждет успех там, где до него столько людей потерпели неудачу. В особенности еще и потому, что поиски нужно вести среди такого бедлама – тут и недели не хватит.

Пендергаст взялся за ручку, открыл последнюю дверь – и сердце Клифиша воспарило к небесам с той же быстротой, с какой только что погружалось в отчаяние.

Комната, представшая их взору, отличалась от остального дома, как день от ночи. Они словно перенеслись во времени лет на сто с лишним назад. Комната представляла собой кабинет, обставленный скудно, но со вкусом. После ужасного беспорядка в остальном доме увидеть эту комнату для Клифиша было все равно что глотнуть свежего воздуха. Пока Пендергаст шарил лучом фонарика, Клифиш осмотрелся по сторонам, и его дурные предчувствия исчезли, вытесненные возбуждением. Здесь стояли письменный стол и удобный стул. На стенах в простых рамках висели копии старинных картинок, посвященных спортивным событиям, и дагеротипы. Тут же примостился почти пустой книжный шкаф. В комнате имелось высокое обрешеченное окно. По стенам были развешены строгие, но изящные декоративные драпировки.

– Думаю, мы можем рискнуть и добавить света, – пробормотал Пендергаст. – Ваш фонарь, пожалуйста.

Клифиш выставил перед собой фонарь, взялся за ручку сдвижной панели и приоткрыл ее. Комнату залил более яркий свет. Клифиш с восторгом отметил прекрасный деревянный пол

полированного паркета, выложенного старомодным рисунком. В середине комнаты лежал небольшой квадратный коврик из грубой материи. У дальней стены между драпировками стоял шезлонг, который, видимо, служил для того, чтобы в нем можно было вздремнуть днем.

– Вы думаете… – начал Клифиш, обращаясь к Пендергасту и почти боясь задать вопрос.

В ответ Пендергаст показал на один из дагеротипов на стене.

Клифиш присмотрелся и не без удивления увидел, что это даже и не дагеротип, а обычная фотография, очевидно сделанная в начале двадцатого века. На фотографии была молоденькая девушка, опиравшаяся подбородком на руку. Она смотрела в камеру с озадаченным выражением. Перед ней находились четыре маленьких существа на тонких ножках и с большими, как у бабочек, крыльями, они танцевали, скакали или наигрывали мелодии на тростниковых дудках. Никаких свидетельств хитроумного монтажа не было видно: эти эльфы казались неотъемлемой частью фотографии.

– Феи из Коттингли[36], – прошептал Клифиш.

– Верно, – ответил Пендергаст. – Как вам прекрасно известно, Конан Дойл был убежден в существовании фей и подлинности этих фотографий. Он даже написал работу об этом: «Пришествие фей». Две йоркширские девочки, Элси Райт и ее двоюродная сестра Фрэнсис Гриффитс, заявили, что встречаются с феями, и сфотографировали их. Вот некоторые из тех фотографий.

Клифиш сделал шаг назад. Сердце его учащенно билось. Сомнений больше не оставалось: они находились в кабинете Конан Дойла, расположенном вне его дома. И семья Уилкс сохраняла этот кабинет с любовью, хотя остальная часть дома разрушалась и была захламлена.

Если пропавший рассказ и можно было где-то найти, то только здесь.

Пендергаст с новым приливом энергии шагнул вперед, не обращая внимания на скрип половиц под ногами и рыская лучом фонарика. Он открыл дверку письменного стола и внимательно осмотрел содержимое всех ящиков, обстукал боковины и задники. Потом перешел к книжному шкафу, вытащил хранящиеся там

запыленные тома, тщательно просмотрел каждый, даже заглянул под корешки. Затем принялся по одной снимать со стены рамки с картинками, оглядывал каждую, осторожно ощупывал задники – не спрятано ли под ними что-нибудь. После чего тщательно проверил каждую драпировку на стенах.

Тут Пендергаст остановился и обвел комнату зорким взглядом своих серебристых глаз. Он вытащил из кармана нож с выкидным лезвием и подошел к шезлонгу, сделал тонкий хирургический надрез в месте соединения ткани с деревом, старательно обследовал пальцами содержимое под обивкой, но без всякого успеха. Потом он перешел к стенам – прикладывал ухо и стучал костяшками пальцев. Таким образом он обошел всю комнату один раз, другой, делая свою работу с необыкновенным тщанием.

Глядя на этот профессиональный поиск, Клифиш почувствовал, как к нему возвращается прежнее ощущение неудачи.

Взгляд его упал на пол, на небольшой коврик в центре. Было в нем что-то знакомое. Очень знакомое. И вдруг Клифиш понял, что это такое.

– Пендергаст, – с трудом прохрипел он.

Агент ФБР повернулся и посмотрел на него.

Клифиш показал на коврик:

– «Ковер, маленький квадрат толстого сукна, прикрывал только середину комнаты, – процитировал он, – и был окружен широким пространством натертых до блеска квадратных плиток красивого старинного паркета».

– К сожалению, мое знание Дойла не столь обширно, как ваше. Откуда это? «Обряд дома Месгрейвов»? «Постоянный пациент»?

Клифиш отрицательно покачал головой:

– Это из «Второго пятна».

Несколько мгновений Пендергаст смотрел на него, и вдруг его глаза засветились светом озарения.

– Неужели все так просто?

– Ну, если вещь хороша, то ею можно воспользоваться и повторно.

Еще мгновение – и Пендергаст опустился на колени. Сдвинув в сторону коврик, он принялся пальцами и кончиком ножа прикасаться к паркетинам, надавливая здесь, осторожно пробуя там. Через минуту раздался скрежет давно не бывшей в употреблении петли, и одна из паркетин поднялась. Под ней обнаружилась небольшая темная полость.

Пендергаст осторожно опустил туда руку. Клифиш смотрел, боясь даже дышать. Агент вытащил руку. В ней оказался сверток листов писчей бумаги, хрупкой, пыльной и пожелтевшей от времени. Сверток был перевязан ленточкой. Поднявшись на ноги, Пендергаст развязал ленточку – она просто распалась у него в руках – и развернул листы, осторожно отряхнув верхний.

Оба склонились над бумагами, читая то, что было написано от руки наверху первого листа:

Происшествие в Асперн-холле

Этим все было сказано. Пендергаст быстро и тихо повернул паркетину, ногой подвинул на место коврик, после чего вышел из комнаты и направился к лестнице.

Внезапно раздался громкий треск. Огромное облако пыли окружило Клифиша, затенило его фонарь и погрузило коридор в темноту. Кашляя и сплевывая, он развеял рукой пыль. Когда прояснилось, он увидел Пендергаста – его голову, плечи и вытянутые в стороны руки на уровне ботинок Клифиша. Пол под агентом ФБР провалился, но ему удалось удержаться в последнее мгновение.

– Рукопись, старина! – выдохнул Пендергаст; он тратил все силы на то, чтобы оставаться на месте. – Возьмите рукопись!

Клифиш наклонился и осторожно взял рукопись из руки Пендергаста, сунул в карман своего пальто, потом схватил Пендергаста за ворот и с огромным трудом вытащил на площадку второго этажа. Пендергаст перевел дыхание, встал и с гримасой отряхнулся. Они обошли дыру в полу и начали осторожно спускаться по лестнице, как вдруг снаружи донесся невнятный голос:

– Эй! Кто это там?

Клифиш и Пендергаст замерли.

– Это смотритель, – прошептал Клифиш.

Пендергаст жестом показал Клифишу, чтобы тот погасил фонарь. Направив свой фонарик себе на лицо, он приложил палец к губам и показал на входную дверь.

Они двинулись вперед со скоростью улитки.

– Кто там? – снова раздался голос.

Пендергаст безмолвно вытащил из кармана большой пистолет и взял его за ствол.

– Что вы делаете? – с тревогой в голосе спросил Клифиш, схватив Пендергаста за руку.

– Этот человек пьян, – шепотом ответил агент ФБР. – Я без труда смогу обезвредить его.

– Насилие? – сказал Клифиш. – Господи боже – против поданного ее величества?!

– У вас есть предложения получше?

– Бежать со всех ног.

– Бежать?

– Вы сами сказали, что он пьян. Мы побежим к калитке, а потом в лес.

Пендергаст с сомнением посмотрел на него, но оружие все-таки убрал. Он прошел по ковру к входной двери, чуть-чуть приоткрыл ее и выглянул. Ничего не услышав, он дал знак Клифишу следовать за ним по узкой дорожке к ограде. Когда он открыл калитку, из-за туч появилась луна, и из ближайших елей раздался торжествующий голос:

– Эй, вы! Ни шагу дальше!

Пендергаст бросился через калитку и припустил что есть духу. Клифиш помчался за ним. Воздух взорвался выстрелом из дробовика, но ни один из них не остановил свой стремительный бег.

– Вы ранены! – выдохнул Клифиш, стараясь не отстать.

Он заметил, что из плеча Пендергаста с каждым его прыжком вылетают капли черновато-красной жидкости.

– Несколько дробинок, ничего серьезного. Доберемся до Коннота – я удалю их пинцетом. Что с рукописью? Цела?

– Да-да. Рукопись в порядке.

Клифиш не бегал так со своих оксфордских дней. Но мысль о пьяном смотрителе и его оружии придавала силу его ногам, и он несся за Пендергастом мимо Спрингеттсвуда в Хэмпстед-Хит, а оттуда – Deo Gratias![37] – на Ист-Хит-роуд, к стоянке такси и свободе.

Глава 45

Когда Кори проснулась в своем номере в отеле «Себастиан», почти всю ночь промучившись кошмарами, снег все еще шел. Город был покрыт белым одеялом, и снегоуборочные машины работали без остановок, громыхая по улицам в центре города и соскребая снег в кучи, а погрузчики перекидывали его в самосвалы, которые увозили снег из города.

Она посмотрела на часы: восемь.

Ночь прошла ужасно. Полиция приехала немедленно, нужно отдать им должное. Группу возглавлял сам шеф. Они забрали тело Джека и записку, задали Кори вопросы, собрали улики и пообещали расследовать происшествие. Беда только в том, что у них хватало проблем с делом серийного поджигателя. Судя по виду шефа Морриса, он был на грани нервного срыва, а его люди так давно не спали, что их вполне можно было использовать статистами в каком-нибудь фильме про зомби. Вряд ли они сейчас могли провести тщательное расследование по ее делу, результат наверняка будет таким же, как с выстрелом по ее машине, но Кори больше не собиралась подставляться, тут пусть никто не сомневается.

Поэтому она отправилась в город и заказала номер в отеле «Себастиан». С учетом времени, проведенного в тюрьме, она пробыла в Роринг-Форке уже три недели, и ее четыре тысячи долларов сгорали с угнетающей скоростью. Проживание в «Себастиане» должно было сожрать немалую часть оставшихся денег, но убийство собаки так напугало девушку, что она не могла провести эту ночь в особняке да и вообще больше не могла оставаться там.

Она позвонила Стейси, сообщила ей о случившемся и предупредила, что возвращаться в дом Файна слишком опасно. Стейси сказала, что устроится где-нибудь в городе (у Кори возникло жуткое подозрение, что та проведет ночь в квартире Теда), и они договорились встретиться утром в девять в ресторане отеля. То есть через час. Кори не очень стремилась к этому разговору.

Мало ей было геморроя, так полиция еще связалась с владельцем особняка, а он позвонил Кори на ее сотовый, разбудив в шесть часов

утра. Файн скрежетал зубами и орал, что это ее вина, что она нарушила все правила, включала обогреватель и пускала в особняк бездомных. Он заводился все сильнее и сильнее, назвал ее преступницей, высказал предположение, что она наркоманка, и пригрозил подать в суд на нее и на ее лесбийскую подружку, если они вернутся в дом.

Кори дала ему выпустить пар, а потом высказала этому негодяю все, что о нем думает: что он самое презренное человеческое существо, каких она встречала, что хорошо бы жена пустила его по миру, – а в конце предположила, что его брак распался из-за недостаточной величины его члена. Файн был вне себя от бешенства, и Кори получила некоторое удовлетворение, когда повесила трубку в начале его следующей грязной тирады. Однако от ее удовлетворения не осталось и следа, как только она задумалась о том, где ей остановиться. В Базальт вернуться она не могла – дороги были закрыты, а еще одна ночь в отеле «Себастиан» (или вообще в любом другом отеле города) привела бы к ее полному банкротству. И что ей теперь делать?

Но в одном она была уверена: из Роринг-Форка она никуда не уезжает. Боится ли она тех мерзавцев, которые стреляли в нее и убили ее собаку? Конечно боится. Но выпереть ее из города никому не удастся. Разве она сможет уважать себя, если такое случится? И каким полицейским она станет, если испугается угроз? Нет! Так или иначе, но в городе она останется и будет способствовать поиску тех, кто ей угрожает.

Когда Кори вошла в ресторан, Стейси Боудри уже сидела с большой кружкой кофе. Вид у Стейси был помятый: под глазами черные круги, каштановые волосы растрепаны. Кори села и взяла меню. Три доллара за апельсиновый сок, десять за яичницу с беконом, восемнадцать за яйца «Бенедикт». Она положила меню: ей и чашка кофе была не по карману. Когда подошла официантка, Кори заказала стакан воды. А вот Стейси заказала бельгийские вафли и яичницу с беконом, прожаренную с обеих сторон. После этого она подвинула чашку кофе к Кори.

– Пей, – велела она.

Кори, рассыпавшись в благодарностях, отхлебнула чуть-чуть

кофе, потом сделал большой глоток. Боже, кофеин был ей просто необходим. Она выпила кофе и подтолкнула чашку назад. Она не знала, с чего начать.

К счастью, начала сама Стейси:

– Нам нужно поговорить, Кори. Об этом сукином сыне, который тебе угрожает.

«Ну хорошо, если хочешь начать с этого – давай».

– Я в ужасе оттого, что они сделали с Джеком.

Стейси положила ладонь на ее руку:

– Поэтому ясно, что они не шутят. Тот, кто это сделал, способен на все, и они дурака валять не будут. Они видят в тебе громадную угрозу. Ты понимаешь почему?

– Могу только предположить, что в ходе моих расследований разворошила какое-то осиное гнездо. Подошла близко к чему-то такому, что они хотят замолчать. Хотелось бы мне знать, что именно.

– Вероятно, это как-то связано с ассоциацией «Высоты» и этой сучкой Кермоуд, – сказала Стейси. – Судя по ее виду, она на все способна.

– Не думаю. Они получили все, что им нужно: новый участок для кладбища одобрен. Теперь они попытаются найти всех наследников и получить их разрешение. И самое главное, ты больше не настаиваешь, чтобы твой предок был захоронен там, где упокоился изначально.

– Тогда, может быть, это один из поджигателей?

– Нет, там совершенно другой образ действий. Мне очень важно понять, какой информацией я обладаю. Или почти обладаю. И тогда, наверно, я смогу определить, кто они. Но я не думаю, что они и в самом деле собираются меня убить. Если бы собирались, то уже сделали бы это.

– Кори, не будь такой наивной. Любой, кто способен отрубить голову собачонке, может и человека убить. А поэтому я теперь все время буду рядом с тобой. Вместе с моим… – Она похлопала себя по тому месту, где у нее был пистолет.

Кори отвернулась.

– Что такое? – спросила Стейси встревоженным голосом.

Кори не видела причины и дальше молчать о том, что просилось ей на язык:

– Вчера вечером я видела тебя с Тедом. Ты, по крайней мере, могла бы сообщить мне, что собираешься пойти на свидание с ним. Друзья так не поступают.

Она откинулась на спинку стула.

То же самое сделала и Стейси. На ее лице появилось непроницаемое выражение.

– Пойти на свидание с ним?

– Ну да.

– Пойти на свидание с ним? – Стейси повысила голос: – Господи Исусе, да как ты вообще могла такое вообразить?

– А что я должна была думать, когда увидела, как вы вдвоем заходите в ресторан?…

– Ты знаешь, почему мы пошли в этот ресторан? Тед пригласил меня пообедать, чтобы поговорить о тебе.

Кори удивленно посмотрела на нее:

– Обо мне?

– Да, о тебе. Он страдает по тебе, говорит, что, наверно, влюблен в тебя, и боится, что делает что-то не так или обидел тебя чем-то. Он хотел спросить об этом меня, и мы весь треклятый вечер проговорили о тебе, и ни о чем другом. Ты думаешь, мне хотелось вылезать из кровати и ехать в город с больной головой, чтобы выслушивать чьи-то излияния, касающиеся другой женщины?

– Извини, Стейси. Наверно, я поспешила с выводами.

– Вот это точно в яблочко! – Стейси вскочила на ноги, на ее лице застыло выражение укоризны и обиды. – Все время вылезает это говно! Я здесь дружу с тобой, защищаю тебя, забочусь о тебе в ущерб моим собственным интересам… И что я получаю взамен? Всякие долбаные обвинения в том, что я встречаюсь за твоей спиной с твоим бойфрендом!

Эта неожиданная вспышка гнева напугала Кори. Несколько

человек, завтракавших в ресторане, повернули к ним голову.

– Послушай, Стейси, – сказала Кори успокаивающим голосом. – Я очень виновата перед тобой. Видимо, я не очень уверенно чувствую себя в отношениях с мужчинами, а ты такая привлекательная и все такое… Я просто…

Но Стейси не дала ей закончить. Сверкнув напоследок гневным взглядом, она повернулась на каблуках и вышла из ресторана, оставив свой завтрак недоеденным и неоплаченным.

Глава 46

Знакомый ровный голос пригласил ее войти. Кори сделала глубокий вдох. Он согласился ее увидеть – для начала это уже неплохо. Кори говорила себе, что после отъезда из Роринг-Форка он ни разу не дал о себе знать по одной простой причине: был слишком занят. Она отчаянно надеялась, что именно так и обстоят дела. Меньше всего ей хотелось, чтобы ее отношения с Пендергастом пострадали из-за ее импульсивности и недальновидности.

И вот он вернулся так же неожиданно, как уехал.

В этот день атмосфера в подвале была еще более душной, чем в предыдущий раз, когда Кори посещала временный кабинет Пендергаста. Специальный агент сидел за старым металлическим столом, на котором больше не было никаких химических аппаратов. На поцарапанной поверхности лежала лишь тоненькая картонная папка. Температура в комнате была под тридцать градусов, но специальный агент, как всегда, щеголял в пиджаке.

– Кори, прошу вас, садитесь.

Кори послушно села:

– Как вы вернулись в город? Я думала, дорога закрыта.

– Шеф полиции, спасибо ему, послал за мной в Базальт одного из своих людей на ратраке. Кажется, он с нетерпением ждал моего возвращения. К тому же поговаривают, что дорогу вот-вот откроют. По крайней мере, временно.

– И как ваше путешествие?

– Плодотворно.

Кори неловко поерзала на стуле – этот светский разговор начал ее утомлять, и она решила не бродить вокруг да около.

– Послушайте, я хотела извиниться за то, как вела себя в тот раз. Это какой-то подростковый комплекс, и я сожалею. На самом деле я вам бесконечно благодарна за все, что вы для меня сделали. Просто… вы заслоняете своей фигурой все, в чем принимаете участие. Я не хочу, чтобы мои профессора в «Джоне Джее» говорили: «Ну, это ее друг Пендергаст все за нее сделал». – Она помолчала. – Я, конечно,

слишком уж чувствительна, но это мой первый исследовательский проект.

Несколько мгновений Пендергаст смотрел на нее, потом понимающе кивнул.

– А как тут шли дела в мое отсутствие?

– Неплохо, – сказала Кори, избегая его взгляда. – Я как раз заканчиваю работу.

– Надеюсь, ничего неожиданного не случилось?

– Был еще один жуткий пожар на холме за городом. А еще убийство на восемьдесят втором хайвее. Но наверное, шеф полиции вам уже все рассказал.

– Я имею в виду – неожиданного лично для вас?

– Нет-нет, – солгала Кори. – Я не продвинулась в раскрытии преступлений, а потому решила оставить эти попытки. Но кое-что интересное все же нашла. Однако это не проливает свет на убийства.

– И что же вы нашли?

– Ну вот, скажем… Я узнала, что мисс Кермоуд в родстве с семьей Стаффорд, которая во времена серебряного бума владела тут плавильней да и сейчас стоит за «Высотами».

Короткая пауза.

– Что-нибудь еще?

– Ах да, это может показаться вам любопытным в связи с вашим интересом к Уайльду и Конану Дойлу.

Пендергаст наклонил голову, приглашая ее к рассказу.

– Просматривая документы в архиве Гризуэлла, я натолкнулась на забавное письмо об одном старике, который увел Уайльда в сторонку после лекции и, видимо, рассказал ему историю, выслушав которую тот чуть не потерял сознание. Я готова поспорить, что это была та самая история о медведе-людоеде.

Пендергаст замер на несколько секунд, затем спросил:

– А у старика в этом письме было имя?

Кори подумала и ответила:

– Только фамилия. Суинтон.

Еще одна пауза. Наконец Пендергаст сказал:

– Вы, вероятно, совсем на мели.

– Нет-нет, денег мне хватает, – снова солгала Кори. Черт побери, ей нужно будет подыскать себе какую-нибудь временную работу. И найти новое место для жилья. Но она ни за что не возьмет денег у Пендергаста – он и без того много для нее сделал. – Правда-правда, на этот счет не беспокойтесь.

Пендергаст не ответил, выражение его лица оставалось непроницаемым. Поверил ли он ей? Рассказал ли ему шеф полиции о выстреле в ее лобовое стекло или об убитой собаке? По лицу специального агента трудно было определить. В местной прессе об этом не писали – все по-прежнему были озабочены поджигателем.

– Вы мне ничего не рассказали о вашем путешествии, – сказала Кори, меняя тему предмета.

– Все, что мне требовалось, я получил, – откликнулся Пендергаст, постукивая тонкими пальцами по картонной папке. – Я нашел потерянную историю о Шерлоке Холмсе. Последнюю написанную Конан Дойлом и до сего дня неопубликованную. Она весьма любопытна. Я вам ее рекомендую.

– Будет время – непременно прочту, – кивнула Кори.

Еще одна пауза. Длинные пальцы Пендергаста подтолкнули к ней папку.

– На вашем месте я бы прочел ее сейчас же.

– Спасибо, но у меня сейчас масса дел – нужно все заканчивать.

И чего Пендергаст все время лезет с этим Дойлом? Сначала «Собака Баскервилей», теперь вот это.

Бледная рука взяла папку за угол и раскрыла.

– Откладывать это нельзя, Кори.

Она подняла взгляд и увидела его глаза – они горели особенным светом, который она так хорошо знала. Кори помедлила. Потом, покорно вздохнув, вытащила из папки листы бумаги и принялась читать.

Глава 47

Происшествие в Асперн-холле

Среди многих расследований Шерлока Холмса, в которых я имел честь принимать участие в качестве его Босуэлла[38], есть одно, до сих пор не переложенное на бумагу. У меня всегда оставались сомнения на этот счет, но не потому, что данное приключение выделялось из других дел Холмса какой-то особой жестокостью или экстравагантностью. Скорее уж, я думаю, дело в зловещей, даже губительной атмосфере, свойственной каждому аспекту этого дела, атмосфере, которая оскорбила, чуть ли не ранила мое сердце. И даже сегодня при мысли об этой истории у меня пропадает сон. В жизни иногда случаются такие события, которых лучше бы не было. Для меня эта история – одно из таких событий. Но вот теперь я передаю эту историю на суд читателя: решайте сами, есть ли в ней основания для того отвращения, какое она во мне вызывает.

Дело было в марте 1890 года, в начале мрачной и безрадостной весны, наступившей после одной из самых холодных зим на памяти человечества. В то время я проживал в квартире Холмса на Бейкер-стрит. Стоял темный вечер, тем более гнетущий, что на узкие улочки Лондона опустился туман, а газовые уличные фонари превратились в тусклые желтые звездочки. Я бездельничал, сидя в кресле перед горящим камином, а Холмс, до этого беспокойно меривший шагами комнату, подошел к эркерному окну и замер перед ним. Он рассказывал мне о неком химическом эксперименте, проведенном им сегодня днем: как применение двуокиси марганца в качестве катализатора ускоряет разложение хлората калия на хлористый калий и, что гораздо важнее, на кислород.

Он говорил, а я молча радовался его энтузиазму. Плохая погода несколько недель держала нас взаперти, вниманию Холмса не было предложено ни одной «маленькой задачки», и его начала одолевать апатия, которую он довольно часто лечил кокаином.

И в этот момент я услышал стук в дверь.

– Вы ждете гостей, Холмс? – спросил я.

Единственным его ответом было резкое отрицательное движение головой. Он подошел сначала к графину на буфете, потом к стоящему рядом сатуратору, смешал бренди с содовой, после чего опустился в кресло.

– Вероятно, миссис Хадсон принимает кого-то, – сказал я, потянувшись к трубке в держателе.

Однако приглушенные голоса и последовавшие за ними шаги по коридору опровергли мое предположение. Еще несколько мгновений – и в дверь раздался тихий стук.

– Войдите, – крикнул Холмс.

Дверь открылась, и мы увидели миссис Хадсон.

– К вам молодая леди, сэр, – доложила она. – Я сказала, что сейчас уже поздно и ей следует договориться о встрече на завтра, но она ответила, что дело не терпит отлагательств.

– Конечно, ведите ее сюда, – ответил Холмс и снова встал с кресла.

Несколько секунд спустя в нашей гостиной появилась молодая женщина. На ней было длинное дорожное пальто модного покроя и шляпка с вуалью.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Холмс, с обычной своей учтивостью показывая на самое удобное кресло.

Женщина поблагодарила его, расстегнула пальто, сняла шляпку и села. У нее была красивая фигура, статная осанка, а судя по ее виду, она умела владеть собой. Единственным недостатком, замеченным мной, были слишком суровые черты, но, возможно, это было следствием тревоги, одолевавшей ее. Я по своей привычке попытался применить метод Холмса к этой незнакомке, но не смог заметить ничего существенного, кроме высоких дорожных сапожек на ее ногах.

Я почувствовал на себе насмешливый взгляд Холмса.

– Я и сам ничего не могу сказать о нашей гостье, – сообщил он мне, – кроме того, что она из Нортумберленда, что она заядлая наездница, что сюда она приехала на двухколесном кебе, а не на метро и что она помолвлена.

– Я слышала о ваших знаменитых методах, мистер Холмс, –

заговорила молодая женщина, прежде чем я успел вставить хоть слово. – И ожидала чего-то в этом роде. Позвольте, пожалуйста, и мне воспользоваться дедукцией применительно к вашим выводам.

Холмс слегка кивнул, и на его лице появилось удивленное выражение.

Женщина подняла руку:

– Прежде всего, вы увидели мое кольцо в честь помолвки при отсутствии обручального.

Холмс утвердительно кивнул.

Она продолжала держать руку поднятой:

– Возможно, вы заметили и мозоль в виде полумесяца снаружи моего правого запястья – как раз в том месте, куда попадают поводья в руках опытного ездока, который одновременно держит в руке стек.

– Великолепная мозоль, – сказал Холмс.

– Что касается кеба, то это вполне очевидно. Вы видели, как он подъехал к дому. Я заметила ваше лицо в окне.

Услышав это, я не смог сдержать смех:

– Похоже, вы встретили ровню, Холмс.

– Что касается Нортумберленда, то этот вывод вы сделали по моему произношению.

– Не сказал бы, что у вас такое уж нортумберлендское произношение, – ответил ей Холмс. – Скорее наводит на мысли о Тайне и Уире, возможно, о Сандерленде не без стаффордширского влияния.

Гостья не сумела скрыть удивление:

– Корни моей матери в Сандерленде, а отца – в Стаффордшире. Никак не думала, что у меня сохранились остатки произношения тех краев.

– То, как мы говорим, в нашей крови, мадам. Избавиться от произношения так же невозможно, как от цвета глаз.

– Но тогда как вы догадались, что я из Нортумберленда?

Холмс показал на ее сапожки:

– На вас высокие сапоги. Я предположил, что вы начали свое путешествие из тех мест, где еще лежит снег. В последние четыре дня у нас тут не было дождя, а Нортумберленд – самое холодное графство Англии и сейчас единственное место, где еще лежит снег.

– А откуда вы узнали, что в Нортумберленде еще лежит снег? – спросил я Холмса.

Холмс со страдальческим выражением махнул рукой на лежащий рядом с ним номер «Таймс».

– Теперь, мадам, будьте добры, назовите свое имя и скажите, чем мы можем быть вам полезны.

– Меня зовут Виктория Селкирк, – представилась женщина. – И по большей части мой приезд к вам связан с моим предстоящим браком.

– Прошу вас, продолжайте, – сказал Холмс, возвращаясь в кресло.

– Пожалуйста, извините, что я приехала к вам, не известив предварительно о своем намерении, – сказала мисс Селкирк. – Дело в том, что я не знаю, к кому еще я могла бы обратиться.

Холмс пригубил бренди в ожидании продолжения.

– Асперн-холл, владение моего жениха, расположен в нескольких милях от Хексема. Мы с матерью, готовясь к свадьбе, сняли коттедж неподалеку. В последние несколько месяцев свирепый волк наводит ужас на жителей этого места.

– Волк? – удивленно переспросил я.

Мисс Селкирк кивнула:

– Он уже убил двух человек.

– Но волки в Британии истреблены, – сказал я.

– Это не точно, Ватсон, – вмешался Холмс. – Некоторые считают, что волки еще сохранились в отдаленных и труднодоступных местах. – Он повернулся к мисс Селкирк. – Расскажите мне об этих убийствах.

– Они были совершены с необыкновенной жестокостью, – впрочем, от дикого зверя ничего иного ждать не приходится. – Она помедлила. – И этот зверь, кажется, все больше входит во вкус.

– Волк-людоед? – сказал я. – Очень необычно.

– Возможно, – ответил Холмс. – Однако это не выходит за грань вероятности. Вспомните случай о льве-людоеде в Тсаво[39]. Когда другой дичи мало – а вы вспомните, какой суровой была прошлая зима, – хищники, чтобы выжить, приспосабливаются к необычным условиям. – Он посмотрел на мисс Селкирк. – А свидетели этих случаев есть?

– Да. Два.

– И о чем они рассказывают?

– О громадном волке, убегавшем в лес.

– С какого расстояния они видели этого волка?

– Их обоих отделяло от хищника болото… Я бы сказала, что с расстояния в несколько сотен ярдов.

Холмс наклонил голову:

– Днем или вечером?

– Вечером. В свете луны.

– А они не заметили у этого волка каких-то особенностей, кроме большого размера?

– Да. Голова у него была покрыта белой шерстью.

– Белой шерстью, – повторил Холмс. Он соединил пальцы рук и на несколько секунд погрузился в молчание. Потом встал и снова обратился к молодой женщине: – Какую именно помощь вы от нас ждете?

– Мой жених Эдвин является наследником имения Асперн. Их семья самая известная в округе. И вот теперь, когда местность охвачена страхом перед хищником, Эдвин чувствует, что его долг – уничтожить этого зверя, прежде чем он убьет еще кого-нибудь. Эдвин выходит в лес по ночам. Часто в одиночестве. И хотя он вооружен, я опасаюсь за его жизнь и боюсь, как бы с ним не случилась беда.

– Понимаю, мисс Селкирк, – сказал Холмс и продолжил с оттенком суровости в голосе: – Но к сожалению, ничем не могу помочь. Вам нужно обратиться к охотнику, а не к сыщику.

Выражение на лице мисс Селкирк стало еще более озабоченным.

– Но я слышала о ваших успехах в раскрытии похожего страшного дела – в Баскервиль-холле. Поэтому-то я к вам и приехала.

– То было деяние рук человеческих.

– Но… – Мисс Селкирк задумалась. От ее кажущегося умения владеть собой почти не осталось следа. – Мой жених исполнен решимости. Он видит в этом свой долг, потому что занимает высокое положение в обществе. А его отец сэр Персиваль не считает возможным воспрепятствовать ему. Прошу вас, мистер Холмс. Никто другой мне не поможет.

Холмс пригубил бренди, вздохнул, встал, прошелся по комнате и снова сел.

– Вы сказали, что волк убежал в лес. Могу ли я предположить, что вы имеете в виду Килдерский лес?

Мисс Селкирк кивнула:

– Асперн-холл соседствует с ним.

– Вы знали, Ватсон, – спросил Холмс, – что Килдерский лес в Нортумберленде – самый большой оставшийся лесной массив в стране?

– Нет, не знал, – ответил я.

– А что он известен, в частности, последней большой популяцией евразийской рыжей белки?

Я посмотрел на Холмса – безразличное выражение исчезло с его лица, глаза загорелись. Конечно же, я знал о его живом интересе к Sciurus vulgaris[40]. Он, вероятно, был самым крупным в мире специалистом по таксономии и поведению этого животного и даже опубликовал несколько монографий по данному предмету. А кроме того, я почувствовал, что он проникся необыкновенным восхищением к этой женщине.

– В таком большом ареале обитания можно увидеть подвиды, доселе неизвестные, – сказал Холмс скорее себе, чем нам. Потом он спросил у нашей гостьи: – Вам есть где остановиться в городе?

– Я договорилась с родственниками в Ислингтоне.

– Мисс Селкирк, – сказал Холмс, – я намерен взяться за это

расследование, но не потому, что меня заинтересовало дело, а скорее потому, что оно не вызвало у меня интереса.

Он посмотрел на меня и со значением перевел взгляд на вешалку для шляп, где висели мой котелок и его матерчатая кепка с длинными наушниками.

– Можете на меня рассчитывать, – тут же ответил я.

– В таком случае, – сказал Холмс, обращаясь к мисс Селкирк, – давайте встретимся завтра утром на вокзале Паддингтон, откуда, если я не ошибаюсь, в восемь двадцать отправляется экспресс на Нортумберленд.

Затем он проводил молодую женщину до двери.

На следующее утро, как и договаривались, мы встретили Викторию Селкирк на вокзале Паддингтон и выехали в Хексем. Холмс, обычно встававший поздно, судя по его виду, снова испытывал сомнения относительно этого дела. Он был беспокоен и молчалив, и, когда поезд тронулся, мне ничего не оставалось, кроме как самому завязать разговор с мисс Селкирк. Чтобы убить время, я расспрашивал ее про Асперн-холл и его обитателей, как пожилых, так и молодых.

Она рассказала, что Холл был возведен на руинах древнего монастыря, построенного в 1450 году и частично снесенного во время развязанной Генрихом VIII борьбы с монастырями. Нынешний его владелец, сэр Персиваль Асперн, прежде был шляпником. В юности он запатентовал революционный метод изготовления зеленого фетра.

Холмс оторвался от созерцания проносящегося мимо ландшафта:

– Зеленого фетра, вы говорите?

Мисс Селкирк кивнула:

– Помимо того, что этот материал широко используется для игровых столов, он еще был очень моден в пятидесятые годы в качестве материала для дамских шляпок. Сэр Персиваль заработал на этом состояние.

Холмс махнул рукой, словно прогоняя навязчивое насекомое, и вернулся к созерцанию ландшафта.

Мисс Селкирк сообщила мне, что особые шляпки сэра Персиваля заказывает сама королева Виктория, и это стало основой

для присвоения ему рыцарского звания. Его сын Эдвин – ее жених – довольно рано поступил в армию и служил в полку легких драгун. Теперь он временно живет в Холле и пока еще не решил, будет ли и дальше продолжать военную карьеру.

Мисс Селкирк проявляла крайнюю тактичность, не всегда свойственную женщинам, но тем не менее я почувствовал, что, хотя отец Эдвина хочет, чтобы тот перенял у него семейное дело, сам Эдвин пока еще не принял решения по этому вопросу.

Поезд ехал все дальше и дальше, сочные травы и живые изгороди прилондонских графств стали сменяться более необжитыми пейзажами; вересковые пустоши, болота, деревья, еще не покрывшиеся листвой, перемежались скалистыми обнажениями и утесами. Наконец мы прибыли в Хексем, милый провинциальный городок, состоящий из скопления каменных коттеджей с соломенными крышами, сгрудившихся близ единственной Хай-стрит. На станции нас ждала коляска, на облучке которой сидел мрачного вида возница. Не говоря ни слова, он погрузил наши саквояжи и сумки, потом вернулся на свое место и тронул лошадей. Мы поехали по тряской дороге в направлении Холла.

Дорога шла по отлогому спуску, и чем дальше, тем все более влажным и мрачным становился ландшафт. Снег, о котором Холмс говорил днем ранее, еще лежал местами. Солнце, выглянувшее было во время нашего путешествия в поезде, снова скрылось за тучами, отчего окрестности приобрели какой-то гнетущий вид.

Мы проехали, наверное, миль пять, когда Холмс, который не произнес ни слова с тех пор, как мы сошли с поезда, вдруг словно проснулся.

– Скажите, что это там такое? – спросил он, показывая куда-то вдаль своей тростью.

Посмотрев в том направлении, я разглядел нечто похожее на топь или трясину, поросшую по краям ежовником. За ней в предвечернем тумане виднелась непрерывная линия черноты.

– Это болото, о котором я рассказывала, – ответила мисс Селкирк.

– А еще дальше опушка Килдерского леса?

– Да.

– И верно ли, что нападения волка имели место между одним и другим?

– Да, именно так.

Холмс кивнул, по-видимому удовлетворившись, но больше ничего не сказал.

Дорожка сделала длинный, неторопливый поворот в объезд болота, и наконец мы оказались в Асперн-холле. Это был старый особняк самой необычной архитектуры – с ассимметричными крыльями и вспомогательными сооружениями, построенными вроде бы под прямыми углами друг к другу, и я объяснил эти особенности тем фактом, что дом строился на руинах старого монастыря. Когда мы подъехали поближе, я разглядел и другие подробности. Фасад был облицован камнями, которые обильно покрылись лишайником, из множества печных труб поднимались облачка дыма. Главный дом, а также различные коттеджи и строения были окружены осокой и карликовыми дубами. Возможно, дело было в прохладном весеннем воздухе или близости болота и темного леса, но я не мог отделаться от отчетливого ощущения, что дом впитал в себя унылость и дурное предчувствие, которыми был насыщен окружающий его ландшафт.

Возница остановил лошадей перед входом в главный дом. Сначала он извлек из багажного места сумку мисс Селкирк, потом взялся было за наши, но Холмс остановил его, попросив подождать. Следуя за мисс Селкирк, мы вошли в дом и оказались в длинном коридоре, имеющем довольно аскетический вид. Перед входом в помещение, очевидно служившее гостиной, нас встречал хозяин дома. Он был худой и высокий, лет пятидесяти пяти с гаком, светлые его волосы сильно поредели, а лицо было испещрено морщинами. На нем был черный фрак, в одной руке он держал газету, а в другой – собачий хлыст. Видимо, он услышал, как подъезжает коляска. Отложив собачий хлыст и газету, он двинулся нам навстречу.

– Насколько я понимаю, сэр Персиваль Асперн?

– Вы верно понимаете, сэр. Но тут вы имеете преимущество передо мной.

Холмс слегка поклонился:

– Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой друг и коллега доктор Ватсон.

– Понятно. – Сэр Персиваль повернулся к нашей спутнице. – Значит, вот для чего вы ездили в город, мисс Селкирк?

Мисс Селкирк кивнула:

– Да, сэр Персиваль. Если вы меня извините, я должна увидеть мою матушку.

Она тут же покинула коридор, оставив нас с хозяином дома.

– Я слышал про вас, мистер Холмс, – сказал сэр Персиваль. – Но боюсь, что вы напрасно совершили столь долгое путешествие. Ваши методы, сколь бы блестящими они ни были, вряд ли применимы к зверю вроде того, что посеял ужас в округе.

– Это еще нужно доказать, – резко ответил Холмс.

– Что ж, входите и выпейте бренди, если угодно.

Сэр Персиваль пригласил нас в гостиную, где дворецкий налил нам выпивку.

– Мне показалось, – заговорил Холмс, когда мы уселись у камина, – что вы не разделяете опасений вашей будущей невестки за вашего сына.

– Не разделяю, – ответил сэр Персиваль. – Он недавно вернулся из Индии и прекрасно понимает, что к чему.

– И тем не менее, как сообщают, этот зверь уже убил двух человек, – сказал я.

– В прежние времена я охотился вместе с сыном и могу поручиться за его опыт следопыта и снайпера. Дело в том, мистер… Ватсон, не так ли? Дело в том, что Эдвин очень серьезно относится к своим обязанностям наследника Асперн-холла. И я позволю себе сказать, что его мужество и инициатива не остались незамеченными в нашем районе.

– Мы можем поговорить с ним? – спросил Холмс.

– Безусловно, но только когда он вернется. Он сейчас в лесу, выслеживает этого зверя. – Он помолчал. – Будь я помоложе, я был бы сейчас рядом с ним.

Мне показалось, что это оправдание выдает некоторую трусость, и я исподтишка бросил взгляд на Холмса. Но его внимание было по-прежнему приковано к сэру Персивалю.

– Женские страхи или нет, но при всем при том прекрасный пол должно ублажать, – продолжал сэр Персиваль. – Я намерен предоставить вам все возможности свободно расследовать ситуацию, мистер Холмс. И предлагаю вам всю ту помощь, что вам может понадобиться, включая и крышу над головой, если таковая требуется.

Это приглашение, при всем его благородстве, было сделано через силу.

– В этом нет необходимости, – сказал Холмс. – Мы в Хексеме проезжали мимо гостиницы – «Плуг», так, кажется, она называется. Мы будем действовать оттуда.

Пока Холмс говорил, сэр Персиваль расплескал бренди, залив рубашку на груди. С тихим проклятием он поставил стакан на столик.

– Насколько мне известно, сэр, вы занимаетесь шляпным делом, – сказал Холмс.

– Все в прошлом. Теперь делом от моего имени управляют другие.

– Меня всегда очаровывал процесс изготовления фетра. Из чисто научного любопытства. Видите ли, мое увлечение – химия.

– Ясно. – Наш хозяин с рассеянным видом похлопал по влажной рубашке на груди.

– Насколько я понимаю, главная проблема – смягчить жесткий волосяной покров животного, чтобы сделать материал достаточно податливым для изготовления фетра.

Я снова посмотрел на Холмса, не понимая, зачем он затеял подобный разговор.

– Помнится, – продолжил Холмс, – я читал где-то, что турки в старину решали эту проблему с помощью верблюжьей мочи.

– Ну, мы прошли большой путь от этих примитивных методов, – ответил сэр Персиваль.

В гостиную вошла мисс Селкирк. Она посмотрела в нашу сторону, едва заметно улыбнулась и села. Она явно сильно беспокоилась за своего жениха и с трудом сдерживалась, чтобы не поддаваться панике.

– Не сомневаюсь, что ваш процесс гораздо более современный, –

сказал Холмс. – Было бы любопытно узнать подробности.

– Хотелось бы мне удовлетворить ваше любопытство, мистер Холмс, но это остается коммерческой тайной.

– Понятно. – Холмс пожал плечами. – Я спросил из чистого любопытства, так что ничего страшного.

В этот момент из коридора донесся какой-то шум. Несколько секунд спустя в дверях появился молодой человек в полном охотничьем облачении. Это определенно был сын сэра Персиваля, и с его решительным лицом, военной осанкой и крупнокалиберным ружьем на плече он являл собой внушительную фигуру. Мисс Селкирк тут же поднялась и с криком облегчения бросилась к нему.

– Ах, Эдвин, – сказала она. – Умоляю тебя, Эдвин, пусть этот раз будет последним.

– Вики, – произнес молодой человек нежным, но твердым голосом, – этот зверь должен быть уничтожен. Мы не можем допустить, чтобы произошло еще одно несчастье.

Сэр Персиваль тоже поднялся и представил Холмса и меня. Но мой друг нетерпеливо прервал эти любезности, чтобы задать новоприбывшему вопросы.

– Насколько я понимаю, – сказал он, – ваша сегодняшняя вылазка не увенчалась успехом.

– Вы правы, – ответил Эдвин Асперн с печальной улыбкой.

– А где, позвольте узнать, вы вели ваши поиски?

– В западной части леса, за болотом.

– И ничего не нашли? Следы? Помет? Может быть, лежку?

Молодой Асперн отрицательно покачал головой:

– Абсолютно.

– Очень изобретательный, умный волк, – заметил сэр Персиваль. – Даже собакам не удается взять его след.

– Таинственное дело, – пробормотал Холмс. – Весьма таинственное.

Холмс отказался от приглашения поужинать, и после короткой прогулки по прилегающим землям мы отправились назад в Хексем,

где сняли комнаты в гостинице «Плуг». На следующее утро, после завтрака, мы отправились представиться в местную полицию, которая, как выяснилось, состояла из одного человека – некоего констебля Фрейзера. Констебль сидел за столом и что-то с деловым видом записывал в блокнот. По моим предыдущим делам с Холмсом я составил не очень высокое мнение о провинциальной полиции. И на первый взгляд констебль Фрейзер – в темно-зеленом плаще и кожаных крагах – вроде бы подтверждал мои подозрения. Но он, оказывается, слышал про Холмса, а когда он стал отвечать на вопросы моего друга, я понял, что перед нами по меньшей мере преданный своему делу и компетентный полицейский, наделенный похвальным упорством в достижении цели, хотя, возможно, и не самый блестящий интеллектуал.

Он рассказал, что первой жертвой волка была странная, довольно темная личность преклонных лет. Этот человек всегда был одет в лохмотья и растрепан. Он появился в Хексеме за несколько недель до своей смерти, слонялся по городку, пугал детей и женщин своими неразборчивыми завываниями. Он не остановился в гостинице – судя по всему, у него не было средств, и по прошествии двух-трех дней встревоженные жители вызвали констебля, чтобы тот поинтересовался родом деятельности этого безымянного бродяги. Поиски привели констебля в заброшенный домик лесорубов на границе Килдерского леса. Человек отказался отвечать на вопросы констебля и вообще ничего не сказал о себе.

– Неразборчивые завывания? – повторил Холмс. – Не могли бы вы уточнить?

– Сам с собой он разговаривал довольно много, неистово жестикулировал, нес всякую чушь. Что-то о том, как несправедливо с ним обошлись. Ну и всякую другую ерунду.

– Чушь, вы говорите? Например?

– Да какие-то обрывки фраз. Как его предали. Преследовали. Как он мерз. Как он отправится в полицию и добьется справедливости.

– Что-нибудь еще?

– Нет, – ответил констебль. – Хотя да, еще одна странная вещь. Он часто упоминал каротин.

– Каротин?

Констебль Фрейзер кивнул.

– Может быть, ему не хватало витаминов. Про другие лекарства он не говорил?

– Нет. Только про каротин.

– И вы говорите, что он упоминал каротин много раз?

– Это слово вырывалось у него снова и снова. Но как я уже сказал, мистер Холмс, это был какой-то винегрет. Набор слов без всякого смысла.

Вопросы такого рода показались мне бессмысленной тратой времени. Пытаться отыскать какое-то зерно в болтовне сумасшедшего – что может быть глупее! И потом, я не видел никакой связи между его болтовней и трагической гибелью в волчьих зубах. Похоже, констебль Фрейзер чувствовал то же самое, потому что теперь он поглядывал на Холмса с некоторым сомнением.

– Расскажите мне еще о его внешности, – попросил Холмс. – Все, что сможете вспомнить. Прошу вас, не упустите ни малейшей детали.

– Он был крайне неопрятен. Одет в тряпье, волосы непричесаны. Глаза красные. Зубы почернели.

– Почернели, вы говорите? – прервал его Холмс с неожиданным интересом. – Черные – в смысле гнилые?

– Нет, они скорее были темные, однородно темные, но при слабом свете казались черными. И он постоянно был пьян, хотя ума не приложу, где он брал деньги на выпивку.

– Почему вы решили, что он был пьян?

– Обычные симптомы алкоголизма: несвязная речь, дрожащие руки, шаткая походка.

– А бутылок в этой хижине лесорубов вы не видели?

– Нет.

– Когда вы с ним говорили, вы ощущали запах спиртного в его дыхании?

– Нет. Но за время службы я достаточно повидал алкоголиков, и симптомы мне хорошо известны, мистер Холмс. Тут не может быть

никаких сомнений.

– Отлично. Продолжайте, пожалуйста.

Констебль с видимым облегчением вернулся к своему рассказу.

– Город, должен сказать, был сильно настроен против него. Настолько сильно, что я уже собирался прогнать его отсюда, но тут волк сделал за меня эту работу. На следующее утро после моего с ним разговора его нашли на опушке леса, тело его было ужасным образом изувечено и разодрано, на руках и ногах отметины зубов.

– Понятно, – кивнул Холмс. – А вторая жертва?

В этот момент, должен признаться, я чуть было не возразил против отхода от главного. Холмс задавал констеблю абсолютно тривиальные вопросы, а о самом важном не спрашивал. Например, кто нашел тело. Но я сдержался, и констебль Фрейзер продолжил.

– Это произошло две недели спустя, – сказал констебль. – Жертвой стал приезжий натуралист из Оксфорда – он интересовался рыжей белкой.

– Его нашли в том же месте, где и первого?

– Неподалеку. Чуть ближе к болоту.

– А почему вы думаете, что оба человека пали жертвой одного и того же зверя?

– По виду ранений, сэр. Второе нападение было еще более свирепым. На этот раз человека… частично съели.

– Как прореагировал город на второе убийство.

– Было много разговоров. Разговоров и страха. К делу проявил интерес сэр Персиваль. А его сын, который недавно вернулся из Индийской кампании, стал по вечерам выходить в лес с ружьем. Он исполнен решимости убить зверя. Я открыл собственное расследование.

– Вы хотите сказать, что сделали это после второго убийства?

– Прошу прощения, мистер Холмс, но открывать дело после первого случая не имело смысла. Ну вы понимаете: избавились от старого бродяги – и слава богу. Но на этот раз жертвой стал уважаемый гражданин, и мы явно столкнулись со случаем людоедства. Если волк убил двоих, то он будет убивать снова… если

сможет.

– Вы допрашивали свидетелей?

– Да.

– Их истории согласуются?

Констебль кивнул:

– Этого волка видели после второго убийства – он бежал к лесу. Жуткая зверюга.

– А с какого расстояния его видели?

– В отдалении, вечером, но при свете луны. Достаточно близко, чтобы разглядеть, что шерсть на его голове белоснежная.

Холмс задумался на минуту.

– Что сказал доктор, который участвовал в расследовании?

– Как я уже упоминал, он отметил среди прочего, что, хотя обе жертвы были сильно искалечены, вторую частично съели.

– Но на первой обнаружилось лишь несколько как бы пробных следов от звериных клыков. – Холмс обратился ко мне: – Вам известно, Ватсон, что звери именно так и становятся людоедами? Так было и со львами из Тсаво, которых мы с вами обсуждали.

Я кивнул:

– Возможно, его охотничья территория находится в глубине леса, а холодная и долгая зима заставила его искать пропитание вблизи цивилизации.

Холмс снова обратился к констеблю:

– У вас есть еще какие-нибудь наблюдения?

– К сожалению, мистер Холмс, скорее, недостаток наблюдений.

– Прошу вас, поясните.

– Понимаете, это странно. – На лице констебля Фрейзера отразилось замешательство. – У моей семьи ферма на краю леса, и я пять-шесть раз, когда появлялась возможность, заходил в лес поискать следы этого животного. Можно было бы предположить, что найти такого громадного зверя не составит труда. Но я нашел всего несколько следов, оставленных зверем после второго убийства.

Следопыт я плохой, но могу поклясться, что двигалось это животное как-то необычно.

– Необычно? – переспросил Холмс. – Что вы имеете в виду?

– Следов очень мало. Словно это не зверь, а призрак, он приходит и уходит, не попадаясь на глаза. Вот почему я вечером отправляюсь на поиски свежих следов.

При этих словах Холмс подался вперед на своем стуле:

– Позвольте дать вам совет, констебль. Я прошу вас немедленно прекратить поиски. Больше никаких вечерних прогулок по лесу.

Констебль нахмурился:

– Но у меня есть определенные обязанности, мистер Холмс. И потом, если кому и грозит опасность, то это молодому мистеру Асперну. Он каждый вечер выходит на поиски.

– Послушайте меня, – твердо произнес Холмс. – Это полная глупость. Асперну никакая опасность не грозит. Но с вами, констебль, дело другое. Я вас предупреждаю: будьте осторожны.

Это резкое заявление и замечание, что страхи мисс Селкирк за своего жениха необоснованны, поразили меня. Но Холмс больше ничего не добавил, вопросов у него тоже больше не было (он только еще раз остерег констебля от хождения по лесу), и наш разговор – по крайней мере, на этот раз – закончился.

Было воскресенье, и нам пришлось ограничить наше расследование разговорами с жителями Хексема. Прежде всего Холмс нашел двух свидетелей, но им почти нечего было добавить к тому, что нам уже рассказал мистер Фрейзер: они оба видели большого волка, даже очень большого, который спешил в направлении болота, шерсть на его голове в свете луны была серебристо-белого цвета. Никто из них не пытался преследовать волка, напротив, подчиняясь здравому смыслу, они со всех ног поспешили домой.

После этого мы отправились в «Плуг», где Холмс принялся выяснять мнение постояльцев о волке и убийствах. Все, с кем мы говорили, были крайне взволнованы этими случаями. Некоторые, прикладываясь к пиву, говорили о своем намерении не сегодня завтра отправиться на охоту и покончить с волком-убийцей. Большинство готовы были удовольствоваться действиями молодого Асперна и

выражали восхищение его смелостью.

Имелось только два особых мнения. Одно высказал местный бакалейщик, твердо державшийся убеждения, что в этих убийствах виновата стая одичавших собак, обитающая в дебрях Килдерского леса. Другое мнение высказал сам владелец паба, который сообщил нам, что второй погибший, несчастный натуралист из Оксфорда, узнав про первое убийство, категорически утверждал: животное, совершившее это, никакой не волк.

– Не волк? – резко переспросил Холмс. – И каким же знаниям, позвольте узнать, обязаны мы столь безапелляционному суждению?

– Не могу вам точно сказать, сэр. Он просто заявил, что, по его мнению, волков в Англии больше нет.

– Я бы не назвал это научным аргументом, – вставил я.

Холмс посмотрел на владельца паба проницательным взглядом:

– И какое же именно животное наш добрый натуралист поселил в Килдерский лес?

– Этого я не могу вас сказать, сэр. Он не делал никаких предположений.

С этими словами владелец паба принялся протирать стаканы.

Если не считать разговора с констеблем, то день, можно сказать, прошел без толку. Холмс был неразговорчив за обедом и рано удалился в свой номер с недовольным выражением на лице.

На следующий день рано утром, едва рассвело, меня разбудил беспорядочный хор голосов под окном. Я посмотрел на часы – было всего лишь начало седьмого. Быстро одевшись, я спустился по лестнице. На Хай-стрит собралась небольшая толпа, люди оживленно разговаривали и жестикулировали. Холмс уже был среди них, а увидев, что я выхожу из гостиницы, он быстро направился ко мне.

– Мы должны поспешить, – сказал он. – Волка видели еще раз.

– Где?

– В том же самом месте – между болотом и опушкой леса. Идемте, Ватсон, мы непременно должны первыми добраться до места. У вас при себе ваш «веблей»?[41]

Я похлопал себя по правому карману жилета.

– Тогда поспешим. Волка из этого оружия, может, и не убить, но напугать – напугаем.

Наняв ту же коляску и мрачного возницу, который вез нас днем ранее, мы легким галопом поскакали из Хексема. Холмс не переставая торопил возницу. Когда мы оказались среди пустоши, мой друг сказал, что уже говорил со свидетельницей, которая и стала причиной этих волнений: пожилая женщина, жена аптекаря, шла вдоль дороги, собирая травы и целебные растения. Она не смогла добавить ничего существенного к тому, что говорили другие свидетели, только подтвердила их сообщения о больших размерах животного и пучке белой шерсти на его голове.

– Вы опасаетесь…

– Я опасаюсь худшего.

Когда мы добрались до места, Холмс приказал вознице ждать и, не теряя ни секунды, выпрыгнул из коляски и двинулся через заросли осоки и колючих кустов. Болото находилось слева от нас, темные очертания Килдерского леса – справа. Растительность была влажной от холодной утренней росы, и кое-где на земле еще оставались снежные лоскуты. Мы не прошли и сотни ярдов, а мои туфли и брюки уже насквозь промокли. Холмс намного опередил меня, прыгая с кочки на кочку как одержимый. Внезапно он остановился на небольшом бугорке и огорченно вскрикнул, а потом опустился на колени. Приблизившись к нему с пистолетом наготове, я увидел, *что* он нашел. В болотной траве, менее чем в двухстах ярдах от леса, лежало тело. Рядом с ним валялась военная винтовка, судя по всему «мартини-генри» четвертой модели. Я сразу же узнал и плащ, и кожаные краги, теперь разодранные самым нещадным образом. Это был констебль Фрейзер… точнее, то, что от него, бедняги, осталось.

– Ватсон, – произнес Холмс непререкаемым тоном, – ни к чему не прикасайтесь. Однако я был бы вам признателен, если бы вы по внешнему виду выразили свое медицинское мнение о состоянии жертвы.

– Он явно был растерзан каким-то крупным хищным животным, – сказал я, глядя на безжизненное тело.

– Волком?

– Это представляется наиболее вероятным.

Холмс продолжал допрашивать меня:

– Вы не видите никаких специфичных, опознаваемых отметок? Например, следов, оставленных клыками? Или когтями?

– Трудно сказать. Жестокость нападения и прискорбное состояние тела не позволяют сделать точное заключение.

– А отсутствуют ли какие-либо части тела?

Я присмотрелся. Невзирая на мое медицинское образование, даже у меня от этого зрелища мороз подрал по коже. Я не раз видел в Индии людей, искалеченных тиграми, но никогда в моей практике не сталкивался с такой свирепостью, с какой был растерзан констебль Фрейзер.

– Да, – сказал я наконец. – Да, мне кажется, некоторые части отсутствуют.

– Совпадает ли это с описанием второй жертвы? Натуралиста?

– Нет-нет. Я бы сказал, что это нападение было гораздо более яростным.

Холмс медленно кивнул:

– Видите, Ватсон, опять все так же, как и в случае со львами-людоедами в Тсаво. С каждой новой жертвой зверь свирепеет все больше. Все больше входит во вкус.

Он вытащил из кармана увеличительное стекло.

– Ни одного выстрела не было сделано, – сообщил он, осмотрев «мартини-генри». – Судя по всему, зверь подкрался сзади и напал на жертву.

Наскоро осмотрев тело, Холмс начал двигаться по увеличивающемуся кругу. Наконец, издав еще один крик, он замер, наклонился, потом, не сводя глаз с земли, медленно двинулся вперед в направлении находящейся вдалеке фермы, окруженной двумя огороженными полями (я решил, что это и есть жилье несчастного констебля). В какой-то момент Холмс остановился, повернулся и, не убирая увеличительного стекла от глаза, вернулся к телу, медленно прошел мимо него и остановился лишь у самой кромки болота.

– Волчьи следы, – сказал он. – Никаких сомнений. Они ведут из леса к месту около фермы, а потом туда, где и было совершено

нападение. Я уверен, зверь вышел из леса, выследил жертву и убил на открытом месте. – Он снова с помощью увеличительного стекла пригляделся к траве на краю болота. – Здесь следы ведут прямо в болото.

Теперь Холмс описал круг по болоту, при этом он совершал множество действий: несколько раз останавливался, возвращался назад, с повышенным вниманием обследовал несколько мест, вызвавших у него особый интерес. Я оставался у тела, ни к чему не прикасался, как и велел мне Холмс, только следил издалека за его действиями. Холмс осматривал местность около часа. За это время я промок до нитки и продрог. Вдоль дороги собралось несколько зевак, а когда Холмс закончил свои поиски, приехали местный доктор и мировой судья – последний являлся номинальным начальником покойного констебля Фрейзера. Холмс не сказал ни слова о своих находках, просто стоял в болотной траве, пока доктор, судья и я заворачивали тело и относили его в коляску. Когда та тронулась в сторону города, я пошел туда, где все еще стоял не двигаясь Холмс, совершенно не чувствовавший, что брюки на нем промокли, а в туфлях полно воды.

– Нашли что-нибудь представляющее интерес? – спросил я его.

Он посмотрел на меня, вытащил из кармана трубку, закурил и ответил вопросом на вопрос:

– Вам не кажется это занятным, Ватсон?

– Все это дело довольно таинственно, – ответил я. – Во всяком случае, в той части, которая касается этого треклятого неуловимого волка.

– Я говорю не о волке. Я говорю о нежных отношениях между сэром Персивалем и его сыном.

Эта non sequitur[42] ошеломила меня.

– Боюсь, я не понимаю, к чему вы клоните, Холмс. С моей точки зрения, их отношения далеки от теплых, по крайней мере в том, что касается откровенного безразличия отца к жизни и безопасности сына.

Холмс затянулся трубкой и загадочно сказал:

– Да. В этом-то и состоит тайна.

Поскольку мы теперь находились ближе к Асперн-холлу, чем к городу, а нашу коляску реквизировал судья, мы пешком направились по дороге в Холл и через час добрались до места. Нас встретили сэр Персиваль и его сын, только что закончившие завтракать. Известие о последнем нападении волка еще не дошло до них, и с нашим появлением в доме поднялась настоящая буря. Молодой Эдвин заявил, что сейчас же пойдет по следу зверя, но Холмс отсоветовал ему делать это: после недавнего нападения зверь наверняка залег в своей берлоге.

Затем Холмс спросил у сэра Персиваля, не позволит ли он нам воспользоваться его коляской, чтобы мы могли как можно скорее отправиться в Хексем, а там сесть в первый поезд на Лондон.

Сэр Персиваль выразил удивление, но возражать не стал. Пока ходили за возницей, Холмс предложил мне прогуляться по саду.

– Я думаю, Ватсон, вам следует доехать со мной до Хексема, – сказал он, – забрать ваши вещи из «Плуга», а потом вернуться сюда, в Асперн-холл, и переночевать здесь.

– Это еще зачем? – воскликнул я.

– Если только я сильно не ошибаюсь, я вернусь из Лондона, вероятно, завтра утром, – сказал он. – И привезу с собой подтверждение, которого мне не хватает для поимки этого злобного животного.

– Да объясните же толком, Холмс!

– Но до этого времени, Ватсон, ваша жизнь подвергается серьезной опасности. Вы должны обещать мне, что не покинете Холл до моего возвращения. Даже ради прогулки в саду.

– Послушайте, Холмс…

– Я настаиваю. В этом вопросе я не сделаю ни шагу назад. Не выходите из дома. Тем более с наступлением темноты.

Хотя эта просьба и показалась мне крайне эксцентричной (особенно если принять во внимание тот факт, что Холмс полагал, будто гораздо более энергичному в своих действиях Эдвину Асперну никакая опасность не грозит), я все же согласился.

– Должен заметить, старина, я не разделяю вашей уверенности, что вы сможете разрешить эту коллизию, – сказал я ему. – Волк

находится здесь, в Хексеме, а не в Лондоне. Если вы не собираетесь вернуться с набором ружей большого калибра, я не вижу другого способа покончить с этим делом.

– Напротив, вы все прекрасно видите, – возразил мне Холмс. – Вы должны быть смелее в своих умозаключениях, Ватсон.

В этот момент до нас донесся стук копыт по гравию дорожки, и к дверям подъехала коляска.

Я провел безотрадный день в Асперн-холле. Задул ветер, а потом пошел дождь. Сначала слабый, затем довольно сильный. Делать мне было нечего, и я убивал время, читая вчерашнюю «Таймс», внося записи в дневник и просматривая книги в обширной библиотеке сэра Персиваля. До обеда я не видел никого, кроме слуг. Во время еды Эдвин заявил о своем намерении снова отправиться вечером в лес на поиски волка. Мисс Селкирк, еще более обеспокоенная судьбой жениха, принялась категорически возражать. Сцена была ужасная. Хотя возражения мисс Селкирк и тронули Эдвина, он не изменил своих намерений. Сэр Персиваль, со своей стороны, явно гордился мужеством сына и, когда будущая невестка стала ему возражать, защитил себя словами о семейной чести и искренней поддержке жителей. После ухода Эдвина я взял на себя обязанность остаться с мисс Селкирк и попытаться вовлечь ее в разговор. Задача эта была не из простых – уж слишком она волновалась, и я от всего сердца обрадовался, когда около половины двенадцатого услышал шаги Эдвина по коридору. Его поиски опять были безуспешными, но, по крайней мере, он вернулся живым и здоровым.

Шерлок Холмс на следующий день появился довольно поздно. Он отправил сэру Персивалю телеграмму с просьбой прислать за ним на вокзал коляску и в Холле появился в приподнятом настроении. С Холмсом приехали мировой судья и городской доктор, и мой друг, не теряя времени, собрал всю семью и слуг Холла.

Когда все расселись, Холмс сказал, что раскрыл это дело. Его слова повергли собравшихся в замешательство и вызвали бурю вопросов. Эдвин пожелал узнать, что означает «раскрыл дело», тогда как всем известно, что преступником является волк. Холмс отказался отвечать на какие-либо вопросы. Несмотря на поздний час, он заявил, что возвращается в «Плуг», где у него имеются кое-какие важные заметки по этому делу, с тем чтобы упорядочить свои выводы. Он воспользовался этой поездкой, чтобы посовещаться с судьей и

доктором, а в Холл приехал, чтобы забрать меня в город, где я должен буду помочь ему в уточнении последних деталей. Завтра, пообещал Холмс, он предаст гласности свои выводы.

К концу этой короткой речи появился возница и сообщил, что задняя ось коляски сэра Персиваля сломалась и починить ее можно только к утру. Таким образом, Холмс (а также судья и доктор) не могли вернуться в Хексем до завтрашнего дня. Поделать с этим ничего было нельзя – всем предстояло ночевать в Асперн-холле.

Холмса такое развитие событий выбило из колеи. На протяжении всего вечера он не произнес ни слова, на его лице застыло брюзгливое выражение, он с мрачным видом возил вилкой по тарелке, опершись локтем о столешницу, покрытую камчатной скатертью, и поддерживая ладонью подбородок. Когда подали десерт, он заявил о своем намерении идти в Хексем пешком.

– Это исключено, – удивленно сказал сэр Персиваль. – Тут больше десяти миль.

– Я пойду не по дороге, – ответил Холмс. – Она слишком петляет. Я пойду из Асперн-холла в Хексем по прямой.

– Но это значит, что вам придется идти по болоту, – сказала мисс Селкирк. – А там… – Она не докончила фразы.

– Тогда я провожу вас, – заговорил вдруг Эдвин Асперн.

– Ничего подобного вы не сделаете. Последнее нападение волка случилось позавчера, и я сомневаюсь, что он успел проголодаться. Нет, я пойду один. Ватсон, когда я доберусь до Хексема, я распоряжусь, чтобы утром за вами и остальными приехала коляска.

На том дело и было улажено… по крайней мере, так мне казалось. Но вскоре после того, как мужчины удалились в библиотеку выпить бренди и выкурить сигары, Холмс отвел меня в сторону.

– Послушайте меня, Ватсон, – сказал он sotto voce[43]. – Как только вы сможете сделать это незаметно, выйдите из дома. Но чтобы никто вас не видел. Это жизненно важно, Ватсон: вы должны выйти так, чтобы вас *никто не увидел*. Помните об этом, потому что пока еще вашей жизни угрожает смертельная опасность.

Я удивился, но заверил Холмса, что сделаю все, как он сказал.

– Вы должны незаметно добраться туда, где мы обнаружили на

бугорке тело констебля Фрейзера. Найдите там укромное местечко, откуда вас не было бы видно ни из леса, ни с болота, ни с дороги. Будьте там не позднее десяти часов. И ждите моего появления.

Я согласно кивнул.

– Но когда я появлюсь, вы ни при каких обстоятельствах не должны вставать, окликать меня или каким-либо иным способом выдавать свое присутствие.

– Тогда что же я должен делать, Холмс?

– Можете не сомневаться: когда вам нужно будет вступить в дело, вы сами поймете. А теперь скажите: ваш пистолет по-прежнему при вас?

Я похлопал себя по карману, где мой «веблей» неизменно находился с тех самых пор, как мы предыдущим днем появились в Холле.

Мой друг удовлетворенно кивнул:

– Отлично, пусть он будет у вас наготове.

– А вы, Холмс?

– Я некоторое время перед уходом проведу здесь, а потом отправлюсь в путь. А до этого буду беседовать с молодым Асперном, играть в бильярд и делать все необходимое, чтобы отвлечь его. Крайне важно, чтобы именно этим вечером он ни в коем случае не поддался желанию отправиться на поиски волка.

Следуя указаниям Холмса, я дождался, когда джентльмены усядутся за вист. Тогда я удалился в свою комнату, взял цилиндр и пальто и, убедившись, что меня не видят ни хозяева, ни слуги, покинул дом через балконные двери малой столовой, незаметно проскользнул по лужку, а оттуда прямиком двинулся к дороге на Хексем. Дождь прекратился, но тучи все еще частично закрывали луну. По мрачному ландшафту растянулись щупальца промозглого тумана.

Я шел по раскисшей дорожке, которая неторопливо закруглялась на северо-восток, где ее ждали просторы болота. Вечер стоял холодный, и среди кустов и осоки то тут, то там виднелись снежные прогалины. Пройдя несколько миль до поворота, где дорога достигала своей самой северной точки, а после устремлялась на

восток к городу, я двинулся по низкой поросли на юг, к болоту. Луна уже появилась из-за туч, и теперь я различал впереди болото, отливающее каким-то призрачным блеском. А дальше, едва заметная в темноте, чернела граница Килдерского леса.

Добравшись наконец до бугорка, я оглянулся, а потом, согласно инструкциям Холмса, принялся искать место, откуда меня не было бы видно ни с одной стороны. На это ушло какое-то время, но все же я нашел впадину к востоку от бугорка, частично окруженную зарослями можжевельника и дрока, что давало превосходную возможность спрятаться и в то же время позволяло прекрасно видеть все подходы. Я устроился во впадинке и принялся ждать.

Следующий час моего бдения был сплошным мучением. Мои конечности онемели от неподвижности, пальто плохо защищало от сырости и холода. Время от времени я оглядывал различные подходы, а то и проверял состояние моего оружия – срабатывала сила нервной привычки.

Только после одиннадцати часов я услышал первые шаги – кто-то шел по болотной траве со стороны Асперн-холла. Я осторожно выглянул из укрытия. Это был Холмс, безошибочно узнаваемый по кепке и длинному пальто, его тощая фигура появилась из тумана, и походка была его – пружинистая, легкая. Он шел по самой кромке болота прямо ко мне. Засунув «веблей» в карман жилета, я приготовился к любому развитию событий.

Я ждал без движения, а Холмс приближался, держа руки в карманах. Он двигался в направлении Хексема с абсолютной невозмутимостью, словно вышел на обычную вечернюю прогулку. И вдруг я заметил, как из леса появилась другая фигура. Она была крупная и темная, почти черная, и я в ужасе увидел, что она на всех четырех устремилась к Холмсу. С его места по другую сторону бугорка мой друг не мог пока видеть это существо. Я сжал в руках мой «веблей». Сомнений не оставалось: из леса бежал тот самый страшный волк, намереваясь добавить к трем предыдущим жертвам четвертую.

Я следил за его приближением, держа револьвер наготове на тот случай, если зверь слишком близко подбежит к Холмсу. Но вдруг – когда животному оставалось до Холмса около сотни ярдов и оно оказалось в поле зрения моего друга – случилось нечто очень странное. Животное замерло, а потом начало с угрожающим видом

красться вперед.

– Добрый вечер, сэр Персиваль, – сказал Холмс как ни в чем не бывало.

Зверь ответил на приветствие злобным рычанием. К этому времени я вышел из засады и стал приближаться к животному сзади, изо всех стараясь двигаться бесшумно. Волк резко поднялся на задние ноги. Подойдя ближе, я, к своему удивлению, увидел, что это никакой не волк, а человеческое существо: сэр Персиваль, облаченный в нечто похожее на пальто из медвежьей шкуры. Подошвы его кожаных сапог были оснащены самодельными когтями, а подушечки волчьих лап свободно свисали с его рук, пристегнутые к перчаткам. В одной руке он держал пистолет, в другой – большой клинообразный инструмент с тяжелой рукояткой и длинными острыми зубцами. В свете взошедшей луны его волосы отливали неестественной белизной. Меня такой поворот событий почти парализовал.

Сэр Персиваль снова рассмеялся смехом маньяка.

– Добрый вечер, мистер Холмс, – сказал он. – Из вас получится прекрасная закуска.

Разразившись бессвязным потоком слов, разобрать который я не имел ни малейшей возможности, он взвел курок пистолета и прицелился в Холмса.

Ситуация складывалась критическая, и это вывело меня из оцепенения.

– Сдавайтесь, сэр Персиваль! – крикнул я, стоя сбоку от него и прицеливаясь.

Мой крик застал его врасплох. Он развернулся и наставил пистолет на меня, но я успел нажать на спусковой крючок – пуля попала ему в плечо. Издав крик боли, он ухватился за плечо, потом упал на колени. Через мгновение Холмс оказался рядом с ним. Он отобрал у сэра Персиваля оружие и его отвратительный инструмент, который, как я понял, использовался для того, чтобы оставлять на телах жертв следы в виде волчьих клыков.

– Буду вам признателен, Ватсон, если вы как можно скорее доберетесь до города, – сказал он мне спокойным тоном, – и вернетесь с повозкой и несколькими физически крепкими людьми. А

я останусь здесь с сэром Персивалем.

Остальное можно изложить коротко. После того как власти арестовали сэра Персиваля и доставили в полицейский суд, мы вернулись в Асперн-холл. Холмс обменялся несколькими словами с мировым судьей, молодым Эдвином Асперном и мисс Селкирк, а потом настоял на нашем возвращении в Лондон ближайшим поездом.

– Должен признаться, Холмс, – сказал я ему, когда на рассвете коляска, в которой мы сидели, направилась в сторону Хексема, – что если в прошлых делах я нередко до поры до времени пребывал в полном неведении, то на сей раз моему удивлению просто нет предела. Этот случай доказывает ваше непревзойденное coup de maotre[44]. Как, черт побери, вы догадались, что за всеми злодействами стоит человек, а не зверь? И каким образом вы догадались, что это дело рук сэра Персиваля, если вы, конечно, вообще знали это?

– Мой дорогой Ватсон, вы меня недооцениваете, – ответил Холмс. – Естественно, я знал, что это сэр Персиваль.

– Тогда объясните, как вы догадались.

– Ну, тут было несколько очевидных улик для человека, который умеет отделять существенные факты от простых совпадений. Начать с того, что первой жертвой стал сумасшедший. Когда речь идет о нескольких убийствах, Ватсон, всегда нужно особое внимание уделять первому. Нередко мотив обнаруживается именно в этом преступлении, а потому и все расследование строится на нем.

– Да, но первой жертвой был всего лишь безумный бродяга.

– Он, вероятно, стал таким в последние годы, однако прежде был иным. Вспомните, Ватсон, в его бреде часто повторялось одно слово: «каротин».

Я помнил, как помнил и то, что Холмса весьма заинтересовал этот факт. Но если тут и имелся какой-то смысл, то это было выше моего разумения.

– Продолжайте, – сказал я.

– Возможно, вы слышали, что для того, чтобы вяленая шерсть стала более податливой и из нее получился фетр высшего качества, используется так называемый процесс каротинизации – вымачивания шерсти в растворе нитрата ртути. – Произнеся слово «фетр», он

многозначительно посмотрел на меня.

– Фетр, – повторил я. – Вы имеете в виду фетр для изготовления шляп?

– Именно. Этот раствор имеет оранжевый цвет – отсюда и название «каротинизация». Однако этот процесс очень вреден для здоровья тех, кто на нем работает. Именно поэтому его использование теперь практически сошло на нет. Если долгое время вдыхать пары ртути – в частности, при производстве шляп, как в нашем случае, – почти неизбежно наступает интоксикация и начинаются необратимые изменения в организме. Развивается тремор рук, чернеют зубы, речь становится неразборчивой. В крайних случаях наступает слабоумие или полное сумасшествие. Отсюда и поговорка: безумный, как шляпник. – Холмс взмахнул рукой. – Мне все это известно благодаря моему давнему интересу к химии.

– Но какое отношение это имеет к сэру Персивалю? – спросил я.

– Если не возражаете, давайте по порядку. Вы, конечно, помните, что констебль Фрейзер считал нашего бродягу пьяницей, а в доказательство этого говорил, что у того дрожали руки, была бессвязная речь, шаткая походка. Но запаха алкоголя в дыхании бродяги он не чувствовал. Я тут же предположил, что истинная причина всего этого была не в пьянстве, а скорее в ртутном отравлении. Его упоминание каротина объясняет, как произошло отравление: это профессиональное заболевание шляпника, изготавливающего фетр. Я, естественно, пришел к выводу, что совпадение между прошлой профессией сэра Персиваля и неожиданным появлением этого странного человека далеко не случайно. Нет, этот человек в прошлом явно участвовал в шляпном деле сэра Персиваля. Вспомните, пожалуйста, два факта. Первое: этот человек все время болтал о предательстве, о справедливом суде. И второе: сэр Персиваль заработал свое состояние на уникальном процессе получения фетра – если помните, он еще отказался говорить со мной на эту тему, когда я поднял ее в Асперн-холле.

Коляска продолжала свой путь к Хексему, а Холмс продолжал свой рассказ:

– Приняв во внимание все факты, я начал обдумывать вероятность того, что этот человек, низведенный до столь прискорбного состояния, когда-то был партнером сэра Персиваля, а

может быть, и автором того самого революционного процесса изготовления фетра. И теперь, много лет спустя, он вернулся, чтобы свести счеты с бывшим партнером, разоблачить и уничтожить его. Иными словами, все это дело началось как обычный спор партнеров по делу, и сэр Персиваль разрешил его традиционным способом – убийством. Мне показалось весьма вероятным, что, когда этот бродяга появился в Хексеме, сэр Персиваль пообещал ему возмещение и договорился о встрече с ним на краю болота. Там сэр Персиваль убил своего бывшего партнера, а чтобы на его счет никогда не возникло никаких подозрений, жестоко разодрал тело, даже оставил на нем отметины, похожие на следы волчьих зубов: пусть все думают, что это жертва не убийства, а нападения хищника.

– И кажется, ему это вполне удалось, – заметил я. – Зачем же убивать снова?

– Вторым убитым, если вы помните, был натуралист из Оксфорда. В местной гостинице слышали его опровержение слухов о волке – он прямо говорил, что в Англии не осталось волков. Убив этого человека, сэр Персиваль достиг нескольких целей. Прежде всего, он заткнул рот человеку, который утверждал, что английские волки вымерли – ведь меньше всего сэру Персивалю хотелось, чтобы внимание всех снова обратилось к первому убийству. Кроме того, к этому времени до него, конечно, уже дошли слухи из Хексема, обвинявшие волка в убийстве его партнера. На тот случай, если его увидят, он смастерил большую медвежью шубу, а также перчатки с имитацией волчьих лап и сапоги, которые он, имея навыки шляпника, сумел сделать довольно убедительными. В этом маскарадном костюме он совершил второе убийство и бежал с места преступления. Я думаю, Ватсон, он даже надеялся, что на сей раз кто-нибудь увидит его и это даст новый толчок слухам о волке-людоеде. И ему действительно повезло.

– Да, я вижу жестокую логику в таком образе действий, – сказал я. – Но зачем было убивать констебля?

– Констебль Фрейзер был, возможно, не лучшим из следователей, но человеком упорным и дотошным. Нет сомнений, что сэр Персиваль воспринимал его как угрозу. Вспомните, как констебль намекал на некие подозрения касательно поведения волка. Эти подозрения, осмелюсь предположить, были связаны с тем, что волчьи следы уходили в болото, но *так и не вышли из него*. Констебль мог

заметить это после второго убийства, если не раньше. Я сам обнаружил этот странный феномен после смерти констебля, когда осматривал болото. Волчьи следы в болоте появились с запада – волк пришел на четырех лапах. Но на выходе были видны только следы двуногого, то есть человека. Как вы понимаете, сэр Персиваль вошел в болото на всех четырех, как волк, а вышел под прикрытием растительности в собственном обличье, на тот случай, если кто увидит его. Констебль, вероятно, рассказал о своих подозрениях сэру Персивалю – вы помните, Ватсон, он упоминал, что был день назад в Холле и предупреждал молодого Асперна, чтобы тот не выходил в лес на поиски волка. А сделав это, он подписал себе смертный приговор.

Эти разоблачения, которые Холмс выложил будничным тоном, были просто поразительны. Мне оставалось только головой качать.

– Решающим в этом деле стало для меня беспечное, я бы даже сказал, поощрительное отношение сэра Персиваля к попыткам его сына выследить животное. Он демонстрировал полное безразличие к судьбе Эдвина. Почему? Уже в тот момент мне стало ясно: его сын не подвергается опасности нападения, *потому что волк – это сам сэр Персиваль*. И потом, свою роль сыграло то, как сэр Персиваль разлил бренди.

– И что вас в этом насторожило?

– Он изо всех сил старался скрыть дрожь в руках. Эти признаки начинающегося недуга свидетельствовали, к моему удовлетворению, что он на пути к безумию, вызванному ртутным отравлением, и что вскоре он и сам будет низведен до того же жалкого состояния, что и его партнер.

Мы прибыли на вокзал в Хексеме, вышли из коляски и поднялись с нашими саквояжами на платформу как раз вовремя для поезда в 8.20 на Лондон.

– С этими подозрениями, – продолжил Холмс, – я отправился в Лондон. Мне быстро удалось найти то, что я искал: много лет назад у сэра Персиваля и в самом деле был деловой партнер, который обвинил его в присвоении ценного патента. Однако его признали сумасшедшим и стараниями самого сэра Персиваля поместили в приют для душевнобольных. Этот несчастный был выпущен оттуда всего за несколько дней до того, как в Килдерском лесу объявился

впавший в бредовое состояние сумасшедший. Из Лондона я вернулся абсолютно убежденный в том, что никакого волка-людоеда не существует, а сэр Персиваль является убийцей трех человек. Оставалось только одно – поймать его. Я не мог раскрыть правду – что никакого волка нет. Но я должен был найти какую-то причину, которая побудила бы сэра Персиваля избрать следующей жертвой меня, причем сделать это так, чтобы все произошло на его, так сказать, территории. С этим связаны мое демонстративное заявление о том, что преступление раскрыто, и мое ночное путешествие по открытой местности между болотом и опушкой леса, где были совершены предыдущие убийства. Я был уверен, что не ошибся в расчетах и что сэр Персиваль воспользуется этой возможностью сделать меня четвертой жертвой.

– Но вы отправились в это путешествие только потому, что у коляски сэра Персиваля сломалась ось, – возразил я. – Как вы могли предвидеть такую случайность?

– Я ее не предвидел, Ватсон. Я ее осуществил.

– Вы хотите сказать, что…

– Да. Боюсь, что я нанес ущерб собственности сэра Персиваля. Возможно, мне следует послать чек для оплаты ремонта.

Слабый гудок разнесся по утреннему небу. Мгновение спустя мы увидели экспресс, а через несколько минут уже садились в поезд.

– Признаюсь, я поражен, – сказал я, когда мы вошли в наше купе. – Вы словно художник, который превосходит самого себя в лучших своих творениях. Осталась только одна деталь, которую я не понимаю.

– В таком случае, мой дорогой Ватсон, облегчите душу – спрашивайте.

– Одно дело, Холмс, выдать убийство за нападение дикого зверя, но совсем другое – пожирать части тела жертвы. Почему сэр Персиваль продолжал делать это, и даже со все возрастающим остервенением?

– Ответ очень прост, – сказал Холмс. – Судя по всему, сэр Персиваль по мере усиления безумия приобрел вкус к своей… добыче.

Лишь полгода спустя снова возникла тема Хексемского волка. Я наткнулся на заметку в «Таймс», сообщавшую, что новый владелец Асперн-холла и его невеста в следующем месяце венчаются в соборе Святого Павла. Похоже, что, по крайней мере в глазах местных жителей, жестокость отца более чем искупилась военными достижениями его сына и мужеством, которое тот проявил, пытаясь найти волка-убийцу. Что касается меня, то я бы не возражал провести больше времени в обществе одной из самых красивых молодых леди, каких я знал, – мисс Виктории Селкирк.

Спустя какое-то время Холмс вспомнил этот случай и мимоходом высказал сожаление, что наша поездка не дала ему возможности поглубже изучить Sciurus vulgaris – евразийскую рыжую белку.

Глава 48

Кори дочитала рассказ, подняла голову и встретила взгляд серебристых глаз Пендергаста, устремленных на нее. Она поняла, что задерживает дыхание, и выдохнула.

– Ни хрена себе, – проговорила она.

– Можно и так сказать.

– Эта история… У меня от нее голова пухнет. – Внезапно она встрепенулась. – Но как вы узнали, что ключ к моим исследованиям в этом рассказе?

– Сначала я ничего этого не знал. Но подумайте вот о чем: у Дойла было медицинское образование. Прежде чем открыть частную практику, он был доктором на китобойном судне и корабельным врачом во время путешествия вдоль побережья Западной Африки. Это самая трудная работа, какая может выпасть на долю врача. Ему наверняка довелось увидеть много, мягко говоря, неприятных вещей. История, которая заставила его бежать в туалет от стола в ресторане, должна была быть пострашнее, чем рассказ о гризли-людоеде.

– Но потерянный рассказ? Что вас навело на эту мысль?

– Дойлу не давала покоя история, рассказанная Уайльдом, и он сделал то, что делают многие авторы, чтобы изгнать демонов: переложил ее на бумагу. Почти сразу же после встречи в ресторане отеля «Лэнгхам» он написал «Собаку Баскервилей», которая имеет несколько очевидных параллелей с историей Уайльда. Но «Собака», хотя и прекрасное произведение само по себе, является лишь слабым призраком правды. Изгнать демонов полностью Дойлу не удалось. Можно допустить, что история Уайльда долгое время оказывала на него влияние. Мне пришла в голову мысль: а не попытался ли Дойл к концу жизни написать что-нибудь более близкое к источнику, вложив туда больше правды, чтобы избавиться от этой занозы? Я навел кое-какие справки. Мой английский знакомый, специалист по Холмсу, подтвердил слухи о пропавшем рассказе, который, по нашим догадкам, назывался «Происшествие в Асперн-холле». Я сложил одно с другим и отправился в Лондон.

– А как вы узнали, что это именно та история.

– Судя по всем имеющимся сведениям, история про Асперн-холл была отвергнута издателями. Ее так и не опубликовали. Вы только представьте: новый рассказ о Шерлоке Холмсе, написанный рукой его создателя, первый рассказ после стольких лет молчания – и его отклоняют? Невольно сделаешь вывод, что в рассказе содержалось что-то неприемлемое для викторианской Англии.

Кори разочарованно наморщила нос:

– Вас послушать, все так просто.

– Большинство расследований просты. Если я не научу вас ничему другому, надеюсь, хоть это вы усвоите.

Она покраснела:

– А я столько времени отвергала вашу наводку. Какая же я идиотка! Я очень жалею об этом, правда.

Пендергаст отмахнулся от ее слов:

– Давайте сосредоточимся на более насущной проблеме. Знаменитая «Собака Баскервилей» лишь по касательной затрагивает историю про гризли. А в этот рассказ включено гораздо больше из того, что Дойл слышал от Уайльда, который в свою очередь узнал эту историю от найденного вами в архиве Суинтона. Работа, достойная похвалы.

– Просто случай.

– Случай – это деталь пазла, которая еще не нашла своего места в общей картине. Хороший сыщик собирает все «случаи», какими бы незначительными они ни казались.

– Но мы должны установить, какую связь имеет рассказ с реальными убийствами, – сказала Кори. – Ну хорошо, у нас есть шайка убийц-каннибалов, которые ведут себя на манер этого типа Персиваля. Они убивают и едят добытчиков в горах, пытаясь выдать это за действия гризли.

– Нет. Позвольте, я вас перебью: то, что те убийства списали на гризли, изначально произошло по случаю, как вы, вероятно, и сами уже знаете. Проходивший мимо гризли не побрезговал останками одной из первых жертв, и события были повернуты таким образом, чтобы успокоить горожан, что и произошло. В дальнейшем случайные появления гризли в этих краях лишь подтверждали

данную гипотезу. Обычная история: люди конструируют мифы из несвязанных между собой событий, необоснованных допущений и бесхитростных предрассудков. На мой взгляд, банда убийц, о которой вы говорите, и не пыталась списывать свои действия на медведя гризли.

– Хорошо, значит, эта банда не пыталась маскировать свои убийства. Но тем не менее история не объясняет, почему они убивали. Какой у них имелся мотив? У сэра Персиваля мотив был: он хотел скрыть свой обман и кражу и поэтому убил партнера, которого раньше упрятал в психушку. Я не понимаю, как это может быть связано с мотивами убийц в горах Колорадо.

– Никак. – Пендергаст внимательно посмотрел на Кори. – По крайней мере, не непосредственно. Вы не замечаете самого важного. Вот какой вопрос нужно задать в первую очередь: почему сэр Персиваль начал поедать свои жертвы.

Кори мысленно вернулась к прочитанному рассказу:

– Сначала – чтобы это выглядело как нападение волка. А потом – потому что он начал сходить с ума и ему стало казаться, что у него развивается вкус к каннибализму.

– Так. А почему он сходил с ума?

– Потому что страдал от отравления ртутью при изготовлении фетра. – Кори помедлила. – Но что общего между изготовлением шляпок и добычей серебра? Я не вижу связи.

– Напротив, Кори, «вы все прекрасно видите. Вы должны быть смелее в своих умозаключениях». – Глаза Пендергаста сверкнули, когда он процитировал слова Холмса из рассказа.

Кори нахмурилась. Какая тут может быть связь? Ей хотелось бы, что Пендергаст сам сказал, а не испытывал на ней сократический метод[45].

– Может, мы откажемся от педагогической составляющей? Если все так очевидно, почему вы просто не объясните мне?

– Мы с вами не в какую-то интеллектуальную игру здесь играем. Это все убийственно серьезно, в особенности для вас. Меня удивляет, что вам до сих пор еще никто не угрожал.

Он замолчал. В тишине Кори думала о выстреле в ее машину, о

мертвой собаке, о записке. Она должна ему сказать – он ведь все равно рано или поздно узнает. Ну хорошо, она выложит все Пендергасту. И к чему это приведет? А только к тому, что он еще сильнее будет давить на нее, чтобы она уехала из Роринг-Форка.

– Мое первое желание, – продолжил Пендергаст, будто читая ее мысли, – было немедленно убрать вас из города, даже если бы для этого потребовалось реквизировать один из снегоходов шефа полиции. Но я достаточно хорошо знаю вас и понимаю, что мои попытки были бы тщетны.

– Спасибо.

– Поэтому следующий вариант – заставить вас задуматься об этом деле по-настоящему. Что оно означает, почему вам грозит смертельная опасность и от кого. И это ничуть не *педагогическая составляющая*, как вы выразились.

Кори поразила серьезность его тона. Она сглотнула.

– Понятно. Извините. Я вся внимание.

– Давайте вернемся к вопросу, который вы только что задали. Но я бы перефразировал его на более точный манер: что общего между изготовлением шляпок в Англии в девятнадцатом веке и обогащением серебряной руды в девятнадцатом веке?

Ее словно осенило. Как же она не догадалась раньше?

– В обоих процессах используется ртуть.

– Именно.

И все вдруг сразу начало вставать на свои места.

– Согласно рассказу, нитрат ртути использовался для размягчения шерсти, идущей на изготовление фетра для шляп. Они называли это каротинизацией.

– Продолжайте.

– Помимо того, ртуть использовалась в плавильнях для выделения серебра или золота из дробленой руды.

– Отлично.

Мысли Кори заметались.

– Значит, банда убийц состояла из людей, которые прежде

работали на плавильне. И свихнулись от отравления парами ртути.

Пендергаст кивнул.

– Владелец плавильни увольнял свихнувшихся рабочих и нанимал новых. Возможно, некоторые из уволенных объединялись в банды. Без работы, совершенно безумные, не имеющие никаких занятий, они отправились в горы, полные злости и жажды мщения. В горах степень их безумия возрастала. И конечно… им нужно было чем-то питаться.

Еще один задумчивый кивок Пендергаста.

– И они стали охотиться на одиноких добытчиков, убивали и съедали их. И у них, как и у львов-людоедов в Тсаво и у сэра Персиваля, начал развиваться вкус к каннибализму.

За этим последовало долгое молчание. «Что еще? – спросила себя Кори. – Откуда мне грозит опасность?»

– Все это случилось сто пятьдесят лет назад, – сказала она наконец. – Я не понимаю, как это может влиять на нас сегодня. Почему мне грозит опасность?

– В этом пазле вы не поставили на место последний, самый важный элемент. Вспомните «случайную» информацию, которую вы, по вашим словам, недавно обнаружили.

– Намекните.

– Ну хорошо. Кому принадлежала плавильня?

– Семейству Стаффорд.

– Продолжайте.

– Но о нарушении прав рабочих и использовании ртути на плавильнях уже давно хорошо известно. Это все история. Глупо было бы с их стороны принимать меры, чтобы скрывать это сегодня.

– Кори… – Пендергаст покачал головой. – Где располагалась плавильня?

– Гм, где-то на территории, где теперь находятся «Высоты». То есть именно таким образом семья и получила в собственность эту землю. А потом стала застраивать ее жильем.

– И?…

– И что? Плавильни давно нет. Она была закрыта в тысяча восемьсот девяностых годах, а все руины здесь были снесены много десятилетий назад. Ничего не осталось от… О господи! – Она закрыла рот рукой.

Пендергаст хранил молчание, выжидая.

Кори уставилась на него. Она вдруг все поняла.

– Ртуть. Вот что осталось. *Земля под этой территорией загрязнена ртутью*.

Пендергаст сложил руки на груди и откинулся на спинку стула:

– Вот теперь вы начинаете думать как настоящий сыщик. И я надеюсь, вы проживете достаточно долго, чтобы стать таким сыщиком. Я опасаюсь за вас: вы всегда были и остаетесь слишком опрометчивой. Но, невзирая на этот недостаток, даже вы не можете не понимать, *что* здесь поставлено на карту, не можете не видеть страшной опасности, которая грозит вам, если вы не остановите это крайне неблагоразумное расследование. Я бы не сказал вам об этом даже после того, как стали известны рассказ о Холмсе, связи семейства Стаффорд и факт отравления грунтовых вод, если бы, принимая во внимание ваш необузданный нрав, не возникла острая необходимость убедить вас оставить это жуткое место, как только мне удастся организовать ваш отъезд.

Глава 49

А. К. Л. Пендергаст обозревал городок Лидвилл, плотно сжав губы. На знаке была написана высота – 10 150 футов, а ниже следовала приписка, утверждавшая, что это САМЫЙ ВЫСОКО РАСПОЛОЖЕННЫЙ ГОРОД В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ. Лидвилл являл собой поразительную противоположность разместившемуся по другую сторону Континентального водораздела Роринг-Форку. Центром здесь была единственная улица, вдоль которой стояли здания в викторианском стиле различной степени ветхости и запущенности, по обочинам грудились смерзшиеся сугробы. Дальше во всех направлениях виднелись еловые леса на склонах громадных гор. Повсюду – на свесах крыш, уличных столбах, фонарях и тротуарах – в явном излишестве можно было увидеть рождественские украшения; они придавали некую отчаянность заброшенности города, в особенности за два дня до Рождества. Тем не менее, несмотря на ранний час и жуткий холод, Пендергаст ощущал некоторое облегчение просто потому, что над городом не висел гнетущий дух богатства, самоуверенности и самодовольства, отравлявший Роринг-Форк. Лидвилл, пусть и бедный, был настоящим городком с настоящими людьми, хотя невозможно было понять, почему это кому-то взбрело в голову жить в этой ледяной Геенне, этой холодной Сибири, этой морозной пустыне, спрятавшейся в горах вдали от благ цивилизации.

Пендергаст потратил уйму времени на поиски потомков старика Суинтона (имя неизвестно), который отвел в сторонку Оскара Уайльда после лекции в Роринг-Форке и рассказал ему роковую историю. С помощью Мима он все-таки нашел единственного оставшегося потомка, некоего Кайла Суинтона, родившегося в Лидвилле тридцать один год назад. Он был единственным ребенком, родители его погибли в автокатастрофе приблизительно в то время, когда он закончил школу в Лидвилле. После этого его цифровой след исчезал. Даже Мим, этот призрак-затворник, компьютерный гений и сборщик информации для Пендергаста, не смог отследить этого человека, лишь установил тот факт, что сообщений о его смерти не имеется. Кайл Суинтон, похоже, все еще был жив и находился в пределах Соединенных Штатов – вот все, что знал Пендергаст.

Как только снег в Роринг-Форке прекратился (а точнее сказать, сделал паузу, потому что самые сильные снегопады были еще впереди), дорогу прочистили, и Пендергаст отправился в Лидвилл – посмотреть, не отыщутся ли там следы этого человека. Облаченный в шерстяную безрукавку, плотный черный костюм, жилетку на пуху, пальто, обмотанный двумя шарфами, в толстых перчатках и ботинках, в шерстяной шапочке под его обычной фетровой шляпой, он вышел из машины и направился к дверям аптеки, торгующей также хозяйственными товарами. Оглядевшись, он выбрал старейшего из работников – фармацевта, сидящего за аптечным прилавком.

Развязав шарфы, чтобы можно было говорить, Пендергаст сказал:

– Я пытаюсь найти человека по имени Кайл Суинтон, который учился в Лидвиллской школе в конце девяностых.

Фармацевт оглядел Пендергаста с ног до головы:

– Кайл Суинтон? Зачем он вам понадобился?

– Я адвокат. Речь идет о наследстве.

– О наследстве? Да у его семьи и гроша ломаного не было.

– У него был двоюродный дедушка.

– Вот как. Что ж, видать, повезло ему. Но Кайл редко приезжает в город. Может, до весны не появится.

Начало было отличное.

– Был бы вам признателен, если бы вы показали мне его дом.

– Показать-то можно, но он снегом засыпан. Его дом вообще в стороне стоит. Туда только на снегоходе и можно добраться. И… – Фармацевт замолчал.

– Да?

– Он из сурвивалистов. Живет отшельником в Эльберт-каньоне, ждет не знаю чего. Конца света, наверное.

– Правда?

– У него там настоящая крепость с запасом провизии. А еще, как говорят, целый арсенал. Так что если доберетесь туда, то будьте

осторожнее, а то продырявит вас, не дай бог.

Пендергаст немного подумал.

– А скажите, пожалуйста, где я могу арендовать снегоход?

– Есть тут пара мест. В наших краях снегоходы пользуются успехом. – Он снова подозрительно оглядел Пендергаста. – А вы знаете, как им управлять?

– Естественно.

Фармацевт сообщил Пендергасту, где можно арендовать снегоход, вытащил карту и показал, как добраться до Кайла Суинтона в Эльберт-каньоне.

Пендергаст вышел из аптеки и двинулся по Харрисон-авеню, словно турист-покупатель, не обращая внимания на пятнадцатиградусный мороз, снежные сугробы и скользкие тротуары, настолько обледенелые, что даже соль вмерзла в них. Наконец он добрался до оружейного магазина, который действовал еще и как ломбард.

Человек с вытатуированным на бритом черепе осьминогом подошел к Пендергасту:

– Что для вас?

– Я хотел бы купить маленькую упаковку патронов «Кор-Бон» для автоматического кольта сорок пятого калибра.

Человек положил упаковку на прилавок.

– Мистер Кайл Суинтон закупается у вас?

– Да-да. Хороший клиент. Но чокнутый хрен.

Пендергаст несколько секунд взвешивал, кем нужно быть, чтобы такой вот человек назвал тебя чокнутым.

– Насколько я понимаю, у него целая коллекция всякого оружия.

– Он тратит на это все до последнего цента.

– В таком случае он, вероятно, покупает у вас много всего.

– До черта. Поэтому мы и держим здесь все эти патроны. У него такая коллекция крупнокалиберного оружия – вы и представить себе не можете.

– Револьверы?

– Ну да. Револьверы, пистолеты – целая куча всего. У него там тысяч на сто разного оружия.

Пендергаст пожевал губами:

– Вообще-то, я бы еще купил пачку патронов «смит-вессон спешиэл» сорок четвертого калибра, пачку «ремингтон магнум» того же калибра и «смит-вессон магнум» триста пятьдесят седьмого калибра.

Человек выложил все на прилавок.

– Что еще?

– Этого хватит. Большое спасибо.

Человек пробил чек.

– Пакета не нужно. Я рассую их по карманам.

Все покупки исчезли в карманах его пальто.

В ближайшем пункте проката снегоходов дела шли неважно. Пендергасту удалось преодолеть их первоначальное нежелание дать ему машину в аренду на день, несмотря на его совершенно неуместное одеяние, южный акцент и отсутствие малейших навыков езды на снегоходе. Ему надели на голову шлем и очки и наскоро показали, как управлять машиной, выехали на пятиминутную учебную поездку, заставили его подписать кучу документов, снимающих с них всякую ответственность, и пожелали удачи. При этом Пендергасту удалось узнать еще кое-что о Кайле Суинтоне. Похоже, в Лидвилле его знали под именем «чокнутый хрен». Родители у него были алкоголиками, которые кончили тем, что пробили ограждение у Стоктонкрик и пролетели тысячу футов до дна оврага. С тех пор Кайл жил, что называется, с земли – охотился, ловил рыбу и мыл золото, если ему требовались деньги для покупки оружия.

Когда Пендергаст уходил, менеджер прокатной конторы добавил:

– Только не подъезжайте неожиданно к его домику, а то Кайл может психануть. Приближайтесь медленно, без агрессивности, и чтобы ваши руки все время были видны, а на лице – дружеская улыбка.

Глава 50

Поездка до лачуги Суинтона была крайне неприятной. Снегоход оказался неудобной, шумной, вонючей машиной, которая резко дергалась с места, так же резко останавливалась и не имела никаких усовершенствований современных мотоциклов, а на ходу, пока Пендергаст вел ее по петляющей заснеженной дороге, выбрасывала непрерывный снежный вихрь, который слоями налипал на его дорогое пальто. Вскоре Пендергаст стал похож на снеговика в шлеме.

Он последовал совету и при виде хижины Суинтона тут же сбросил скорость. Хижина была полузасыпана снегом, из трубы наверху струился дымок. И конечно, стоило Пендергасту приблизиться на сто ярдов, как на крыльце появился человек, невысокий, похожий на хорька, со щербиной между двумя передними зубами, видимой даже с такого расстояния. В руках у него было помповое ружье.

Пендергаст остановил снегоход – тот дернулся и замер. С пальто Пендергаста полетели хлопья снега. Он не без труда поднял щиток шлема своими громоздкими перчатками.

– Приветствую, Кайл!

В ответ послышался подозрительный скрежет ружья.

– Сообщите о цели своего приезда, сэр.

– Я приехал встретиться с вами. Много слышал о вашем оснащении. Я тоже сурвивалист и вот езжу по стране, смотрю, чего сумели добиться другие. Собираюсь написать статью в журнале «Сурвивалист».

– Откуда вы узнали обо мне?

– Слухами земля полнится, вы же сами знаете.

Пауза.

– Значит, вы журналист?

– Прежде всего я сурвивалист, а уже потом журналист. – Холодный порыв ветра поднял снежный вихрь вокруг ног Пендергаста. – Мистер Суинтон, не могли бы вы распространить на

меня свое гостеприимство, чтобы мы продолжили разговор в стенах вашего дома?

Суинтон задумался. Слово «гостеприимство» осталось незамеченным. Пендергаст попытался нарастить преимущество:

– Я вот думаю, что же это за гостеприимство – держать единомышленника на морозе и на мушке.

Суинтон, прищурившись, посмотрел на него.

– Ну, вы хотя бы белый, – сказал он, опуская ружье. – Ладно, входите. Только отряхнитесь у дверей. Не хочу, чтобы у меня в доме был снег.

Пендергаст с трудом пробрался по глубокому снегу к крыльцу. Рядом с дверью стояла поломанная швабра, и Пендергаст под хмурым взглядом Суинтона как мог очистил себя от снега.

После этого он последовал за Суинтоном в дом, который оказался на удивление большим, с целым выводком комнат в задней части. Всюду сверкало сталью оружие: пирамиды со штурмовыми винтовками АК-47 и гражданскими М-16, незаконно переделанными для стрельбы очередями, несколько «узи» и карабинов TAR-21 с компоновкой «булл-пап», пирамида с китайскими винтовками и карабинами «Норинко QBZ-97», тоже переделанными. В ящике, стоявшем рядом, был целый набор револьверов и пистолетов – все как говорил Пендергасту человек в Лидвилле. Дальше в одной из комнат Пендергаст увидел коллекцию РПГ, включавшую два РПГ-29 из России – все абсолютно незаконные.

Если не говорить о стенах, увешанных всевозможным оружием, дом был на удивление уютным, в печке с открытой дверкой потрескивали поленья. Вся мебель была изготовлена из струганых бревен и палок и обтянута воловьими шкурами. И все было убрано и вычищено.

– Снимайте пальто и садитесь. Сейчас подам кофе.

Пендергаст снял пальто, накинул его на стул, поправил на себе костюм и сел. Суинтон принес кружки, снял кофейник с плиты и налил. Не спрашивая, он вбухал в кофе ложку сливок и две ложки сахара, после чего передал кружку Пендергасту.

Агент взял кружку и стал делать вид, что пьет с удовольствием. Вкус был такой, словно вода кипела на плите несколько дней.

Он увидел, что Суинтон с любопытством поглядывает на него.

– А что это за черный костюм? Кто-то помер? Вы приезжаете сюда на снегоходе в такой одежде?

– Деловой костюм.

– Черта с два вы похожи на сурвивалиста.

– А на кого я, по-вашему, похож?

– На какого-нибудь профессора-гинеколога из Жид-Йорка. Хотя с вашим акцентом скорее уж из Жид-Орлеана. Так какое у вас оружие?

Пендергаст вытащил «кольт» калибра 0,45 и положил на стол. Суинтон, на которого этот пистолет явно произвел впечатление, схватил его.

– Ого, «лес баер»? Здорово. Вы умеете из него стрелять?

– Учусь, – ответил Пендергаст. – У вас тут целая коллекция. А вы умеете из всего этого стрелять?

Суинтон обиделся, как и предполагал Пендергаст:

– Вы думаете, я стал бы развешивать здесь все эти штуки, не зная, как с ними обращаться?

– Ну, нажать на спусковой крючок любой может, – сказал Пендергаст, прихлебывая кофе.

– Я стреляю почти из всех видов оружия, что здесь есть, не меньше раза в неделю.

Пендергаст показал на ящик с пистолетами:

– А как насчет этого «супер блэкхока»?

– Отличное оружие. Усовершенствованный Старый Запад. – Суинтон поднялся и достал револьвер из ящика.

– Вы позволите? – спросил Пендергаст.

Суинтон протянул револьвер гостю. Пендергаст взвесил его в руке, прицелился, потом открыл ствол и вытащил патроны.

– Что это вы делаете?

Специальный агент взял один из патронов, вставил в барабан и крутанул его, потом положил на стол.

– Вы считаете себя крутым парнем, да? Давайте сыграем в маленькую игру.

– Какого черта? Что еще за игра?

– Вы приставляете револьвер к виску и нажимаете спусковой крючок. А я даю вам тысячу долларов.

Суинтон уставился на него:

– Вы что, совсем глупый? Я же вижу – этот патрон даже не в боевом положении.

– Тогда вы выиграли тысячу долларов. Если возьмете револьвер и нажмете на спусковой крючок.

Суинтон взял револьвер, приставил ствол к виску и нажал на спусковой крючок. Последовал щелчок. Суинтон положил револьвер.

Не сказав ни слова, Пендергаст полез в карман пиджака, вытащил пачку стодолларовых купюр и отсчитал десять. Суинтон взял деньги.

– Вы псих, вы это знаете?

– Да, я псих.

– А теперь ваша очередь, черт подери. – Суинтон взял револьвер, крутанул барабан и положил его на стол.

– А что дадите мне вы?

– Денег у меня нет, а эту тысячу я вам не верну.

– Тогда, может быть, вы ответите на мой вопрос. Любой вопрос, который я задам. Только абсолютную правду.

Суинтон пожал плечами:

– Нет проблем.

Пендергаст вытащил еще тысячу, положил деньги на стол, потом взял револьвер, приставил дуло к виску и нажал на спусковой крючок. Еще один щелчок.

– А теперь вопрос.

– Валяйте.

– Ваш прапрадедушка был шахтером в Роринг-Форке в дни серебряного бума. Он знал кое-что о серии убийств, совершенных

предположительно гризли-людоедом, но на самом деле совершенных группой свихнувшихся рабочих.

Он сделал паузу. Суинтон поднялся со стула:

– Ни хрена вы не журналист! Кто вы такой?

– Я тот, кто задает вам вопрос. Если вы человек чести, то должны ответить мне. Если вы хотите знать, кто я такой, то должны дождаться следующего раунда игры. При условии, конечно, что у вас хватит храбрости продолжать.

Суинтон ничего не сказал.

– Ваш предок знал об этих убийствах гораздо больше других. На самом деле, думаю, он знал правду – всю правду. – Пендергаст помолчал. – Мой вопрос такой: какова эта правда?

Суинтон заерзал на стуле. Выражение его лица претерпело ряд быстрых изменений. Он несколько раз обнажил свои зубы, похожие на зубы хорька, губы его подергивались.

– Зачем вам это знать?

– Частное любопытство.

– А кому вы расскажете?

– Никому.

Суинтон жадным взглядом посмотрел на лежащую на столе тысячу долларов.

– Вы клянетесь? Эта тайна много-много лет хранилась в моем семействе.

Пендергаст кивнул.

Еще одна пауза.

– Это началось с Комитета Семи, – начал наконец Суинтон. – Мой прапрадедушка Август Суинтон был одним из них. По крайней мере, так это передавалось в нашей семье. – В его голос вкралась горделивая нотка. – Как вы сказали, гризли не имел отношения к убийствам. Их совершали четыре чокнутых ублюдка, прежде они работали на плавильне, а в то время жили в горах и стали каннибалами. Человек по имени Шадрач Кропси отправился в горы – хотел выследить этого медведя, но обнаружил, что гризли тут ни при

чем, а виноваты эти типы, которые поселились в заброшенной шахте. Он засек место, где они обосновались, а потом созвал Комитет Семи.

– И что случилось после этого?

– Это уже второй вопрос.

– Верно. – Пендергаст улыбнулся. – Ну что, следующий круг? – Он взял револьвер, крутанул барабан и положил оружие.

Суинтон покачал головой:

– Я опять вижу патрон – он не в боевом положении. Еще одна тысяча?

Пендергаст кивнул.

Суинтон взял револьвер и снова нажал на спусковой крючок. Положил оружие и протянул руку:

– Глупее игры я в жизни не видел.

Пендергаст выдал ему тысячу долларов. Потом взял револьвер, крутанул барабан, не глядя приставил ствол к виску и нажал спусковой крючок. *Щелк*.

– Вот вы-то и есть долбанутый псих.

– В этом районе, похоже, много таких, как я, – ответил Пендергаст. – А теперь к моему вопросу: что сделали Шадрач Кропси и Комитет Семи?

– В те времена такие проблемы решались как надо. Они сами все и сделали. В жопу закон и всю эту говорильню. Они пошли туда и прикончили этих каннибалов. Как мне рассказывали, старик Шадрач в той схватке погиб. И после этого никаких гризли-людоедов там больше не было.

– Где они их убили?

– Это еще один вопрос, приятель.

Пендергаст взял револьвер, крутанул барабан, положил его на стол. Суинтон нервно посмотрел на оружие:

– Я не вижу патрона.

– Значит, он либо в боевом положении, либо в противоположной камере. А это означает, что ваши шансы остаться в живых – пятьдесят на пятьдесят.

– Я так не играю.

– Вы же сказали, что будете играть. Не думал, что вы трус, мистер Суинтон. – Пендергаст вытащил из кармана пачку долларов и отсчитал двадцать банкнот. – Мы удвоим ставки. Вы получите две тысячи, если нажмете на крючок.

Суинтон весь вспотел:

– Я не буду играть.

– Вы хотите сказать, что пропускаете вашу очередь? Что ж, не буду настаивать.

– Да, именно так, я пропускаю.

– Но я пропускать не намерен.

– Валяйте. Вам и карты в руки.

Пендергаст крутанул барабан, поднес револьвер к виску, нажал крючок. *Щелк*. Он положил револьвер на стол.

– Мой последний вопрос: где они убили этих каннибалов?

– Не знаю. Но у меня есть письмо.

– Какое письмо?

– То, которое перешло ко мне. Оно вроде как все объясняет.

Суинтон поднялся со скрипучего стула и отправился в темный угол своего жилища. Минуту спустя вернулся с пыльной стопкой старой бумаги, завернутой в лавсановую пленку. Он снова сел на стул и передал письмо Пендергасту.

Это была записка от руки, без даты, приветствия и подписи.

> *встречаемся сегодня вечером в Идеале в 11 ровно они в закрытой шахте Рождество у стены контрабандиста их там 4 возьми лучшие ружья и фонарь записку сожги перед тем как уходить*

Пендергаст опустил письмо. Суинтон протянул руку, и Пендергаст вернул ему записку. На лбу Суинтона все еще были капельки пота, но он явно чувствовал облегчение.

– Не могу поверить, что вы играли в эту игру, ни разу не взглянув на положение барабана. Так ведь и черепушку размозжить

можно.

Пендергаст снова надел пальто, обвязался шарфами, потом взял револьвер. Вывернув барабан, он уронил патрон «магнум» в ладонь.

– Никакой опасности не было. Я привез этот патрон с собой и заменил им один из ваших, когда разоружал револьвер. – Пендергаст поднял патрон, зажатый в пальцах. – Он разряжен.

Суинтон вскочил:

– Ах ты сука!

Он двинулся на Пендергаста, вытаскивая свой пистолет, но Пендергаст мигом вложил патрон в барабан и поставил его в боевое положение, а потом навел «блэкхок» на Суинтона.

– А может, я его и не разрядил.

Суинтон замер.

– Вы этого никогда не узнаете. – Пендергаст взял собственный «лес баер» и, держа Суинтона под прицелом, извлек патрон из барабана «блэкхока» и сунул его в карман пальто. – А теперь я отвечу на ваш прежний вопрос. Я не журналист. Я федеральный агент. И могу обещать одно: если вы мне солгали, то я об этом узнаю скорее рано, чем поздно. И тогда никакое ваше оружие вас не спасет.

Глава 51

В тот же самый день в три часа пополудни Кори нежилась в номере отеля «Себастиан», облаченная в махровый халат для ванной, предоставленный отелем; сначала она восхищалась видом из окна, потом проверила содержимое мини-бара (позволить себе использовать это она не могла, но хотя бы посмотреть тоже было удовольствие), после чего вошла в отделанную мрамором ванную. Она включила душ, отрегулировала температуру воды и, сбросив халат, вошла в кабинку.

Наслаждаясь горячим душем, Кори размышляла о том, что дела налаживаются. Ее все еще огорчало случившееся позавчера за завтраком, но все это меркло в сравнении с теми открытиями, что сделал Пендергаст. Рассказ Дойла, шахтеры, спятившие от воздействия паров ртути, и связь с семейством Стаффорд – все это было очень важно. Пендергаст был прав: ей угрожала смертельная опасность.

Роринг-Форк в значительной мере вернулся в состояние города-призрака, каким он был прежде, вот только теперь он был празднично убран к Рождеству, хотя пойти было некуда. Полный сюр. Даже пресса упаковала свои камеры и микрофоны. Отель «Себастиан» потерял большую часть постояльцев и обслуживающего персонала, но ресторан работал на полную катушку, даже больше, чем обычно, поскольку люди, оставшиеся в городе, похоже, все до одного хотели наесться до отвала. Кори удалось заключить трудную сделку с управляющим: она получала бесплатно номер и завтрак в обмен на шесть часов ежедневной работы на кухне. Хотя ее договоренность с отелем предусматривала лишь одноразовое питание, у Кори был богатый опыт питания за шведским столом, и она не сомневалась, что за один раз сумеет наесться на целые сутки.

Кори вышла из душа, вытерлась и расчесалась, потом принялась сушить волосы, и тут раздался стук в дверь. Она быстро натянула на себя халат и посмотрела в глазок.

Пендергаст.

Она открыла дверь, но агент замер в дверях:

– Я могу зайти и позже…

– Да бросьте вы. Садитесь. Я через минутку.

Кори вернулась в ванную, закончила сушить волосы, потуже затянула на себе халат, прошла в комнату и села на диван.

Вид у Пендергаста сегодня был неважный. Его обычно бледное лицо было покрыто красными пятнами, а волосы словно побывали в аэродинамической трубе.

– Ну и как? – спросила Кори.

Она знала, что он ездил в Лидвилл посмотреть, не найдется ли там кто-нибудь из потомков Суинтона.

Вместо ответа Пендергаст сказал:

– Я рад, что вы обосновались в безопасности отеля. Что касается оплаты, то я буду рад помочь…

– В этом нет нужды, спасибо, – перебила его Кори. – Я сумела облапошить управляющего и получила номер и еду за несколько часов работы на кухне.

– Вы такая предприимчивая. – Он помолчал, его лицо посерьезнело. – Мне жаль, что вы сочли необходимым лгать мне. Мне известно от шефа полиции, что в вашу машину стреляли, а вашу собаку убили.

Кори густо покраснела:

– Я не хотела, чтобы вы беспокоились. Извините. Я все равно собиралась вам сказать.

– Вы не хотели, чтобы я убрал вас из Роринг-Форка.

– И это тоже. И хотела найти мерзавца, который убил мою собаку.

– Вы не должны пытаться найти того, кто это сделал. Надеюсь, теперь вы поняли, что имеете дело с опасными людьми, которые не остановятся ни перед чем. Это гораздо серьезнее, чем убитая собака, – вы достаточно умны, чтобы понять это.

– Конечно. Я это ясно понимаю.

– Тут на карту поставлен застроечный проект стоимостью в несколько сотен миллионов долларов… но речь не о деньгах. Речь о серьезных обвинениях, которые будут предъявлены участникам, а

ведь кое-кто из них принадлежит к богатейшим и влиятельнейшим кланам страны, начиная с вашей миссис Кермоуд и, вполне вероятно, заканчивая членами семьи Стаффорд. Может быть, теперь вы поймете, что они не остановятся перед тем, чтобы убить вас.

– Но я хочу, чтобы они предстали перед правосудием…

– И они предстанут. Но случится это не вашими стараниями и не пока вы находитесь здесь. Когда вы вернетесь в безопасный Нью-Йорк, этим делом вплотную займется ФБР, и все махинации будут раскрыты. Так что, как видите, вам здесь делать нечего. Разве что собрать вещи и возвращаться в Нью-Йорк, как только позволит погода.

Кори вспомнила о надвигающейся снежной буре. Дороги опять будут закрыты. Она подумала, что до отъезда могла бы начать писать свою работу, наметить в общих чертах основные положения.

– Хорошо, – сказала она.

– А пока я прошу вас не выходить из отеля. Я говорил с начальником местной службы безопасности, она отличная женщина, и вы будете защищены. Но вам придется провести здесь несколько дней. Прогноз погоды не сулит ничего хорошего.

– Меня это устраивает. Так вы… расскажете мне о вашей поездке в Лидвилл?

– Нет, не расскажу.

– Почему?

– Потому что это подвергло бы вас еще большей опасности. Прошу вас, позвольте теперь мне вести это дело.

Несмотря на его дружелюбный тон, Кори почувствовала раздражение. Она согласилась на его просьбу. Она возвращается в Нью-Йорк, как только позволит погода. Почему же он не может довериться ей?

– Ну, если вы настаиваете, – сказала она.

Пендергаст поднялся:

– Я бы пригласил вас вечером пообедать со мной, но у меня совещание с шефом полиции. Они почти не продвинулись в расследовании поджогов.

Он вышел. Кори подумала несколько секунд, а потом залезла в мини-бар. Ей хотелось есть, а денег на еду не было. До завтрака оставалось еще много времени. Банка «Принглс» стоила восемь долларов.

«Фиг с ним», – подумала она, срывая крышку.

Глава 52

Двадцать четвертое декабря, три часа ночи. Проскользнув призраком мимо захудалых витрин и темных окон старого города, Пендергаст заглянул на несколько секунд в салун «Идеал», вскрыв внушительный, но совершенно бесполезный замок девятнадцатого века.

Он вошел в сумеречное пространство бара-музея, освещенное несколькими дежурными трубками ламп дневного света, от которых повсюду возникали нелепые тени. Салун состоял из большого центрального зала с круглыми столами, стульями и дощатым полом. Вдоль дальней стены тянулась длинная стойка бара. Стены, обклеенные бархатными обоями в веселенький викторианский цветочек, частично были покрыты вертикальными декоративными панелями, сверкающими лаком и почерневшими от времени. Дальняя стена была украшена медными и хрустальными светильниками. За стойкой бара и правее находилась лестница, ведущая в помещение, которое в прежние времена было небольшим борделем. А еще дальше направо – альков, частично расположенный под лестницей, а в нем – игорные столы. Бархатные канаты, натянутые за двумя дверьми, открывающимися в обе стороны, создавали пространство для зрителей и не позволяли им пройти внутрь отреставрированного салуна.

Пендергаст бесшумно поднырнул под канаты и внимательно осмотрел помещение. На стойке стояли бутылка виски и несколько стаканов, на части столов тоже виднелись бутылки и стаканы. За стойкой располагался большой стеклянный буфет, в котором стояли старинные бутылки с подкрашенной водой.

Он прошел в игорную зону. В одном углу здесь стоял покерный столик, обитый зеленым фетром, на котором были разложены сданные карты: каре из четырех тузов против флеш-рояля. Столик для блек-джека, тоже с искусно разложенными картами, стоял рядом с великолепной старинной рулеткой, отделанной слоновой костью, красной яшмой и черным деревом.

Пендергаст прошел по игральной зоне к двери под лестницей, попытался ее открыть, обнаружил, что она заперта, и быстро отпер замок отмычкой.

За дверью была небольшая пыльная комната, оставшаяся нереставрированной: потрескавшаяся штукатурка на стенах, отклеившиеся обои, несколько старых стульев, сломанный стол. Надписи на стенах – некоторые датированы 1930-ми годами, когда Роринг-Форк все еще был городом-призраком. В углу груда битых бутылок из-под виски. В дальней стене дверь; Пендергаст знал, что она ведет к запасному выходу.

Он снял пальто и шарф, аккуратно положил их на стул и внимательно огляделся, как будто запоминая все вокруг. Довольно долго он стоял не двигаясь, но наконец шевельнулся. Найдя свободное пространство на полу, он лег на грязные доски и сложил на груди руки, словно покойник в гробу. Медленно, очень медленно Пендергаст закрыл глаза. В тишине он сосредоточился на приглушенных звуках снежной бури: ветер стонал и бесился у наружных стен, потрескивало дерево, погромыхивала жестяная крыша. В воздухе стоял запах пыли, сухой гнили и плесени. Пендергаст замедлил дыхание и частоту пульса, позволил мозгу расслабиться.

Он был уверен: именно здесь, в этой комнате, встречался Комитет Семи. Но прежде чем отправиться этим путем, ему нужно было посетить другое место – место, которое целиком находилось в его мозгу.

Когда-то Пендергаст останавливался в уединенном тибетском монастыре, где изучал тайную медитативную дисциплину, известную как чонгг ран. Это была одна из наименее известных тибетских практик. Это учение никогда не доверялось бумаге и могло передаваться лишь непосредственно от учителя к ученику.

Пендергаст познал сущность чонгг ран и соединил его с другими духовными практиками, включая концепцию «дворца памяти», описанную в итальянском труде шестнадцатого века, принадлежащем перу Джордано Бруно и озаглавленном «Ars Memoria» («Искусство памяти»). В результате получилась уникальная и чрезвычайно сложная форма умственной визуализации. Благодаря тренировкам, тщательной подготовке и фанатической степени интеллектуальной дисциплины это упражнение позволяло Пендергасту обращаться к сложной проблеме с тысячами фактов и предположений и умственно сшивать их в логическую последовательность, которую можно было обрабатывать, изучать и, что самое важное, *переживать*. Пендергаст

пользовался этим методом применительно к проблемам, которые не поддавались решению другими способами, для мысленной визуализации тех мест, куда невозможно было попасть физически, – мест далеких, а то и находящихся в прошлом. Методика эта, однако, требовала огромных затрат энергии, и он редко прибегал к ней.

Он лежал уже много минут, неподвижный как труп, сначала приводя в порядок неизмеримо сложный набор фактов, потом настраивая свои органы чувств на окружающую среду, одновременно отключая голос, вещающий в его мозгу, отсоединяя этот нескончаемый комментарий, который вырабатывается в мозгу каждого человека. Этот голос в последнее время стал особенно многословным, а потому Пендергасту потребовалось немалое усилие, чтобы заглушить его. Он был вынужден перевести свое состояние медитации с третьего на четвертый уровень, производя сложные вычисления в уме, играя в бридж одновременно за четырех игроков. Наконец этот голос стал неслышен, и тогда Пендергаст перешел к древним ступеням самого чонгг рана. Сначала заблокировал один за другим все звуки, все ощущения: потрескивание здания, шорох ветра, запах пыли, твердость пола под собой, все бесконечное множество его восприятий собственного тела – и наконец дошел до состояния «стонг па нийд», состояния чистой пустоты. Несколько мгновений было одно лишь небытие, даже время, казалось, перестало существовать.

Но потом медленно – очень медленно – из ничего стало материализовываться что-то. Поначалу что-то миниатюрное, изящное, прекрасное, как яйцо Фаберже. С первичной неспешностью оно стало увеличиваться в размерах, становиться четче. Пендергаст, не открывая глаз, позволил этому «что-то» принять окончательную форму, определиться вокруг него. Наконец он открыл глаза и обнаружил, что находится в ярко освещенном месте: роскошный и элегантный зал ресторана, сияющий светом и хрусталем, позвякивание бокалов, гул тихих разговоров.

Под запах сигарного дыма и четкие звуки струнного квартета Пендергаст впитывал в себя детали этого пышного зала. Его взгляд перемещался с одного стола к другому, пока не остановился в дальнем углу. Там сидели четыре джентльмена. Два из них смеялись над какой-то остроумной шуткой – на одном был шерстяной редингот, на другом вечерний костюм. Но Пендергаста больше интересовали два других человека. Один был одет эпатажно:

желтовато-коричневый жилет и черный бархатный костюм, большое жабо, бриджи в обтяжку, чулки, туфли-лодочки с бантами в рубчик. В петлице – орхидея. Он оживленно говорил что-то нараспев низким голосом, одна его рука была прижата к груди, другая выставлена вверх и указательный палец вытянут, словно человек пародировал Иоанна Крестителя. Человек рядом с ним, который внимал каждому слову своего визави, имел внешность совершенно иного рода – контраст был настолько силен, что едва ли не комичен. Он был коренаст, несколько нескладен, носил строгий деловой английский костюм и длинные усы.

Это были Оскар Уайльд и Артур Конан Дойл.

По-прежнему действуя мысленно, Пендергаст неторопливо приблизился к их столу и принялся внимательно слушать разговор – а по большей части монолог, – когда тот стал различим.

– Правда? – произнес Уайльд удивительно низким певучим голосом. – Неужели вы думали, что я – я, который с радостью приносит себя в жертву на костер эстетизма, – не смогу узнать лицо ужаса, когда загляну в него?

Свободных мест за столом не было. Пендергаст повернулся и подал знак официанту, указывая на интересующий его столик. Официант немедленно принес пятый стул и поставил его между Конан Дойлом и человеком, который, вероятно, был Джозефом Стоддартом.

– Как-то раз мне рассказали такую ужасную историю, такую прискорбную в ее подробностях и по глубине зла, что я теперь уверен: после этого меня уже ничто не сможет напугать.

– Как интересно.

– Хотите расскажу? Только она не для слабонервных.

Слушая их разговор, Пендергаст протянул руку и налил себе вина – оно оказалось великолепным.

– Мне ее рассказали, когда я несколько лет назад ездил с лекциями по Америке. По пути в Сан-Франциско я остановился в Роринг-Форке, небольшом, довольно убогом, но живописном шахтерском городке. – Уайльд для вящей убедительности прижал ладонь к колену Дойла. – После лекции ко мне подошел один из рудокопов, пожилой человек с огорчительными – а может, напротив,

благодатными – следами пьянства на лице. Он отвел меня в сторону и сказал: ему, мол, так понравилась моя история, что он готов поделиться со мной своей.

Он сделал паузу, чтобы отхлебнуть бургундского.

– Присаживайтесь поближе, мой добрый друг, и я в точности перескажу вам то, что услышал от него…

Дойл подвинулся к нему, и Пендергаст сделал то же самое.

– Я пытался улизнуть от него, но с ним это не проходило, он позволил себе запанибратски приблизиться ко мне, выдыхая пары местного пойла. Первым моим желанием было оттолкнуть его и уйти, но в глазах его застыло такое выражение, что я остановился. Признаюсь, меня к тому же заинтриговала – на антропологический манер, Дойл, вы меня понимаете, – эта человекоподобная личность, этот неотесанный бард, этот пьяница-шахтер, и мне было крайне любопытно, что же он считает хорошей историей. И потому я стал слушать, и довольно внимательно: его американский прононс был в высшей степени неразборчив. Он говорил о событиях, произошедших несколько лет назад, вскоре после того, как в результате серебряного бума появился Роринг-Форк. На протяжении одного лета в горах над городом объявился седой медведь – по крайней мере, так считалось – и стал нападать на добытчиков-одиночек, работающих на своих участках, убивать и… пожирать их.

Дойл энергично кивал, на его лице застыло выражение необыкновенного интереса.

– Город, естественно, был охвачен ужасом. Но убийства продолжались, потому что в горах было много одиноких добытчиков. Медведь был безжалостен, он подстерегал людей у их домиков, убивал и жестоко расчленял, а потом лакомился их плотью. – Уайльд помолчал. – Мне хотелось бы знать, не начиналось ли, гм, поедание, пока тело было еще в сознании. Вы можете себе представить, что это такое – быть сожранным заживо диким медведем? Видеть, как он рвет твою плоть, потом жует и с явным удовольствием глотает? Такое созерцание Гюисмансу в его «Наоборот»[46] даже и в голову не пришло. Оглядываясь на прошлое, можно сказать: насколько же непрозорлив был этот эстет!

Уайльд посмотрел на сельского доктора, чтобы понять, какой эффект производят на него эти слова. Дойл схватил бокал с кларетом

и сделал большой глоток. Пендергаст, прислушиваясь, пригубил из своего бокала, потом подал знак официанту, чтобы тот принес ему меню.

– Многие пытались выследить этого седого медведя, – продолжал Уайльд. – Но все безуспешно. Повезло только одному шахтеру, человеку, который постиг науку следопытства, живя среди индейцев. Он пришел к выводу, что убийства эти совершает не медведь.

– Не медведь, сэр?

– Не медведь, сэр. И вот в ожидании следующего убийства этот человек – а звали его Кропси – принялся искать следы и вскоре обнаружил, что эти преступления совершала группа людей.

Услышав это, Дойл резко откинулся на спинку стула.

– Прошу прощения, мистер Уайльд. Вы хотите сказать, что эти люди были… каннибалами?

– Именно это я и хочу сказать. Американскими каннибалами.

Дойл покачал головой:

– Чудовищно. Чудовищно.

– Совершенно с вами согласен, – сказал Уайльд. – Они начисто лишены джентльменских манер английских каннибалов.

Потрясенный Дойл уставился на своего собеседника:

– Это не предмет для шуток, Уайльд.

– Возможно, и так. Увидим. Как бы там ни было, наш Кропси выследил этих каннибалов в их убежище – в заброшенном шахтном стволе где-то в горах. Рядом с местом, называвшимся Стена Контрабандиста. Полиции в городе, конечно, не было, и потому этот парень организовал группу из местных добровольцев. Они называли себя Комитетом Семи. И вот они решили отправиться ночью в горы, застать каннибалов врасплох и свершить жестокое правосудие в духе американского Запада. – Уайльд потрогал орхидею в своей петлице. – На следующий вечер группа собралась в местном салуне, чтобы обсудить стратегию и, ясное дело, подкрепиться перед предстоящим испытанием. Они вышли через заднюю дверь, вооруженные и оснащенные фонарями, веревками, факелами. И тут, мой дорогой Дойл, эта история приобретает поворот… как бы это сказать

помягче… поворот довольно жуткий. Приготовьтесь, мой друг.

Официант вскоре принес меню, и Пендергаст принялся его изучать. Три-четыре минуты спустя ему пришлось оторваться от увлеченного созерцания меню из-за Дойла, который резко вскочил со стула, даже перевернул его, и бросился прочь из зала с ужасом и отвращением на лице.

– Что случилось? – спросил Стоддарт, нахмурившись, когда Дойл исчез в направлении мужского туалета.

– Вероятно, креветки, – ответил Уайльд, вытирая губы салфеткой…

…Так же медленно, как появился, голос стал исчезать из сознания Пендергаста. Роскошный интерьер отеля «Лэнгхам» начал покрываться дымкой, растворяясь в тумане и темноте. Медленно, очень медленно возникала новая сцена, совершенно иная. Задняя комната набитого людьми салуна, прокуренная, пропахшая виски, звуки с игорных столов, звон стекла, спорящие голоса, проникающие через тонкую стенку. Задняя комната, удивительно похожая на ту, в которой теперь находился Пендергаст в сегодняшнем Роринг-Форке. После короткого обмена решительными репликами группа из семи человек поднялась из-за большого стола. Мужчины с оружием и фонарями двинулись за своим вожаком, неким Шадрачем Кропси, через заднюю дверь маленькой комнаты и вышли в ночь.

Пендергаст последовал за ними, его бестелесная сущность плыла в прохладном воздухе, словно призрак.

Глава 53

Группа шахтеров обычным неспешным шагом прошла по грязной главной улице до самого дальнего конца, где исчезали строения и по склону гор поднимался лес. Ночь стояла безлунная. В воздухе висел запах костров, в ближайших загонах беспокойно переступали лошади. Заговорщики молча зажгли фонари и двинулись по неровной горняцкой дороге, круто уходящей вверх, а потом продолжили шагать все выше и выше под сенью еловых зарослей.

Ночь была прохладная, небо усеяно звездами. Где-то в громадной чаше гор завыл одинокий волк, ему тут же ответил другой. По мере того как они поднимались в гору, деревья становились ниже, короче, приобретали странные гротескные формы под воздействием бесконечных ветров и глубоких снегов. Постепенно лес сменился жидким криволесьем, а затем дорожка вышла за лесную черту.

Пендергаст мысленно следовал за группой.

Цепочка желтых фонарей поднималась по голым, усыпанным камнями склонам к Чаше Контрабандиста. Заговорщики вошли в зону недавних горных разработок, ныне заброшенных, и вокруг людей появились призрачные холмы пустой породы, словно пирамиды, выросшие по краям горного кряжа; у разверстых входов в шахты наверху виднелись опасные рудоспуски, эстакады, моечные желоба и водостоки.

В темноте справа виднелось громадное деревянное сооружение, встроенное в плоскую Чашу Контрабандиста, – главный вход в знаменитую шахту Салли Гудин, которая теперь, осенью 1876 года, все еще работала. В сооружении находились машины и шкивы для поднятия и спуска вагонеток и ведер, а также Ирландский паровой насос, способный перекачивать до тысячи галлонов в минуту и использовавшийся для откачки воды из шахт.

В этот час все фонари были выключены, кроме одного – с красным стеклом, рассеивающего мрак ночи кровавыми отблесками. Дорожка разветвлялась на множество троп, идущих по склонам вокруг Провала. Цель заговорщиков была наверху – самый высокий из заброшенных туннелей на склоне под названием Стена Контрабандиста, расположенный на высоте около тринадцати тысяч

футов. Туда вела одна-единственная дорожка, прорубленная вручную в камнях и резко петляющая туда-сюда. Она переваливала за хребет и огибала небольшое ледниковое озеро с неподвижной черной водой, на берегах которого ржавели вышедшие из строя машины и старый шлюз водостока.

Группа из семи продолжала восхождение. В слабом мерцании звезд они уже видели темный квадратный вход в шахту «Рождество» у вершины склона. От входа шла эстакада, а под ней виднелся холм более светлого цвета. Ниже по склону валялись всевозможные поломанные машины.

Заговорщики остановились, и Пендергаст услышал приглушенные голоса. Потом они молча разделились. Один пошел вверх, спрятался среди валунов над входом. Второй укрылся среди камней ниже.

Разместив дозорных, остальные – четверо во главе с Кропси, в руках которого теперь был фонарь, – вошли в заброшенный туннель. Затвор красного фонаря был отлажен таким образом, что свет из него проходил лишь через узкую щель. Держа оружие наготове, мужчины бесшумно шли цепочкой по узкоколейке, ведущей внутрь. Один из заговорщиков нес смоляной факел и был готов зажечь его в любую минуту.

В какой-то момент они почувствовали исходящий из глубины туннеля запах, тем более нестерпимый из-за атмосферы в туннеле – спертой, душной, влажной.

Туннель шахты «Рождество» выходил на рассечку – большой туннель под прямым углом пересекался меньшим. Группа задержалась перед рассечкой, подготовила оружие. Факел опустили, зажгли спичку, запалили смолу. Заговорщики прошли рассечку и начали целиться вглубь туннеля. Запах стал совершенно невыносимым.

Тишина. В мерцающем свете фонаря они увидели в конце туннеля что-то темное. Заговорщики осторожно двинулись вперед. Это была груда какой-то неправильной формы. Они подошли поближе и увидели, что это ворох мягких вещей: гнилая мешковина, старые джутовые мешки, листья и еловые иглы, комки мха. И в этой груде виднелись обломки обгрызенных костей, проломленные черепа, что-то похожее на засохшие сыромятные плети.

Кожа. Безволосая кожа.

Вокруг этой груды широким кольцом лежали человеческие фекалии.

Один из людей сиплым голосом спросил:

– Это что такое?

Поначалу ответа не последовало. Наконец кто-то из группы ответил:

– Логово какого-то зверя.

– Это логово, но не зверя, – сказал Кропси.

– Господи боже!

– Где они?

Их страх и неуверенность росли, и от этого голоса становились все громче, гулким эхом отдаваясь в туннеле.

– Эти ублюдки, наверно, вышли на охоту.

Факел шипел и плевался, а они принялись обсуждать, что делать дальше. Оружие было отложено в сторону. Они никак не могли прийти к согласию.

Внезапно Кропси поднял руку. Остальные замолчали, прислушиваясь. До них донесся звук шаркающих ног и гортанного звериного дыхания. И вдруг звуки затихли. Человек с факелом быстро загасил его, сунув в лужу; Кропси закрыл шторку фонаря. Но в туннеле продолжала стоять мертвая тишина: судя по всему, убийцы увидели свет или услышали голоса и теперь знали о присутствии незваных гостей.

– Бога ради, дайте хоть немного света, – взмолился один из заговорщиков срывающимся от страха голосом.

Кропси чуть приоткрыл шторку. Остальные сидели на корточках, держа наготове ружья и пистолеты. Слабое мерцание почти не рассеивало темноту.

– Побольше света, – прошептал кто-то.

Теперь свет фонаря достигал рассечки. Тишина стояла полная. Они ждали, но из-за угла никто не появился. Звука убегающих ног тоже не было слышно.

– Надо покончить с ними, – сказал Кропси. – А то уйдут.

Никто не шелохнулся. Наконец Кропси начал осторожно двигаться вперед. Остальные последовали за ним. Он дошел до рассечки. Подняв фонарь повыше, он остановился, пригнулся – и неожиданно повернул за угол, держа ружье в одной руке, как пистолет.

– Давай!

Все произошло с невероятной быстротой. Что-то метнулось вперед, раздался хриплый крик, и Кропси крутанулся, выронив ружье и корчась в мучительной агонии. Голый грязный человек уселся у него на спине и принялся рвать его горло как зверь, а не как человеческое существо. Стрелять никто не мог – они стояли слишком кучно. Кропси снова закричал и попытался сбросить с себя человека, который раздирал ногтями и зубами все, до чего дотягивался: уши, губы, нос. Из шеи Кропси хлынул фонтан артериальной крови, и предводитель заговорщиков распростерся на земле, так и не скинув сидящего на нем монстра и выронив фонарь, который при падении разбился.

И в этот момент остальные четверо как по команде принялись палить, целясь в темноту. В свете вспышек выстрелов они увидели, что на них с ревом, словно быки, из туннеля рассечки несутся под неумолкающую стрельбу остальные каннибалы. По главному туннелю, привлеченные шумом выстрелов, прибежали два дозорных и тоже принялись палить из ружей. Выстрелы звучали непрерывно, вспышки света расцветали среди уродливого серого дыма… а потом все смолкло. Несколько мгновений была одна темнота. Потом раздался звук спички, чиркающей о каменную поверхность, загорелся другой фонарь, и в его слабом свете все увидели изрешеченные крупнокалиберными пулями тела четырех каннибалов, лежащие на растерзанном теле Шадрача Кропси.

Все было кончено.

Пятнадцать минут спустя Пендергаст открыл глаза. В комнате было прохладно и тихо. Он поднялся, отряхнул сзади свой костюм, надел пальто, замотался в шарф и вышел через заднюю дверь салуна. Снежная буря разыгралась не на шутку, она свирепствовала на Мейн-стрит, сотрясала рождественские украшения. Он поплотнее закутался

в пальто, поднял повыше шарф и, опустив голову против ветра, двинулся по терпящему бедствие городу назад в отель.

Глава 54

В одиннадцать часов утра в канун Рождества, намазав маслом две сотни тостов, дважды помыв такое же количество тарелок и подметя кухню от стены до стены, Кори вернулась в свой номер, надела пальто и вышла в снежную бурю. Ей казалось маловероятным, что Кермоуд или ее головорезы будут действовать в такую погоду, поджидая свою жертву, и все же ей было не по себе. Кори утешалась мыслью, что направляется в самое безопасное место в городе – полицейское управление.

Она решила высказать Пендергасту свое возмущение. Даже не столько высказать возмущение, сколько еще раз объяснить ему, почему он должен поделиться с ней информацией, которую наверняка получил в Лидвилле. С его стороны было несправедливо утаивать от нее что-то. Ведь это она узнала про Суинтона и назвала Пендергасту эту фамилию. Если он разведал что-то о тех старых убийствах, то, по крайней мере, мог бы поделиться с ней, чтобы она включила эти сведения в свою работу.

Кори свернула на Мейн-стрит, где бушевали ветер и снег. Она наклонилась вперед, придерживая шапочку. Деловой район Роринг-Форка был относительно невелик, но в метель даже такое путешествие показалось ей чертовски долгим.

Полицейское управление еле различалось в снежной вакханалии, его окна светились зазывным желтым светом. Несмотря на бурю, все работали. Кори поднялась по ступенькам, потопала ногами, стряхнула снег с шерстяной шапочки и шарфа и вошла внутрь.

– Специальный агент Пендергаст у себя? – спросила она у Айрис, сидевшей за столом дежурного (за последние десять дней девушки успели подружиться).

– Ой-ой, – вздохнула Айрис. – Он не сообщает о приходе или уходе и может находиться в своем кабинете в самые невероятные часы. Мне за ним не уследить. – Она покачала головой. – Посмотри сама.

Кори спустилась в подвал, на сей раз радуясь теплу. Дверь в кабинет Пендергаста была закрыта. Кори постучала, но ответа не последовало.

Где он шляется в такую бурю? В отеле его нет – она звонила ему в номер.

Кори подергала ручку – дверь была заперта.

Она помедлила несколько секунд, задумавшись и не выпуская ручку двери, а потом пошла наверх.

– Ты его нашла?

– Не повезло, – сказала Кори, потом нерешительно проговорила: – Слушай, я, кажется, забыла кое-что важное в его кабинете. У тебя есть ключ?

Айрис обдумала ее вопрос.

– Да, ключ у меня есть, но дать его тебе я не могу. А что ты там оставила?

– Мой сотовый.

– Вот как. – Айрис подумала еще немного. – Пожалуй, я могу тебя впустить, но только в моем сопровождении.

– Это будет здорово.

Они спустились по лестнице, и Айрис быстро открыла дверь в кабинет Пендергаста и зажгла свет. В комнате было жарко и душно. Кори огляделась. На столе ровными стопками лежали бумаги. Кори окинула их взглядом, но все было слишком аккуратно, безукоризненно – глазу не за что зацепиться.

– Я не вижу телефона, – сказала Айрис, оглядываясь.

– Может, он положил его в ящик.

– Нет, Кори, открывать ящики я тебе не позволю.

– Да-да, конечно.

Кори лихорадочно шарила взглядом по столу.

– Он должен быть где-то здесь, – пробормотала она.

И тут ей на глаза попалось что-то любопытное. Страничка, вырванная из маленького блокнота, на которой четким, каллиграфическим почерком Пендергаста было что-то написано. Верхушка этой записки высовывалась из-под стопки документов. В глаза Кори бросились три подчеркнутых слова: «Суинтон» и «шахта „Рождество“».

– Может, он там?

Девушка наклонилась над столом, делая вид, что ищет за лампой, и при этом «случайно» сдвинула блокноты локтем. Теперь ей стали видны еще несколько строк на оторванном листке, на котором Пендергаст написал:

> *встречаемся сегодня вечером в Идеале в 11 ровно они в закрытой шахте Рождество у стены контрабандиста их там 4 возьми лучшие ружья и фонарь записку сожги перед тем как уходить*

– Кори, кроме шуток, хватит, – твердо сказала Айрис (она увидела, что Кори читает что-то на столе).

– Да-да. Прошу прощения. Где же я оставила этот треклятый телефон?

Вернувшись в отель, Кори по памяти записала прочитанные строки, потом задумчиво уставилась на них. Очевидно, Пендергаст скопировал записку или старый документ, в котором называлось место, где произойдет атака на каннибалов: шахта «Рождество». В особняке Гризуэлла Кори видела несколько карт горных разработок, там были помечены и обозначены все шахты и туннели. Найти местонахождение и даже, возможно, план шахты «Рождество» не составит труда.

Это было любопытно. Это меняло все. Кори подозревала, что сошедшие с ума от ртутных паров рабочие прятались в какой-то заброшенной шахте. Если они были убиты в туннеле или стволе, то их останки до сих пор могут оставаться там.

Шахта «Рождество»… Если удастся раздобыть несколько костей и образцов волос этих останков, Кори сможет проверить их на содержание ртути. Это дешевый и простой тест. Его можно провести с помощью простейшего набора, продающегося в магазинах. И если тесты дадут положительный результат, это станет последним ярким штрихом ее работы. Можно будет сказать, что она раскрыла убийства полуторавековой давности и установила самый неожиданный мотив преступления.

Она подумала о своем обещании Пендергасту: оставаться в

отеле, не предпринимать никаких попыток отыскать того, кто стрелял в нее и обезглавил собаку. Ну так что ж, она и не собирается предпринимать ничего такого. Пендергаст не должен был утаивать от нее информацию, в особенности такую важную для ее работы.

Девушка выглянула в окно. Метель бушевала по-прежнему. Время шло к Рождеству, а потому все было закрыто и город почти полностью опустел. Самое подходящее время нанести визит в Архив Гризуэлла.

Кори еще немного подумала, потом сунула в карман набор отмычек. Архив, скорее всего, закрыт на рождественские каникулы, так что проблем у нее не будет.

Она снова оделась потеплее и вышла в метель. К ее удовольствию, на улицах не было людей – только снегоуборочные машины. Часть рождественских украшений – хвойные венки и ленточки – сорвало ветром, и они одиноко трепыхались на фонарных столбах и уличных баннерах. Пообрывало и гирлянды ламп, и они теперь бешено раскачивались на ветру. Очертаний гор Кори не видела, но до нее доносился приглушенный снегом рокот и гул подъемников, которые продолжали работать, несмотря на все то, что случилось, и на почти полное отсутствие горнолыжников. Возможно, лыжи настолько въелись в плоть и кровь Роринг-Форка, что подъемники и снегоуборочное оборудование работали постоянно.

Когда Кори свернула на Ист-Хэддам, ей вдруг показалось, что кто-то идет за ней. Она обернулась, но ничего не увидела, кроме снежной круговерти. Она задумалась. Это мог быть случайный прохожий. Или ее воображение. Но предупреждение Пендергаста снова зазвучало в ее ушах.

Проверить можно было лишь одним способом. Кори пошла назад по своим следам – они все еще были видны на снегу. И верно: вскоре она увидела еще чьи-то следы – кто-то явно шел за ней, но исчез в проулке приблизительно в тот момент, когда она обернулась.

Ее сердце учащенно забилось. Ну хорошо, кто-то идет за ней. Возможно. Тот самый головорез, который требовал, чтобы она убралась из города? Да нет же, это простое совпадение, наложившееся на ее оправданный страх.

– А ну его в задницу, – громко сказала она и, повернувшись, поспешила по улице.

Еще один поворот, и Кори оказалась перед особняком Гризуэлла. Замок, как она и предполагала, был старый. Войти внутрь не составит труда.

А вдруг тут есть сигнализация?

Порыв ветра чуть не свалил ее с ног, когда она проверяла дверные косяки – нет ли там каких признаков сигнализации. Ничего очевидного вроде инфракрасных датчиков или детекторов движения в углах она не нашла. Да и таблички, предупреждающей о наличии сигнализации, у дверей тоже не было. У всего этого здания был заброшенный вид – на нем явно экономили. Наверное, никто не считал, что папки с бумагами внутри чего-то стоят или нуждаются в защите.

Но даже если здесь есть сигнализация, которая сработает, когда Кори зайдет внутрь, то станет ли полиция реагировать? У них теперь других забот по горло. А в такую метель, при таком ветре, когда падают ветки и льдины с крыш, сигнализация, возможно, срабатывает по всему городу.

Кори оглянулась, сняла перчатки и быстро открыла замок. Проскользнула внутрь, закрыла дверь и глубоко вздохнула. Никакой сигнализации, никаких мелькающих огоньков – ничего. Только ветер надрывается снаружи да метет снег.

Она потерла руки, чтобы согреть пальцы. Ох, как ей повезло!

Глава 55

Полчаса спустя ссутулившаяся над грудой бумаг в полутемной задней комнате Кори нашла то, что ей было нужно. На старой карте было показано местонахождение шахты «Рождество». Судя по найденной информации, шахта обанкротилась, она стала одной из первых, исчерпавших запасы руды и заброшенных еще в 1875 году. Насколько поняла Кори, шахта так больше и не открывалась. Вероятно, поэтому спятившие рабочие и поселились в ней.

Девушка еще раз внимательнее осмотрела карту. Хотя шахта находилась на высоте почти в тринадцать тысяч футов, до нее можно было легко добраться по сети старых дорог, проложенных шахтерами, – летом по ним гоняли на внедорожниках, а зимой на снегоходах. Шахта располагалась над широко известным комплексом старых сооружений, расположенных в естественной Чаше Контрабандиста, привлекавшей летом множество туристов. Одно из строений, превосходившее остальные по высоте, было знаменито тем, что в нем находились остатки Ирландского парового насоса – предположительно крупнейшего насоса в мире на момент его создания; его использовали для откачки воды из шахт, если их стволы уходили ниже горизонта грунтовых вод.

Вход в шахту «Рождество» наверняка был заделан – Кори узнала, что входы во все старые шахты были заложены кирпичом, а в некоторых случаях заделаны металлическими плитами. Пройти в шахту будет трудно, а то и невозможно, в особенности с учетом снежных заносов. Но попытаться стоило. У нее были все основания полагать, что останки каннибалов до сих пор находятся там, быть может припрятанные где-то теми добровольцами, которые расправились с убийцами.

Просматривая бумаги, карты и диаграммы, Кори поняла, что план подсознательно уже сформировался в ее голове. Она проберется в шахту, найдет останки и возьмет образцы. И сделает это сейчас, пока дороги из города все еще остаются непроезжими и пока Пендергаст не заставил ее вернуться в Нью-Йорк.

Но как туда добраться по горным склонам в снежную бурю? Кори еще не успела задать себе этот вопрос, как ответ возник сам собой. В ангаре были снегоходы. Она просто поднимется в

«Высоты», возьмет снегоход и быстренько доберется до шахты «Рождество».

Время сейчас самое подходящее: канун Рождества, девяносто процентов горожан уехали, а все оставшиеся сидят по домам. Даже если кто-то и следит за ней, в горы они не поедут – не в такую же погоду. Она быстренько съездит на разведку и назад… а потом спрячется в отеле, пока не сможет организовать отъезд из города.

Тут ей пришло в голову, что опасаться нужно не только головорезов Кермоуд, но и погоды. Любого, кто отправляется в горы в такую погоду, можно назвать сумасшедшим, так разве ее планы не сумасшедшие? Но она утешила себя тем, что будет действовать по обстоятельствам. Если буря усилится или если она почувствует, что не справляется с ситуацией, то оставит разведку и вернется в город.

Засунув в карман старую карту шахты и общий план разработок, на котором были отмечены все вспомогательные соединительные туннели, Кори направилась назад в отель «Себастиан», поглядывая вокруг – не объявится ли ее преследователь. Но так никого и не увидела. Оказавшись у себя в номере, она стала готовиться к задуманному. Собрала рюкзак: маленькая бутылочка с водой, пакеты для образцов, налобный фонарик с запасными батарейками, дополнительные перчатки и носки, спички, походный ящик, шоколадки «Марс», конфеты на арахисовом масле, набор отмычек, нож, баллончик со слезоточивым газом (она носила его повсюду) и сотовый. Затем Кори еще раз изучила карту шахты «Рождество», изъятую из архива, и с удовлетворением отметила, что на ней четко обозначены туннели.

Портье отеля смог достать для нее нечто очень полезное – карту снегоходных маршрутов в окружающих горах. Еще ей удалось добыть из подсобки отеля молоток с гвоздодером, болторез и ломик. Кори оделась, погрузила все в машину и двинулась по Мейн-стрит в пургу, включив дворники на полную. Снегоуборочные машины продолжали работать (это дело было поставлено в городе очень эффективно), но снежная буря опережала уборщиков, и на большинстве дорог лежало по три-четыре дюйма снега. Впрочем, «форд-эксплорер» легко справлялся с этим. Подъехав к «Высотам», Кори еще раз повторила про себя, что скажет охраннику, но оказалось, что шлагбаум открыт и охранника в будке нет. А что тут такого? Охранники тоже хотят быть дома в канун Рождества. К тому

же кто в здравом уме выедет в такую пургу из дома?

Обогреваемая дорога имела вполне приличный вид, хотя сила снегопада превосходила способности обогревательного устройства. Два раза машина начинала буксовать. Но, включая полный привод, Кори легко вылезала из снега. Хорошо хоть на обратном пути дорога почти все время будет под уклон.

За снежным столпотворением возникли очертания клубного дома, из больших окон с толстым стеклом лился уютный желтоватый снег. Но парковка была пуста, и Кори вплотную подъехала к зданию сбоку, остановилась и вышла из машины. Она сомневалась, что в такую пургу в доме кто-то есть, но все же хотела быть уверенной, что никто не увидит, как она выезжает из ангара на снегоходе. Она обила снег с сапожек, отряхнулась, подошла к двери и попробовала ее открыть.

Заперто.

Кори заглянула в ряд маленьких окошек справа от двери. Свет внутри горел, комната была украшена к Рождеству. В камине весело трепыхалось газовое пламя. Но людей она не увидела.

Для полной уверенности она обошла все здание, заглядывая в окна. Ветер, хотя и ослабел, все еще завывал в ушах. Пять долгих минут потратила она на то, чтобы убедиться: в клубном доме никого нет.

Кори направилась к машине, готовая ехать дальше к ангару. Проходя по парковке, она обратила внимание, что снег почти прекратился. Значит, по грунтовой дорожке к ангару все еще можно будет проехать. Она села в машину, завела двигатель. Удача ей улыбалась. У нее будет богатый выбор снегоходов… а ключ к навесному замку все еще оставался у нее.

Но потом, проехав по круговой подъездной дорожке к клубному дому, а оттуда выехав на главную, обогреваемую дорогу, она заметила вторые следы покрышек в снегу поверх следов, оставленных ею.

Глава 56

Совпадение? Конечно, это вполне вероятно. Кори сказала себе, что следы оставил кто-то из жителей «Высот» – ведь на участке десятки домов. Возможно, кто-то торопился к себе домой, опасаясь, что пурга еще усилится. С другой стороны, за ней ведь кто-то следил в городе. И зачем эта машина подъезжала к парковке? Кори обуяли дурные предчувствия, и она осмотрелась, но никаких машин не увидела. Взглянула на часы: два пополудни. Световой день продлится еще три часа.

«Эксплорер» с заносами шел вверх по дороге, Кори до отказа вдавливала педаль газа. Еле справившись с последним поворотом, она направила машину к ограде вокруг ангара. Снегопад еще уменьшился, но на небе громоздились серые тучи, обещавшие продолжение пурги.

Не останавливая машину, Кори еще раз проверила содержимое своего рюкзака – все оказалось на месте и в полном порядке. У нее не было костюма для снегохода, но она натянула на себя в отеле все, что нашла, а еще взяла две пары перчаток, маску-балаклаву и тяжелые ботинки.

Она вышла из машины и набросила на плечо тяжелый рюкзак. Стояла странная тишина. Все вокруг купалось в холодном сером свете. Воздух был морозный, дыхание парком вырывалось из ее рта. Воздух пах хвоей. Снег лежал на провисших ветвях деревьев, толстым слоем покрывал крышу ангара, с которой в сумеречном свете свисал ряд тусклых холодных сосулек.

Кори отперла навесной замок своим ключом, вошла в ангар и включила свет. Все снегоходы стояли на месте, выстроившись в ровный ряд, в замках зажигания торчали ключи, рядом на крючках висели шлемы. Она прошла вдоль ряда, оглядывая машины и проверяя уровень бензина в баке. Она никогда не ездила на снегоходе, но девчонкой в Канзасе каталась на кроссовом мотоцикле, а принцип езды на снегоходе, похоже, был таким же. Газ на правой ручке руля, тормоз – на левой. Все казалось довольно простым. Кори выбрала самый чистый снегоход, убедилась, что бак у него полный, взяла шлем и затолкала свой рюкзак в багажник под седлом.

Она подошла к главным воротам ангара, отперла их изнутри и с трудом открыла. Снег, скопившийся у ворот снаружи, лавиной хлынул внутрь. Кори завела снегоход, села на сиденье, проверила приборный щиток, газ, тормоз, попереключала передачи, потом несколько раз включила и выключила фару.

Хотя ее грызли страх и тревога, она чувствовала возбуждение. Нужно смотреть на это как на своего рода приключение. Если кто-то следит за ней, то последует ли он за ней в горы? Это казалось маловероятным.

Кори надела шлем и, слегка газанув, осторожно вывела машину через ворота. Оказавшись снаружи, она попыталась было закрыть ворота, но снег, обвалившийся внутрь, не позволял это сделать.

Тут ей пришло в голову, что она фактически угоняет снегоход, а это преступление. Но опасность быть пойманной – притом что бушевала пурга, наступали праздники, а полиция была занята поисками поджигателя, – приближалась к нулю. Судя по карте, шахта «Рождество» находилась милях в трех отсюда по проложенным горняками дорогам, ныне превращенным в снегоходные трассы. Если она будет ехать осторожно, то доберется до места минут через десять-пятнадцать. Конечно, всяких «но» хватало. Возможно, ей не удастся проникнуть в туннель, возможно, он окажется заложенным. Не исключено, что останки захоронены или спрятаны. Или – упаси господи – она приедет и увидит, что Пендергаст опередил ее. Ведь в конечном счете она узнала об этой шахте от него, хоть и опосредованно. Но по крайней мере, она будет знать, что сделала все возможное. И в любом случае меньше чем через час сможет вернуться в город.

Кори вытащила карты, чтобы попытаться запомнить маршрут, потом засунула их в бардачок под маленьким ветровым стеклом и вывела машину дальше в снег, где та начала проседать, слегка напугав девушку. Но она добавила газку – машина вышла на снежную поверхность и стала двигаться увереннее. Кори принялась осторожно увеличивать газ и прибавила скорость на служебной дорожке, которая, судя по карте, вела к сети снегоходных трасс в горах, а те в свою очередь выходили на старую шахтерскую дорогу, проложенную к Чаше Контрабандиста и входу в шахту над ней.

Вскоре Кори почувствовала, что машина слушается ее. Теперь она двигалась с хорошей скоростью двадцать миль в час, снегоход

выбрасывал за собой вихревой лыжный снег. Девушку неожиданно охватило веселье: как это здорово – мчаться среди хвойных деревьев, когда в ушах свистит морозный воздух, а вокруг высятся величественные горные пики. Ей не было холодно под множеством одежек.

Добравшись до горной гряды, она оказалась на главной снегоходной трассе, удобно помеченной знаками. Толстый слой следа укрыл все следы снегоходов, которые, возможно, проезжали здесь, но трасса была хорошо видна – она поднималась на Марун-Ридж, помеченная яркими оранжевыми флажками на высоких шестах.

Кори ехала все дальше и дальше. С увеличением высоты деревья становились ниже, их стволы кривились, некоторые были целиком погребены под снегом. И вдруг совершенно неожиданно она оказалась выше верхней границы леса. Кори остановилась, чтобы свериться с картой, – все правильно. Виды отсюда открывались изумительные: внизу в долине распростерся Роринг-Форк – миниатюрная деревенька, кукольные домики, занесенные снегом. Слева от Кори лентами белых следов поднималась горнолыжная зона. Подъемники по-прежнему работали, но катались сегодня, наверное, только самые фанатичные лыжники. За спиной у Кори высились громады пиков Континентального водораздела, их высота достигала четырнадцати тысяч футов.

Судя по карте, она преодолела уже половину пути до старых строений в чаше гор.

Внезапно снизу донесся далекий жужжащий звук. Кори замерла, прислушалась. Это работал двигатель снегохода. Глядя вниз на трассу, по которой поднялась, она увидела черную точку на тонком, с ниточку шириной, повороте, а потом точка исчезла среди деревьев.

Кори запаниковала. Ее и в самом деле преследуют. А может, просто кто-то решил прокатиться? Нет. Одно дело совпадение, но когда три совпадения на день, сомнений не остается. Это наверняка тот самый тип, который преследовал ее и прежде, – головорез, нанятый Кермоуд; это он угрожал Кори, он убил ее собаку. Девушку охватил новый приступ страха. Никакое это не приключение. Это чистая глупость, и она сама загнала себя в ловушку: одна в горах, без всякой надежды на помощь.

Она тут же вытащила сотовый. Сигнал здесь не проходил.

Мысли ее заметались. Она не могла развернуться и ехать назад – сюда вела только одна дорога, если, конечно, не пуститься вниз по практически отвесному склону. Она не могла съехать с трассы и спрятаться – снегоход оставлял следы. Спасаться пешком, оставив снегоход, она тоже не могла – снег был слишком глубок.

До нее стало доходить, что она, возможно, собственными руками вырыла себе могилу. Кори решила, что лучше всего продолжить путь до шахты, пробраться внутрь и там уже уйти от преследователя. У нее была карта шахты «Рождество», а у него наверняка не было.

Она села на снегоход и поехала дальше, но перед этим успела отметить, что ее преследователь сделал последний поворот перед верхней границей леса и на полной скорости мчится к ней.

Кори рванула вверх по склону, газуя так, что снегоход быстро набрал скорость тридцать, тридцать пять, а потом и сорок миль в час. Машина практически летела между почти отвесной пропастью с одной стороны и крутой стеной снега – с другой. Через пять минут снегоход выехал к краю углубленной горной долины, и Кори оказалась в старом шахтном комплексе, разместившемся в широкой впадине, обозначенной на карте как Чаша Контрабандиста. В окружении высоких хребтов здесь повсюду стояли заброшенные старые строения, на просевших крышах некоторых из них лежал слой снега, другие представляли собой лишь груды ломаных досок. Кори остановилась на несколько секунд, чтобы сориентироваться по карте. Шахта «Рождество» находилась еще выше по склону, прямо над старыми сооружениями Стены Контрабандиста. Держа карту в руке, Кори, прищурившись, попыталась в сером свете дня увидеть вход. Снегоходная трасса здесь и заканчивалась, но на карте была показана сохранившаяся по сей день старая горняцкая дорога, которая вела вверх, к входу в шахту. Кори посмотрела на крутую стену чаши и разглядела эту дорогу, делающую множество крутых поворотов, узкую и отчасти засыпанную сугробами.

Тут до ее слуха опять донесся звук приближающегося снегохода.

Убрав карту, Кори резко нажала на газ и помчалась мимо старых строений, направляясь к дальней стене чаши с ее крутым подъемом. Она с удивлением увидела между домами свежий след снегохода, слегка припорошенный, но явно оставленный сегодня.

И вот оно, начало дороги, идущей вверх к шахте. Подъем обещал

быть жутким. Кори окинула оценивающим взглядом почти вертикальную стену над собой, и в этот момент звук двигателя преследующего ее снегохода стал громче. Она повернулась и увидела, как он выехал на кромку чаши всего в полумиле от нее.

Нажав на ручку газа, она устремилась вверх, держась как можно дальше от края, пробиваясь сквозь занесенные снегом участки дороги. Первый поворот серпантина был таким крутым и узким, что сердце у нее чуть не остановилось. Кори резко сбросила скорость, входя в поворот, и практически застряла в снегу, при попытках выбраться снегоход выбрасывал назад снежную струю и соскальзывал к краю дороги. Девушка чуть не до предела нажала на газ, снежная пыль полетела еще гуще, но снегоход отошел от края. Кори перевела дыхание – разверстая белая пропасть в такой близости наводила на нее ужас. Ей пришло в голову, что на этих крутых склонах, вероятно, высока опасность схода лавин. Она увидела своего преследователя – он проезжал по ее следам мимо шахтных строений. Расстояние между ними сократилось настолько, что она разглядела ружье у него на плече.

Она поняла, что позволила загнать себя в угол. Дорога заканчивалась шахтой, выше не было ничего, кроме вертикальной стены. А внизу – киллер.

Кори проделала еще с полдюжины опаснейших поворотов, без оглядки проезжала заносы, не позволяя машине остановиться и застрять. Наконец она добралась до входа в шахту «Рождество», отмеченного хлипкой эстакадой и квадратным зевом, укрепленным массивными подгнившими бревнами. Кори остановилась у самого входа, сорвала с себя шлем, подняла седло и вытащила рюкзак. Как только она выключила двигатель, стал слышен рев другого снегохода, теперь гораздо ближе, чем прежде.

Туннель был перекрыт футах в десяти от входа, а потому ржавая дверь, вделанная в клепаную металлическую плиту, не была заметена снегом. Дверь, сильно разрушенная временем, оказалась заперта на древний навесной замок.

Звук двигателя приближался, и Кори стала впадать в панику. Она стащила с рук перчатки, достала набор отмычек и попыталась вставить одну из них в скважину, но сразу же поняла, что замок проржавел и отпереть его отмычкой невозможно. Она полезла в рюкзак, слушая, как усиливается рев двигателя.

Зев болтореза оказался слишком мал для толстого коромысла замка, но замковую скобу ей удалось частично захватить его губками. Она с трудом свела рукояти, и губки сошлись, перерезав часть скобы. Взяв молоток, Кори изо всех сил ударила по ослабленной скобе, потом еще раз – скоба согнулась так, что теперь можно было захватить болторезом и рассечь оставшуюся часть. Но все настолько обросло ржавчиной, что ей пришлось еще поработать молотком, чтобы сбить скобу с двери.

Она налегла на металлическую дверь, но та подалась лишь чуть-чуть, отозвавшись громким протестующим скрежетом.

Приближающийся рев снегохода вдруг с силой ударил по ушам. Кори увидела снежный вихрь, а потом и сам снегоход остановился перед входом в шахту. В седле сидел человек в черном шлеме и специальном пуховом костюме. Он спрыгнул со снегохода, одним движением снял шлем и скинул с плеча ружье.

Издав непроизвольный вскрик, Кори ударила боком в дверь с такой силой, что чуть не выбила плечо из сустава. С громким скрежетом дверь подалась ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь. Девушка схватила рюкзак, проскользнула в щель и налегла на дверь с другой стороны, закрывая ее, и в это время пуля отрикошетила от металла двери и попала в ствол шахты, высекая искры из скальной породы за спиной у Кори.

Еще один удар плечом, и дверь оказалась закрытой полностью. Подпирая собой дверь, Кори вытащила налобный фонарь, натянула его на балаклаву. С оглушающим грохотом прозвучали два выстрела в дверь, но она была сделана из прочной стали, и пули лишь оставили на ней вмятины. Кори почувствовала, как человек налег на дверь с другой стороны и приоткрыл ее на дюйм-другой. Она снова надавила плечом на дверь изнутри и закрыла ее, затем вытащила из рюкзака ломик и заклинила им дверь, загнав ударом молотка между нею и косяком внизу. Потом ударила по ломику молотком еще раз, загоняя его глубже, так что дверь перестала подаваться на удары плечом снаружи.

Но ее преследователь начал бешено молотить по двери, и ломик немного отошел. Было ясно, что он продержится лишь недолгое время. Кори оглянулась: повсюду лежали камни, обломки проржавевшего железа и старого оборудования.

Ба-бах! Человек с разбегу ударил в дверь плечом, и лом почти выбило из-под двери.

Кори забила его назад и принялась баррикадировать дверь камнями и кусками металла. На узкоколейке чуть поодаль стояла старая вагонетка для вывоза руды. Кори не без труда стронула ее с места, разогнала так, что та съехала с рельсов и уткнулась в дверь, и подперла камнями покрупнее. Теперь дверь должна была удержать его хоть на какое-то время. Девушка прислонилась к стене, тяжело дыша, пытаясь собраться с силами и сообразить, что ей делать дальше.

Загрохотали новые выстрелы по двери, в закрытом пространстве звук был просто оглушительным. Кори подпрыгнула и, схватив рюкзак, двинулась вглубь туннеля. Только теперь она смогла осмотреть шахту, в которой оказалась. Воздух здесь был холодный, но теплее, чем снаружи, и в нем стоял запах плесени и железа. Туннель в скальной породе был проложен по прямой, через каждые десять футов его кровлю подпирали мощные бревна крепи. В темноту уходили рельсы узкоколейки.

Кори побежала по туннелю, слыша гулкие звуки ударов по двери. Наконец она добралась до пересечения туннелей, свернула в перпендикулярный туннель и вскоре уперлась в тупик. Пришлось остановиться, чтобы передохнуть. И подумать.

Она выиграла какое-то время, но в конечном счете ее преследователь откроет дверь. Старая карта указывала, что один из стволов шахты «Рождество» соединяется с другими, более низкими шахтами и стволами, но проходимы ли они – вот в чем вопрос. Если ей удастся выйти в эти шахты и выбраться наружу… но что от этого будет проку? Снаружи глубина снега достигает нескольких футов – по такому не пройдешь. Спуститься с горы можно только на снегоходе.

И никто не знает, что она здесь. Она никому не сказала. «Боже мой, – подумала Кори, – ну и вляпалась же я по собственной глупости».

В этот момент раздался скрежет металла, потом снова. Кори выглянула за угол – вдали сквозь приоткрывшуюся дверь внутрь проникал свет. Снова скрежет металла – щель стала шире.

Ее преследователь открывал дверь каким-то рычагом. Она

разглядела его плечо, злое лицо и руку с ружьем.

Она побежала вглубь туннеля, и в этот же миг прозвучал выстрел.

Глава 57

Пули свистели мимо, высекали искры из скалистого пола туннеля, отбивали кусочки камня и разлетались, жужжа по-пчелиному. Объятая ужасом, Кори бежала, прыгая по старым рельсам и в любую минуту ожидая удара в спину, который уложит ее на землю. Туннель заканчивался еще одним перекрестком и скальной стеной. Загрохотали новые выстрелы, пули попадали в бревна крепи над ее головой, выбивая из них щепки и пыль, ударяли в каменную стену перед ней.

Она свернула в перпендикулярный туннель и помчалась по нему, отчаянно пытаясь вспомнить план туннеля на карте, но паника отключила ее мозг. Выстрелы временно прекратились, когда Кори свернула, и теперь она увидела другой, более узкий туннель, уходящий вправо и вниз рядом грубо вырубленных ступенек, словно гигантская каменная лестница. Кори понеслась по ступенькам, перепрыгивая через две зараз, и вскоре оказалась в туннеле более низкого уровня, по полу которого струился ручеек. Здесь было теплее, может быть, даже выше нуля, и Кори вспотела в своем нескладном зимнем одеянии.

– Тебе все равно отсюда не выйти, – раздался крик сзади. – Здесь тупик.

«Хрена с два, – сказала она себе в кураже, которого вовсе не чувствовала. – У меня есть карта».

Последовали еще два выстрела, но пули не долетели до нее, ударились в породу, и она почувствовала, как ей на плечи посыпалась мелкая каменная крошка. Кори оглянулась. Влево ответвлялся еще один туннель – он уходил вниз под еще более крутым углом, чем предыдущий, ступеньки здесь стали осклизлыми от воды, вдоль стены была натянута гнилая веревка – подобие перил.

Кори свернула туда и понеслась вниз с головоломной скоростью. На полпути она поскользнулась и лихорадочно уцепилась за веревку, которая рассыпалась прахом под ее пальцами. Девушка рухнула, но успела сгруппироваться и, подставив ступеням плечо, покатилась вниз, больно ударяясь о камни. Наконец она распростерлась на мокром полу внизу. Ее зимняя одежда и шерстяная шапочка

смягчили падение, но не очень.

Она с трудом поднялась на ноги, чувствуя, как гудит все тело, а кожу лба обжигает царапина. Кори оказалась в широком нижнем пласте едва ли в пять футов высотой. Каменные столбы поддерживали потолок. Туннель тянулся в двух направлениях, насколько хватало света ее фонарика. Кори побежала, пригнувшись и огибая каменные столбы. Иногда она останавливалась, чтобы посветить фонариком и понять, что там впереди. Потом выключала фонарик и бежала в темноте. Она сделала так еще два раза. А в третий раз, когда фонарик был выключен, она резко свернула вправо, замедлила движение и постаралась производить как можно меньше шума.

Темноту прорезал луч света от фонаря ее преследователя. На бегу он шарил фонариком то справа, то слева от себя. Кори спряталась за столб, прижалась к стене и стала ждать. Видимо потеряв ориентацию, он прошел мимо нее. Через несколько мгновений она увидела, что он замедлил шаг и оглянулся. В правой руке у него был пистолет. Очевидно, он понял, что потерял свою жертву.

Кори тихо выскользнула из-за столба и двинулась в обратном направлении, потом свернула в другой коридор и крадучись пошла по нему в темноте, не осмеливаясь включать фонарик и ощупывая стены руками. Она заморгала и отерла глаза – с рассеченного лба обильно капала кровь. Спустя какое-то время у нее за спиной мелькнул свет, и она поняла, что преследователь тоже решил вернуться назад. Кори ускорила шаг, сняла со лба фонарик и, опустив его вниз, на миг включила свет, чтобы видеть, что впереди, и идти быстрее.

Это было ошибочное решение. Сразу же раздались два выстрела, а потом топот его ног. Луч его фонарика, обшаривая туннель, наткнулся на Кори – и сразу же последовал выстрел. Но этот идиот стрелял на бегу, а такой метод срабатывал только в телесериалах, и Кори, воспользовавшись этой возможностью, понеслась вперед со всех ног.

Внезапно прямо перед ней открылся уходящий вниз вертикальный ствол. Кори заметила его в последний миг и остановилась так резко, что упала и заскользила на боку, словно бейсболист, бегущий к базе. И все равно одна ее нога перевесилась вниз. Невольно вскрикнув, Кори стала отползать назад от ствола,

хватаясь руками за неровности в полу. Через ствол были перекинуты металлические мостки, но, судя по их виду, они насквозь проржавели. Вниз уходила металлическая лестница, тоже изъеденная ржавчиной.

Выбор у нее был небогатый.

Она выбрала лестницу. Уцепилась за верхнюю ступеньку, опустилась вниз и нащупала следующую ступеньку ногой. Лестница стонала и сотрясалась под ее весом. Снизу поднимался стоялый воздух, еще более теплый, чем в предыдущем туннеле. Пути назад не было: Кори спускалась со всей возможной скоростью, и вся лестница сотрясалась и раскачивалась. Послышался громкий лязгающий звук, за ним еще один – болты, крепящие лестницу к камню, выламывались, лестница резко дернулась, уходя вниз. Кори уцепилась за ступеньку, ожидая рокового падения. Но металл, проскрежетав, все же устоял.

Наверху блеснул луч света, сверкнул металл оружия. Кори ухватилась за вертикальные стойки лестницы руками в перчатках, убрала ноги со ступеньки и, обхватив ими те же стойки, заскользила вниз – быстрее, быстрее, обдирая ржавчину с металла, – наконец сильно ударилась ногами об пол и сразу откатилась в сторону. Тут же загремели выстрелы, раскурочивая пол в том месте, которое она только что оставила.

Черт, она, кажется, повредила лодыжку.

Хватит ли у него пороху спуститься по опасной лестнице? Неподалеку от лестницы лежала кипа сгнившей холстины и груда старых досок. Кори, хромая, подошла к холстине, подтащила ее к лестнице. Материя была сухая, как пыль, и практически распадалась в руках. Лестница скрипела и сотрясалась – ее преследователь спускался.

Значит, сейчас стрелять он не мог.

Кори затолкала холстину под самую лестницу, навалила сверху досок, вытащила зажигалку и подожгла этот самодельный жертвенный костер. Материя и доски были такими сухими, что взорвались, словно бомба.

– Гори в аду! – крикнула она и захромала по туннелю, стараясь не замечать боли в лодыжке.

Господи, кажется, у нее перелом. Боль во время ходьбы была

невыносимой, но Кори упорно шла по туннелю – по одному, потом по другому, сворачивая наобум. Теперь она совершенно потерялась.

Луч ее фонарика высветил впереди завал: на полу туннеля была навалена груда камней, а сверху лежало несколько балок. Однако через завал шла, извиваясь, узкая тропка. Сверху проникал холодный воздух. Преодолевая боль, Кори забралась на груду камней и поломанных балок и подняла голову. Сквозь щель виднелся лоскут темного серого неба, но не больше. Выбраться через этот ход было невозможно.

Кори продолжила пробираться дальше по завалу к ровному пространству за ним. Внезапно до нее донеслось какое-то жужжание. Она остановилась, посветила вперед фонариком – и тут же вскрикнула и отпрянула назад. Среди этой груды нападавших сверху камней она увидела на своем пути огромную массу впавших в зимнюю спячку гремучих змей. Они полуспали на холодном воздухе, сплетясь в клубок, и этот клубок делал жуткие медленные движения, пульсировал, вращался, словно был единым существом. Сон части из них был настолько неглубоким, что они предупреждающе гремели своими хвостами.

Кори повела лучом фонарика и увидела, что среди камней, устроившись в маленьких выемках, спят и другие змеи. Они были повсюду, их были сотни. И даже позади нее – когда она это поняла, у нее чуть не подогнулись колени.

Внезапно грохнул выстрел, и ее рука дернулась как от удара. Кори инстинктивно перепрыгнула через массу змей и поковыляла среди камней, чувствуя, как усиливается боль в лодыжке. Раздался еще выстрел, потом еще один, и Кори укрылась за большим валуном рядом со здоровенной спящей змеей. Рядом лежали несколько камней, и она поняла, что не может упустить такую возможность. Она подняла правой рукой тяжелый камень – с левой ее рукой что-то случилось, но с этим можно было разобраться позднее, – вскочила на большой валун и с силой швырнула камень в клубок змей.

Камень попал точно в змеиный шар, и реакция последовала мгновенная и ужасающая: туннель словно наполнился жужжанием тысяч пчел и взорвался ураганом движений. Ленивая змеиная масса внезапно взвихрилась, змеи сворачивались, наносили удары, расползались во всех направлениях – некоторые ползли прямо на Кори.

Она попятилась. Очередная пуля ударила в скальную породу рядом с ней, срикошетила, и Кори упала между двумя валунами. Жужжание наполнило туннель, будто в нем заработала огромная динамо-машина. Кори поднялась и побежала, подволакивая ногу. С полдюжины змей бросились на нее, и она отпрыгнула в сторону. Две повисли на ней, вцепившись клыками в плотную ткань ее штанов. Она с криком стряхнула их, чуть ли не танцуя среди нападающих змей, и тут по туннелю разнеслись два новых выстрела. Еще несколько секунд – и она вышла за пределы досягаемости разбуженных змей и похромала дальше. Наконец Кори поняла, что от боли не может идти дальше, и упала. Она лежала, хватая ртом воздух, по ее щекам катились слезы. У нее точно был перелом. А потом еще и рука: даже в темноте было видно, что перчатка пропиталась теплой жидкостью. Кори осторожно сняла ее, поднесла руку к свету и вскрикнула: ее мизинец висел на лоскуте кожи, из него сочилась кровь.

– Проклятье!

Она стряхнула бесполезный палец и чуть не потеряла сознание от отвращения и потери крови. Сняв с себя шарф, она отрезала от него ножом полоску и обмотала ею запястье и обрубок пальца, чтобы остановить кровотечение.

«Господи, мой палец». Словно во сне, почти отказываясь верить в происходящее, Кори как могла натянула перчатку на руку, обмотанную обрывком шарфа, чтобы удержать повязку на месте. В этот момент она услышала позади крик, потом вопль и бешеную стрельбу. Но на сей раз стреляли не в нее. Жужжание наполнило туннель ужасным звуком змеиной ярости. Еще выстрелы и крики.

Нужно было двигаться дальше – в конечном счете ее преследователь прорвется через змеиный заслон, если только ей не повезет и какая-нибудь из змей не ужалит его. Кори поднялась на ноги, борясь с головокружением и усиливающейся тошнотой. Господи, ей бы костыль, – но ничего похожего здесь не было. Сильно хромая, она двинулась по туннелю, который спускался под уклон, минуя несколько пересечений. Наконец Кори вышла к небольшой боковой нише в стене, заложенной камнями, образовавшими рукотворную стену, теперь полуразрушенную. Укромное место? Она подошла ближе, вытащила часть оставшихся камней и заглянула внутрь.

Луч фонарика высветил целую орду крыс, которые бросились врассыпную, огласив туннель возбужденным писком. И тогда она увидела останки нескольких тел.

Кори в оцепенении уставилась на них. Четыре скелета лежали в ряд… вернее, не скелеты, а полумумии, потому что на части костей сохранялись лоскуты высохшей кожи, сгнившая одежда, старые ботинки и волосы. Их засушенные черепа были откинуты назад, челюсти, словно в крике, широко раскрыты, обнажая мумифицированные рты, полные почерневших, гнилых зубов. Кори придвинулась, чтобы разглядеть получше. Они были расстреляны – об этом говорили многочисленные отверстия в черепах. Расстреливавшие их не пожалели патронов: мертвецы были убиты, считай, по нескольку раз каждый – свидетельство неукротимой, убийственной ярости.

Четыре шахтера, сошедшие с ума, потому что надышались парами ртути. Их убили где-то в этих туннелях, возможно, в шахте «Рождество», а тела уволокли сюда и спрятали.

Рядом с телами лежала длинная тяжелая палка – дубинка, которая, вероятно, была у одного из этих убийц. Что ж, за костыль вполне может сойти.

Кори действовала быстро, но так, чтобы не нарушить целостности вещественных доказательств. Она сняла с себя рюкзак, вытащила пакеты для образцов, разложила на полу. Сняв перчатку со здоровой руки и опустившись на колени, она переползала от тела к телу, забирая у каждого образец волос, фрагмент высохшей кожи, маленькую кость. Уложив все это в пакеты, она засунула их в рюкзак. Потом сфотографировала тела на свой сотовый и надела рюкзак на спину.

Опираясь на дубинку, она со стонами и оханьем поднялась на ноги. Теперь нужно было понять, где она находится, и найти выход. Причем сделать это так, чтобы ее не пристрелили по дороге.

Словно в подтверждение ее мыслей, у завала снова зазвучали выстрелы. Кори даже показалось, что она слышит, как жужжат змеи: тихое шипение вдали, приятное, как звук набегающей океанской волны.

Она двинулась дальше по туннелю, постанывая от боли и пытаясь отыскать какую-нибудь заметную веху, которую можно

отыскать на карте и таким образом сориентироваться относительно выхода. К ее огромному облегчению, после десяти минут мучительной, медленной ходьбы она добралась до пересечения туннелей – здесь сходились три горизонтальные выработки и одна вертикальная. Кори рухнула на пол, вытащила карту и принялась ее изучать.

Вот оно.

Слава богу. Наконец-то хорошая новость. Судя по карте, она оказалась в шахте Салли Гудин, неподалеку от нижнего выхода. Водоотливной туннель с трубой большого диаметра находился в нескольких футах от того места, где она сидела, и вел прямо к Ирландскому паровому насосу в чаше под шахтой «Рождество». Кори сложила карту, убрала ее и двинулась по туннелю, указанному на карте.

И точно: через несколько минут мучительной ходьбы она заметила на каменном полу струйку воды, а потом увидела в стене туннеля отверстие старинной трубы диаметром почти в три фута. Кори залезла в трубу, радуясь тому, что здесь не нужно передвигаться на ногах, и поползла вперед.

Здесь было темно и тесно, многочисленные одежки, которые Кори на себя напялила, постоянно цеплялись за проржавевшую трубу и рвались. Но проход был относительно чист – никаких обвалов или сужений. Минут через десять девушка почувствовала, что воздух становится холоднее и свежее, и ей показалось, что она чует запах снега. Еще несколько минут – и она различила впереди смутный свет, а вскоре пробралась по мосткам к приоткрытой деревянной двери, через которую попала в темное, грязное пространство, заполненное ржавыми трубами и гигантскими клапанами. Здесь было очень холодно, сквозь щели и трещины в деревянной крыше сюда проникал тусклый серый свет. Кори решила, что находится где-то в сооружении, построенном для Ирландского парового насоса.

Всхлипнув от облегчения, девушка огляделась и увидела старую лестницу, ведущую вверх. Ковыляя к ней, она уловила краем глаза темную движущуюся фигуру. Человеческую фигуру, быстро приближающуюся к ней.

«Он прорвался через змей. Как-то прорвался через змей и обошел меня каким-то боковым туннелем…»

Одна рука обхватила ее за талию, другая за шею, ладонь закрыла ей рот, заглушая ее крик и откидывая назад голову. Потом в полумраке появилось лицо… вполне узнаваемое лицо.

«Тед…»

– Ты? – вскрикнул Тед, ослабляя хватку и убирая ладонь с ее рта. – Это ты! Черт побери, что ты здесь делаешь?…

– О боже, – выдохнула она. – Тед! Там человек. В шахте… Он пытался меня убить… – Она охнула, не в силах говорить.

Он продолжал держать ее.

– У тебя кровь!

Кори начала плакать:

– Слава богу, Тед, слава богу, что ты здесь. У него ружье…

Тед снова крепко сжал ее.

– Пусть только появится здесь – я его прикончу, – тихо произнес он мрачным голосом.

Она всхлипнула:

– Я так рада тебя видеть… Он мне палец отстрелил… мне нужно в больницу.

Он не отпускал ее.

– Я о тебе позабочусь.

Глава 58

В половине третьего пополудни человек в пальто огромного размера, в теплых перчатках, шелковом шарфе и фетровой шляпе, с бутылкой шампанского в руке позвонил в дверь особняка итальянского стиля по адресу Маунтин-Трейл-роуд, 16. Горничная, облаченная в накрахмаленную черную одежду с белым фартуком и шапочкой, открыла дверь.

– Чем могу?… – начала она, но человек вошел в дом с веселым рождественским приветствием, заглушившим ее слова.

Он передал горничной шляпу, шарф, пальто и предстал перед ней в строгом черном костюме.

– Кажется, пурга стихает! – сказал он, обращаясь в пространство, и его громкий голос звучно разнесся по отделанной мрамором прихожей. – Господи боже, до чего же на улице холодно!

– Семья занята – у них сейчас предрождественский обед… – снова начала горничная.

Но человек в черном, похоже, не слышал ее; он прошел через прихожую, мимо парадной круговой лестницы в большой коридор, ведущий в столовую. Горничная семенила за ним с его уличной одеждой в руках.

– Ваше имя, сэр?

Но человек не обращал на нее внимания.

– Я должна доложить о вас… – лепетала она, едва поспевая за ним.

Он дошел до великолепных двойных дверей столовой, взялся за ручки и распахнул створки. Перед ним предстала вся семья – человек двенадцать, а то и больше; они сидели вокруг роскошного, сверкающего серебром и хрусталем стола, в центре которого стояло гигантское блюдо с остатками молочного поросенка. От поросенка осталась одна грудная клетка, окруженная жирными комками полупережеванного мяса и костями. Нетронутой была также голова поросенка с прожаренными закрученными ушками и обязательным печеным яблоком во рту.

Все сидящие за столом удивленно уставились на вошедшего.

– Я пыталась… – в очередной раз начала горничная, но джентльмен в черном прервал ее, поднимая в руке бутылку шампанского.

– Бутылочка «Перье-Жуэ Флёр де Шампань», и счастливого Рождества всем вам! – провозгласил он.

Ошеломленное молчание. Наконец поднялся Генри Монтебелло, сидевший во главе стола.

– Что означает это вторжение? – Он прищурился. – Вы… вы тот самый агент ФБР.

– Абсолютно верно. Алоизий Пендергаст к вашим услугам! Я навещаю друзей с поздравлениями и подарками!

Он сел на единственный пустой стул у стола.

– Прошу прощения, – холодно сказал Монтебелло, – этот стул приготовлен для миссис Кермоуд, которая будет здесь с минуты на минуту.

– Что ж, миссис Кермоуд пока не пришла, а я уже здесь. – Он поставил бутылку шампанского на стол. – Откроем?

На патрицианском лице Монтебелло появилось жесткое выражение.

– Не знаю, сэр, почему вы себе позволяете врываться на семейный обед таким вот образом. Но я должен попросить вас немедленно удалиться из моего дома.

Агент помолчал, чуть раскачиваясь на стуле. На его лице появилось обиженное выражение.

– Ну, если не хотите открывать шампанское – как хотите, но не прогоняйте меня, не угостив стаканчиком чего-нибудь. – Он взял со стола бутылку вина, рассмотрел этикетку. – Гм. Каберне «Каслз Лип» урожая двухтысячного года.

– Что вы делаете? – рявкнул Монтебелло. – Поставьте бутылку и убирайтесь, или я вызову полицию!

Словно не слыша, Пендергаст взял со стола ближайший бокал, налил в него вина, демонстративно раскрутил жидкость, сунул нос в бокал, пригубил, шумно втянул воздух, надул щеки, пригубил еще.

Потом поставил бокал.

– Неплохой привкус косточек, но тела нет, и короткое послевкусие. Никакого блеска, к сожалению. Абсолютно. Что это за вино для праздничного стола? Разве мы варвары, сквайр Монтебелло? Жалкие обыватели?

– Лотти, звоните девять-один-один. Сообщите о незаконном проникновении в дом.

– Но меня же пригласили, – сказал Пендергаст. Он повернулся к горничной. – Разве нет, дорогая?

– Я только открыла дверь…

– И более того, вы пьяны! – Голос Монтебелло зазвенел от ярости; остальное семейство слушало в полной прострации.

В этот момент, как по заказу, из кухни появилась повариха в сопровождении помощников, она несла на серебряном подносе большое фламбе, над которым плясали язычки пламени.

– Ах, вишневый десерт! – воскликнул Пендергаст, вскакивая на ноги. – Просто замечательно! – Он ринулся вперед. – Вам тяжело – дайте я помогу. Этот огонь может быть опасен. В особенности здесь, в Роринг-Форке!

При виде идущего к ней пьяного человека повариха забеспокоилась, сделала шаг назад, но ее движения были слишком медленными. Агент ФБР схватил огромный пылающий поднос, который вдруг накренился в его руках, а потом перевернулся; поднос, вишни, мороженое и горящий бренди – все это разлетелось по столу, накрывая остатки поросенка.

– Пожар! Пожар! – закричал Пендергаст, когда по скатерти заплясало пламя, и всем своим видом выразил смятение и страх. – Это ужасно! Бегите! Все на улицу!

Сидящие за столом закричали и завизжали, все повскакивали со своих мест, переворачивая стулья, опрокидывая вино.

– Быстро на улицу! – кричал Пендергаст. – Включайте сигнализацию. Дом горит. Мы сгорим заживо, *как и остальные!*

Его голос захлебывался ужасом, и это оказалось заразительным. Мгновенно возникла суматоха. Включился датчик дыма, что только усилило инстинктивное стремление присутствующих вырваться

наружу, любой ценой спастись от огня. За считаные секунды в столовой никого не осталось, в панике одни отталкивали других и неслись по коридору к выходу. Один за другим проскакивали они в дверь на улицу. Человек в черном остался в доме один.

С неожиданным спокойствием он взял громадную бутыль с соусом и залил им пламя на столе, хотя оно и без того затухало из-за тающего мороженого и соков, стекающих с блюда, на котором покоились остатки поросенка. Плеснув вина из бутылки второсортного каберне, Пендергаст окончательно победил пожар. С поразительной уверенностью и эффективностью движений он быстро прошел по столовой в гостиную, а через нее по анфиладе строго украшенных комнат до самого конца, где находился кабинет Генри Монтебелло. Там Пендергаст направился прямо к ряду канцелярских шкафов. Проходя мимо шкафов, он читал бирки на них, наконец остановился перед одним, открыл его ловким, уверенным движением, принялся просматривать папки, вытащил толстую папку-гармошку, закрыл шкаф и направился с папкой через весь дом в прихожую, прихватив по дороге бутылку шампанского со стола в столовой. В передней он облачился в пальто, надел шарф и шляпу, спрятал папку под свое безразмерное пальто и вышел на улицу.

– Леди и джентльмены, – объявил он, – пожар погашен. Можно вернуться в дом.

Он прошагал по заснеженному тротуару к своей машине и уехал.

Глава 59

Кори ощущала, как крепко держат ее руки Теда, и от этого чувствовала себя в безопасности. Наконец-то можно было вздохнуть с облегчением. Она расслабилась и поджала сломанную ногу, снимая с нее нагрузку, пока Тед продолжал держать ее.

– Я о тебе позабочусь, – повторил он, на сей раз чуть громче.

– Не могу поверить, что ты здесь, – прорыдала она. – Этот тип в шахте – он настоящий головорез, его наняла Кермоуд, чтобы выгнать меня из города. Это он убил мою собаку, стрелял в мою машину… а теперь пытается убить меня.

– Кермоуд, – произнес Тед посуровевшим голосом. – Понятно. Вот сука. Я и о ней позабочусь. Господи боже, уж я позабочусь об этой суке.

Его ярость слегка ошеломила Кори.

– Да ладно, – сказала она. – Господи, как кружится голова. Мне надо бы прилечь.

Он как будто не слышал ее. Его руки обхватили ее еще сильнее.

– Тед, помоги мне сесть…

Кори чуть пошевелилась, потому что он прижал ее так сильно, что ей стало больно.

– Грязная сука, – громко сказал он.

– Забудь ты про Кермоуд… Пожалуйста, Тед… ты делаешь мне больно.

– Я говорю не о Кермоуд, – возразил он. – Я говорю о тебе.

Кори была уверена, что ослышалась. У нее так кружилась голова. Тед еще сильнее сжал ее, даже дышать стало трудно.

– Тед… мне больно. Прошу тебя.

– Это все, что ты можешь сказать в свое оправдание, сука?

Его голос изменился. Стал грубым, хриплым.

– Тед… *что*?

– Что «Тед, что»? – передразнил он ее высоким писклявым голосом. – Расскажи, что ты за штучка.

– О чем это ты?

Он сжал ее так сильно, что она вскрикнула.

– Что, нравится? Ведь ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Не корчи из себя невинную маленькую девочку.

Кори попыталась освободиться, но у нее почти не осталось сил. Это было похоже на ночной кошмар. Может, это и был кошмар – всё, от начала до этой минуты.

– О чем ты говоришь?

– О чем *ты* говоришь? – передразнил он ее.

Она дернулась, пытаясь освободиться, но Тед грубо развернул ее, почти вплотную приблизив свое лицо. Красное, потное, обезображенное гримасой ненависти, оно страшно напугало Кори. Глаза Теда налились кровью и источали влагу.

– Ты посмотри на себя, – сказал он, понижая голос и кривя губы от гнева. – Все время динамила меня, дразнила, то обещала, то говорила «нет», дурачила меня.

Он с неожиданным бешенством сжал ее своими сильными руками, и Кори почувствовала, как треснуло у нее ребро и боль пронзила грудь. Она вскрикнула, охнула, попыталась что-то сказать, но он снова сжал ее, вышибая воздух из легких.

– Так вот, эти дразнилки прекращаются здесь, немедленно.

Он брызгал слюной ей в лицо. Его губы, на которых выступила белая пена, коснулись ее губ, его дыхание стало неожиданно зловонным – так пахнут разлагающиеся трупы.

Кори попыталась сделать вдох, но не смогла. Боль в лодыжке, в руке, а теперь еще и в ребрах была такой невыносимой, что у нее путались мысли. От страха и потрясения ее сердце, и без того учащенно бившееся после погони в шахте, затрепыхалось как сумасшедшее. Она никогда не видела такого перекошенного, такого пугающего лица. Тед был совершенно безумен.

Безумен. Безумен… Она не хотела думать о последствиях этого… не решалась, не могла довести эту мысль до естественного

вывода.

– Пожалуйста… – с трудом выдавила она.

– Идеальный вариант, правда? Ты сама пришла ко мне в руки. Это карма. Избавляет меня от всех хлопот подготовки. Вселенная хочет преподать тебе урок, и я буду учителем.

С этими словами он бросил ее на землю. Кори упала, вскрикнув от боли. Тед пнул ее по сломанным ребрам. Боль была невыносимой, и девушка снова вскрикнула, хватая ртом воздух. Она почувствовала, что мир вокруг нее вращается, – это странное неземное ощущение полета, боль, испуг, изумление блокировали всякую способность мыслить рационально. В глазах у нее потемнело, и она потеряла сознание.

Ей показалось, что миновала целая вечность во тьме, прежде чем боль снова пронзила ее и вернула к жизни. Она по-прежнему находилась в этом грязном помещении. Прошли какие-то считаные мгновения. Над ней стоял Тед все с тем же безобразным лицом, глаза его слезились, губы были покрыты липкой белой пеной. Он нагнулся, ухватил Кори за ногу, развернул и потащил по дощатому полу. Она хотела закричать, но не могла. Ее голова стукалась об пол, и она чувствовала, что вот-вот снова вырубится.

Тед втащил Кори в большое помещение. Над ней возвышался громадный паровой насос – чудовищный механизм из гигантских труб и цилиндров. Высокое сооружение поскрипывало под напором ветра. Тед подтащил девушку к горизонтальной трубе, содрал с нее перчатки, ничуть не думая о больной руке, лишь злорадно ухмыльнулся, увидев поврежденный палец. Потом он поднял другую ее руку и грубо пристегнул запястье наручником к трубе.

Кори лежала, постанывая, то отключаясь, то снова приходя в себя.

– Вот, посмотри на себя теперь, – сказал Тед и плюнул на нее.

Пока она без особой надежды пыталась сесть, охая от боли, часть ее мозга говорила ей, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим, а она наблюдает за этим откуда-то издалека. Но у ее мозга была и другая часть – трезвая и безжалостная, которая говорила ей совершенно противоположное. Все это было реально. И более того, Тед собирался ее убить.

Пристегнув ее к трубе, Тед отошел назад и сложил руки на груди, разглядывая результат своих деяний. Темный туман, застилавший Кори глаза, слегка рассеялся, и она смогла оглядеться. Пол был усеян обломками старых досок. Поблизости висели две керосиновые лампы, дававшие слабый желтоватый свет. В одном углу находились кушетка со спальным мешком, коробка с наручниками, две балаклавы и несколько больших канистр с керосином. На столе лежали несколько ножей, бухты веревки, клейкая лента, стояла бутыль с какой-то прозрачной жидкостью, заткнутая стеклянной пробкой, валялись груды шерстяных носков и теплых свитеров – все черного цвета. Здесь был и пистолет. Кори показалось, что это девятимиллиметровая «беретта». Зачем Теду пистолет? В стену были вбиты крючки, на которых висели темная кожаная куртка и – словно в насмешку над ее положением – разные клоунские маски.

Вероятно, это было своего рода убежище. Логово. Логово Теда. Но зачем оно ему? И что значат все эти вещи?

В одном углу горела старая дровяная печь, вместе с проблесками пламени в потрескавшемся чугуне наружу прорывались теплые струи. А потом Кори обратила внимание на запах, висящий в воздухе. Зловещий запах.

Тед притащил стул, развернул спинкой к Кори, оседлал его и положил локти на спинку.

– Ну вот мы и приехали, – сказал он.

В нем было что-то до ужаса неправильное. Но тот злобный, свирепый, полоумный Тед, каким она видела его в последние минуты, переменился. Теперь он был спокоен и насмешлив. Кори сглотнула, не в силах воспринять все это. Может быть, если она поговорит с ним, то поймет, что его беспокоит, и вернет его к жизни из той тьмы, в которую он погружен. Она попыталась что-нибудь сказать, но смогла выдать лишь бессмысленный набор хриплых звуков.

– Когда ты появилась в городе, я подумал, что ты не похожа на остальных здешних людей, – заговорил Тед.

Голос его снова изменился, словно его неистовство ушло глубоко под лед. Этот голос звучал отчужденно, холодно, отдаленно, как будто Тед говорил с самим собой… или с трупом.

– Роринг-Форк. Когда я был маленьким, мы жили здесь, в настоящем городе. А теперь его захватили сверхбогатые мерзавцы, говнюки со своими девками, жаждущими богатства, звезды Голливуда, топ-менеджеры и хозяева вселенной. Они измордовали горы, повырубили леса. Нет-нет, они много говорят об окружающей среде! О том, что нужно питаться экологически чистыми продуктами; о том, что нужно уменьшить отравление воздуха, купив новую модель «гольфстрима» вместо старой; о том, какие «зеленые» у них особняки площадью десять тысяч квадратных футов. Сволочи. Так не должно быть. Они паразитируют на нашем обществе. Роринг-Форк – вот куда они все съезжаются, льстят друг другу, ищут друг на друге блох, как какие-нибудь долбаные шимпанзе. А к нам – к настоящим людям, родившимся здесь, – они относятся как к отбросам, годящимся разве что на то, чтобы убирать их дворцы и ублажать их. Против этого есть только одно лекарство: огонь. Этот город должен гореть. Он обязан гореть. И он уже горит.

Его лицо снова исказилось плотоядной демонической ухмылкой, пугающе близкой к тому, что она видела прежде.

Керосин. Наручники. Веревка. «Этот город должен гореть». Несмотря на туман в голове, Кори поняла: Тед и был тем самым поджигателем. Вздрогнув всем телом от ужаса, девушка попыталась вырваться из наручника, хотя это и причиняло ей мучительную боль.

Но она тут же прекратила свои попытки. Он говорил, что она ему небезразлична. Значит, нужно как-то достучаться до его сердца.

– Тед, – прохрипела Кори, с трудом выдавливая из себя слова. – Тед, ты же знаешь, что я не из их числа.

– Из их, из их! – воскликнул он, подаваясь к ней. На его губах пузырилась белая пена. Видимость холодности, рассудительности исчезла так же неожиданно, как появилась, и Кори снова увидела безумную, звериную ярость. – Какое-то время ты притворялась, но нет, ты похожа на них! Ты приехала сюда по той же причине, что и они, – из-за денег.

Его глаза налились кровью и стали почти красными. Руки дрожали от ярости. Тело сотрясалось. А голос звучал так странно, так непохоже. Смотреть на него было все равно что смотреть в пасть ада. Выражение лица было таким страшным, нечеловеческим, что Кори отвела глаза.

– Но у меня нет никаких денег, – сказала она.

– Вот именно! Почему ты здесь? Чтобы найти какого-нибудь богатого говнюка. Я для тебя был недостаточно богат. Вот почему ты играла со мной. Динамила меня все это время.

– Нет-нет, все было совсем не так…

– Заткнись, сука! – завопил он тонким, пронзительным голосом, так громко, что у Кори чуть не лопнули барабанные перепонки.

А потом ледяная отчужденность вернулась – так же неожиданно, как исчезла. Эти перепады – от убийственных, жестоких, почти не контролируемых вспышек до холодного расчетливого дистанцирования – были невыносимы.

– Ты должна быть мне благодарна, – сказал он, отвернувшись и в этот миг напомнив ей прежнего Теда. – Я поделился с тобой мудростью. Теперь ты все понимаешь. Остальные – те, кому я преподал урок, – они так ничему и не научились.

Неожиданно он снова повернулся к Кори и уставился на нее с жуткой, испытующей ухмылкой:

– Ты когда-нибудь читала Роберта Фроста?

Кори не смогла заставить себя ответить.

Тед начал декламировать:

Как мир погибнет? Где могила —
Огонь иль лед?
Известна мне слепая сила
Страстей. Огонь – его могила.

Он взял длинную сухую палку из множества валяющихся на полу и ее концом отворил дверцу печки. От пламени помещение озарилось мерцающим желтым светом. Тед сунул палку в огонь и стал ждать.

– Тед, пожалуйста. – Кори глубоко вздохнула. – Не делай этого.

Он принялся насвистывать нестройную мелодию.

– Мы друзья. Я тебя не отвергала. – Она рыдала несколько секунд, собираясь с мыслями. – Я не хотела торопить развитие

событий, только и всего…

– Хорошо. Очень хорошо. Я тоже тебя не отвергал. И… я тоже не буду торопить развитие событий. Пусть все идет естественным путем.

Он вытащил палку из печи – ее конец горел ярким пламенем, рассыпая искры. Глаза Теда, в которых отражался пляшущий огонек, медленно повернулись к Кори, их покрасневшие белки поразительно увеличились в размерах. И Кори, переводя взгляд с горящей палки на него и обратно, поняла, что сейчас произойдет.

– Боже мой! – выкрикнула она срывающимся голосом. – Пожалуйста, не делай этого, Тед!

Он шагнул к ней и принялся размахивать горящей палкой перед ее лицом. Сделал еще шаг к ней. Кори ощутила жар горящего дерева.

– Нет, – только и сумела произнести она.

Целую минуту Тед просто смотрел на нее, держа в руке палку, рассыпающую искры. А когда он заговорил, голос его зазвучал так тихо, так спокойно, что Кори чуть не сошла с ума.

– Пора гореть, – просто сказал он.

Глава 60

Пендергаст вошел в свой кабинет в подвале полицейского управления и положил папку-гармошку на стол. В ней находились документы, которые он прежде безуспешно искал в городском архиве, – по словам архивариуса, эти бумаги таинственным образом исчезли несколько лет назад. Как он и предполагал, эти документы – или их копии – оказались в одном из шкафов в домашнем кабинете Генри Монтебелло, архитектора, который когда-то и готовил их. В папке находились все документы, связанные с «Высотами» со времени их создания, документы, которые по закону должны были находиться в архиве: план землевладения, землемерная съемка, заявки на разрешения, карты участков и ландшафтные планы территории.

Пендергаст извлек из папки-гармошки картонные папки и выложил их в ряд. Он точно знал, что ищет. Первые документы, которые он просмотрел, включали начальную землемерную съемку местности, сделанную в середине 1970-х годов. К этому прилагались фотографии. Здесь же была детальная топографическая съемка территории вместе с пачкой фотографий, дающих представление о том, как выглядела эта местность до начала застройки.

Документы говорили сами за себя.

Первоначальная долина была гораздо уже и теснее, представляя собой чуть ли не овраг. По всей его длине на плато в сотню футов над ручейком, известным как Сильвер-Куин-крик, располагались останки рудообогатительного комплекса, построенного Стаффордами еще в 1870-е годы и ставшего источником их благосостояния. В первом построенном тогда здании разместилась пробирная лаборатория, где проверялось, насколько богата руда, поступающая из шахты. Затем построили гораздо более крупное здание для обогащения, здесь размещались три дробильни с паровым приводом, которые измельчали руду, увеличивая содержание серебра в остатке в десять раз. Наконец, было построено здание для плавильни. В ходе этих трех операций образовывались «хвосты», то есть отходы обогащения руды, и эти «хвосты» были отчетливо видны на съемке в виде громадных холмов или отсыпок дробленых камней или гравия. Отходы всех операций содержали токсичные минералы и составы,

которые уходили в грунтовые воды. Но воистину убийственными были отходы плавилен.

Плавильня Стаффордов в Роринг-Форке использовала уошоский[47] процесс амальгамации. Дробленая, обогащенная руда помещалась в плавильню, где истиралась до порошкообразного состояния, потом добавлялись различные химикалии, включая шестьдесят фунтов ртути на каждую тонну обработанного концентрата. Ртуть растворяла серебро – амальгамировалась с ним, – и получаемая в результате тяжелая паста оседала на дне чана, тогда как жидкий продукт разложения откачивался через верх в отходы. Серебро извлекали, нагревая амальгаму в реторте, ртуть при этом выпаривалась, но ее использовали снова после конденсации, а в реторте оставалось чистое серебро.

Процесс имел низкую эффективность. Каждый раз терялось около двух процентов ртути. Она должна была где-то накапливаться, и накапливалась она в громадных грудах отходов по всей долине. Пендергаст быстро произвел подсчет в уме: двухпроцентная потеря ртути составляла около фунта на каждую тонну концентрата. Плавильня обрабатывала сотню тонн концентрата в день. Таким образом, около ста фунтов ртути уходило в отходы ежедневно на протяжении почти двух десятилетий, пока работала плавильня. Ртуть – высокотоксичное, смертельно опасное вещество, которое при продолжительном воздействии может вызвать серьезные и необратимые изменения мозга, в особенности она опасна для детей. А в еще большей мере для плода в материнском чреве.

Все это говорило об одном: «Высоты» (или, по меньшей мере, та часть комплекса, что была построена в долине) находились по существу на территории, подлежащей очистке по федеральному закону, на территории, под которой располагался отравленный водоносный горизонт.

Пендергаст вернул эти документы назад в папку. Пазл сложился целиком. Он понял все до последней детали, все, включая и поджоги.

Действуя теперь быстрее, Пендергаст просмотрел документы, относящиеся к первому периоду застройки. Ландшафтный план требовал использования груд отходов для засыпки оврага и создания широкой привлекательной долины в ее сегодняшнем виде. Клубный дом был построен ниже по течению от того места, где прежде находилась плавильня; дюжина больших домов располагалась на той

же линии в долине. За весь комплекс работ: снесение руин плавилен, перепланировку земель, раскатку груд отходов в широкую ровную площадку для нижней части застроечной территории и клубного дома, – за все это отвечал Генри Монтебелло, главный архитектор. И его свояченица, миссис Кермоуд, тоже была важнейшим игроком.

Любопытно, подумал Пендергаст, что особняк Монтебелло располагался на другой стороне города, а дом Кермоуд был построен высоко на горном гребне. Они и другие члены семейства Стаффорд, стоящие за этим проектом, вероятно, знали о ртути. Ему пришло в голову, что настоящая причина, по которой было решено строить новый клубный дом и спа-салон (являвшие собой самую суть бездумного расточительства) на месте старого кладбища, состояла в том, чтобы вывести их за пределы загрязненной зоны.

Пендергаст перешел к следующей картонной папке, перелистал документы, относящиеся к первоначальному разделению на участки и архитектурному планированию. Участки были большими – минимум два акра, а потому общего водопровода не было, у каждого дома имелась своя скважина. Те дома, что располагались в ложе долины, как и первый клубный дом, судя по всему, получали воду из скважин, уходящих прямо в отравленные водные горизонты.

И действительно, он увидел разрешения на бурение скважин. Вода из каждой скважины подлежала опробованию – стандартная процедура. И все скважины прошли испытания, ртутного заражения выявлено не было.

У Пендергаста на сей счет не оставалось сомнений: результаты испытаний были сфальсифицированы.

Затем шли контракты на покупку первых домов, построенных в «Высотах». Пендергаст выбрал эти двенадцать домов в зараженной зоне для особо внимательного изучения. Он просмотрел фамилии покупателей. Большинство из них были пожилые богатые люди, отошедшие от дел. Эти дома несколько раз меняли владельцев, в особенности когда стоимость недвижимости в 1990-е годы резко подскочила.

Но фамилия одной пары покупателей была знакома Пендергасту: некие «Сара и Артур Роман, муж и жена». Явно будущие родители Теда Романа. Дата покупки – 1982 год.

Дом Романов был построен ровно на месте прежней плавильни, в

зоне наибольшего загрязнения. Пендергаст попытался вспомнить, что говорила ему Кори о Теде. Если предположить, что он был ее возраста или даже на несколько лет старше, то сомнений быть не могло: именно этот Тед Роман подвергся ртутному заражению еще в материнском чреве, потом рос в зараженном доме, пил зараженную воду, принимал зараженный душ…

Пендергаст отложил документы, на его лице появилось задумчивое выражение. Секунду спустя он позвонил Кори на сотовый, но попал в ее голосовую почту.

Тогда он позвонил в отель «Себастиан», побеседовал с несколькими людьми и узнал, что Кори ушла из отеля вскоре после окончания своей смены в одиннадцать. Уехала на машине, куда – неизвестно. Но она взяла у портье карту снегоходных дорог в горах вокруг Роринг-Форка.

С еще большей поспешностью Пендергаст набрал номер городской библиотеки. Никто не снял трубку. Он нашел номер домашнего телефона старшего библиотекаря. Когда дозвонился, она объяснила ему, что 24 декабря в библиотеке обычно укороченный день, но из-за снежной бури она решила вообще не открывать сегодня. В ответ на его следующий вопрос она сказала: Тед и в самом деле говорил ей, что хочет воспользоваться свободным днем и предаться своему любимому развлечению – погонять на снегоходе в горах.

Пендергаст повесил трубку и набрал номер сотового Стейси Боудри, и опять его отправили в голосовую почту.

На его бледном лбу появилась морщина. Отключив телефон, он заметил нечто такое, на что должен был обратить внимание сразу же, если бы его мысли не были слишком заняты: на его столе кто-то похозяйничал.

Его почти фотографическая память восстановила, как тут лежали бумаги, когда он уходил. Одна бумажка – та, на которой он скопировал послание Комитета Семи, – частично была вытащена, а окружающие документы смещены:

> *встричаемся сегодня вечером в Идеале в 11 ровно они в закрытой шахте Рождество у стены контрабандиста их там 4*

Пендергаст быстро вышел из кабинета и поднялся наверх, где за столом дежурной сидела Айрис.

– Ко мне в кабинет кто-нибудь заходил? – приветливо спросил он.

– Да, – ответила Айрис. – Я прошла туда вместе с Кори на пару минут. Она искала свой сотовый.

Глава 61

Омерзительный запах гниения усилился, когда Тед принялся размахивать горящей палкой. Язычки огня, лизавшие конец палки, сникли, часть дерева обуглилась, и Тед снова сунул палку в огонь.

– Любовь – это огонь жизни, она либо сжигает, либо очищает, – продекламировал он, медленно поводя палкой в пламени печи, словно поджаривал там пастилу. После его неистовых и страстных тирад в этой спокойной размеренности, с какой он двигался, было что-то жуткое. – Подготовимся к очищению.

Он вытащил палку из огня и снова принялся водить ею перед лицом Кори, делая теперь удивительно деликатные движения, осторожные, пробные, но в то же время так близко от ее лица, что, хотя она и отвернулась, он подпалил ей волосы.

Кори попыталась обуздать разгулявшуюся панику. Она должна убедить его, отговорить от этого. Во рту у нее пересохло, и было трудно произносить слова в этом тумане боли и страха.

– Тед, ты мне нравился. Я хочу сказать, ты мне нравишься. Правда. – Она сделал глотательное движение. – Слушай, отпусти меня, и я забуду обо всем этом. Мы уйдем вместе. Выпьем пива. Как прежде.

– Да. Конечно. Теперь ты будешь говорить что угодно. – Тед издал безумный тихий смешок.

Она потащила на себя наручник, но он крепко держал ее запястье и был надежно пристегнут к трубе.

– У тебя не будет никаких проблем. Я никому ничего не скажу. Мы забудем обо всем.

Тед не ответил. Он убрал горящую палку от ее лица и внимательно осмотрел, как осматривают инструмент, перед тем как воспользоваться им.

– Нам было хорошо вместе, Тед, и еще будет. Не делай этого. Я не похожа на тех, о ком ты говорил. Я бедная студентка, мне приходится мыть посуду в отеле «Себастиан», чтобы платить за номер! – Она всхлипнула, но сдержала себя. – Пожалуйста, не трогай

меня.

– Тебе нужно успокоиться, Кори, и принять свою судьбу. Это будет огонь – очищающий огонь. Он очистит тебя от грехов. Ты должна быть мне благодарна, Кори. Я даю тебе шанс загладить твою вину. Ты будешь страдать, и мне жаль, что ты будешь страдать. Но это к лучшему.

От ужаса происходящего, от уверенности, что Тед сделает задуманное, слова застряли у нее в горле.

Он сделал шаг назад, огляделся.

– Мальчишкой я играл в этих туннелях. – Он заговорил другим голосом, печальным, словно собирался совершить нечто неприятное, хотя и необходимое. – Я знал каждый дюйм шахтных сооружений. Я знаю все это как свои пять пальцев. Здесь мое детство – вот прямо здесь. Здесь это началось, и здесь закончится. Та дверь, из которой ты вышла, – знаешь, это был вход на мою площадку для игр. Эти шахты – они были волшебной площадкой.

В его голосе слышалась тоска по прошлому, и у Кори на миг возникла надежда. Но вдруг с ужасающей быстротой его спокойные манеры переменились на противоположные.

– И посмотри, что они сделали! – Его голос сорвался на крик. – Посмотри! Когда-то это был милый городок. Дружелюбный. Все знали друг друга. А теперь он стал долбаной ловушкой для миллиардеров… миллиардеров и всех их прихвостней, лизоблюдов, лакеев. Людей вроде тебя! Тебя!..

Голос его эхом отдавался в мрачном пространстве, на время заглушая звук снежной бури, ветра, скрипящих бревен.

Кори с ужасающей ясностью поняла, что никакие ее слова не повлияют на него.

Приступ ярости неожиданно сменился спокойствием. Тед внезапно замолчал. В одном его глазу набухла слеза и через несколько мгновений неторопливо скатилась по щеке. Он взял со стола пистолет и сунул его за ремень. Не глядя на Кори, резко повернулся на каблуках и пошел прочь, теряясь из виду в темном пространстве за паровым насосом. Кори видела только огонек на конце палки, плывущий и подпрыгивающий в темноте, – он медленно уменьшался, а потом и вовсе исчез.

Она ждала. Все погрузилось в тишину. Неужели он ушел? Кори не могла в это поверить. К ней снова вернулась надежда. Куда он ушел? Она огляделась, напрягая зрение, чтобы рассмотреть, что там в темноте. Ничего.

Но нет… такого просто не может быть. На самом деле он никуда не ушел. Должен быть где-то здесь.

И тут она ощутил слабый запах дыма. От печки? Нет. Кори напряглась, вглядываясь в темноту вокруг себя. Она забыла о боли в руке, лодыжке, ребрах. Дыма стало больше. И вдруг резко – гораздо больше. Теперь она увидела красноватое мерцание у дальнего конца парового насоса.

– Тед!

В черноте внезапно подпрыгнул язык пламени, потом еще один, они лизали дальнюю стену и быстро распространялись.

Тед поджег старое здание.

Кори закричала, снова попыталась сорвать наручник. Пламя рванулось вверх с ужасающей быстротой, порождая колышущиеся облака едкого дыма. Интенсивность рева возрастала и наконец достигла такого уровня, что казалось, будто вибрирует сам воздух. Кори почувствовала на лице горячую волну.

Все это происходило в считаные секунды.

– Нет! Нет! – закричала Кори.

И тут между своими безумными криками она увидела высокую фигуру Теда в дверном проеме, ведущем в грязное помещение, из которого она вышла. Это была открытая дверь в шахту Салли Гудин, в водоотливной туннель, уходящий в темноту. Тед стоял абсолютно спокойно, смотрел на огонь, ждал. И по мере того как огонь становился ярче и сильнее, ей все лучше становилось видно выражение его лица – выражение чистого, абсолютного восторга.

Кори на мгновение зажмурила глаза и взмолилась – она молилась впервые в жизни – о быстрой и безболезненной смерти.

А потом языки пламени принялись лизать все вокруг, они поглощали деревянное здание со всех сторон и несли с собой нестерпимый жар. Тед развернулся и исчез в чреве горы.

Пламя бушевало вокруг Кори с такой яростью, что она не

слышала даже собственных криков.

Глава 62

В три часа дня Майк Клостер вывел из ангара свой ратрак со специальным ножом для очистки снегоходных трасс, чтобы подготовить его к предстоящей ночи. За последние сорок восемь часов выпало двадцать дюймов снега. А ожидалось еще как минимум восемь. Ночь ему предстояла нелегкая и долгая, да еще к тому же в канун Рождества.

Он включил отопление в кабине и оставил машину прогреваться, а сам подкатил прицепной плуг и стал прикручивать его к хвостовику. Наклонившись над прицепом, он ощутил у себя за спиной чье-то присутствие. Он выпрямился, повернулся и увидел приближающуюся к нему странную фигуру в черном пальто, мягкой фетровой шляпе и тяжелых ботинках – ну чистый клоун!

Клостер хотел было отпустить какое-нибудь саркастическое замечание, но тут его взгляд упал на лицо человека. Оно было бесстрастным и бледным, а глаза напоминали льдинки, и слова застряли в горле у Клостера.

– Гм… это служебная зона… – начал он.

Но человек уже достал из кармана пальто потертый бумажник крокодиловой кожи, который раскрылся в его руках, и Клостер увидел золотой значок.

– Агент Пендергаст. ФБР.

Клостер уставился на значок. ФБР? Это взаправду? Но прежде чем он успел сказать что-либо, человек продолжил:

– Простите, как вас зовут?

– Клостер. Майк Клостер.

– Мистер Клостер, немедленно отвинтите прицеп и садитесь в кабину. Вы повезете меня в горы.

– Понимаете, я ведь сначала должен получить разрешение от начальства…

– Вы будете делать то, что я вам говорю, или вам будет предъявлено обвинение в противодействии федеральной власти.

Тон его был непререкаемым и настолько убедительным, что Майк Клостер решил подчиниться:

– Да, сэр.

Он отвинтил прицепной плуг и забрался в кабину. Человек сел на пассажирское сиденье, движения его, несмотря на громоздкое пальто, были на удивление ловкими.

– И куда мы едем?

– К шахте «Рождество».

– Это где же?

– Над горным комплексом в Чаше Контрабандиста, где стоит Ирландский паровой насос.

– Ясно. Я знаю, где это.

– Тогда прошу вас, поехали. Побыстрее.

Клостер включил передачу, поднял передний нож и двинулся вверх по склону. Он хотел было связаться по рации со своим боссом и сказать ему, что происходит, но потом решил не делать этого. Босс был таким занудой – наверняка устроит шум. В конечном счете его пассажир был из ФБР, а разве можно придумать объяснение лучше этого?

Они поднимались все выше, и Клостера стало одолевать любопытство.

– А не скажете, что случилось? – дружелюбно спросил он.

Бледнолицый человек не ответил, будто и не слышал.

Ратрак был оборудован превосходной стереосистемой, к которой Клостер подсоединил свой айпод. Он протянул руку, собираясь включить музыку.

– Не надо, – сказал человек.

Клостер отдернул руку, словно его укусили.

– Пожалуйста, езжайте быстрее.

– Нам не разрешается превышать три тысячи оборотов в минуту…

– Если вы сделаете то, о чем я прошу, я отблагодарю вас.

– Да, сэр.

Клостер прибавил газу, и ратрак стал подниматься в гору чуть быстрее. Снег пошел снова, а вместе со снегом задул и ветер. Снежинки были маленькие, наподобие пулек от пневматического пистолета – опыт у Клостера был богатый, каких только снежинок он не навидался, – и они шумно молотили по лобовому стеклу. Клостер включил дворники и перевел свет фар на полную. Лучи прорезали серую мглу, сквозь них пролетали снежные пульки. В половине четвертого уже начинало темнеть.

– Долго еще? – спросил человек из ФБР.

– Минут пятнадцать-двадцать до зданий в чаше. Не думаю, что ратрак сможет подняться выше: над чашей склоны слишком крутые. Да и опасность лавин велика. При таком снеге на Рождество тут наверняка устроят сход лавин, уж можете мне поверить.

Он понял, что заговорился, – почему-то он нервничал в присутствии этого человека, – но агент ФБР вообще никак не показал, что слышит его.

На вершине лыжного склона Клостер свернул на служебную дорогу, которая вела на вершину хребта, где соединялась с сетью снегоходных трасс. Выехав на трассу, он с удивлением увидел свежие следы, оставленные снегоходом. Кто бы это ни был, он крутой парень – отправился в горы в такую погоду. Клостер продолжал вести ратрак, спрашивая себя, какого черта его пассажиру нужно в горах.

И тут над темными елями он увидел что-то. Сияние над горой. Он инстинктивно сбросил газ, глядя туда.

Агент ФБР тоже увидел сияние.

– Что это? – резко спросил он.

– Не знаю. – Клостер прищурился. За деревьями и выше их он видел верхний край Чаши Контрабандиста. Крутые склоны и пики купались в мерцающем желтом свете. – Похоже, пожар.

Бледный человек подался вперед, упершись в торпеду, его глаза, яркие и пронзительные, обескураживали Клостера.

– Где?

– Черт, я бы сказал, что это старый шахтный комплекс.

На их глазах сияние набирало силу, и теперь Клостер увидел темный дым, устремляющийся вверх, в снежную крупу.

– Быстрее. Газу!

– Да, конечно.

Клостер погнал свой ратрак по-настоящему, на предельной скорости. Всего двадцать миль в час, но для гусеничной машины довольно быстро.

– Скорее!

– Извините, это предел.

Уже на последнем повороте перед верхней границей леса он понял, что пожар в чаше бушует сильный. Да что там сильный – огромный. Языки пламени взлетали на сотню футов, а с ними столбы искр и черного дыма, густого, как при извержении вулкана. Наверняка горело здание Ирландского парового насоса – только оно могло породить подобный огненный ад. И при этом пожар явно не был делом случая: естественный пожар не распространяется так быстро и неистово. Клостеру пришло в голову, что это дело рук поджигателя, и ему стало не по себе, а тут еще эта странная напряженность пассажира… Он продолжал изо всех сил давить на педаль.

Промелькнули последние корявые деревья, и ратрак оказался на голом склоне. Снег здесь был не такой глубокий – его сдувал сильный ветер, и Клостеру удалось увеличить скорость еще на несколько миль. Господи Исусе, тут был настоящий огненный смерч, грибообразные облака дыма и языки пламени устремлялись в небо, и ему показалось, что за шумом дизеля он слышит рев огня.

Они вышли на последнюю часть склона и устремились к краю чаши. Снежный покров снова стал глубже, и ратрак потащился вперед, перемалывая снег. Наконец они вышли на кромку, и Клостер инстинктивно остановился. Горело и в самом деле здание Ирландского парового насоса, и горело так быстро, так неистово, что от него уже остался лишь каркас из бревен, которые на их глазах обрушились со страшным грохотом, выбросив вверх громадный сноп искр. Теперь паровой насос стоял сам по себе, оголенный, краска на нем отслаивалась и дымилась. Пожар начал стихать так же быстро, как и разгорелся: когда здание обрушилось, огромное количество снега свалилось с крыши на горящие остатки сооружения, и вверх

устремились струи пара.

Клостер смотрел, ошарашенный этой безумной картиной разрушения, – уничтожение старого здания произошло так неожиданно.

– Подъезжайте поближе, – приказал человек.

Клостер тронул ратрак. Деревянное здание было уничтожено с поразительной скоростью, и масса снега с обрушившейся крыши вкупе с продолжающейся пургой гасили остатки огня. Ни одно из других зданий не пострадало – засыпанные снегом крыши защищали их от неистового дождя искр, которые падали вокруг, словно остатки бесконечного фейерверка.

Клостер остановил ратрак среди старых горняцких сооружений.

– Дальше, пожалуй, ехать не стоит, – сказал он.

Он ждал возражений, но вместо этого бледнолицый человек просто открыл дверь и вышел. Клостер с удивлением, а потом с ужасом смотрел, как человек идет к дымящимся руинам, по которым еще гуляют язычки пламени, как медленно подбирается к ним – ближе, еще ближе, слишком близко.

Пендергаст всматривался в этот ад. Воздух вокруг него кишел падающими искрами вперемешку со снежинками, которые усеивали его пальто и шляпу, шипя при соприкосновении. Насос и все его трубы остались целыми, но само здание было полностью уничтожено. Из сотен маленьких очагов горения вырывались струйки дыма и пара; повсюду, шипя и дымясь, лежали бревна, на которых плясали язычки огня. В воздухе стоял едкий запах, к которому примешивалось что-то еще – запах паленых волос и горелого мяса. Теперь Пендергаст слышал только шипение пара, пощелкивание и потрескивание остатков горящего дерева и завывание ветра в руинах. Он обошел пожарище по периметру. Умирающие огни давали достаточно света, чтобы все разглядеть.

В какой-то момент Пендергаст резко остановился.

Он замотал шарфом рот от едкого дыма и очень медленно прошел глубже в зону огня. Пробравшись между множеством труб и клапанов по цементному полу, усеянному гвоздями и осколками стекла, он подошел к тому, что привлекло его внимание. Это было

похоже на длинное черное бревно, и оно тоже шипело и дымилось. Подойдя вплотную, Пендергаст убедился, что это останки человеческого тела, пристегнутого наручником к трубе. Хотя рука прогорела насквозь в локте и тело упало на пол, обугленная кисть осталась в наручнике, пальцы скрутились, как ножки мертвого паука, а в том месте, где должно было быть запястье, остались только черные кости.

Пендергаст опустился на колени. Это движение было непроизвольным, словно силы внезапно оставили его. Он наклонил голову вперед и судорожно сжал руки. Из его рта вырвался звук – низкий, едва слышный, но определенно это был звук горя, которое невозможно выразить словами.

Глава 63

Пендергаст не задержался надолго у обугленного тела. Он поднялся, обводя холодным взглядом дымящиеся руины. Несколько мгновений он оставался неподвижен, как статуя, только его светлые глаза обшаривали место, останавливаясь иногда, чтобы в памяти запечатлелась какая-то невидимая деталь.

Прошла минута, и его взгляд вернулся к человеческим останкам. Пендергаст вытащил из кармана пальто модифицированный кольт 1911 «лес баер», извлек магазин из рукояти, проверил его, вставил обратно и дослал патрон в патронник. Пистолет остался в его правой руке.

После этого он пошел вперед, а в другой его руке появился фонарик. Жар растопил вблизи немало снега, и рядом с пожарищем стояли лужи и даже обнажилась пожухлая трава, которую теперь быстро заносило снегом. Пендергаст обошел руины по кругу, вглядываясь в них сквозь падающий снег, заходя на бесчисленные груды обугленных и дымящихся останков. Опускалась темнота, и слой снега на плечах и шляпе агента становился все толще, делая его похожим на призрака.

В дальней стороне руин, где начинал подниматься крутой склон чаши, специальный агент остановился, чтобы рассмотреть обожженную деревянную дверь, закрывавшую, видимо, вход в туннель. Через секунду он опустился на колени и осмотрел ручку, землю вокруг, а потом саму дверь. Взялся за ручку и попытался открыть дверь, но она оказалась заперта изнутри, видимо на висячий замок.

Пендергаст поднялся и внезапно резким движением мощно ударил ногой по двери, потом ухватил обломавшиеся доски и одной силой рук вырвал их из полотна двери и отбросил в сторону. Вспышка движения прекратилась так же резко, как и началась. Он опустился на колени, посветил фонариком внутрь. Луч высветил пустой водоотводной туннель, уходящий в чрево горы.

Он направил луч фонарика на пол туннеля и увидел в слое пыли свежие царапины и путаные следы, идущие как ко входу, так и к выходу. Секундная остановка – и он снова пришел в движение,

побежал вдоль трубы неслышно, как кот. Его пальто раздувалось парусом за спиной, кольт в руке слабо посверкивал в сумеречном свете.

Труба закончилась мелким ручейком, у которого кончались все следы. Продолжая двигаться вперед, Пендергаст добрался до пересечения туннелей и продолжил движение прямо. Снова пересечение, и он, пытаясь думать, как тот, кого он преследует, свернул направо, где туннель внезапно начал подниматься вверх, на другой уровень.

Еще с четверть мили туннель шел вглубь горы и наконец врезался в то, что раньше было сложным минеральным пластом шириной футов в десять. Здесь туннель разделялся на множество стволов, щелей и выемок – пространств, которые остались после того, как сто с лишним лет назад были выбраны все жилы и карманы сложного рудного тела, покоившегося когда-то в сердце горы.

Пендергаст остановился. Он понимал, что его добыча предвидела преследование, а потому привела преследователя в это самое место с лабиринтом стволов, где преследуемый, явно прекрасно знающий эти подземные выработки, будет иметь превосходство. Пендергаст чувствовал, что его присутствие, скорее всего, уже обнаружено. Благоразумнее было бы отступить и вернуться с подкреплением.

Но такой маневр не устраивал его. Категорически. Его добыча может воспользоваться этой заминкой и сбежать. И потом, это лишило бы Пендергаста возможности сделать то, что было ему так необходимо, – он даже чувствовал во рту привкус желчи.

Он погасил фонарик. Его сверхъестественно острый слух уловил множество звуков: журчание воды, слабое движение воздуха, потрескивание оседающей породы и деревянных крепей.

Но ни света, ни звуков, ни запахов, выдающих присутствие добычи. Однако он чувствовал, он знал: его добыча – Тед Роман – где-то рядом и знает, что преследователь близко.

Пендергаст снова включил свет и осмотрел все вокруг. Большая часть скальной породы здесь была непрочной, с трещинами и бороздами, и для упрочнения были поставлены дополнительные крепи. Он подошел к одной из них, вытащил из кармана нож и вонзил его в дерево. Клинок вошел в крепь, как в масло – по самую рукоять.

Пендергаст вытащил нож и принялся полосовать им дерево, выковыривая большие пыльные куски.

Сухая гниль практически съела дерево. Обрушить кровлю будет не так уж трудно… правда, это может привести к непредсказуемым последствиям.

Он перестал двигаться, замер и прислушался. До него донесся слабый звук – где-то упал крохотный камушек. В гулких пространствах туннеля трудно было определить, откуда пришел этот звук. Пендергасту даже показалось, что это было сделано преднамеренно, что его поддразнивают. Он замер. Еще один звук падения камушка на пол. Теперь он был уверен: Тед Роман играет с ним.

Роковая ошибка.

Включив фонарик и действуя так, будто ничего не слышал и ни о чем не подозревает. Пендергаст выбрал туннель наобум и пошел по нему. Сделав несколько шагов, он остановился, чтобы снять с себя пальто, перчатки и шляпу – все это он засунул в выемку в прилегающем стволе. Здесь, в глубине шахты, было гораздо теплее, и пальто ограничивало свободу движений, которая была ему необходима для предстоящей работы.

Туннель петлял и поворачивал, уходил то вниз, то вверх, разделялся, а потом разделенные части соединялись снова. Множество малых туннелей, очистных выработок и стволов уходили в разные направления. Повсюду валялось старое оборудование, шкивы, короба, тросы, ведра, тележки и гниющие веревки – все это в разной стадии разложения. В нескольких местах вниз в темноту уходили вертикальные стволы. Пендергаст тщательно обследовал каждый из них, шаря фонариком по стенам и проверяя глубину бросанием камушков.

У одного из таких стволов он задержался дольше, чем у других. Камушек летел до дна целых две секунды; быстрый подсчет в уме показал, что глубина здесь достигает двадцати метров, то есть примерно шестидесяти футов. Пендергаст осмотрел стену ствола и увидел, что она достаточно неровная и крепкая, с выемками, пригодными для осуществления той идеи, которая возникла у него в голове.

Вернувшись немного назад по туннелю, он споткнулся и рухнул

на пол, выпустив из руки фонарик, который с грохотом упал и погас. Выругавшись, Пендергаст зажег спичку и попытался обойти провал, но спичка погасла и обожгла его пальцы, и он бросил ее, выругавшись еще раз. Встал и попытался зажечь еще одну спичку. Она загорелась, и он сделал несколько шагов, но слишком быстрых, и эта спичка тоже погасла ровно на краю провала. Пендергаст опустился на пол, скинул вниз лежащий на краю камень и издал громкий крик. Вонзив сильные пальцы в трещину ниже верхней кромки ствола, он перекинул в ствол свое тело и повис над темной бездной, невидимый из туннеля. Когда сброшенный им камень ударился о дно ствола далеко внизу, Пендергаст резко оборвал крик.

Тишина. Пошарив ногами, он нашел опору для пальцев и согнул ноги в коленях, получив таким образом необходимый рычаг. И стал ждать, цепляясь за камень и внимательно прислушиваясь.

Вскоре в туннеле послышались осторожные шаги Романа. Луч фонарика скользнул по верхнему краю ствола, звук шагов затих. Потом Пендергаст услышал, как Роман стал продвигаться к стволу. Мышцы специального агента напряглись – человек наверху был совсем рядом. Мгновение спустя появилось лицо Романа с налитыми кровью, безумными глазами; в одной руке он держал фонарь, в другой – пистолет.

Развернувшись, словно змея, Пендергаст распрямился, ухватил Романа за запястье, дернул его на себя и потащил в ствол. С криком смятения и удивления Роман уронил пистолет и фонарь на каменный пол, обеими руками пытаясь отбиться и не дать утащить себя в бездонную дыру. Он был очень силен и быстр, на удивление быстр, а потому сумел скорректировать движение, уперся подошвами в пол и ударил Пендергаста по руке, испустив звериный рев. Но Пендергаст в мгновение ока выпрыгнул из ствола, и Роман попятился назад. Пендергаст выхватил собственный пистолет, но в туннеле теперь стояла темнота, и Роман нырнул вбок, ожидая выстрела. Пуля срикошетила от пола, не причинив ему вреда. Однако вспышка выстрела позволила Пендергасту увидеть противника, и он выстрелил еще раз, но в свете вспышки не увидел никого: Роман исчез.

Пендергаст залез в карман пиджака и вытащил запасной светодиодный фонарик. Скорее всего, Роман нырнул в узкую низкую выработку, которая круто уходила вниз от основного туннеля. Упав на колени, Пендергаст вполз в выработку и двинулся следом. Он

слышал, как Роман с панической быстротой продирается по низкому проходу, тяжело дыша от страха. У него, видимо, тоже был запасной фонарь: Пендергаст заметил впереди в темени выработки дергающееся световое пятно.

Специальный агент неумолимо преследовал добычу. Но, как он ни старался, Роман оставался впереди. Молодой человек был на пике физической формы и имел преимущество в том, что знал эти туннели и их фантастическая сложность шла ему на руку. А Пендергаст всего лишь двигался вслепую на звук, на свет и – иногда – по следу.

Теперь Пендергаст оказался в системе больших туннелей, расщелин, вертикальных стволов, уходящих вверх и вниз. Он знал, что Роман потерял оружие и пребывает в панике. Пендергаст же сохранил оружие и способность мыслить рационально. Чтобы усилить страх Романа и не дать ему обрести спокойствие, Пендергаст время от времени делал выстрел в сторону убегающего, и пули свистели и щелкали, ударяясь о стены туннеля. Шансы на то, что он попадет в Романа, были невелики, но у него и не было таких намерений: оглушающий грохот выстрела и пугающий рикошет пуль оказывали нужный психологический эффект.

У Романа, видимо, имелся какой-то план, и поскольку воздух в туннеле становился все холоднее и свежее, стало ясно, что он направляется к выходу. В снежную бурю… где у него будет дополнительное преимущество над Пендергастом, который оставил свою одежду в туннеле. Тед Роман, видимо, был на грани безумия от страха, но сохранял способность стратегического мышления.

Несколько минут спустя подозрения Пендергаста подтвердились: он завернул за угол и увидел впереди ржавую стальную стену с дверью, раскачивающейся на ветру. Туннель здесь был полон звуков бушующей бури. Подбежав к двери, Пендергаст пошарил лучом фонарика в темноте. Все было черным-черно, на горы опустилась ночь. В свете фонаря едва виднелся вход в шахту, сломанные мостки и уходящий вниз под углом в пятьдесят градусов склон чаши. Луч не проникал далеко, но все же Пендергаст заметил в глубоком снегу следы Романа – он двигался куда-то в пургу. Дальше внизу сквозь мглу виднелось скопление мерцающих красных точек – пожарище, а неподалеку от него – огни ратрака.

Пендергаст выключил фонарик. И сразу увидел в стороне, ярдах в ста, слабый прыгающий пучок света от фонаря Романа. Безумец

двигался медленно, и Пендергаст поднял пистолет. Выстрел обещал быть исключительно трудным с учетом сильного ветра и дополнительных сложностей из-за высоты. Тем не менее Пендергаст тщательно прицелился в сторону прыгающего луча, взяв в расчет ветер и высоту. Очень медленно он нажал на спусковой крючок. Руку отбросило назад силой отдачи, звук выстрела разнесся по чаше и вернулся назад с нескольких направлений раскатистым эхом.

Промах.

Роман ускорил движение, устремляясь вниз по склону и уходя из-под прицела. Без зимней одежды Пендергаст не имел ни малейшего шанса догнать его.

Не обращая внимания на снег, обжигающий лицо, и злобный ветер, пробирающий до костей, Пендергаст прицелился еще раз, выстрелил и снова промахнулся. Вероятность попадания с каждой секундой приближалась к нулю. Он стал целиться в третий раз, и тут раздался приглушенный гром, а за ним низкий грохот.

Тяжелая снежная поверхность над Пендергастом и впереди него начала раскалываться на большие плиты, которые отделились от поверхности горы и поползли вниз – поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее, разрушаясь и образуя адское месиво. Это была лавина, спровоцированная его выстрелами и резкими движениями самого Романа. С нарастающим грохотом бурлящий снеговой фронт пролетел мимо входа в шахту. Воздух внезапно стал непроницаемым, наполнился взмученным неистовым снегом, и этот шквал, проносясь мимо Пендергаста, отбросил его назад.

Не прошло и тридцати секунд, как рев утих. Сход был небольшой. Склон перед Пендергастом освободился от глубокого снега, остаточные, слабые струйки которого все еще бежали вниз. Не осталось никаких звуков, кроме воя ветра.

Пендергаст посмотрел вниз, туда, где недавно мелькал фонарь Романа. Теперь там не было ничего, кроме глубокой массы перемешанного снега. Никаких признаков движения. Никакого зова на помощь.

Несколько мгновений Пендергаст просто смотрел в темноту. На короткий миг – пока безумная ярость, завладевшая им, пульсировала в венах – он мрачно подумал, что справедливость восторжествовала. Но его гнев быстро отступал. Эта лавина прочистила ему мозги. Он

помедлил, чтобы обдумать то, что подсознательно он уже понимал, пока вид обугленного тела Кори не вытеснил всякую логику из его головы: Тед Роман – такая же жертва, как и сама Кори. Истинное зло находится в другом месте.

Издав приглушенный крик, он выпрыгнул в снег и стал пробираться по склону, скользя и барахтаясь там, где сошедший снег образовал наносы. Ему потребовалось несколько минут, чтобы добраться до нужного места, и к этому времени его трясло от холода.

– Роман! – прокричал он. – Тед Роман!

Никакого ответа.

Пендергаст приложил ухо к снегу, прислушался. До него донесся еле слышный, приглушенный ужасающий звук, похожий на мычание коровы: «Му-у-у-у-у-у, му-у-у-у-у, му-у-у-у, му-у-у-у».

Его источник вроде бы находился на краю снежной каши. Переместившись туда, Пендергаст, не помня себя от холода, принялся раскапывать снег голыми руками. Но снег стал плотным под напором лавины, и руки для такой задачи не годились. Холод пронизывал Пендергаста до костей, он ослабел, руки онемели и стали совсем бесполезными.

Где же Роман? Он снова прислушался, приложив ухо к плотно спрессованному снегу и пытаясь согреть руки.

«Му-у-у… му-у-у…»

Звук быстро слабел. Человек задыхался.

Пендергаст снова начал копать, потом остановился и прислушался. Ничего. Краем глаза он увидел, как вверх по склону поднимается свет, но все равно продолжал копать. Еще несколько секунд – и пара сильных рук обхватила его за плечи и мягко отодвинула в сторону. Это был Клостер, водитель ратрака, в руках у него были лопата и длинный стержень.

– Эй, послушайте, – сказал он. – Перестаньте. Вы так себя убьете.

– Там человек, – выдохнул Пендергаст. – Его погребла лавина.

– Я видел. Идите в ратрак, а то замерзнете. Вы тут ничего не сделаете. Я сам разберусь.

Клостер принялся прощупывать снежную массу стержнем, действуя быстро и умело. Ему приходилось делать это и прежде. Пендергаст остался стоять рядом, наблюдая и дрожа от холода. Еще несколько секунд – и Клостер стал прощупывать осторожнее в той части, где снег был спрессован сильнее. А потом взялся за лопату. Он работал энергично и эффективно, и через несколько минут появилась часть тела Романа. Еще несколько минут очень быстрой работы – и показалось лицо.

Пендергаст подошел, когда луч фонарика Клостера осветил тело. Вокруг головы снег был пропитан кровью, череп частично вдавлен, рот открыт словно в крике, но полностью забит снегом, безумные глаза широко раскрыты.

– Он мертв, – сказал Клостер. Он подхватил Пендергаста за плечо. – Слушайте, вы должны сесть в кабину, чтобы согреться. Иначе вы отправитесь вслед за ним.

Пендергаст молча кивнул и позволил Клостеру помочь ему пробраться через глубокий снег в теплую кабину машины.

Глава 64

В полумиле от этого места, на нижнем восточном склоне чаши, открылась металлическая дверь на входе в туннель шахты. Мгновение спустя из нее появилась неуверенно двигающаяся фигура, она подволакивала одну ногу, опиралась на палку и сильно кашляла. Фигура помедлила у входа в шахту, прижалась к крепи и согнулась пополам в новом приступе кашля. Затем соскользнула на землю, не в силах стоять на ногах, и села на снег, прижимаясь спиной к крепи.

Как он и предполагал, это была она. Он знал, что она рано или поздно появится – и какую идеальную цель она теперь собой представляла! Она не двигалась, и у него была целая вечность, чтобы подготовиться к выстрелу.

Снайпер, сидевший на корточках в дверях старого горняцкого сарая, скинул с плеча свой «Винчестер-94», отвел затвор, чтобы вставить патрон в патронник, потом прижал приклад к плечу и взглянул в окуляр оптического прицела. Хотя было уже темно, света в небе хватало, чтобы навести перекрестье прицела на ее темную, ссутулившуюся фигуру. Девчонка находилась в жутковатом состоянии: волосы опалены, лицо и одежда почернели от дыма. Он был уверен, что по меньшей мере один из его предыдущих выстрелов достиг цели. И, преследуя ее по туннелям, видел следы крови. Он не знал, куда попала пуля, но пуля «дум-дум» калибра 0.30–30 не игрушка, куда бы она ни попала.

Снайпер не знал, что привело ее сюда, зачем в горы примчался ратрак и почему сгорело здание парового насоса. Ему и не нужно было это знать. Его не интересовало, в какое там дерьмо вляпалась его мишень. Монтебелло дал ему это задание и хорошо заплатил. Даже очень хорошо. Он получил простые инструкции: напугать девчонку по имени Кори Свенсон так, чтобы она убралась из города. Если не уберется – убить. Больше архитектор ничего ему не сказал, да он и не хотел ничего знать.

Выстрел в лобовое стекло машины не помог. Обезглавливание собачонки тоже не сработало; впрочем, он вспоминал это дело не без тщеславия. Как здорово он придумал – засунуть записку в пасть мертвого пса! Но к его разочарованию и удивлению, это тоже не заставило ее уехать. Эта сучка оказалась слишком упорной. И куда

теперь девалось ее упорство? Сидит, прислонившись к крепи, еле живая.

Момент настал. Он преследовал ее почти непрерывно вот уже тридцать шесть часов, выжидал удобного случая. Будучи опытным охотником, он знал цену терпению. Ни в городе, ни в отеле у него не было подходящей возможности для выстрела. Но когда она отправилась в «Высоты», угнала снегоход и поперлась в горы – бог знает по каким уж там своим безумным делам, – он понял, что добыча сама идет ему в руки. Он взял другой снегоход и поехал за ней. Да, она оказалась бесконечно изобретательной – эта подстава с гремучими змеями серьезно помешала ему. Но он нашел другой выход из шахты и, когда увидел, что ее снегоход остается на прежнем месте, решил не уходить далеко. Нашел место чуть ниже на горе, в темноте горняцкого сарая, откуда открывался превосходный вид на большинство старых штолен и входов в туннели на склоне чаши. Если она все еще в горе, рассуждал он, то должна будет появиться откуда-нибудь. А может даже, из шахты «Рождество», у входа в которую оставила свой снегоход. И в любом случае она должна будет проехать мимо него, спускаясь с горы.

И вот она появилась. Место удобное, вдали от той суеты, что происходила вокруг сгоревшего здания Ирландского парового насоса, и от припаркованного внизу ратрака. Кто-то стрелял, и, похоже, именно это спровоцировало сход лавины. Из своего укрытия он через оптический прицел видел, как там бешено раскапывали снег, как нашли тело. Там случилась какая-то заваруха. Наверно, это связано с наркотиками, решил он. Но к нему это не имело отношения, и чем скорее он прикончит объект и уберется отсюда, тем лучше для его задницы.

Он задержал дыхание, положил палец на спусковой крючок и прицелился в обессилевшую девчонку. Перекрестье прицела замерло на месте, палец изготовился. Все, время пришло. Он прикончит ее, сядет на снегоход, спрятанный за сараем, и поедет забирать остаток обещанного. Один выстрел, один труп…

Неожиданно кто-то сзади резко выбил винтовку из его рук, и пуля ушла в снег.

– Какого…

Снайпер схватил винтовку, попытался подняться, но что-то

холодное и жесткое прижалось к его виску. Ствол пистолета.

– Шевельни пальцем, сволочь, и твои мозги останутся в снегу.

Женский голос, властный и не терпящий возражений.

Он увидел руку, которая ухватила винтовку за ствол.

– Отпусти.

Он отпустил винтовку, и женщина зашвырнула ее в глубокий снег.

– Все оружие, какое есть, на снег. Быстро!

Он помедлил. У него были нож и пистолет, и если он вынудит ее обыскать его, то появится шанс…

Удар по голове сбоку был так силен, что снайпер упал. Несколько секунд он пролежал на дощатом полу сарая, перед глазами все плыло, и он никак не мог понять, какого черта лежит здесь и что за женщина стоит над ним. Потом она склонилась над ним, грубо его обыскала, вытащила нож и пистолет и тоже забросила их подальше в снег. И тут память стала возвращаться к нему.

– Ты… ты что еще за сука? – спросил он.

Ответ он получил вместе с ударом рукоятью пистолета по лицу – из порванной от удара губы потекла кровь, а во рту он почувствовал крошево выбитых зубов.

– Меня зовут, – твердым голосом сказала она, – капитан Стейси Боудри, ВВС США, и я – худшее, что случилось с тобой за всю твою говенную жизнь.

Глава 65

Кори Свенсон увидела, как из снежной круговерти появилась высокая красивая фигура Стейси Боудри, ведущей человека со связанными руками и низко опущенной косматой головой. Смутная мысль посетила ее: наверно, она видит все это во сне. Конечно, это сон. Откуда тут взяться Стейси?

Стейси остановилась перед ней, и Кори сумела произнести:

– Ты мне снишься.

Стейси в ужасе посмотрела на нее:

– Господи, что с тобой случилось?

Кори попыталась вспомнить, что с ней случилось, но ей никак не удавалось сосредоточиться. Чем больше она напрягала мозги, тем нереальнее казалось все произошедшее.

– Ты настоящая?

– Можешь не сомневаться! – Стейси наклонилась над ней, внимательно осмотрела сочувственным взглядом. – Почему у тебя наручники на запястье? Господи, и волосы обгорели. Ты что, была на этом пожаре?

Кори с трудом подыскала слова:

– Какой-то человек… пытался меня убить в этих туннелях… но гремучие змеи…

– Да. Вот он.

Стейси швырнула снайпера лицом в снег перед Кори и поставила ногу в ботинке ему на шею. Кори увидела пистолет в руке Стейси. Она попыталась разглядеть человека на снегу, но у нее все плыло перед глазами.

– Его наняли, чтобы убить тебя, – объяснила Стейси. – Я поймала его, когда он уже собирался выстрелить. Он не назвался, поэтому я называю его Мешок Говна.

– Как? Но как?… – В голове у Кори все смешалось.

– Слушай, нам нужно доставить тебя в больницу, а Мешок Говна

– в полицию. Тут внизу в полумиле отсюда – ратрак около сгоревшего здания парового насоса.

«Здание парового насоса».

– Сжечь… Он пытался сжечь меня живьем.

– Кто? Вот этот Мешок Говна?

– Нет… Тед. У меня были отмычки… я открыла наручник… в последний момент…

– Что-то ты такое несешь, – сказала Стейси. – Дай-ка я помогу тебе подняться. Ты можешь идти?

– Лодыжка сломана. Пальца на руке нет…

– Черт. Давай я тебя осмотрю.

Кори почувствовала, как Стейси ощупывает ее, мягко касается щиколотки, задает вопросы, трогает поврежденные места. Она почувствовала радость утешения. Через несколько минут она увидела перед собой лицо Стейси, очень близко.

– Значит, так: у тебя несколько ожогов второй степени. Ты права, лодыжка у тебя сломана, и мизинца нет. Все это не очень хорошо, но, к счастью, больше никаких повреждений. Слава богу, на тебе была зимняя одежда, иначе бы ты обгорела куда сильнее.

Кори кивнула. Она не понимала, что говорит Стейси. Но Стейси ли это или просто сон?

– Ты исчезла…

– Извини. Когда я поостыла, то поняла, что эти говнюки наняли какого-то головореза, чтобы выгнать тебя из города. И поэтому я некоторое время ходила за тобой и очень скоро засекла этого сукина сына – он выслеживал тебя, как собака вынюхивает дерьмо. Стала следить за ним. В конечном счете угнала снегоход из ангара, как вы двое передо мной. И приехала сюда по следам как раз вовремя, чтобы увидеть, как этот тип исчез в дверях шахты. Я потеряла тебя в туннелях, но поняла, что и он тебя потерял, и успела вернуться вовремя.

Кори кивнула. Она перестала что-либо понимать. Люди пытались ее убить – это она знала. Но Стейси спасла ее. А больше ей ничего и не нужно было знать. Голова у Кори кружилась, она даже

поднять ее не могла. Перед глазами собрались темные тучи.

– Значит, так, – продолжила Стейси, – ты остаешься здесь. Я отведу Мешок Говна к ратраку, а потом мы вернемся за тобой. – Кори почувствовала, как Стейси одобряюще пожала ей плечо. – Ты, девочка, продержись здесь еще минутку. Тебе здорово досталось, но ты поправишься. Ты уж мне поверь – я знаю. Я видела… – Она помолчала и отвернулась. – Видела что и похуже.

– Нет, – сказала Кори, потянувшись к Стейси. – Не уходи.

– Надо. – Та мягко отвела руку Кори. – Я не могу одновременно держать под контролем Мешок Говна и помогать тебе. И тебе лучше не ходить. Дай мне десять минут, максимум.

Это заняло меньше чем десять минут. Кори услышала рев дизеля, потом увидела пучок света движущихся фар, прорезающих мрак. Машина быстро приближалась в вихре снега. Из кабины появилась бледная фигура – Пендергаст? – и вдруг она оказалась в его руках, он поднял ее, словно она снова стала ребенком, а она прижалась головой к его груди. Она почувствовала, как его плечи начали конвульсивно вздрагивать, слабо, размеренно, как если бы он плакал. Но это было, конечно, невозможно, потому что Пендергаст и слезы несовместимы.

Эпилог

Лучи яркого зимнего солнца проникали через окно и полосами лежали на кровати Кори в больнице Роринг-Форка. Ей выделили лучшую палату – угловую одноместную на одном из верхних этажей. Из большого окна был виден почти весь город, укрытый волшебным белым одеялом. Этот вид открылся Кори, когда она пришла в себя после операции на руке, и здорово поднял ей настроение. Это было три дня назад, а еще через два ее собирались выписать. Перелом ноги оказался несерьезным, но мизинец она потеряла. От некоторых ожогов у нее, возможно, останутся шрамы, но незначительные и только, как ей сказали, на подбородке.

Пендергаст сидел на стуле с одной стороны кровати, Стейси – с другой. В ногах кровати лежали подарки. В палату зашел шеф полиции Моррис с визитом вежливости (он навещал Кори каждый день после операции) и, справившись о здоровье пациентки и щедро поблагодарив Пендергаста за помощь в расследовании, добавил подарок от себя – компакт-диск лучших песен Джона Денвера.

– Ну, – сказала Стейси, – будем их открывать или как?

– Пусть начнет Кори, – предложил Пендергаст, передавая ей тонкий конверт. – В ознаменование завершения ее исследования.

Кори удивленно вскрыла конверт, вытащила компьютерную распечатку – заумные колонки цифр, графики, таблицы. Она развернула лист. Это были данные анализов, проведенных лабораторией ФБР в Квантико, выявившие ртутное заражение в двенадцати образцах человеческих останков – останков сумасшедших шахтеров, найденных Кори в туннеле.

– Боже мой, – воскликнула Кори, – показатели просто зашкаливают!

– Последняя деталь, которая была нужна для вашей работы. Не сомневаюсь, вы будете первой студенткой младшего курса в «Джоне Джее», получившей премию Розвелла.

– Спасибо, – сказала Кори и после заминки добавила: – Э-э, я должна извиниться перед вами. Еще раз. По крупному извиниться. Я столько напортачила, как последняя идиотка. Вы так мне помогали, а

я никогда по-настоящему не ценила вашу помощь. Я неблагодарная… – она чуть было не произнесла неприличное слово, но поправилась на ходу, – девчонка. Я должна была слушать вас и ни за что не лезть в горы. Какая глупость!

Пендергаст наклонил голову:

– Мы можем поговорить об этом как-нибудь в другой раз.

Кори повернулась к Стейси:

– Я и перед тобой должна извиниться. Мне так стыдно, что я подозревала тебя и Теда. Ты спасла мне жизнь. У меня нет слов, чтобы сказать, как я тебе благодарна…

От чувств у нее перехватило горло.

Стейси улыбнулась, пожала ей руку:

– Ну-ну, не кори себя так уж сильно. Ты настоящий друг. А Тед… Господи, не могу поверить, что он и есть поджигатель. У меня от этого кошмары.

– Откровенно говоря, Роман не мог отвечать за свои поступки. У него в мозгу была ртуть, которая отравляла его нейроны, когда он был еще плодом в чреве матери. Он был преступником не больше, чем те рабочие, которые сошли с ума и стали каннибалами, потому что работали в плавильне. Они все жертвы. Истинные преступники – другие люди. Семейство, чьи неблаговидные деяния начались полтора века назад. И теперь, когда делом занялось ФБР, эта семейка понесет наказание. Возможно, не такое жестокое, как миссис Кермоуд, но заплатить им так или иначе придется.

Кори пробрала дрожь. Пока Пендергаст не сказал ей, она понятия не имела, что, когда она была пристегнута к паровому насосу, миссис Кермоуд тоже находилась в здании, только Кори не могла ее видеть: Тед пристегнул Кермоуд наручником с другой стороны машины, и она, вероятно, была без сознания, потому что Тед избил ее. «Господи боже, уж я позабочусь об этой суке», – сказал он…

– Я так спешила спастись из огня, что и не заметила ее, – сказала Кори. – Думаю, никто не заслуживает, чтобы его сжигали живьем.

Судя по выражению на лице Пендергаста, он, вероятно, не был готов с ней согласиться.

– Но Тед никак не мог знать, что Кермоуд и Стаффорды виновны в его безумии, верно? – спросила Кори.

Пендергаст отрицательно покачал головой:

– Нет, не мог. Ее смерть от его руки была некой поэтической справедливостью, и только.

– Надеюсь, что остальные из этой шайки будут гнить в тюрьме, – сказала Стейси.

Помолчав, Кори спросила:

– И вы правда подумали, что сгоревшее тело – это я?

– У меня и мысли другой не возникло, – ответил Пендергаст. – Будь я в состоянии думать яснее, я бы понял, что Кермоуд – следующая потенциальная жертва Теда. Она символизировала собой все, что презирал Тед. Все это аутодафе в горах было устроено персонально для нее, а не для вас, Кори. Вы оказались бесплатным, так сказать, приложением. Но у меня есть к вам вопрос: как вы отстегнули наручник?

– Ну, наручники были довольно дерьмовые. Когда я вскрывала замок на двери в шахту, то засунула свои отмычки между двумя перчатками, надетыми для тепла. Потому что – и вы об этом знаете лучше, чем кто-либо другой, – всегда нужно пользоваться несколькими инструментами одновременно.

Пендергаст кивнул:

– Впечатляет.

– Но я даже не сразу вспомнила, что у меня есть отмычки, – я была в панике. Тед… я никогда в жизни не видела ничего подобного. Как он переходил от одного настроения к другому – от неистовства к холодному расчету. Боже, это было пострашнее пожара!

– Типичное состояние при ртутном отравлении. И возможно, это объясняет, почему были погнуты трубы на втором пожаре…

Стейси поспешила его перебить:

– Давайте посмотрим остальные подарки и не будем больше говорить об этом.

– Жаль, что у меня нет ничего ни для кого из вас, – вздохнула Кори.

– У вас были другие дела, – сказал Пендергаст. – И уж пока мы не оставили эту тему… с учетом еще и того, что случилось с вами в пещере Крауса в Медсин-Крике, я бы посоветовал вам избегать подземных лабиринтов, особенно если в них обитают маньяки. – Он помолчал. – И кстати, я очень расстроен из-за вашего пальца.

– Ну, я думаю, что привыкну. В этом даже есть какой-то шик – как повязка на глазу у пирата.

Пендергаст взял маленький пакет, рассмотрел его. Никакой открытки при нем не было, только на обертке написано его имя.

– Это от вас, капитан?

– Точно так.

Пендергаст снял обертку, под ней обнаружилась бархатная коробочка. Он открыл ее – внутри лежала медаль «Пурпурное сердце».

Пендергаст долго смотрел на нее и наконец сказал:

– Как я могу принять это?

– Ну, у меня есть три других. И потом, я хочу подарить ее вам. Вы заслужили медаль – вы спасли мою жизнь.

– Капитан Боудри…

– Я серьезно. Я была потеряна, запуталась, напивалась каждый вечер, чтобы забыться… и тут откуда ни возьмись появились вы. Вызвали меня сюда, рассказали о моем предке, придали смысл моей жизни. И самое главное, отнеслись ко мне с уважением.

Пендергаст помолчал немного и сказал:

– Для меня это очень дорогой подарок.

– Счастливого Рождества. С трехдневным опозданием.

– А теперь вы должны открыть ваш подарок.

Стейси взяла маленький конверт, открыла его и извлекла что-то похожее на официальный документ. Она прочла его и нахмурилась:

– Боже мой!

– На самом деле пока ничего серьезного, – сказал Пендергаст. – Просто приглашение на собеседование. Все остальное зависит от вас. Но с моими рекомендациями и вашим послужным списком, я уверен,

вас примут. ФБР нужны такие агенты, как вы, капитан. Я редко встречал кандидата лучше. Вот разве что Кори со временем сможет посоперничать с вами. Ей пока не хватает некоторой зрелости суждений.

– Спасибо.

Несколько секунд казалось, что Боудри вот-вот стиснет Пендергаста в объятиях, но, видимо, она решила, что этот жест может быть сочтен нежелательным. Кори тихонько улыбнулась. Похоже, он чувствует себя не в своей тарелке от всей этой церемонии с сопутствующими проявлениями симпатии и эмоций.

Были еще два подарка для Кори. Она открыла первый и под оберткой обнаружила зачитанный учебник «Методика осмотра места преступления и расследования, третье издание».

– Я знаю эту книгу, – сказала она. – Но у меня уже есть экземпляр – гораздо более позднее издание, каким мы пользуемся в «Джоне Джее».

– Я это знаю, – ответил Пендергаст.

Внезапно Кори осенило, и она открыла книгу. Текст внутри был снабжен пространным комментарием на полях: замечания, толкования, вопросы, дополнительные соображения к обсуждаемым проблемам. Почерк четкий, она сразу же узнала его.

– Это… это был ваш экземпляр?

Пендергаст кивнул.

– Боже мой. – Кори прикоснулась к обложке, почтительно гладя ее. – Это же настоящее сокровище. Может быть, читая это, я когда-нибудь научусь думать, как вы.

– Я хотел сделать вам какой-нибудь другой, несерьезный подарок, но мне показалось, что этот будет более полезным с учетом вашего явного интереса к карьере в правоохранительных органах. Возможно, самым полезным.

Остался последний подарок. Кори взяла его, осторожно сняла дорогую обертку.

– Это от Констанции, – сказал Пендергаст. – Она только что вернулась из Индии и просила передать вам.

Внутри обнаружились старинная ватермановская авторучка[48] с золотыми накладками и маленькая записная книжка в кожаном переплете, с неровно обрезанными по краям страницами кремового цвета. Это была великолепная ручная работа. Из книги выпала маленькая записка. Кори подняла ее и прочитала.

Дорогая мисс Свенсон,

с интересом прочла некоторые из ваших онлайновых «блогов» (какое ужасное слово). Я подумала, что, возможно, более регулярное и приватное выражение ваших наблюдений покажется вам полезным занятием. Я сама много лет веду дневник. Это занятие всегда было для меня источником интереса, утешения и личных прозрений. Надеюсь, что эта маленькая книжка позволит и вам открыть для себя такие же преимущества.

Констанция Грин.

Кори посмотрела на подарки, лежащие вокруг нее. Потом на Стейси, сидящую на краю кровати, на Пендергаста, который удобно устроился на стуле, закинув ногу на ногу. И неожиданно для себя разрыдалась.

– Кори! – воскликнула Стейси, вскочив на ноги. – Что случилось? Тебе больно?

– Нет, – сквозь слезы сказала Кори. – Мне не больно. Просто я счастлива… так счастлива. У меня никогда не было такого счастливого Рождества.

– С трехдневным опозданием, – пробормотал Пендергаст, и мышцы лица у него дернулись (это означало улыбку).

– И на свете нет никого, кого я предпочла бы вам в этот день.

Кори яростно отерла слезы и, смущенная, отвернулась к окну – там утреннее солнце золотило Роринг-Форк, низкие склоны гор и – еще дальше – Чашу Контрабандиста и маленькое темное пятно на снегу, где в огне чуть не закончилась ее жизнь.

Она постучала пальцем по книжке и сказала:

– Я уже знаю, какой будет первая запись.

Благодарности

За помощь и поддержку выражаем благодарность Митчу Хоффману, Эрику Симоноффу, Джейми Рааб, Линдси Роуз, Клодии Рульке, Надин Уаддел, Джону Лелленбергу, Солу Коэну и «Конан Дойл эстейт».

Мы приветствуем великолепные работы «Нерегулярных с Бейкер-стрит».

И мы заранее приносим извинения за любые вольности, допущенные нами в отношении Килдерского леса, «Антологии Куина», Хэмпстед-Хита и всех других мест, упомянутых в «Белом огне».

---

notes

Примечания

1

Литературная аллюзия. В начале главы IV «Портрета Дориана Грея» О. Уайльда находим точно такое же описание интерьера: «…Дориан Грей, расположившись в удобном кресле, сидел в небольшой библиотеке лорда Генри, в его доме на Мэйфер. Это была красивая комната, с высокими дубовыми оливково-зелеными панелями, желтоватым фризом и лепным потолком» (перевод М. Абкиной).

2

«Липпинкотс мантли мэгэзин» – литературный журнал, издававшийся в Филадельфии с 1868 по 1915 год, позднее переехал в Нью-Йорк и слился со «Скрибнерс мэгэзин».

3

Остроты *(фр.)*.

4

Суп из лобстера *(фр.)*.

5

Колледж полного курса – в США учебное заведение, основанное на образовательных идеях конца XIX – начала XX века. Такие колледжи отличаются от обычных колледжей и университетов тем, что поступающий должен уже получить двухгодичное образование в другом учебном заведении.

6

«Нерегулярные с Бейкер-стрит» – так называют себя несколько групп поклонников Шерлока Холмса. Название пришло из рассказов Конан Дойла: Холмс называет мальчишек, которые выполняют его поручения, «нерегулярными полицейскими с Бейкер-стрит».

7

Анон (в русской традиции Ганон) *Шарль Луи* – французский музыкальный педагог, создатель сборника знаменитых упражнений «Пианист-виртуоз».

8

Американский континентальный водораздел – условная линия, к западу от которой в Америке находится бассейн Тихого океана, а к востоку – бассейны Атлантического и Северного Ледовитого океанов.

9

Томпсон Хантер Стоктон (1937–2005) – американский писатель и журналист; в юности был арестован и 60 дней провел в тюрьме за мелкое правонарушение. *Банди Тед* (1946–1989) – серийный убийца, совершивший более 30 убийств.

10

Модель автомобиля фирмы «Форд», широко использующаяся как полицейская машина.

11

Известная американская полиграфическая фирма XIX века.

12

Генри Джон Дейчендорф, сценическое имя Джон Денвер (1943–1997) – американский автор и исполнитель песен. Погиб в авиакатастрофе.

13

«Обитатели холмов» – роман-сказка английского писателя Ричарда Адамса о приключениях кроликов.

14

На базе морской пехоты в Квонтико расположена Академия ФБР, где готовят специальных агентов.

15

Ностальгическое название десятилетия, начавшегося в 1890 г., на которое пришелся расцвет декаданса, процесс над Оскаром Уайльдом и зарождение суфражистского движения.

16

«Матеуш» – дешевое португальское вино.

17

Хаус-ситтинг – присмотр за домом в отсутствие хозяев с целью его охраны и поддержания порядка.

18

Адамс Ансель (1902–1984) – американский фотограф и борец за сохранение окружающей среды.

19

Редкая птица *(лат.)*.

20

Одинокий рейнджер – герой вестернов, техасский рейнджер, непримиримый борец с беззаконием.

21

«Повелитель бури» – кинофильм, рассказывающий о буднях американских саперов в Ираке.

22

Эллери Куин – имя вымышленного сыщика и псевдоним, которым пользовались два американских писателя-соавтора Даниэль Натан и Эмануэль Леповски. Впервые сыщик по имени Эллери Куин появился в романе «Тайна исчезнувшей шляпы», опубликованном в 1929 году.

23

Имеется в виду знаменитый фильм «Челюсти» и остров Эмити, где развертывается действие фильма.

24

Миллон Теодор (1928–2014) – американский психолог, исследователь личностных характеристик и психических расстройств.

25

Лотарио – в романе «Дон-Кихот» Сервантеса персонаж одной из вставных новелл, соблазнитель женщин.

26

Название французского коктейля.

27

Образ действий *(лат.)*.

28

Продукция компании «Винчестер аммьюнишн», корпус этой пули при контакте с тканью выпускает острые лепестки.

29

Начальные строки рассказа Конан Дойла «Скандал в Богемии».

30

Желтые ленточки носят в разных символических целях, в том числе в поддержку воюющих солдат и т. п.

31

Имеются в виду персонажи романа «Женщина в белом» Уилки Коллинза. Герой романа Уолтер Хартрайт нередко использует методы, которые позднее возьмут на вооружение сыщики.

32

Игра слов, основанная на том, что слово «хит» (английское heath) имеет значение «пустошь».

33

Крафтсман – стиль архитектуры, садового и прикладного искусства, модный в Америке с конца XIX века до 1930-х годов.

34

Дион ДиМуччи (р. 1939) – вокалист «Dion and the Belmonts», ведущей американской вокальной группы в конце 1950-х годов.

35

Фрэнки Валли (р. 1934) – вокалист, один из первых членов группы «Four Seasons».

36

Феи из Коттингли – так называли двух девочек-подростков, чей отец, фотограф-любитель, сделал в начале XX века серию фотографий, на которых девочки якобы играют с «маленьким народцем». Фотографии, произведшие фурор, были мистификацией, но Артур Конан Дойл верил в их подлинность.

37

Слава богу *(лат.)*.

38

Босуэлл Джеймс (1740–1795) – юрист и писатель, более всего известен как автор биографии Сэмюэля Джонсона, знаменитого английского литературного критика, лексикографа и поэта.

39

Тсаво – название района в Кении, где в конце XIX века объявились львы-людоеды, ставшие причиной гибели нескольких строительных рабочих.

40

Белка обыкновенная *(лат.)*.

41

То есть револьвер марки «Уэбли».

42

Здесь: непоследовательность *(лат.)*.

43

Вполголоса *(ит.)*.

44

Здесь: мастерство *(фр.)*.

45

Сократический метод (назван по имени греческого философа Сократа) – способ обучения, заключающийся в том, что преподаватель искусно поставленными последовательными вопросами наводит учащегося на те выводы, которые можно сделать из ранее усвоенных положений.

46

Гюисманс Жорис Карл (1848–1907) – французский романист, наиболее известный романом «Наоборот», который является по сути описанием вкусов и внутренней жизни главного героя. Этот роман Гюисманса считается манифестом европейского декаданса конца XIX века.

47

По названию округа Уошо в штате Невада.

48

«Ватерман» – название фирмы, выпускающей элитные авторучки.